

ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

Загадочная Отечественная война

Загадочная Отечественная война

Редактор-составитель *Г. Пернавский*

Москва
«Яуза»
«ЭКСМО»
2008

Оформление серии художника *А. Зарубина*

3-14 **Загадочная** Отечественная война / Ред.-сост. Г. Пернавский. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. — 384 с. — (Военно-исторический сборник. ВИС).

ISBN 978-5-699-29809-9

Хотя о Великой Отечественной опубликованы целые библиотеки, эта величайшая трагедия XX века до сих пор остается во многом неизвестной, загадочной войной. До сих пор в ее истории хватает «белых пятен» и спорных моментов.

В новой книге проекта «Легенды и мифы Второй мировой» собраны статьи по самым острым, самым дискуссионным темам:

Готовился ли Советский Союз нанести превентивный удар по Германии?

В чем причины паники, поразившей Красную Армию в первые дни войны?

Следует ли считать Финляндию «жертвой агрессии»?

Зачем Вермахту нужны были собственные «коричневые» комиссары?

А также:

Тайная история ордена Победы;

Антисоветский миф об «изнасилованной Германии».

В данной книге вы найдете ответы на все эти вопросы.

ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-699-29809-9

© П. Сутулин, 2008

© В. Куваев, 2008

© А. Музафаров, 2008

© А. Дюков, 2008

© А. Резяпкин, 2008

© Д. Лысков, 2008

© М. Токарев, 2008

© А. Юсуповский, 2008

© ООО «Издательство «Яуза», 2008

© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

Павел Сутулин

1941. ФИНЛЯНДИЯ: ЖЕРТВА ИЛИ АГРЕССОР?

*«Даже абсолютный болван не может больше отрицать того, что небольшая финская руководящая группа заключила с нацистской Германией секретное соглашение об участии Финляндии в агрессивной войне Гитлера летом 1941 года»*¹ — такой итог исследованиям, посвященным подробностям вступления Финляндии во Вторую мировую войну, еще в 70-х годах прошлого века подвел финский президент У.К. Кекконен. С тех пор прошло уже более 30 лет, появились новые работы как финских, так и российских историков, освещающие мельчайшие аспекты событий 1940—1941 годов, в результате которых Финляндия оказалась в состоянии войны с СССР, и доказывающие, что Кекконен был прав в своем утверждении об агрессивном характере вступления Финляндии в войну. Но, несмотря на это, в работах российских историков и публицистов по-прежнему довольно распространено заблуждение, согласно которому вступление Финляндии в войну с СССР было вынужденным шагом, спровоцированным советскими бомбардировками ее территории 25 июня 1941 года. В этой статье автору хотелось бы кратко изложить ключевые моменты финско-германского сближения и продемонстрировать, что решение о вступлении в войну вместе с немецкими войсками было принято в Финляндии задолго до советских бомбардировок и что действия финских вооруженных сил 21—24 июня можно трактовать именно как начало войны против СССР.

После окончания Зимней войны Финляндия встала перед выбором новой внешней политики. Необходимо отметить, что первые дипломатические шаги послевоенная Финляндия делала все же в сторону скандинавского оборонительного союза. Еще 11 марта, за день до подписания Московского мирного договора, правительство Финляндии отправило в Швецию и Норвегию предложения о заключении союза, причем министр иностранных дел Швеции К. Гюнтер в беседе с финским посланником 14 марта дал понять, что шведское правительство готово обсудить этот вопрос². Однако СССР продемонстрировал резко негативную реакцию по отношению к созданию такого альянса: 20 марта 1940 года ТАСС заявило, что «подобный союз был бы направлен против СССР и находился бы в прямом противоречии с Мирным договором, заключенным СССР и Финляндией 12 марта с.г.»³. Интересно, что нападки на СССР начинаются уже с этого момента: мол, если бы Советский Союз не высказался против шведско-финского союза, финны действительно вместе со шведами могли бы остаться в стороне от войны. Однако тут необходимо обратить внимание на два немаловажных момента. Во-первых, для того, чтобы оставаться нейтральным государством, этого нужно желать. Однако как только немцы дали понять финнам, что в ближайшее время планируют нападение на СССР, Финляндия сама стала проявлять инициативу по сближению с Германией именно в военном отношении. В общем-то, это являлось закономерным следствием тех настроений, которые царили в финском обществе в 30-х годах и которые очень хорошо охарактеризовал латвийский посланник в Финляндии в те годы: «В головах финских активистов... глубоко укоренился карельский вопрос. Эти круги с нетерпением ждут конфликта России с какой-либо великой державой, раньше с Польшей, а теперь с Германией или Японией, чтобы реализовать свою программу (по присоединению Карелии к Финляндии. — Прим. П.С.)»⁴.

Само собой, в 1940—1941 годах эти настроения никуда не исчезли, наоборот, стали еще сильнее, смешавшись с желанием финнов вернуть утраченные в Зимней войне территории. Во-вторых, не стоит забывать, что влияние на Скандинавию и Финляндию оказывал отнюдь не только СССР — интересы Германии там тоже значили очень много. И Германия никогда не позволила бы Швеции и Финляндии заключить оборонительный союз, поскольку Рейху, заинтересованному в вовлечении в войну обоих этих государств, подобный союз только мешал. В этом отношении очень характерна реакция Гитлера на очередную волну разговоров о союзе со шведами в Финляндии в конце 1940 года: 19 декабря финнам было передано заявление фюрера, в котором говорилось, что *«если Финляндия заключит персональную унию со Швецией, то с этого момента Германия полностью прекратит проявление к Финляндии интереса»*⁵. Такой роскоши, как разрыв отношений с Германией, финны позволить себе, конечно, не могли, да и, разумеется, не хотели. Кроме того, перспективы создания северного союза вызвали негативную реакцию и в Англии⁶. Таким образом, мы видим, что идея скандинавского союза априори была обречена на провал, вне зависимости от позиции СССР. Да и сам факт существования такого союза вовсе не исключал возможности вступления Финляндии в войну.

После того как перспективы создания северного союза стали совсем не радужными, финны стали искать для себя нового союзника. И практически сразу нашли его в лице Германии. Первые шаги в области немецко-финского сближения были сделаны в сфере экономики. 5 мая 1940 года на переговоры в Хельсинки прибыла германская делегация, которая провела переговоры с премьер-министром Финляндии Ристо Рюти. На переговорах было достигнуто соглашение о возобновлении

прекратившихся во время Зимней войны поставок в Германию стратегически важного для последней сырья, в том числе меди и никеля. Показательно, что уже во время этой встречи финская сторона поднимала вопрос о поставках в Финляндию из Германии вооружения, однако немцы пока отклонили эту просьбу финнов⁷. Вскоре немецко-финское экономическое сотрудничество перешло в новую стадию: 29 июня был подписан договор, по которому доля Германии во внешней торговле Финляндии составила 40%. Тогда же финны пообещали немцам прекратить любые торговые отношения со странами, находящимися в состоянии войны с Германией⁸. Таким образом, финны окончательно перекрыли себе возможность торговли с Великобританией. Вскоре интенсификацией финско-германских торговых отношений обеспокоились и в Вашингтоне. Американский посланник в Хельсинки в этой связи имел беседу с Рюти, в ходе которой премьер-министр заявил, что теперь «финские власти предпочитают немецкие товары американским». На это эмиссар Соединенных Штатов ответил, что «такая дискриминация может создать неблагоприятное впечатление в США»⁹. Однако перспектива осложнений отношений с США, вероятно, волновала финнов меньше, чем перспективы сотрудничества с немцами. Таким образом, Финляндия уже в середине 1940 года совершенно добровольно поставила себя в экономическую зависимость от Германии. В этом свете очень странными выглядят заявления некоторых историков о том, что Финляндия была *вынуждена* пойти на союз с Германией из-за зависимости своей экономики от торговли с немцами. Как мы видим, финны создали такую ситуацию исключительно своими силами. Интересен и еще один момент: в конце апреля шведы предприняли попытку договориться с Финляндией относительно совместной обороны Аландских островов на случай агрессии. В тот момент в Швеции очень опасались немецкого вторжения, а Аланды имели для шведов

стратегическое значение. 27 апреля в Хельсинки прибыла шведская делегация в составе генерала Раппе и командора Эриксона. Первоначально шведы встретились с главнокомандующим К.Г. Маннергеймом, однако тот не проявил заинтересованности в совместной со шведами обороне Аландов¹⁰. А 30 апреля со шведскими представителями встречался и Рюти, который прямо заявил, что его волнует только возможность нападения Советского Союза, германского же вторжения он не опасается¹¹. То есть в то время, как две скандинавские страны — Дания и Норвегия — уже были оккупированы Гитлером, а шведы готовились к войне, финны были совершенно спокойны в отношении своих будущих отношений с Германией. Впрочем, нельзя сказать, что их не волновала норвежская проблема, просто они видели ее в несколько ином ключе: весной 1940 года финны посылали запросы в Берлин относительно возможности поставок в Финляндию трофейного норвежского оружия¹². Что же касается Аландов, то финская концепция обороны архипелага не просто не предусматривала защиту островов от немцев, но и строилась на диаметрально противоположных принципах. Так, 18 декабря 1940 года Маннергейм через П. Талвела передал немецкому командованию просьбу об оккупации Аландского архипелага в случае начала войны¹³. Подобные предложения делались немцам и позднее, однако германская сторона, как известно, воздержалась от подобных действий.

Логика предоставления таких обширных преференций Германии требовала от финнов дальнейших, более решительных шагов по сближению с Рейхом. И шаги эти сделаны были. 4 июля на встрече с послом Германии В. Блюхером министр иностранных дел Финляндии Р. Виттинг заявил, что *«у населения Финляндии дружелюбные настроения к Германии нарастают подобно лавине»*. А затем добавил, что *«существуют взгляды о необходимости создания правительства, которое исключи-*

тельно было бы сориентировано на Берлин», и, наконец, сообщил, что в Финляндии надеются, что «с помощью немецких армий могли бы через несколько месяцев вернуть территорию, которая перешла к России»¹⁴. Таким образом, финны дали понять немцам о своей готовности не просто сотрудничать с Германией, но и участвовать в совместных операциях против СССР. А ведь это еще только июль 1940 года. Причем нужно отметить, что финны сами старались вывести германо-финское сотрудничество на военный уровень. Безо всякого давления извне. Но на тот момент немцы еще не собирались оказывать финнам помощь такого рода, поэтому Блюхер ответил Виттингу, что «германо-финские отношения должны развиваться медленно и поэтапно, а не яростно или откровенно»¹⁵. Однако тонкий намек финнов на благосклонное их отношение к налаживанию более тесных взаимоотношений с Германией был в Берлине понят, и вскоре немцы решили воспользоваться таким подарком финских товарищей. 17 августа в Хельсинки прибыл подполковник Е. Велтъенс, который 18—19 августа провел переговоры сначала с Маннергеймом, а затем с Рюти, Виттингом и министром обороны Рудольфом Вальденом¹⁶. Велтъенс был уполномочен предложить финнам своего рода договор: финны соглашались на транзит немецких войск через Финляндию в Норвегию, а немцы, в свою очередь, обещают финнам начать поставки вооружения. Финны не возражали, и 12 сентября в Хельсинки было подписано соглашение о транзите¹⁷. Уже после этого Финляндия de jure потеряла нейтралитет, поскольку статья 5 Гаагской конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны от 18 октября 1907 года запрещает нейтральным государствам пропускать через свою территорию войска одной из воюющих сторон. Тем не менее 21 сентября первые суда с немецкими солдатами прибыли в порт финской Ваасы. До середины октября в Финляндии высадятся около 5 тысяч бойцов вермахта¹⁸. А к началу мая следующего года — 13 000¹⁹. Однако

этот финский «транзит» обладал и одной особенностью: далеко не все немецкие войска дошли до Норвегии — около половины прибывших остались в Финляндии, в основном — в Лапландии²⁰. Член риксдага К.О. Фрич писал по этому поводу: «Каждый, кто хотел, без труда мог убедиться в том, что происходившее в губернии Похьенмаа и Лапландии было не транзитом, а прямой оккупацией. Немецкие войска находились в стране совсем не в порядке транзитного движения, их размещали по гарнизонно, они строили склады, дороги, бараки и тому подобное»²¹. Таким образом, под предлогом транзита немецкие войска с согласия финского правительства, по сути, вводились в Финляндию. Параллельно с немецкими войсками в Финляндию прибывали и транспорты с вооружением, которое теперь финны имели возможность закупать в Германии. Причем первая партия оружия прибыла в Финляндию уже 26 сентября, хотя договор по поставкам был подписан только 1 октября²².

Видимо, именно согласие финнов на транзит немецких войск окончательно убедило Германию в реальности стремления Финляндии к союзу с Рейхом. Одним из следствий этого стало и изменение отношения к Финляндии в немецком командовании. Так, если в плане войны Германии против СССР, разработанном ОКХ в августе 1940 года, Финляндии отводилась лишь роль плацдарма, с которого немецкие войска будут наступать на север Советского Союза²³, то по стратегической разработке Лоссберга от 15 сентября финские войска уже должны были вместе с частями Вермахта осуществлять наступление на Мурманск и Ленинград²⁴.

Однако сами финны не были до конца удовлетворены сложившейся в сентябре ситуацией, и, в общем-то, не без оснований: от договора о транзите Финляндия, в отличие от Германии, получила куда больше проблем,

чем преимуществ. Ввод войск на территорию Финляндии серьезно беспокоил СССР. Вскоре после высадки немцев в Вааса полпред Советского Союза в Финляндии И.С. Зотов лично встречался с Виттингом и попросил разъяснений финской стороны по сложившейся ситуации. А из Лондона в Хельсинки пришел официальный протест на действия финнов²⁵. То есть отношения Финляндии с европейскими державами значительно осложнились, и в то же время финнам не удалось получить от Германии никаких гарантий военной поддержки в случае втягивания Финляндии в войну. Вполне логично, что финны, предвидя осложнение отношений с заинтересованными странами после начала немецкого транзита, стремились к еще большему сближению с Германией, причем проявляя в этом все большую инициативу. Так, например, в середине сентября в Хельсинки было принято решение об отправке в Берлин посланника, которому было поручено встретиться, по возможности, с Герингом и поставить перед ним вопрос об оказании Финляндии военной поддержки в случае войны. На роль посланника был выбран генерал-майор запаса П. Талвела, который прибыл в Берлин 17 сентября и пробыл там до 25-го. Однако встретиться с Герингом за все это время так и не смог, что говорит о том, что в Германии пока не хотели форсировать развитие отношений с Финляндией. Тем не менее Талвела удалось наладить контакт с немецким генштабом по проблеме координации действий финской армии и Вермахта в будущей войне против СССР²⁶. Вскоре финское руководство повторило попытку наладить более тесные связи с немецким руководством, и 8 ноября Талвела вновь прибыл в Берлин, но и в этот раз ему не удалось встретиться ни с Герингом, ни с Браухичем, ни с Типпельскирхом, ни с Кейтелем, хотя аудиенцию у последних трех Талвела обещал организовать майор Альбеддил из ОКХ, с которым генерал имел встречу во время своего визита²⁷. В качестве успеха финского посланника можно отметить встречу с начальником штаба ВМС Герма-

нии контр-адмиралом О. Шнивиндом, с которым они имели беседу о военном положении Финляндии, в ходе которой Талвела, в частности, отметил, что «судьба Финляндии неотделима от Германии» и что необходимо, «чтобы военные проблемы Финляндии интересовали Германию»²⁸. И все же в целом первые попытки Финляндии наладить более тесные связи с Рейхом оказались неудачными.

На новый уровень финско-германские контакты стали выходить в декабре 1940 года. Этому способствовало сразу несколько событий. Во-первых, 27 ноября в отставку вышел президент Финляндии К. Каллио. Еще 28 августа у него случился инсульт, после которого президент практически отошел от государственных дел и его обязанности исполнял премьер-министр Рюти. Здесь необходимо сделать одно небольшое отступление. По сути, и до отставки Каллио, и тем более после нее ключевые решения в стране, особенно в области внешней политики, принимались очень небольшой группой лиц — так называемым внутренним кругом. В этот круг входили премьер-министр Р. Рюти, главнокомандующий К.Г. Маннергейм, министр обороны Р. Вальден, министр иностранных дел Р. Виттинг и лидер социал-демократической партии В. Таннер. Этот «внутренний круг» принимал важнейшие государственные решения без согласования как с остальными членами правительства, так и с парламентом, которые если и ставились о них в известность вообще, то уже постфактум. Наиболее показательным в этом плане, безусловно, решение о пропуске немецких войск через территорию Финляндии. По конституции этой страны иностранные войска могут быть введены на ее территорию только с согласия парламента. Однако решение о транзите было принято не только без согласования с парламентом, но и без его извещения. Доходило даже до откровенных конфузов, когда, например, министр внутренних дел Эрнст фон

Борн узнал о высадке немецких войск из сообщения полицейского управления Ваасы²⁹. Причем непонимание происходящего даже среди высокопоставленных чиновников страны было таким, что губернатор Ваасы, также звонивший Борну 21 сентября, интересовался у последнего, не началась ли новая война и нужно ли оказывать немцам сопротивление³⁰. Лишь 24 сентября, спустя три дня после прибытия частей Вермахта, «внутренний круг» счел возможным предоставить правительству информацию о происходящем³¹. Впрочем, столь плохая информированность кабинета министров не вызывает такого удивления, если знать, что Маннергейм, получив 18 августа предложение Велтъенса о транзите, даже не счел необходимым проконсультироваться по этому поводу с президентом Каллио³². И в дальнейшем «внутренний круг» принимал важные решения в обход правительства и парламента. Об этом же свидетельствуют и очевидцы тех событий: министр внутренних дел Борн в мае 1945 года сообщил шведской партии, членом которой являлся, что страной правит узкий круг лиц, в который входят министр иностранных дел, премьер-министр, президент и высшее военное руководство. Об этом же говорил и министр финансов Пеккала. А государственный советник Фагерхольм вспоминал, что «маленькая клика присвоила себе право решать жизненно важные вопросы»³³. Впрочем, следует отметить, что, хотя парламент и высказывал недовольство столь пренебрежительным к нему отношением со стороны «внутреннего круга», в целом он поддерживал его курс как во внешней, так и во внутренней политике. Так, например, в парламенте практически не поднимался вопрос об отмене военного положения, которое просуществовало в Финляндии вплоть до начала новой войны и которое, разумеется, давало обширные полномочия правительству. Больше того, 29 апреля 1941 года после долгих обсуждений парламент проголосовал за введение закона «О регулировании экономической жиз-

ни в чрезвычайных условиях», который расширял возможности правительства по контролю за экономической сферой³⁴. Таким образом, с молчаливого согласия парламента реальная власть в стране была сосредоточена в руках узкого круга лиц, который в конце 1940 года значительно укрепил свои позиции: после отставки Каллио на проведенных 19 декабря выборах победу одержал Рюти. А премьером вскоре стал помощник Рюти еще по работе в Банке Финляндии Ю. Рангель, который, будучи сторонником прогерманского курса в политике, также вошел во «внутренний круг». Разумеется, в результате подобных перестановок влияние «внутреннего круга» значительно выросло, что, в свою очередь, безусловно, облегчило финско-немецкое взаимодействие.

Вторым важным событием, произошедшим в конце 1940 — начале 1941 года, стало резкое ухудшение советско-финских отношений. Вызвано оно в первую очередь недовольством Советского Союза происходившими в Финляндии событиями. Здесь необходимо отметить, что советское руководство достаточно своевременно получало информацию о финляндско-германском сотрудничестве. В частности, Москва получала следующие сообщения о немецком транзите в Финляндии:

«В сутки перебрасывается один эшелон войск. 23.09.40 в порту Ваза высадилось 1500 германских солдат и некоторое количество в Оулу и Пори. Часть германских войск оседает в Финляндии с целью подготовки театра военных действий и подготовки финской армии. В Хельсинки продолжает поступать военное снаряжение».

«Транспортировка германских войск в Финляндию, начатая 23.IX.40 г., продолжается. Ежедневно из порта Вааса отправляется по 3 немецких состава с оружием, боеприпасами и горючим. В числе боеприпасов отмечены авиабомбы весом 500 кг...»

«По сведениям, исходящим от иностранных военных атташе в Германии, договор о переброске немцев через Финляндию на север Норвегии имеет цель посылки германских войск в Северную Финляндию для подготовки плацдарма против СССР».

«Немецкие войска в Финляндии продолжают оставаться. Данные о строительстве барачков в районе Вааса и создание баз в районе Рованиеми позволяют предполагать, что немцы в Финляндии оседают и будут оседать».

«В г. Пори около двух батальонов немецких войск. Офицеры и солдаты одеты в финскую форму... Численность немецких войск в Рованиеми составляет около 5000 человек...»

«Часть немецких войск оседает в виде гарнизонов в наиболее крупных и важных в стратегическом отношении пунктах Северной Финляндии... Отношение немцев к населению дружественное, покровительственное».

«Немецкие войска в Финляндии ведут себя как хозяева, разжигая страсти финской военщины на реванш с СССР. Сосредоточиваются постоянные, долговременные гарнизоны в пунктах: Рованиеми, Сондакюля, Ивало, Петсамо и Кемиярви, из которых основным центром... является Рованиеми»³⁵.

Таким образом, Советский Союз был прекрасно информирован и о самом транзите, и о том, что он использовался в качестве прикрытия скопления немецких войск в Финляндии. На основании сведений о транзите и прочих финско-германских контактах в НКВДе сделали вывод о «прогерманской ориентации Финляндии» и о том, что «политика финляндского правительства по отношению к Германии выглядит крайне заискивающей и лакейской»³⁶. Обеспокоенное таким положением дел в Финляндии советское правительство не собиралось безучастно наблюдать за тем, как Финляндия по-

степенно втягивается в орбиту немецкого влияния, и в конце 1940 года значительно усилило давление на финское правительство сразу по нескольким вопросам. Впервые, Советский Союз постарался оказать давление на финнов во время президентских выборов: 6 декабря во время беседы финского посланника в СССР Ю.-К. Паасикиви с Молотовым последний заявил, что, «желает ли Финляндия мира с Советским Союзом, будет понятно по тому, кого изберут президентом», и что такие кандидатуры, как Таннер, Маннергейм или Свинхувуд, советское правительство считает неприемлемыми³⁷. Впрочем, СССР был далеко не единственным государством, которое высказало свои пожелания относительно президентских выборов в Финляндии. 17 декабря руководитель отдела северных стран английского МИДа Л. Кольер заявил финскому послу в Великобритании Грипенбергу, что Лондон не желает видеть в качестве президента Финляндии настроенных прогермански Свинхувуда или Кивимяки³⁸. Берлин также обозначил свои симпатии. Причем там наиболее подходящим кандидатом считали не Свинхувуда или Кивимяки, избрания которых опасались в Англии и СССР, а Рюти³⁹, который и был в итоге избран. Таким образом, несмотря на все старания Великобритании и Советского Союза, президентом Финляндии стал именно тот человек, которого хотели видеть на этом посту немцы и который активно стремился к сближению с Рейхом.

Следующим объектом давления СССР стали никелевые рудники Петсамо. Еще 23 июня 1940 года в беседе с Паасикиви Молотов заявил, что «советское правительство заинтересовано в никелевых рудниках района Петсамо и желало бы получить на них концессию»⁴⁰. Тогда же было сказано, что Советский Союз устроило бы совместное финско-советское общество по эксплуатации месторождений. 27 июня Паасикиви передал сообще-

ние финляндского правительства о готовности продавать СССР 50% добываемого в Петсамо никеля⁴¹, хотя в это же время финны обещали поставлять Германии 75% его же⁴². К слову, советское правительство не было информировано о финско-немецких переговорах, что вызвало его недовольство. Тем не менее в июле СССР и Германия сумели договориться об объемах закупок никеля у Финляндии: СССР соглашался на получение 40% добываемых материалов, Германия — соответственно, 60%⁴³. Тем не менее попытки СССР получить концессию в Петсамо не прекратились, причем наиболее настойчивыми требования СССР стали в конце 1940 года. 1 ноября Молотов заявил Паасикиви, что затягивание решения петсамого вопроса и антисоветская агитация в Финляндии свидетельствуют «о нежелании финляндского правительства иметь нормальные экономические и политические отношения с СССР и приведут к ответным мерам со стороны Советского Союза»⁴⁴. 19 ноября нарком вновь высказывал недовольство проволочками в деле передачи СССР концессии: «Для нас напрашивается вывод, что правительство Финляндии испытывает наше терпение, но всякому терпению приходит конец»⁴⁵. 19—23 декабря в Москве проходили переговоры между финскими и советскими представителями, однако после пяти встреч стороны так и не пришли к соглашению⁴⁶. Интересно, что во время этого советско-финского политического конфликта Британия выступила на стороне Советского Союза: англичане готовы были поддержать советские требования о предоставлении концессии, лишь бы только финский никель не попал в Германию⁴⁷. Тем не менее советско-финские переговоры постепенно зашли в тупик.

Столь активное давление на Финляндию в вопросе о Петсамо с советской стороны объясняется в первую очередь возросшей активностью немцев в Финляндии и

их интересами в этом районе. О том, насколько значимым для Германии было Петсамо, прекрасно свидетельствует тот факт, что он фигурировал в ключевых стратегических разработках немецкого командования: оборона Петсамо предусматривалась планом «Барбаросса»⁴⁸, а в распоряжении начальника штаба ОКВ Кейтеля командующему вооруженными силами в Норвегии относительно его задач по плану «Барбаросса» прямо указывалось на «важное значение» никелевых рудников для «вооружения Германии»⁴⁹. Впрочем, необходимо отметить, что решение об оккупации Петсамо было принято в Германии задолго до принятия директивы № 21 и даже до каких-либо консультаций с финской стороной: 26 августа начальник штаба ОКХ Ф. Гальдер записал в дневнике: «Если Россия нападет на Финляндию, мы займем Петсамо»⁵⁰. Советское руководство, конечно, понимало важность Петсамо для Германии, тем более что даже Шуленбург говорил Молотову об интересах Рейха в этом районе⁵¹. Именно германская заинтересованность в петсамском никеле сподвигла СССР более настойчиво требовать от Финляндии контроля над копиями. По сути, в Петсамо СССР решал не экономические, а военно-политические задачи. Паасикиви в своих мемуарах писал по этому поводу: «Стремясь получить для себя руководство в никелевом производстве, Советский Союз считал необходимым добиться устранения там других великих держав и прежде всего обрести влияние на «переднем крае» у Мурманска, поскольку немецкие войска тогда уже находились поблизости, в Норвегии»⁵². Об этом же пишет историк Э. Вуорисярви: «Русские... начали устойчиво демонстрировать свое желание также иметь петсамский никель, хотя подлинной их целью было закрепиться в петсамском районе»⁵³. Иными словами, целью СССР в Петсамо был не сам никель, а возможность контролировать его поставки в Германию. То есть петсамский вопрос был одним из шагов советской политики конца 1940 —

начала 1941 года, общей целью которой было ослабление германского влияния в Финляндии. С той же целью Советский Союз вмешивался в процесс финских президентских выборов. Именно этим было продиктовано и еще одно требование СССР: об учреждении в Рованиemi советского вице-консульства⁵⁴. Подобное желание Москвы было обусловлено тем, что именно Лапландия, губернским центром которой и является Рованиemi, была главным центром скопления немецких войск в Финляндии, о чем Советский Союз, как было показано выше, имел довольно полную информацию. Таким образом, давление на Финляндию, оказывавшееся советским руководством в конце 1940 — начале 1941 года, прежде всего было направлено на ослабление финско-германских связей. Однако, к сожалению, жесткость и бескомпромиссность советских требований не только не позволили Советскому Союзу добиться поставленных целей, но и, наоборот, только подтолкнули финнов к более тесному сотрудничеству с Германией, в которой они видели защиту от восточного соседа. Причем во время кризиса в советско-финских отношениях Финляндия и сама шла на обострение противоречий с Советским Союзом. Так, например, в декабре 1940 года в Финляндии было запрещено Общество мира и дружбы с СССР. Созданное в мае этого же года в Хельсинки, общество уже к декабрю насчитывало более 40 тысяч членов⁵⁵. Существование подобной организации не устраивало финские власти, которые не очень-то церемонились с его членами. Так, 7 августа в Турку полиция с применением силы разогнала митинг, организованный обществом, в результате чего 17 человек было ранено⁵⁶. И вот в декабре, в разгар советско-финского политического кризиса, в Финляндии было принято радикальное решение по борьбе с обществом. И это при том, что Советский Союз неоднократно подчеркивал свою заинтересованность в существовании общества. К примеру, в одной из своих бесед с Виттингом советский полпред

в Финляндии Зотов отметил, что «развитие отношений между Финляндией и Советским Союзом зависит от того вклада, который вносит Общество дружбы»⁵⁷. Тем не менее Финляндию это не остановило. Не менее проблемными были и ее отношения с самим полпредством. 30 декабря Вышинский потребовал от Паасикиви разъяснений относительно действий финских властей, направленных против советского посольства: «Полицейские власти в Финляндии создали для работников советского полпредства, под видом охраны полпредства, совершенно недопустимый режим изоляции наших работников от внешнего мира и от общественности. Полицейские власти берут под подозрение всякого финляндского гражданина, который приходит в полпредство по тому или иному делу. Финская полиция терроризирует посетителей советского полпредства, подвергая их всякого рода полицейским неприятностям»⁵⁸. Паасикиви передал претензии Вышинского в Хельсинки, однако вместо разъяснений получил оттуда меморандум, в котором финский МИД, в свою очередь, излагал целый ряд претензий к Зотову, из которых, как писал Паасикиви, «вытекает требование о его отставке»⁵⁹. От очередного витка конфликта советско-финские отношения спасла только неожиданная уступчивость, которую СССР проявил в этом вопросе: вскоре после того, как Паасикиви изложил советскому руководству позицию своего МИДа, Зотов под предлогом болезни был отозван из Финляндии, а на его место был назначен настроенный по отношению к Финляндии гораздо более дружелюбно П. Орлов.

Как видно, Финляндия с декабря 1940 года уже гораздо увереннее чувствовала себя в отношениях с СССР. И причиной тому были значительно улучшившиеся отношения с Германией. Так, 13 марта 1941 года Паасикиви записал в дневнике: «Маннергейм считал, что Советский Союз уступит в никелевом деле, если мы

будем тверды, потому что знает, что Германия в конце концов встанет на нашу сторону»⁶⁰. И основания делать такие предположения у Финляндии действительно были, причем начиная с декабря 1940 года. Именно в этот момент в Рейхе было принято окончательное решение о привлечении Финляндии к будущей войне в качестве союзницы. 5 декабря 1940 года на совещании с германским командованием Гитлер заявил, что в предстоящей войне против СССР будет участвовать и Финляндия⁶¹. В этих условиях в начале декабря с очередным визитом Берлин посетил П. Талвела, причем эта его поездка была гораздо результативнее предыдущих: в этот раз ему удалось встретиться и с Гальдером, и с Герингом. Первая встреча, 16 декабря, прошла с Гальдером. На ней обсуждался ряд стратегических и оперативных вопросов. Талвела рассказал Гальдеру о военном положении Финляндии, а также передал просьбу Маннергейма об оказании помощи Финляндии в обороне Аландских островов и Петсамо в случае начала войны⁶². Гальдер, в свою очередь, поинтересовался у финского посланника «о сроках приведения финской армии в состояние скрытой боевой готовности для наступления в юго-восточном направлении»⁶³. Таким образом, уже в декабре 1940 года представители финского и немецкого командования вели конкретные переговоры о совместных боевых действиях против Советского Союза. 18 декабря состоялась встреча Талвела с Герингом, в ходе которой финский эмиссар, в частности, заявил, что «у Германии в конфликте с Россией едва ли есть более естественный союзник, чем Финляндия... Стратегическое положение Финляндии является таким, что в ходе крупной войны с севера можно нанести серьезный удар по жизненным коммуникациям Северной России»⁶⁴. В ответ на это Геринг уверил Талвела в намеренности Германии осуществлять военное взаимодействие с Финляндией и заявил, что теперь, когда «Финляндия оказалась в сфере интересов Германии, вы можете, генерал, сказать маршалу (Маннергейму. — Прим. П.С.), что Финляндии

больше нечего бояться»⁶⁵. Воодушевленный тем, как прошли встречи с немцами, Талвела по возвращении в Финляндию записал в дневнике: «Надеюсь, что в наступающем году мы вместе с Германией разобьем рюсся (презрительное название русских. — *Прим. П.С.*), и тогда осуществится моя давняя мечта о Карелии»⁶⁶. Эту мечту Талвела прекрасно характеризует другая его фраза, произнесенная в 1922 году после неудавшегося анти-советского восстания в Карелии, в котором принимал участие и возглавляемый им отряд финских добровольцев: «Я убедился, что освободить Карелию от рюсся можно не иначе, как только взяв ее. Для освобождения Карелии потребуются новые кровопролития»⁶⁷.

А тем временем в Берлине 18 декабря была подписана директива № 21, в которой, среди прочего, говорилось: «В войне против Советской России на флангах нашего фронта мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии... Финляндия должна прикрывать сосредоточение и развертывание отдельной немецкой северной группы войск (части 21-й армии), следующей из Норвегии. Финская армия будет вести боевые действия совместно с этими войсками. Кроме того, Финляндия будет ответственна за захват полуострова Ханко»⁶⁸. Интересно, что практически параллельно с этим первые наброски будущего нападения на СССР разрабатываются и в финском генштабе: 21 декабря был составлен план, согласно которому финские войска должны были вести наступление к северному побережью Ладожского озера, расчленив там советские войска, а затем вести наступление на Карельский перешеек «до того, как продолжится продвижение в глубь ладожской Карелии»⁶⁹.

Следующая важная встреча представителей немецкого и финского командования состоялась в конце января 1941 года, когда в Цоссен прибыл начальник генераль-

ного штаба финской армии генерал-лейтенант Э. Хейнрикс. Предлогом для его поездки стало выступление перед немецкими офицерами об опыте финской армии, приобретенном во время Зимней войны. Это выступление действительно состоялось вечером 30 января, однако куда более важной была беседа между Хейнриksom и Гальдером тем же днем. Последний сделал о ней такую запись в дневнике: «16.30 — совещание с генералом Хейнриksom. Для доведения войск на границе до штатов военного времени (после объявления мобилизации) потребуется девять дней. Скрытая мобилизация. Однако ее нельзя сделать совершенно незаметной. Направление главного удара — по обе стороны Ладожского озера. Пять дивизий — южнее и три дивизии — севернее Ладожского озера»⁷⁰. Кроме того, Гальдер передал Хейнриксу информацию о планах немецкого командования по наступлению на Ленинград из Восточной Пруссии и на Мурманск с территории Финляндии⁷¹. Таким образом, начальники финского и немецкого штабов уже в январе обсуждали конкретные планы наступления на Советский Союз. Адьютант Гитлера майор Энгель так описал встречу Хейнрикса и Гальдера: «Начальник генерального штаба Финляндии генерал Хейнрикс находился в ОКВ, и ему намекнули о разрабатываемом плане «Барбаросса». Все были поражены тем, с каким воодушевлением этот руководитель отнесся ко всем планам»⁷².

Итогом поездки Хейнрикса стало в первую очередь то, что уже с февраля финское и немецкое командования приступили к решению конкретных вопросов, связанных с обеспечением будущего совместного наступления на СССР. 5 февраля начальник топографического отдела финского генштаба полковник Ю. Лайти отправил во все штабы и части финской армии запрос относительно наличия у них трофейных советских карт⁷³. А в конце февраля военно-топографический обзор при-

границной территории Финляндии был предоставлен немецкому командованию⁷⁴. 12 февраля в Финляндию прибыл главный квартирмейстер Люфтваффе генерал-лейтенант Г.-Г. Зейдель, который пробыл в Финляндии до 20 февраля и за это время успел провести переговоры с Маннергеймом, Хейнриksom и Талвела, совершить поездку на север Финляндии, где осматривал аэродромы для будущего размещения в Финляндии немецкой авиации, а также проинспектировать немецкую радиостанцию в Рованиеми⁷⁵. Причем вся эта поездка была замаскирована под «охоту на медведя»⁷⁶. Вслед за Зейделем, 18 февраля, Финляндию посетили начальник штаба армии «Норвегия» полковник Э. Бушенхаген и начальник армейской разведки майор Г. Мюллер. Бушенхаген встречался с Хейнриksom, главным квартирмейстером генерал-майором А. Айро и начальником оперативного отдела штаба финской армии полковником Тапола. По воспоминаниям Бушенхагена, «на этих совещаниях говорилось о возможностях операций из Средней и Северной Финляндии, особенно из районов Куусамо и Рованиеми, а также из района Петсамо. Эти совещания привели к полному единодушию»⁷⁷. Кроме того, на этих переговорах финны сообщили о своем намерении наступать на Петрозаводск и в очередной раз высказали пожелание о высадке немецкого десанта на Аланды⁷⁸. После совещаний с финскими представителями немцы в сопровождении Тапола отправились в поездку по Северной Финляндии «для того, чтобы на месте выяснить в районе Куусамо и восточнее Рованиеми и Петсамо возможности развертывания наших (немецких. — Прим. П.С.) войск и проведения операций из этого района... Эта поездка закончилась 28 февраля в Торнио, на финско-шведской границе. В последующих совещаниях были зафиксированы результаты этой поездки и было решено, что операции из района Куусамо и операции из района Рованиеми сулят успех, но что имеются серьезные трудности для наступления из рай-

она Петсамо на Мурманск. На этом закончилось мое совещание с финским генеральным штабом. В результате этой поездки был разработан главным командованием войск, находящихся в Норвегии, оперативный план, который предусматривал совместные операции с финской территории. Этот оперативный план был представлен в ОКВ и был утвержден»⁷⁹.

Вслед за Зейделем и Бушенхагеном Финляндию до июня 1941 года посетил целый ряд офицеров. В конце марта с ознакомительной поездкой в районе Петсамо побывал командующий горным армейским корпусом генерал Дитль, трижды — в марте, апреле и мае — Петсамо посещал командующий 2-й горной дивизией генерал Шлеммер. Кроме них, туда же ездили полковники Хенгль и Наке, майоры Дрюк и Цорн, капитаны Мюллер и Фуссенеггер, осматривавшие будущий театр боевых действий⁸⁰. Весьма показательно, что уже начиная с 18 февраля для пересечения норвежско-финской границы немецким офицером не требовалось даже предъявлять документы⁸¹. Необходимо отметить, что финские офицеры, в свою очередь, неоднократно посещали Германию. Еще 9 сентября 1940 года финская делегация во главе с генералом В. Тоумпо получила возможность ознакомиться с районом боев Вермахта и войск союзников. Причем в отчете о поездке отмечалось «огромное внимание и дружелюбность» немцев⁸². Позднее финны имели возможность посетить район боевых действий на Ла-Манше: в феврале—марте там побывала группа финских офицеров во главе с начальником штаба ВВС Финляндии подполковником Сарко, в апреле—мае — шестеро офицеров береговой артиллерии и флота во главе с командующим ВМС генерал-майором Валве. С 19 апреля по 5 мая командующий танковыми войсками Финляндии полковник Лагус в сопровождении подполковника Бьеркмана и ротмистра Лунтинена имел

возможность наблюдать за устройством немецкой танковой дивизии под командованием полковника Хаунштильда. Всего же в 1940—1941 годах Германию посетил около 70 финских офицеров⁸³.

Однако Германия, уже рассчитывавшая на помощь финнов в войне, стремилась к установлению еще более тесных связей с Финляндией. Тогда руководство Рейха дало понять финнам, что им «надлежит делами подтвердить свое желание... следовать германским курсом» и попросило о формировании финского добровольческого батальона СС. А поскольку следование германским курсом еще с 1940 года было для Финляндии основным приоритетом во внешней политике, в Хельсинки на этот шаг согласились без особых трудностей. Тем более что тогда же немцы подбодрили финнов заявлением о том, что «Германия в войне с Россией будет заботиться о том, чтобы Финляндия не только вернула свои прежние границы, но и установила границы там, где она захочет»⁸⁴. В результате 9 апреля в Хельсинки был открыт тайный вербовочный пункт под руководством бывшего начальника государственной полиции Финляндии Э. Риекки. Вербовка проводилась вплоть до начала июня, и за это время в Германию было отправлено более 1200 финских добровольцев. Там они были разделены на две группы: первая, общая численность которой в конечном итоге составила 421 человек, состояла из ветеранов Зимней войны и была рассеяна среди многонациональных подразделений 5-й танковой дивизии СС «Викинг». Вторая группа — 805 человек — состояла из необученных добровольцев и была направлена для прохождения обучения в лагерь СС в Вену. Позднее из нее был сформирован отдельный финский батальон СС, который также вошел в состав дивизии «Викинг»⁸⁵. Стоит отметить, что, начав вербовку добровольцев в СС, Финляндия в очередной раз нарушила

Гаагскую конвенцию о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны, согласно которой «на территории нейтральной державы в пользу воюющих не могут быть формируемы военные отряды и открываемы учреждения для вербовки».

Что же касается границ Финляндии, о которых говорили немцы, то в конце весны в Германии решили осведомиться, какие границы хотела бы видеть Финляндия после победы над СССР. Соответствующий запрос поступил на имя финского посланника в Берлине Кивимяки 17 мая и немедленно был перенаправлен Рюти⁸⁶. Президент, в свою очередь, поручил составление заключения по этому вопросу генералу Айро. 30 мая финские предложения относительно новых границ были закончены. Айро предложил немецкому командованию 5 различных проектов будущей границы, выбор которых зависел от успехов стран Оси в войне с СССР и немецких интересов на Севере. Финский историк, профессор М. Йокипии, дает такое краткое описание этих альтернатив:

«1. Если бы Советский Союз по-прежнему оставался серьезным фактором, то в таком случае Финляндия хотела бы только скорректировать свою восточную границу между Ладогой и Куусамо. Это было бы компенсацией за передаваемую территорию на Карельском перешейке (имеется в виду территория, отошедшая к СССР после Зимней войны. — *Прим. П.С.*), необходимую для обеспечения безопасности Ленинграда (около половины перешейка).

2. Во втором варианте исходили из того, что победившая Германия возьмет себе Кольский полуостров. В этом случае Финляндия могла бы присоединить Беломорскую Карелию, в которой от Кандалакши до Кемми население было почти целиком финноязычным (за исключением территории вдоль железной дороги (Мур-

манской. — *Прим. П.С.*) Финляндия, таким образом, вышла бы к Белому морю, но линия канала Нева — Ладога — Онежское озеро — Белое море полностью осталась бы в обладании Советского Союза. На Карельском перешейке уступили бы вышеуказанную территорию.

3. При полном крахе Советского Союза Финляндия должна была просить границы 1939 г. на Карельском перешейке, по южному течению Свири, чтобы агрессор не мог в условиях мира начать неожиданные приготовления к наступлению. В районе Масельгского перешейка по этим же соображениям линия проходила немного восточнее канала им. Сталина.

4. В четвертом варианте стратегическая полоса обороны на юге Восточной Карелии простиралась бы к востоку от Онежского озера, т.е. на чисто русской территории.

5. При пятом варианте указанная выше полоса обороны расширялась бы к северу таким образом, чтобы новая граница Финляндии в районе Белого моря подходила бы к Нименге, западнее города Онего. В таком случае предполагали, что Архангельская область станет своего рода «лесной провинцией» под непосредственным управлением Германии»⁸⁷.

Эти финские пожелания не только прекрасно иллюстрируют тот факт, что финское правительство не собиралось безучастно наблюдать за ходом советско-германского противостояния, но еще доказывают, что интересы Финляндии простирались куда дальше восстановления советско-финляндской границы 1939 года. Об этом же свидетельствует тот факт, что в мае 1941 года Рюти, помимо указаний Айро составить проекты новой границы, также дал задание нескольким финским ученым заняться обоснованием финских претензий на Восточную Карелию. В частности, такое задание получили финские историки В. Ауер и Э. Ютиккала. Ауер впоследствии вспоминал, что Рюти при этом сказал ему, что «ес-

ли Германия победит и Советский Союз распадется, то Восточная Карелия — наша. Это надо ясно обосновать»⁸⁸. Такое же задание дали и финскому профессору Я. Якколе⁸⁹.

Весьма интересными на этом фоне выглядят советско-финские отношения этого периода. Начиная с весны Советский Союз резко смягчил свою линию поведения по отношению к Финляндии. Новых требований к финнам больше не предъявлялось, новый посланник в Финляндии П.Д. Орлов производил в Хельсинки впечатление человека «образованного, гибкого, улыбающегося и покладистого»⁹⁰. Финляндии даже дали понять, что советское руководство готово пересмотреть свою позицию по отношению к шведско-финскому союзу⁹¹. Но наиболее значимым для Финляндии проявлением «нового курса» Советского Союза стало событие, произошедшее 30 мая 1941 года, когда во время прощальной встречи с уходившим в отставку финским посланником Паасикиви Сталин неожиданно заявил: «Я оказываю вам лично маленькую услугу и дам вам 20 000 тонн (зерна)»⁹². В результате уже в тот же день Паасикиви мог обсуждать техническую сторону поставок с Микояном⁹³. Особенно дружелюбным отношение СССР к Финляндии в этот период выглядит в контрасте с тем, какую политику тогда же проводила по отношению к Финляндии Британия. Англичане в этот период занимали весьма жесткую позицию в своих контактах с Хельсинки, что в конце концов привело к тому, что 14 июня Англия блокировала морские коммуникации Петсамо, а после этого в Форин Офисе даже обсуждалась возможность интернирования находящихся на территории Империи финских граждан⁹⁴. При этом необходимо отметить, что советское руководство в 1941 году неоднократно получало разведывательные данные о положении в Финляндии и ее взаимодействии с Германией. 30 апре-

ля из Берлина поступило сообщение Старшины, информировавшего Москву, что «по сведениям, полученным в штабе авиации, в последние дни возросла активность в сотрудничестве между германским и финским генеральными штабами, выражающаяся в совместной разработке оперативных планов войны против СССР. Предполагается, что финско-немецкие части перережут Карелию, с тем чтобы сохранить за собой никелевые рудники Петсамо, которым придается большое значение»⁹⁵. 4 мая Москва, благодаря действиям своих лондонских агентов, получила в свое распоряжение информацию из раздела «Германия и Финляндия» сводки материалов английской разведки за 20—27 апреля, где, в частности, говорилось, что «в случае германо-русского конфликта Германия приложит все усилия к вовлечению Финляндии в войну против СССР. Немцы немедленно начнут наступление на район Мурманска... немецкие морские и воздушные силы окажут помощь финской армии, находящейся в южной части Финляндии»⁹⁶. Советский резидент в Хельсинки Е.Т. Синицын позже вспоминал, что весной в Финляндии «враждебность против нас нарастала. По радио, в газетах, в театрах больше всего времени отводилось победам фашистской Германии на фронтах Европы. Правящая элита каждую победу немцев принимала как свою»⁹⁷. Это же отмечали и иностранные наблюдатели. Так, 22 марта английский посол в СССР Криппс сообщил Вышинскому, что «за последнее время в Финляндии ведется усиленная антисоветская пропаганда, инспирируемая со стороны Германии: визиты немецких военных в Финляндию — генерала Зайделя и полковника Бушенхагена, лекционный тур немецкого профессора Хиндельберга в Хельсинки, поведение финляндской прессы, снабжение Финляндии немецкими фильмами»⁹⁸. На основании этой информации можно сделать вывод, что советское руководство прекрасно сознавало угрозу присоединения Финляндии к Германии в грядущей войне,

равно как и то, что силовые методы в данной ситуации бесполезны. И поэтому СССР предпринял попытку своим благожелательным расположением хотя бы ослабить стремление Финляндии к сотрудничеству с Рейхом. Однако, к сожалению, эта попытка оказалась тщетной, и Советский Союз в итоге добился лишь того, что перед самой войной Финляндия значительно пополнила запасы дефицитного для нее зерна.

А тем временем в Берлине решили приступить к выработке окончательных планов совместных с Финляндией действий в войне против СССР. 4 мая была издана директива ОКВ о начале переговоров с Финляндией⁹⁹, а 12 мая Йодль передал в немецкий МИД информацию о том, что «настало время для детальных переговоров о военном сотрудничестве с Финляндией»¹⁰⁰. Приглашение на переговоры было передано финнам 20 мая через посла по особым поручениям Шнурре, который в беседе с Рюти предложил тому послать в Германию «одного или нескольких офицеров генштаба»¹⁰¹. Разумеется, Финляндия выполнила это пожелание немцев, и 25 мая в Зальцбург прибыла группа финских офицеров в составе начальника генерального штаба Э. Хейнрикса, начальника оперативного отдела генштаба полковника К. Таполы, начальника организационного отдела полковника Э. Мякинена, начальника отдела снабжения полковника Х. Рооса и начальника штаба ВМС коммодора С. Сундмана. В тот же день прошли переговоры финской делегации с представителями германского командования — начальником оперативного отдела ОКВ генерал-oberстом А. Йодлем, генерал-лейтенантом К. Типпельскирхом, полковником Бушенхагеном и проч. В ходе переговоров стороны пришли к следующим предварительным договоренностям: было еще раз подтверждено намерение финнов наступать по побережью Ладожского озера, задачей же немецких войск в Финляндии была оккупация Петсамо

и последующее наступление из этого района силами двух дивизий в район Мурманск — Полярное (при этом финны готовы были сопроводить немецкие части проводниками и разведывательными отрядами). Еще две немецкие дивизии должны были наступать через Саллу на Кандалакшу. Для проведения этих операций 8 июня в Финляндию должны были начать прибывать части Вермахта. При этом финские войска в Северной Финляндии будут подчинены немецкому командованию, а немецкие в Южной — финской. Было также решено провести в Берлине дополнительные переговоры по частным вопросам, а 3 июня в Финляндию должен был выехать представитель немецкого командования для ведения окончательных переговоров по обсуждавшимся в Зальцбурге вопросам с финским политическим руководством¹⁰².

На следующий день, как и было решено в Зальцбурге, в Берлине прошли переговоры между представителями различных родов войск. В ОКХ состоялась встреча Хейнрикса с немецкими представителями: Гальдером, первым обер-квартирмейстером генерал-лейтенантом Паулюсом, четвертым обер-квартирмейстером Матцки, начальником отдела «Иностранные армии — Восток» полковником Кинцелем, начальником службы связи ОКВ генерал-oberстом Фельгибелем, начальником оперативного отдела ОКХ полковником Хойцингером и проч. В ходе этих переговоров было достигнуто соглашение о том, что всеобщая мобилизация в Финляндии начнется после 16 июня, а до того скрытно будут проведены «мобилизационные мероприятия в приграничных районах»¹⁰³. Для высадки на Аландских островах финны собирались выделить 2 полка (впрочем, не забыв при этом еще раз предложить провести оккупацию архипелага немцам), для уничтожения советской военно-морской базы на полуострове Ханко — 2 дивизии. Основ-

ными же силами финнов (4 дивизии), как и предполагалось еще во время встречи Гальдера с Хейнриком в январе, по обоюдному желанию немецкой и финской стороны решено было наступать по побережью Ладожского озера. Причем выбор берега — западный или восточный — должны были сделать уже после начала войны «в зависимости от обстановки»¹⁰⁴. Финское наступление должно было начаться через 14 дней после немецкого. Исключения составляли только финские части, подчиненные немецкому командованию. Кроме того, было решено, что «связь с финской армией поддерживает специальный немецкий штаб связи при финском главном командовании»¹⁰⁵.

В тот же день прошли переговоры между коммодором Сундманом с финской стороны и начальником оперативного отдела главного штаба Кригсмарине контр-адмиралом Фрикке, коммодором Монтигни и капитаном 3 ранга Райнике с немецкой. В ходе беседы немцы интересовались у Сундмана его мнением о боеспособности советского и финского флотов. Обсуждались планы захвата Ханко и Аландских островов. Кроме того, было решено провести дополнительные переговоры в июне¹⁰⁶.

3 июня в соответствии с достигнутыми в Зальцбурге договоренностями прошли еще одни переговоры между представителями немецкого (Кинцель, Бушенхаген) и финского (Хейнрикс, Тапола, Роос) командования. Особенностью этих переговоров было то, что если договоренности, достигнутые в Зальцбурге и Берлине, носили прелиминарный характер, то в Хельсинки Хейнрикс уже мог давать немцам конкретные обещания, имея на это санкцию финского руководства. И вот в ходе хельсинкских переговоров финская сторона полностью подтвердила те решения, которые были приняты в Герма-

нии. Была подтверждена готовность финнов передать командование своим 3-м армейским корпусом, располагавшимся в Лапландии, немецкой армии «Норвегия», было дано согласие на переброску в Финляндию немецких войск, на наступление финской армии в районе Ладogi и т.д. Кроме того, финны согласились передать в распоряжение Люфтваффе часть своих самолетов, и указывалось, что граница между зонами ответственности финской армии и Вермахта будет проходить по реке Оулунйоки¹⁰⁷. В связи с этим немецкие делегаты в тот же день отправили в Берлин телеграмму: «Финляндия к каждому пункту сотрудничества готова»¹⁰⁸. И действительно, в дальнейшем Финляндия действовала строго в соответствии с соглашениями, достигнутыми в Зальцбурге и Берлине и утвержденными в Хельсинки. Вслед за встречей представителей сухопутных войск 6 июня в Киле прошел и второй раунд военно-морских переговоров. На них немцы посвятили финнов в детальный план минирования Финского залива¹⁰⁹.

После этого события в Финляндии стали развиваться стремительно. С начала июня в Финляндию начали перебрасываться немецкие войска: 3 июня на круизном корабле «Адлер» в Раума в гражданской форме прибыла первая группа офицеров 36-го ак (169-я пехотная дивизия и дивизия СС «Норд»), а 5 июня она уже находилась в Рованиеми, а начиная с 10 июня в порт Похьянмаа начали прибывать части 169-й пд, которые затем выдвигались в район Кемиярви. 7 июня финско-норвежскую границы пересекли части кампфгруппы «Норд» (с 17 июня — дивизия СС «Норд»), которые уже к 9 июня сосредоточились в районе Рованиеми¹¹⁰. Необходимо отметить, что Советский Союз своевременно получал информацию о стягивании немецких войск в Финляндию. Так, 10 июня из Хельсинки поступило сообщение о том, что «9 июня в Або (Турку) прибыл немецкий воен-

ный транспорт, который привез примерно 1500 солдат и 40—50 автомобилей для мотопехоты»¹¹¹. Советскому послу в Лондоне передали информацию о том, что «11 июня... в Финляндию переброшены 2 германских дивизии и... третья идет морем из Осло (на самом деле из Осло в финские порты прибывали артиллерийские части дивизии «Норд». — *Прим. П.С.*)»¹¹². А военный атташе в Хельсинки докладывал в Москву: «Точно установлено: в период 5—15 июня в портах Вааса, Оулу, Кемпи выгрузилось не менее двух моторизованных дивизий (на самом деле — одна, 169-я пехотная дивизия и, как говорилось выше, артиллерийские подразделения дивизии СС «Норд». — *Прим. П.С.*), следующих... в районы Северной Финляндии»¹¹³. Любопытно также, что финское правительство было извещено о прибытии в Финляндию немецких войск только 9 июня¹¹⁴, то есть тогда, когда одна дивизия уже почти полностью передислоцировалась в Финляндию, а первые части второй от финских портов отделяли сутки пути. Это еще раз доказывает, что «внутренний круг» был предельно самостоятелен в принятии ключевых внешнеполитических решений.

10 июня из Осло в Рованиemi прибыл штаб армии «Норвегия» (33-й ак, 36-й ак, горнострелковый корпус «Норвегия»), расположившийся в 8 км от города в так называемом Лесном лагере¹¹⁵. В тот же день в Финляндии началась частичная мобилизация¹¹⁶. В связи с этими событиями председатель финской парламентской комиссии по иностранным делам В. Войонмаа 13 июня в письме сыну отмечал: «Итак, жребий брошен: мы — держава си, да еще отмобилизованная для нападения»¹¹⁷. 13 июня в Финляндию начал прибывать штаб связи немецкого командования при генеральном штабе финской армии: в Хельсинки прилетел генерал-лейтенант В. Эрфурт с помощниками. А вскоре в Берлин вылетел и финский представитель — генерал Оквист¹¹⁸.

15 июня в полном соответствии с результатами переговоров в Зальцбурге командованию армии «Норвегия» был подчинен финский 3-й ак генерал-майора Х. Сииласвуо (3-я и 6-я дивизии). Уже 16 июня приказ командующего армией «Норвегия» генерал-полковника Фанкельхорста поставил перед финскими войсками задачу после начала немецкого наступления продвигаться к Мурманской железной дороге и побережью Белого моря. 17 июня Сииласвуо довел этот приказ до подчиненных ему частей¹¹⁹. Таким образом, первые финские войска получили приказы о наступлении на советскую территорию уже 17 июня. Впрочем, и другие финские части 18 июня получили приказа уже своего собственного генштаба, в которых излагаются цели финской армии в случае наступления на Советский Союз. Так, 14-я дивизия полковника Раапана должна была захватить Реболы, 7-й ак (7-я и 11-я д) под командованием генерал-майора Хэглунда — осуществлять наступление на Сортавалу, 2-й ак (15, 18, 2-я д) генерал-майора Лаатикайнена — занять район Илмее—Хиитола—Элисенваара¹²⁰. 19 июня Талвела, который к тому моменту был назначен командующим 6-й ак, записал в дневнике: «Предварительный приказ о наступлении получен»¹²¹. Впрочем, все это уже не кажется столь удивительным, если знать, что еще 11 июня Хейнрик докладывал в Берлин о том, что финские войска «в соответствии с планом будут готовы к наступлению 28 июня»¹²².

17 июня, в полном соответствии с берлинскими договоренностями, в Финляндии была объявлена всеобщая мобилизация¹²³.

Начиная с 14 июня в Финляндию начали прибывать немецкие боевые корабли: именно в этот день в финские территориальные воды вошли минные заградители

«Cobra», «Könignen Luise», «Kaiser», «Tannenberg», «Hansestadt Danzig» и «Brummer». Причем по финским шхерам корабли шли при помощи финских лоцманов. Вслед за ними к побережью Финляндии 17 июня подошли флотилии торпедных катеров 1.S (командующий — капитан-лейтенант Бирнбахер; состав: 5 торпедных катеров (S 26, S 39, S 40, S 101, S 102) и плавбаза «Carl Peters»), 2.S (капитан-лейтенант Петерсен; 6 торпедных катеров (S 41, S 42, S 43, S 44, S 104, S 105) и плавбаза «Tsingtau»), 5.S (капитан-лейтенант Клуг; 5 торпедных катеров и плавбаза «Tanga»), а также группа из 12 минных тральщиков и плавбазы «Elbe» под командованием капитан-лейтенант Добберштайна. Таким образом, к началу войны у берегов Финляндии базировалось около 40 немецких кораблей. В финских водах прибывшие корабли разделились на две группы: «Cobra», «Könignen Luise», «Kaiser», торпедные катера флотилии 1.S и 5 минных тральщиков составили группу «Кобра» и базировались в районе Порккала — Хельсинки. Все остальные корабли — группа «Норд» — отправились в район Турку¹²⁴.

18—19 июня в распоряжение немцев было передано шесть финских аэродромов (Утти, Хельсинки, Луонетярви, Рованиеми, Кемиярви, Петсамо). На аэродром Луонетярви были переведены три немецких До-15 из 1.(F)/Aufkl.Gr/ob.d.L. (эскадрилья дальних разведчиков высшего командования Люфтваффе)¹²⁵.

Вечером 21 июня немецкие корабли приступили к операции по минированию Финского залива. В 21 час 40 минут группа «Кобра» отплыла от финского побережья и выдвинулась к северу от мыса Пакринем, где с 22 часов 59 минут до 00 часов 40 минут выставляла минное заграждение «Корбета» (в советских обозначениях — минные заграждения И-7, И-7, И-8, И-9¹²⁶; бы-

ло использовано 400 мин ЕМС и 700 буев против минных тральщиков). После этого группа вернулась в финские шхеры. Группа «Норд» с 23 часов 29 минут до 1 часа 09 минут выставляла в районе о. Бенгтшер — м. Тахкуна заграждение «Аполда» (И-2, И-3, И-4, И-5, И-6; 590 мин, 700 буев)¹²⁷. Однако куда более любопытным является тот факт, что уже в ночь на 22 июня минные заграждения в Финском заливе выставляли финские подводные лодки. Лодка «Iku-Tursu» выставила заграждение севернее о. Мохни (И-4), а «Vetehinen» — в заливе Кунда близ эстонского побережья (И-5). При этом «подводные лодки получили разрешение командующего военно-морскими силами наносить удары, если им попадутся в высшей мере достойные цели (линкоры)»¹²⁸. Иными словами, уже 22 июня финские ВМС начали боевые действия против Советского Союза. Минные постановки продолжились и позднее: 24 июня финские лодки выставили заграждения в районе маяка Родшер (И-7, И-8)¹²⁹.

Как известно, в ночь на 22 июня Германия начала войну против Советского Союза. Финляндия не присоединилась к немецкому наступлению, поскольку, как уже говорилось выше, должна была сделать это лишь спустя две недели. Однако это не помешало Финляндии провести несколько локальных операций против СССР. Так, утром 25 июня финские войска высадились на Аландских островах. Причем выдвижение кораблей десанта и прикрытия к островам началось еще днем 21 июня, однако, не доходя до Аландов, финский флот остановился, ожидая начала войны. Высадившись на островах, финские войска нарушили одновременно Женевскую конвенцию 1921 года и Соглашение СССР и Финляндии об Аландских островах 1940 года, которые предусматривали полную демилитаризацию Аландов. При этом в административном центре архипелага, городе Мариенхамине, финские войска захватили персонал располагав-

шегося там советского консульства (31 человек), который 24 июня был вывезен в Турку¹³⁰. Кстати, именно 22 июня произошло первое столкновение между советскими и финскими войсками, когда в 7 часов 05 минут советская авиация безуспешно попыталась атаковать финские корабли у о. Соттунга Аландского архипелага¹³¹. Впрочем, этот же налет стал и последним вплоть до 25 июня, поскольку подписанная в 7 часов 15 минут 22 июня Тимошенко, Маленковым и Жуковым директива № 2 предписывала «на территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать»¹³².

В то же утро, 22 июня, немецкие войска провели операцию «Реннтир»: немецкий горнострелковый корпус «Норвегия» в составе 2-й и 3-й гсд под командованием генерал-майора Дитля, перейдя норвежско-финскую границу, оккупировал Петсамо. Таким образом, в Финляндии появились еще две немецкие дивизии в дополнение к двум уже имевшимся (169-й пд и СС-«Норд»). Персонал советского консульства в Петсамо также был захвачен, причем, разумеется, без какого-либо сопротивления с финской стороны¹³³.

Все тем же утром в беседе с Молотовым посол Шуленбург просил разрешения эвакуировать германских граждан из СССР через Иран, «так как Румыния и Финляндия совместно с Германией также должны вступить»¹³⁴.

Еще одной операцией 22 июня, к которой имела отношение Финляндия, стало минирование подступов к Кронштадту немецкими самолетами. В 00 часов 10 минут 14 «Ю-88» из состава KG 806 взлетели с аэродрома в Восточной Пруссии и, пролетая над побережьем Кронштадта, сбросили 28 магнитных мин, после чего

приземлились на финском аэродроме Утти, заправились и затем вернулись в Германию¹³⁵. Но наиболее примечательным в этом событии является даже не тот факт, что немцы для выполнения боевых задач использовали финский аэродром, а то, что штурманом ведущего немецкого бомбардировщика был офицер связи ВВС Финляндии и 1-го Воздушного флота Люфтваффе финский капитан П. Эрви¹³⁶.

Еще одна совместная финско-немецкая операция началась в 22 часа 22 июня, когда с финского озера Оулуярви взлетели два немецких поплавковых «Хе-115», на борту которых была финская диверсионная группа «Марттин», состоящая из 16 финнов-добровольцев, набранных из бойцов отряда глубокой разведки финского Главного штаба. Финны были одеты в гражданскую одежду и снабжены немецким вооружением и взрывчаткой. В час ночи 23 июня немецкие самолеты высадили группу на Коньозере, после чего финны начали продвигаться к шлюзам Беломоро-Балтийского канала, которые и попытались подорвать 28 июня, однако ввиду хорошо организованной охраны этого им сделать не удалось. В результате отряд вынужден был вернуться в Финляндию. По дороге финны устроили несколько взрывов на Мурманской трассе и потеряли убитыми двух человек. 11 июля отряд вернулся домой¹³⁷. Что же касается немецких самолетов, то для прикрытия их возвращения с советской территории было выслано 4 финских «брюстера» из эскадрильи 4./LvV 24 под командованием лейтенанта П. Совелиуса. Пилоты получили приказ «патрулировать на русской стороне. В случае агрессивных действий вражеских истребителей атаковать». Однако, пробыв в советском воздушном пространстве полтора часа, финские истребители не встретили ни советских, ни немецких самолетов и были вынуждены вернуться на свой аэродром¹³⁸. Что

касается немецких гидропланов, то они, разминувшись с финнами, благополучно приземлились на аэродром Палтамо.

24 июня над Таллином советскими ПВО был сбит финский трофейный СБ лейтенанта А. Кармила, производивший в этом районе воздушную разведку¹³⁹.

23 июня в разговоре с Паасикиви Рюти поделился дальнейшими финскими планами: «3.07.41 мы вступаем (т.е. на 13-й день после начала войны, почти так, как и было оговорено в Берлине. — *Прим. П.С.*), так как к этому сроку немцы в Северной Финляндии будут готовы. Мы уточнили будущую границу Финляндии. Границы будут установлены в зависимости от исхода войны и от того, что станет с Советским Союзом. Сейчас стоит вопрос о Восточной Карелии»¹⁴⁰. О том, насколько серьезны были финские притязания на эту территорию, говорит хотя бы тот факт, что уже 24 июня генерал Сииласвуо отдал первые распоряжения по управлению захваченными советскими территориями: назначенные в общины коменданты должны были уважать права и достоинство семей, права личности, собственность и религиозные чувства жителей. Грабежи были запрещены; о военных налогах и реквизициях должны были последовать особые распоряжения¹⁴¹. Впрочем, как нам уже известно из проектов финской границы генерала Айро, финские интересы простирались куда дальше Восточной Карелии. И немцы эти устремления Финляндии всячески поддерживали. Так, 24 июня Геринг сообщил Кивимяки, что теперь Финляндия сможет «взять, что хочет», в том числе и «Петербург, который, как и Москву, лучше уничтожить»¹⁴².

В свете вышеописанных событий становится совершенно понятным, почему Финляндия после начала советско-германской войны не заявила официально о

своём нейтралитете, как она сделала это 1 сентября — сразу же после нападения Германии на Польшу, а также после вступления в войну Англии и Франции и начала польской кампании РККА¹⁴³, ограничившись лишь рассылкой по посольствам и представительствам инструкций для своих дипломатов, в которых говорилось о том, что целью Финляндии является сохранение нейтралитета¹⁴⁴. Впрочем, когда 23 июня Молотов потребовал от поверенного в делах Финляндии Хюнинена четко сформулировать позицию Финляндии по отношению к начавшейся войне, Хюнинен предпочел уклониться от ответа¹⁴⁵.

Именно в таких условиях ранним утром 25 июня началась советская бомбардировка Финляндии силами более полутысячи самолетов, продолжавшаяся до 30 июня. В советской и российской историографии очень часто встречается утверждение, будто бы единственной целью советской авиации в Финляндии были немецкие самолеты, базировавшиеся на финских аэродромах. Это, конечно же, не соответствует действительности. Хотя бы потому, что к 25 июня самолеты Люфтваффе имелись всего на одном финском аэродроме — Лоунетярви, — да и то в количестве трех единиц. Однако даже если предположить, что советское командование переоценило численность немецкой авиации в Финляндии (как оно, в общем-то, и было на самом деле), да и вообще решило превентивно уничтожить финские аэродромы, чтобы они не могли быть использованы Люфтваффе, все равно необходимо признать, что целями советской авиации были далеко не только они. Так, например, 2-й смешанной авиадивизии была поставлена задача уничтожить дамбу и здание ГЭС в Иматре¹⁴⁶.

В целом же стоит отметить, что бомбардировка 25 июня была главной ошибкой, допущенной руководством СССР в советско-финских отношениях за весь

период 1940—1941 годов. Во-первых, бомбардировка была совершенно провальной с военной точки зрения. За 6 дней бомбардировок советские ВВС потеряли 51 бомбардировщик и 20 истребителей. При этом весь эффект от советских налетов за все это время сводится к тому, что 25 июня на аэродроме в Турку был поврежден один (!) финский СБ¹⁴⁷. Других потерь финская авиация не имела. Точно так же и финские аэродромы практически не понесли потерь в материальной части. Ни один стратегический объект на территории Финляндии разрушен не был. Немецкие войска в Финляндии потерь не имели. Такой итог был у этой операции советских ВВС. Впрочем, эти неудачи меркнут по сравнению с негативными политическими последствиями этой акции. 25 июня финский парламент принял решение об объявлении войны Советскому Союзу, а 26 июня Рюти официально это решение огласил. По сути, СССР своими действиями собственноручно вручил Финляндии индульгенцию на начало войны с последующей реализацией всех своих планов, разработанных еще до 25 июня. В результате этого Финляндия сумела предстать перед мировым сообществом если и не жертвой советской агрессии, то уж, по крайней мере, страной, втянутой в войну в силу обстоятельств, а не по собственной воле. Благодаря чему Финляндия на какое-то время сохранила мирные отношения даже с воюющими с Германией странами. Так, Англия объявила Финляндии войну только в декабре 1941 года, а США так и не сделали этого вообще. Больше того, до июня 1944 года у Вашингтона с Финляндией сохранялись дипломатические отношения. Таким образом, бомбардировка финской территории стала лучшим подарком Советского Союза Финляндии.

Говоря об операции 25 июня, следует обратить внимание и еще на один факт: после начала бомбардировок Советский Союз начал транслировать на территорию

Финляндии радиосообщение, которое гласило, что советская авиация в Финляндии действует только против немецких войск (телеграфно-телефонная связь с Финляндией была прервана еще до 25 июня)¹⁴⁸. И хотя это утверждение, как уже говорилось выше, было ложным, сам факт того, что СССР, пускай даже в такой форме, попытался дать разъяснение финской стороне, что ведет боевые действия не против нее, говорит о том, что Советский Союз пытался использовать последнюю возможность сохранить с Финляндией мирные отношения. Депутат финского парламента, а впоследствии премьер-министр Э. Линкомиес в этой связи писал: «Если бы Финляндия хотела сохранить мир, то, очевидно, естественнее было бы, прежде чем объявить состояние войны, попытаться выяснить у Советского Союза его намерения... Историческая правда состоит в том, что финское правительство само хотело разжечь войну»¹⁴⁹. Лучшим доказательством слов Линкомиеса является тот факт, что, когда 31 июля 1941 года британские КВВС, по сути, провели операцию, аналогичную советским налетам 25 июня (разве что меньшую по масштабам), разбомбив финский Петсамо, Финляндия объявлять войну Англии не стала, ограничившись протестом и отзывом посла. Объясняется это просто: воевать с Британией Финляндии не хотелось. А вот с Советским Союзом — вполне.

Подводя итоги всему вышесказанному, мы можем заключить, что Финляндию к 25 июня никак нельзя было назвать нейтральной страной. К этому моменту Финляндия уже имела четкие договоренности с Германией относительно совместного наступления на Советский Союз, которые она в ходе всего июня неукоснительно соблюдала. Финская армия была приведена в боевую готовность, финский армейский корпус был передан немецкой армии «Норвегия», на территории Финляндии размещались немецкие войска и боевые корабли, финские аэродромы были переданы в распоря-

жение Люфтваффе. Сама же Финляндия успела провести минные постановки в Финском заливе и высадить войска на демилитаризованные Аландские острова. Все это вкупе с другими фактами, изложенными выше, красноречиво доказывает, что к 25 июня Финляндия была страной воюющей, а масштабное наступление ею не было проведено лишь потому, что финны в полном соответствии с германо-финскими договоренностями в Берлине отложили его на начало июля. Таким образом, решение советского командования о начале бомбардировки Финляндии хоть и было ошибочным в стратегическом отношении, но с моральной точки зрения и с позиций международного права, пренебрежением нормами которого так любят попрекать Советский Союз, было совершенно оправданно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Барышников Н.И., Барышников В.Н.* Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1985. С. 33.

² *Кен О., Русалов А., Самуэльсон Л.* Швеция в политике Москвы. 1930—1950-е годы. М.: 2005. С. 277—278.

³ Опровержение ТАСС от 20 марта 1940 г. // *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940—1941 гг. СПб., 2005. С. 290.

⁴ Цит. по: *Пыхалов И.* Великая оболганная война. М.: 2006. С. 159—160.

⁵ *Барышников В.Н., Саломаа Э.* Вовлечение Финляндии во Вторую мировую войну. // Крестовый поход на Россию. М.: 2005. С. 143.

⁶ Беседа наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с посланником королевства Швеция в СССР П. Ассарсоном 25 марта 1940 г. // *Барышников В.Н.* Указ. соч. С. 296.

⁷ *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940—1941 гг. СПб. 2005. С. 85.

⁸ Там же. С. 94.

⁹ Там же.

¹⁰ *Кен О., Русалов А., Самуэльсон Л.* Указ. соч.. С. 279.

- ¹¹ *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940—1941 гг. С. 87.
- ¹² Там же. С. 79.
- ¹³ *Йокиппи М.* Финляндия на пути к войне. Петрозаводск, 1999. С. 78.
- ¹⁴ *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940—1941 гг. С. 95.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Барышников В.Н., Саломаа Э.* Вовлечение Финляндии во Вторую мировую войну. // Крестовый поход на Россию. С. 127.
- ¹⁷ *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940—1941 гг. С. 122.
- ¹⁸ Там же. С. 126.
- ¹⁹ *Йокиппи М.* Финляндия на пути к войне. С. 135.
- ²⁰ *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940—1941 гг. С. 126.
- ²¹ Там же. С. 126.
- ²² Там же. С. 127.
- ²³ *Барышников В.Н., Саломаа Э.* Вовлечение Финляндии во Вторую мировую войну. // Крестовый поход на Россию. с. 127.
- ²⁴ *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933—1945. Т.3. М.: 2005. С. 76.
- ²⁵ *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940—1941 гг. С. 125.
- ²⁶ *Барышников В.Н., Саломаа Э.* Указ. соч. С. 128—129.
- ²⁷ *Йокиппи М.* Указ. соч. С. 82.
- ²⁸ *Барышников В.Н.* Указ. соч. С. 161.
- ²⁹ Там же. С. 123.
- ³⁰ *Мери В.* Маннергейм — Маршал Финляндии. М.: 1997. С. 159
- ³¹ *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940—1941 гг. С. 125.
- ³² Протокол опроса президента Финляндии маршала К.Г. Маннергейма в связи с судом над военными преступниками Финляндии // Там же. С. 320.
- ³³ *Йокиппи М.* Указ соч. С. 20.
- ³⁴ Там же. С. 29

³⁵ Цит. по: *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940—1941 гг. С. 128, 142—143, 171.

³⁶ Там же. С. 129.

³⁷ *Барышников В.Н., Саломаа Э.* Вовлечение Финляндии во Вторую мировую войну. // Крестовый поход на Россию. С. 145.

³⁸ *Йокиппи М.* Указ. соч. С. 15.

³⁹ *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940—1941 гг. С. 173.

⁴⁰ Беседа наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с посланником Финляндской республики в СССР Ю. Паасикиви. 23 июня 1940 г. // *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 301.

⁴¹ Беседа наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с посланником Финляндской республики в СССР Ю. Паасикиви. 27 июня 1940 г. // *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 302.

⁴² *Акимова Е.А.* Проблема Петсамо в советско-финляндских отношениях в годы Второй мировой войны // Россия и Финляндия в XVIII—XX веках. Специфика границы. Спб., 1999. С. 258.

⁴³ Беседа наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом. 17 июля 1940 г. // *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 308.

⁴⁴ Беседа наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с посланником Финляндской республики в СССР Ю. Паасикиви. 1 ноября 1940 г. // *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 353.

⁴⁵ Беседа наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с посланником Финляндской республики в СССР Ю. Паасикиви. 19 ноября 1940 г. // *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 366.

⁴⁶ *Вуорисярви Э.* Петсамо 1940—1941 гг.: нужен ли был России никель в действительности? // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы восьмой ежегодной Международной научной конференции (13—14 апреля 2006 г.). Спб., 2007. С. 247.

⁴⁷ См.: Беседа первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом Велико-

британии в СССР Р.С. Криппсом. 2 ноября 1940 г. // *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 354.

⁴⁸ План «Барбаросса» // *Дашичев В.И.* Указ. соч. С. 87.

⁴⁹ Распоряжение командующему вооруженными силами в Норвегии относительно его задачи по плану «Барбаросса» // Там же. С. 119.

⁵⁰ *Гальдер Ф.* Военный дневник. 1940—1941. М.: 2003. С. 123.

⁵¹ *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 175.

⁵² Там же. С. 140.

⁵³ *Вуорисярви Э.* Указ. соч. С. 246.

⁵⁴ *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 175.

⁵⁵ *Барышников Н.И., Барышников В.Н.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 34.

⁵⁶ *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 102.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Беседа первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с посланником Финляндской республики в СССР Ю.К. Паасикиви. 30 декабря 1940 г. // *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 390.

⁵⁹ *Йокиппи М.* Указ. соч. С. 93.

⁶⁰ *Паасикиви Ю.К.* Дневники. Война — продолжение. 11 марта 1941—27 июня 1944. СПб., 2004. С. 15.

⁶¹ *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 331.

⁶² *Йокиппи М.* Указ. соч. С. 94.

⁶³ *Гальдер Ф.,* Указ. соч. с. 365.

⁶⁴ *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 165.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 165—166.

⁶⁷ *Септяля Х.* Финляндия как оккупант в 1941—1944 годах // Север.1995, № 4—5. С. 97.

⁶⁸ План «Барбаросса» // *Дашичев В.И.* Указ. соч. С. 86.

⁶⁹ *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 167.

⁷⁰ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 411.

⁷¹ Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 179.

⁷² Цит. по: Йокиппи М. Указ. соч. С. 96.

⁷³ Там же. С. 111.

⁷⁴ Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 183.

⁷⁵ Йокиппи М. Указ. соч. С. 107.

⁷⁶ Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 183.

⁷⁷ Стенограмма допроса бывшего генерала пехоты немецкой армии Э. Бушехагена на заседаниях международного военного трибунала в Нюрнберге. 12 февраля 1946 г. // Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 408.

⁷⁸ Йокиппи М. Указ. соч. С. 108—109.

⁷⁹ Стенограмма допроса бывшего генерала пехоты немецкой армии Э. Бушехагена на заседаниях международного военного трибунала в Нюрнберге. 12 февраля 1946 г. // Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 408—409.

⁸⁰ Йокиппи М. Указ. соч. с. 123—124.

⁸¹ Там же. С. 124.

⁸² Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 159.

⁸³ Йокиппи М. Указ. соч. С. 129—130.

⁸⁴ Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 186.

⁸⁵ Йокиппи М. Указ. соч. С. 113—115.

⁸⁶ Там же. С. 145.

⁸⁷ Там же. С. 146.

⁸⁸ Барышников Н.И. К вопросу о стратегических границах Финляндии // Россия и Финляндия и XVIII—XX вв. С. 283.

⁸⁹ Йокиппи М. Указ. соч. С. 145.

⁹⁰ Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 197.

⁹¹ Там же.

⁹² Паасикиви Ю. —К. Указ. соч. С. 63.

⁹³ Там же. С. 63—64.

⁹⁴ Йокиппи М. Указ. соч. С. 251, 253.

⁹⁵ Сообщение берлинской резидентуры НКГБ СССР. 30 апреля 1941 г. // *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 427.

⁹⁶ Записка наркома госбезопасности СССР В.Н. Меркулова И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берия с агентурным сообщением, характеризующим германо-финские отношения. 8 мая 1941 г. // *Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР.* М.: 1995. С. 75—76.

⁹⁷ Цит. по: *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 196.

⁹⁸ Беседа первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом Великобритании в СССР Р.С. Криппсом. 22 марта 1941 г. // Там же. С. 417.

⁹⁹ *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 612.

¹⁰⁰ *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 201.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² *Йокиппи М.*: Указ. соч. С. 151—154.

¹⁰³ *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 668.

¹⁰⁴ Отчет о переговорах в Цоссене между представителями германского и финского генеральных штабов. 26 мая 1941 г. // *Дашичев В.И.* Указ. соч. С. 132.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ *Йокиппи М.* Указ. соч. с. 157—159.

¹⁰⁷ *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 206.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ *Йокиппи М.* Указ. соч. С. 166.

¹¹⁰ Там же. С. 190—194.

¹¹¹ Записка зам. наркома госбезопасности СССР Б.З. Кобулова И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берия с агентурным сообщением о завершении подготовки Германии к войне с СССР и об использовании территории Финляндии в военных целях. 11 июня 1941 г. // *Секреты Гитлера на столе у Сталина.* С. 154.

¹¹² *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 211.

¹¹³ *Барышников В.Н.* Советско-финляндские отношения в

1940—1941 гг. и вступление Финляндии во Вторую мировую войну // *От войны к миру: СССР и Финляндия 1939—1944 гг.* Спб., 2006. С. 221.

¹¹⁴ Записка зам. наркома госбезопасности СССР Б.З. Кобулова И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берия с агентурным сообщением о решимости Германии вовлечь Финляндию в войну против СССР. 11 июня 1941 г. // *Секреты Гитлера на столе у Сталина*. С. 151—152.

¹¹⁵ *Йокипи М.* Указ. соч. С. 185.

¹¹⁶ Там же. С. 168.

¹¹⁷ Частное письмо председателя комиссии парламента Финляндии по иностранным делам В. Войонмаа. 13 июня 1941 г. // *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 458.

¹¹⁸ *Йокипи М.* Указ. соч. С. 184.

¹¹⁹ Там же. С. 330.

¹²⁰ Там же. С. 213—215.

¹²¹ Цит. по: *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 215.

¹²² Там же. С. 213.

¹²³ *Йокипи М.* Указ. соч. с. 329.

¹²⁴ Там же. С. 230—232.

¹²⁵ *Геуст К. -Ф.* Советская бомбардировка финских аэродромов в июне 1941 г. в начальной стадии «войны продолжения» // *От войны к миру: СССР и Финляндия 1939—1944 гг.* С. 225.

¹²⁶ Здесь и далее советские обозначения приводятся по: *Платонов А.В.* Трагедия Финского залива. Спб., 2005. С. 50—51.

¹²⁷ *Йокипи М.* Указ. соч. С. 283—284.

¹²⁸ Там же. С. 287.

¹²⁹ *Платонов А.В.* Указ. соч. С. 51.

¹³⁰ *Йокипи М.* Указ. соч. С. 281—282.

¹³¹ *Геуст К.Ф.* Указ. соч. С. 226.

¹³² Директива Военным советам ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО, копия народному комиссару военно-морского флота (СССР) // *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 470.

¹³³ *Йокипи М.* Указ. соч. С. 340.

¹³⁴ Беседа наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом. 22 июня

1941 г. // *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 469.

¹³⁵ *Йокипи М.* Указ. соч. С. 289.

¹³⁶ *Геуст К.Ф.* Указ. соч. С. 225.

¹³⁷ *Йокипи М.* Указ. соч. С. 293—294.

¹³⁸ *Геуст К.Ф.* Указ. соч. С. 229.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ *Паасикиви Ю.-К.* Указ. соч. С. 93.

¹⁴¹ *Йокипи М.* Указ. соч. С. 225.

¹⁴² *Барышников Н.И.* Мифы в финской историографии о «войне-продолжении» // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939—1944 гг. С. 203.

¹⁴³ *Йокипи М.* Указ. соч. С. 175.

¹⁴⁴ *Маннергейм К.Г.* Воспоминания. Минск, 2004. С. 345.

¹⁴⁵ *Йокипи М.* Указ. соч. С. 273.

¹⁴⁶ *Геуст К.Ф.* Указ. соч. С. 231.

¹⁴⁷ Там же. С. 237.

¹⁴⁸ *Куманев Г.А.* Об участии Финляндии в составе фашистского блока в войне против Советского Союза 1941—1944 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII—XX вв. М.: 2006. С. 358.

¹⁴⁹ Цит. по: *Барышников Н.И., Барышников В.Н.* Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1985. С. 43.

ЗАГАДКИ «НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА»

Каков был конкретный сценарий вступления Советского Союза в войну с Германией? Этот вопрос на данный момент представляется одним из самых запутанных. Рассмотрим, какие версии были предложены. Начнем с «официальной» советской. Откроем книгу «Начальный период войны» под редакцией генерала армии С. П. Иванова, изданную в 1974 году. Эта книга предназначена явно не для «ширмамасс», а для военных специалистов. Вот, казалось бы, где можно найти ответы на все вопросы по начальному периоду. И действительно, планы сторон по вступлению в войну рассматриваются весьма подробно... пока дело касается войны в Западной Европе. В описании начала Великой Отечественной замыслам и планам фашистской Германии отведена целая глава. Что же касается СССР, вместо планов отражения агрессии (или каких-то других) мы опять видим традиционные лозунги про мудрое руководство коммунистической партии и «происки международного империализма». И каков же был замысел начальных операций? А вот какой: «Советское правительство предусматривало в случае нападения фашистской Германии на СССР подготовить вооруженные силы к нанесению по врагу мощного ответного удара с целью отражения агрессии и перенесения боевых действий на его территорию» (с. 204). Как это осуществить? Дальше дается «рецепт»:

«Поскольку выполнение задач, намеченных планом, предусматривалось осуществить в форме ответного удара после стратегического развертывания главных сил

Красной Армии, то на первом этапе начальных стратегических операций армии прикрытия, развернутые в приграничной полосе, должны были активными оборонительными действиями при поддержке авиации и фронтовых резервов отразить натиск врага и обеспечить тем самым сосредоточение и развертывание всех сил, предназначенных для нанесения ответного удара. Генеральный штаб разработал специальный план обороны государственной границы». Далее достаточно близко к тексту излагаются тогда еще секретные «планы прикрытия»:

«Этим планом ставились задачи: не допустить вторжения противника на территорию СССР; упорной и активной обороной с использованием укрепленных районов и полевых укреплений, построенных по линии государственной границы, прикрыть сосредоточение и развертывание главных сил Красной Армии; противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточение войск приграничных военных округов; всеми видами разведки определить сосредоточение и группировку войск противника; активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и ударами по основным железнодорожным узлам, мостам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника; не допустить высадки (выброски) воздушных десантов и диверсионных групп врага.

В случае прорыва фронта нашей обороны крупными мотомеханизированными войсками противника предусматривалось массированное использование механизированных корпусов, противотанковых артиллерийских бригад и авиации для ликвидации прорыва. При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армий и округов предписывалось быть готовыми по указанию Главного Командования к нанесению стремительных ударов для разгрома перешедших границу

группировок противника и перенесению боевых действий на его территорию».

Правда, в «планах прикрытия» есть еще важное указание (о котором тут не упоминается) о том, что первый переход и перелет границы осуществляется только по приказу Главного Командования.

Итак, первый («официальный советский») сценарий начала войны таков: немцы нападают, их встречают относительно немногочисленные, но отобилизованные еще в мирное время «армии прикрытия», которые останавливают врага, а в случае прорыва крупных мотомехсил в дело вступают мехкорпуса и противотанковые бригады. Все бы ничего, только плотность оборонявшихся войск по «планам прикрытия» была в 3—5 раз ниже уставной для обороны. При такой плотности сколько ни говори «халва» или «упорная оборона», во рту слаще не станет. И все это прекрасно понимали. Это не оборона, это именно прикрытия «на всякий случай», рассчитанное на отражение отдельных вылазок или спонтанных ударов небольшими силами. Кроме того, если приграничные стрелковые дивизии были достаточно боеспособны даже без отобилизования, то мехкорпуса и противотанковые артбригады испытывали острую нехватку автотранспорта и тракторов, которые должны были получить из народного хозяйства в ходе мобилизации. Достаточно представить процедуру сбора тракторов из колхозов, их перегон «своим ходом» со скоростью пешехода (это не метафора, именно такая скорость у них и была!) на железнодорожную станцию, погрузку на платформы, формирование эшелонов, перевозку по забитым железным дорогам за тысячи километров, разгрузку, перегон опять «своим ходом» к месту назначения (которое к тому времени может уже поменяться), и становится понятно, что те же противотанковые артбригады, у которых единственным средством для буксировки орудий были именно трактора, исполь-

зовать согласно «планам прикрытия» сразу после объявления мобилизации никак нельзя.

Посмотрим, как сами авторы объясняют неудачу этого «гениального» плана:

«Считалось, что обе стороны начнут боевые действия лишь частью сил и что для завершения развертывания главных сил Красной Армии, как и главных сил противника, потребуется не менее двух недель. Существовала уверенность, что в течение этого времени армии прикрытия, располагавшие достаточным количеством сил и средств, смогут успешно справиться с возложенными на них задачами, т.е. отразить первый удар врага».

Правда, никакими документами это «считалось, что...» не подтверждается. Более того, пропускная способность железных дорог к границе со стороны Германии как минимум вдвое превышает оную с нашей стороны, это было традиционной головной болью нашего Генштаба еще со времен Тухачевского, когда основным противником считалась Польша (естественно, тогда соотношение было несколько другим, но тоже далеко не в нашу пользу). Например, в ЗАПИСКЕ НАРКОМА ОБОРОНЫ СССР НАЧАЛЬНИКА ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ В ЦК ВКП(б) И.В.СТАЛИНУ В.М.МОЛотову об основах стратегического развертывания вооруженных сил СССР на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы, написанной летом 1940 года, указывался примерный срок развертывания германских армий на наших западных границах — 10—15-й день от начала сосредоточения. В этом же документе дается «расклад» и по отмотобилизованию наших дивизий: к М-6 должны быть готовы 18 дивизий, к М-15 — до 46 дивизий, к М-25 — до 62 дивизий, остальные к М-0 (всего предполагалось развернуть на германской границе 108 дивизий и 7 бригад; в 1941 году состав и дислокация РККА, конечно, несколько изменились, однако общее представление о сравнительных темпах сосредоточения этот документ

дает). Это значит, что при начале «гонки сосредоточений», когда секретность соблюдать уже не требуется (а это возможно в случае начала войны или объявления всеобщей мобилизации Советским Союзом, что в тех условиях однозначно означало скорую войну) и воинские перевозки осуществляются «в полную силу», темп сосредоточения вермахта будет вдвое выше, чем у Красной Армии. К этому еще надо прибавить время, необходимое нам на мобилизацию (в Германии мобилизация уже была проведена). Что получаем в результате? Если состав наших «главных сил», допустим, 100 дивизий, на отмобилизование и сосредоточение которых требуется две недели, то немцы за тот же срок подвезут к границе уже 200 дивизий. Но позвольте, во всем вермахте столько дивизий не было! Какими же силами немцы нанесли первый удар, если 200 дивизий им только ПРЕДСТОИТ сосредоточить? И главное, зачем? Ведь «фирменный почерк» Гитлера был совсем другой — тайно сосредоточить почти все наличные силы (даже оголив потенциально опасные границы) и нанести внезапный мощный удар. Для этого даже термин придумали — «блицкриг». И эта стратегия успешно работала до этого. Почему Гитлер должен был оказать любезность Советскому Союзу, отказавшись от столь успешной стратегии?

Подойдем с другой стороны. По нашим разведанным, к маю у наших границ немцы уже сосредоточили 120 дивизий. Очевидно, что все они будут участвовать в первом ударе (если он, конечно, состоится), а иначе зачем их там сосредотачивать, рискуя серьезными политическими осложнениями с СССР? Также очевидно, что процесс на этом не остановится и сосредоточение будет продолжаться, причем в том же мае наш Генштаб еще допускает возможность опередить противника в развертывании и нанести упреждающий удар. Иными словами, в Генштабе еще не считают, что нападение состоится со дня на день, то есть 120 немецких дивизий (по мнению нашего Генштаба) слишком мало для удара

и еще есть время, чтобы подготовить свой упреждающий удар. Интересно, что в первом ударе «Барбароссы» приняли участие как раз примерно 120 немецких дивизий (всего было выделено 156, но часть из них составляли стратегические резервы, которые 22 июня еще не были подвезены к границе). То есть реальная сила удара была ничуть не выше ожидаемой еще в мае, поэтому выдвинутая маршалом Жуковым версия, ставшая официальной (или, наоборот, официальная версия, озвученная Жуковым), о том, что ждали удара малыми силами, «а они как ломанутся», не выдерживает критики.

После рассекречивания «планов прикрытия», когда лживость официальной версии стала очевидной, появился ее модифицированный вариант, весьма популярный у «антирезунистов». Суть его такова. Доблестная советская разведка должна была вовремя вскрыть сосредоточение противника, и правительство объявляет мобилизацию и вводит «планы прикрытия» еще ДО немецкого нападения, чтобы встретить его «во всеоружии». Действительно, ряд несуразиц «официальной версии» здесь уже отсутствует. В частности, теперь понятно, почему разведке поставлены задачи вскрывать сосредоточение и развертывание противника, а авиации ему препятствовать (если бы немцы уже нанесли удар, и войсковая разведка, и авиация «работали» бы по ударным группировкам противника, а не по подходящим резервам где-то в его тылу). Также становится понятным, почему нельзя переходить или перелетать границу без приказа «свыше» — ведь формально войны пока еще нет. Поскольку точный срок «вскрытия» неизвестен и в фантазиях авторов этой версии он может быть сколь угодно долгим, теоретически возможна ситуация, когда к моменту нападения противника эти пресловутые две недели уже пройдут и РККА полностью отмобилизуется.

Однако надо понимать, что объявление мобилизации еще до гипотетического немецкого нападения сделает

войну практически неизбежной. Это серьезное политическое решение, и основание для него тоже должно быть серьезное. Иными словами, вражеских войск на границе должно быть действительно много. Однако «много» — это сколько «в граммах»? Критерии могут быть разными, вот наиболее очевидные из них:

- 1) больше, чем у нас;
- 2) больше, чем необходимо для обороны.

Второй критерий можно сразу отбросить — при такой длинной границе (примерно 2000 км от Балтийского до Черного моря, из них примерно половина — советско-германская граница, а другая половина — граница с Венгрией и Румынией, которые были союзниками Германии). Всего вермахта не хватило бы, чтобы обеспечить ее оборону с уставной плотностью 8—12 км на дивизию. А вот первый критерий требует пояснения.

Как известно, весной 1940 года граница с немецкой стороны была практически открыта — все силы немцы сосредоточили на Западном фронте. После разгрома союзников войска постепенно стали прибывать на восточную границу, поскольку Западный фронт как таковой перестал существовать. В то же время в 1940 году советские войска с границы никуда не уводились, наоборот, для «освободительных походов» перебрасывались дополнительные войска из внутренних округов. В результате к началу 1941 года сложилась ситуация, когда советских войск у границы было в несколько раз больше, чем немецких. Теперь представим, что немцы начали переброску войск на советско-германскую границу и наша разведка это вскрыла. Как это расценивать? На наши претензии Гитлер ответит — мол, советских войск у границы вон сколько, мы опасаемся за свою безопасность и считаем, что должен быть паритет — количество немецких дивизий у границы должно соответствовать количеству советских. Это справедливое требование, не так ли, герр Сталин? А ведь действительно, на таком же принципе строилась вся наша дипломатия во

время «холодной войны». Принцип паритета как таковой, безусловно, справедлив, и нельзя запретить Германии перебрасывать войска к границе, пока их количество не сравняется с советскими. А что будет, когда сравняется? А тогда уже «поздно пить боржоми». Как было сказано выше, «гонку сосредоточений» мы однозначно проигрываем по объективным причинам (из-за слабости железнодорожной сети, больших расстояний и необходимости тратить время на мобилизацию), поэтому даже если наша разведка вскроет дальнейшее сосредоточение и будет объявлена мобилизация, немцы все равно развернутся первыми и ударят примерно с тем же результатом, как и в «текущей реальности». Поэтому такой план тоже заведомо неработоспособен, и, по сути, эта версия мало отличается от первой, «официальной».

Третья версия была озвучена Виктором Суворовым. Согласно этой версии, основные задачи мобилизации выносятся в предвоенный период, в «День М» мобилизация из тайной становится открытой, одновременно наносится наш удар заранее отмобилизованными «армиями прикрытия» и авиацией с целью срыва развертывания противника и захвата выгодных рубежей. Давайте сразу вынесем за скобки вопрос о том, является ли такой удар в реалиях 1941 года упреждающим или это акт агрессии — юридически правильного ответа на этот вопрос не существует, поскольку на тот момент не было ни четкого определения агрессии, ни четкого определения упреждающего удара. С военной точки зрения принципиальной разницы нет, а политические оценки всегда имеют конъюнктурный характер. Строго говоря, даже в «классической» агрессии против Гитлера не было бы ничего плохого, поскольку он уже поставил себя вне закона и на роль «невинной жертвы» никак не подходил.

Разберем суть этой версии. Первый тезис — обороняться никто и не собирался, хотели нанести свой удар. В мае нашим Генштабом в официальном документе на

имя Сталина была озвучена идея упреждающего удара, поэтому будем рассматривать наш удар с военной точки зрения именно в этом контексте. Что это давало? А это давало «зеркальное отражение» катастрофы 1941 года, только теперь «жертвами» становились уже немецкие войска. Плотность немецкой обороны вдоль границы была раз в 10—15 меньше уставной, прорвать такую оборону никакого труда не составляло. А дальше — многочисленные склады, запасы топлива для танковых дивизий, которые копили почти год, беззащитные штабы и узлы связи, неразвернутая артиллерия, аэродромы с обслугой, отдельные подразделения в отрыве от своих частей... И это «все, что нажито непосильным трудом», в течение нескольких дней оказывается в руках наступающих советских войск. Конечно, потери немцев в живой силе были бы небольшими, они бы организованно с боями отступили за Вислу, не допуская образования «котлов», и в целом ситуация напоминала бы декабрь 1941 года. Потери танков и самолетов тоже были бы небольшими — по той простой причине, что танки, по соображениям секретности, обычно перебрасывают в самый последний момент, буквально за несколько дней до своего наступления, а самолеты всегда могут просто улететь, если аэродромы не выведены из строя (а это достаточно трудная задача, тем более для советских ВВС). В результате фронт стабилизировался бы по Висле, потери в живой силе у нас и немцев были бы соизмеримыми, потери в танках у нас были бы больше (так как мы, в отличие от немцев, как раз массово использовали бы танки, а любое использование всегда сопровождается потерями, в том числе небоевыми), потери в артиллерии были бы больше у немцев (ее бы просто не успели эвакуировать). Самое главное — немцы на какое-то время оказались бы без горючего, так как накопленные запасы захвачены, а путь к румынской нефти отрезан. В любом случае такая «начальная позиция» была нам куда выгоднее, чем реалии 1941 года.

Альтернативой нашему первому удару была бы оборонительная стратегия. Однако реальный оборонительный план (рассчитанный именно на отражение удара главных сил и вводимый по факту начала войны, т.е. перехода границы противником) должен был предусмотреть отнесение линии обороны назад, иначе мы просто не успевали вовремя отобилизовать и развернуть войска на приграничном рубеже обороны и были обречены на разгром по частям (что и было в реальности). Вот что писал по поводу начального периода войны известный военный теоретик Свечин в своем труде «Стратегия», написанном в 1927 году:

«Для всех организационных мероприятий чрезвычайно важен правильный выбор того рубежа, на котором намечен сбор подвозимых войск; этот рубеж, являясь исходным положением для наступления, в то же время должен давать выгоды для обороны, так как вначале на нем должны будут держаться войска прикрытия, а затем, в случае если неприятель предупредит нас в сосредоточении на нем, быть может, явится необходимость вступить в бой одной частью армии для обеспечения сосредоточения другой. В том случае, если неприятель по своей мобилизационной готовности и силе железных дорог нас превосходит, этот рубеж должен быть достаточно удален от границы, чтобы дать нам выигрыш нужного времени. Наличие долговременных укреплений, сильная местная преграда, богатство приграничных районов являются основанием для того, чтобы избрать тот или иной рубеж близ границы, с возможно меньшей потерей территории. Ввиду возможности втянуться в районе развертывания в бои, чрезвычайно важные по своему объему и напряжению, весьма важно рассчитать самым точным образом время, необходимое неприятелю для мобилизации и сосредоточения, а также для марша из его района развертывания к нашему. Крайне желательно, чтобы к моменту столкновения мы

располагали в районе развертывания достаточными силами для сопротивления. Наличие 1/3 части корпусов позади, на рельсах, не может служить доводом в пользу необходимости отнесения линии развертывания далее вглубь. Эта треть, при искусном ведении операции, явится в выигрышном положении оперативного резерва, который сумеет вступить в бой в решительную минуту, так как современные крупные столкновения затягиваются на много дней».

Лучшим рубежом была бы линия укреплений на старой границе, т.н. Линия Сталина. Почему именно она? Да просто при развертывании западнее старой границы опять в полный рост встает проблема «бутылочного горла» коммуникаций на линии старой границы, и темп сосредоточения будет таким же низким, что и при развертывании на новой границе. Скажем, в полосе КОВО к старой границе с востока подходило 9 железнодорожных колеи с пропускной способностью 259 пар поездов в сутки, а на «новые территории» вело уже 6 колеи с пропускной способностью всего 108 пар поездов в сутки (для сравнения — для перевозки одной отмотобилизованной дивизии требовалось примерно 35—40 эшелонов). А развертываться восточнее Линии Сталина тем более смысла нет — выгод никаких, но при этом теряется территория и худо-бедно подготовленный рубеж УРов. При выборе такой стратегии уже немцам пришлось бы сначала преодолеть «бутылочное горло» на новой границе (которое еще уже, чем на старой), а затем еще одно уже на старой. Причем пехоте пришлось бы топтать 300—400 километров между новой и старой границами ножками, что безусловно способствует общему укреплению здоровья, но не способствует быстрому сосредоточению войск. А танковые группы, далеко оторвавшиеся от пехоты, сами по себе не предназначались для прорыва подготовленной обороны, и их бы остановили на Линии Сталина (тем более и отмотобилизо-

ванные мехкорпуса, и противотанковые бригады — вот они, под боком, готовы к встрече «дорогих гостей»). Таким образом, отнесение рубежа развертывания на линию старой границы позволяло бы выиграть время на мобилизацию, увеличить время сосредоточения для противника (потому что ему пришлось бы «пропихивать» войска в узкое «бутылочное горло» на новой границе, а затем повторно сосредотачиваться и развертываться уже в условиях ведущейся войны для атаки Линии Сталина) и уменьшить это время для нас (советским войскам уже безразлично «бутылочное горло» у старой границы, плечо подвоза из внутренних округов сократилось на 300—400 км, войска изначально более плотно расквартированы вблизи старой границы, на мобилизацию и развертывание практически не влияют действия вражеской авиации — дальность бомбардировщиков на пределе, а истребители вообще туда не долетают).

Однако отнесение рубежа обороны назад даже не рассматривалось, то есть стратегическая оборона не планировалась в принципе. Вместо этого предусматривалось создание эшелонированной обороны в полосе между старой и новой границами, при этом Линию Сталина предусматривалось использовать как одну из последних тыловых полос. Правда, какими войсками планировалось заполнять эти рубежи, непонятно — ведь войск не хватало даже для «плотного» заполнения одного рубежа, да и со сроками было «что-то не то». Например, на пути Гудериана по «планам прикрытия» на тыловом рубеже в районе Пружаны — Городец (60 км от границы) должен был развертываться 47-й стрелковый корпус. Однако сосредоточить его там планировалось только к М-10. Разумеется, Гудериан ждать не стал и вышел на этот рубеж на неделю раньше наших войск, которые должны были его оборонять.

Второй тезис версии Виктора Суворова — одновре-

менно с началом всеобщей мобилизации наносится удар нашими «армиями прикрытия», в первую очередь мехкорпусами, а авиация наносит массированный удар по вражеским аэродромам. Логически этот тезис безупречен — «мобилизация есть война», и любая задержка с переходом в наступление может дорого нам обойтись. Даже несколько дней могут дать немцам возможность подготовить рубежи обороны, отвести на них имеющиеся войска, перебросить своим ходом танковые и мотопехотные дивизии на тыловые рубежи для их использования в качестве подвижного резерва (на что немцы были мастера), эвакуировать все что можно (а что нельзя эвакуировать — подготовить к уничтожению), перебросить авиацию и т.п. Поэтому фактор внезапности тут ключевой. Однако есть один нюанс — все это... противоречит документам. Надо признать, что рассекреченные «планы прикрытия» дали сильный козырь «антирезунистам». Ведь из «планов прикрытия» явно следует, что в первые две недели после их введения активных действий не планируется и наступательных задач войскам не ставится. Например, действия авиации КОВО (самого сильного из наших округов) до М-4 планировались сугубо пассивные:

1) борьба с авиацией противника над нашей территорией с целью не допустить проникновения ее в глубь страны;

2) перехватывать и уничтожать самолеты разведки противника;

3) прикрывать выдвижение, сосредоточение, выгрузку наших войск и обеспечить нормальную работу железных дорог;

4) совместными действиями с наземными войсками препятствовать прорыву противника на нашу территорию, и особенно его механизированных соединений;

5) вести самую интенсивную разведку на вскрытие сосредоточения противника, его группировок и аэродромной сети.

А дальше? С четвертого дня от начала сосредоточения 23, 76 и 77-я смешанные авиадивизии (т.е. состоящие из бомбардировочных и истребительных авиаполков) «приступают к борьбе с железнодорожными перевозками и срыву сосредоточения противника». Иными словами, даже на 4-й день после начала мобилизации сосредоточение противника еще в самом разгаре.

Конечно, в «планах прикрытия» есть оговорка, что нужно быть готовым к переходу в наступление, если последует такой приказ, однако ее явно недостаточно, чтобы считать эти планы наступательными. Оборонительные задачи расписаны достаточно подробно: указаны возможные направления ударов противника (правда, в большинстве своем они совпадают с имеющимися магистралями, то есть серьезный анализ возможных планов противника не проводился и были просто тупо перечислены все потенциально возможные направления наступления), определены рубежи (в том числе тыловые), соединениям нарезаны полосы для обороны и т.п., вплоть до определения потребности в рабсиле и количества подвод для инженерного оборудования рубежей. Да и объективно мехкорпуса (главная ударная сила) будут полностью боеспособны только через несколько дней после начала мобилизации, когда получат причитающиеся им грузовики из народного хозяйства. Да и почему им ставится задача совместно с противотанковыми бригадами участвовать в ликвидации прорывов мотомехсил противника, если они, по идее, уже должны громить врага на его территории? Почему на эти две недели выделяется жесткий лимит расхода боеприпасов и горючего? В результате получается парадокс. «Версия В. Суворова» безупречна с логической точки зрения, однако противоречит имеющимся документам. «Официальная версия» на первый взгляд подтверждается документами, однако это полный идиотизм

с военной точки зрения. Как разрешить это противоречие?

И Виктор Суворов, и «исторические генералы» делают одну ошибку: они подразумевают, что «День М» — это начало всеобщей ОТКРЫТОЙ мобилизации и планы прикрытия вводятся одновременно с ее началом. Откуда это следует? Ведь известно (и об этом пишет сам В. Суворов), что в СССР к тому времени была подробно разработана процедура тайной мобилизации (индивидуальными повестками). Причем по масштабу такая мобилизация могла быть соизмерима со всеобщей. Разумеется, держать в тайне разовый призыв нескольких миллионов человек и изъятие сотен тысяч тракторов и автомобилей невозможно. Однако этот процесс можно растянуть по времени, чтобы это не бросалось в глаза слишком явно. В конце концов, можно придумать какой-нибудь предлог (например, для призывников — учебные сборы, для грузовиков и тракторов — необходимость скорейшего завершения строительства УРов, что, кстати, является правдой — ситуация с транспортом на строительстве Линии Молотова была аховая, приходилось даже нанимать подводы у местных крестьян за деньги, что было явно экономически невыгодно и сводило на нет всю секретность строительства). В любом случае тайная мобилизация, в отличие от открытой, еще не «казус белли». Даже если она будет вскрыта вражеской агентурой, на сбор и анализ информации, ее проверку, обсуждение по инстанциям и принятие решения со всеми бюрократическими «заморочками» уйдет как минимум неделя, а к тому времени задача тайной мобилизации будет выполнена. Собственно, нигде нет и прямых указаний на то, что «планы прикрытия» вводятся одновременно с объявлением мобилизации, как не указан и вид этой мобилизации (тайная или открытая). Виктор Суворов в полемическом задоре настолько увлекся тезисом о том, что тайная мобилизация уже и так

шла все предвоенные месяцы, что следующим шагом для него могла быть только всеобщая открытая мобилизация, и никак иначе. Однако масштабы тайной мобилизации могут отличаться в десятки раз. Конечно, некоторые мероприятия были вынесены в предвоенный период — 800 тысяч солдат были призваны на «учебные сборы», потихоньку шла мобилизация грузовиков и т.п. Однако это были «цветочки», основной процесс тайной мобилизации был еще впереди. Итак, достаточно лишь допустить, что «День М» — это начало не открытой, а масштабной тайной мобилизации, и все встает на свои места.

Итак, предлагаю свою версию советского сценария начала войны. После принятия соответствующего политического решения вводятся «планы прикрытия» и начинается тайная мобилизация. В принципе ничего не мешает начинать этот процесс не одновременно во всех округах, а по очереди — с таким расчетом, чтобы мобилизация в них закончилась одновременно, а также чтобы сбить с толку разведку противника. В этом случае первым нужно начинать мобилизацию в КОВО — во-первых, там больше всего войск и на мобилизацию потребуется больше времени, и во-вторых, это главная ударная сила намечающегося удара, и этот «кулак» желательно подготовить еще до того, как противник раскроет наши намерения. Дальнейшие действия зависят от реакции немцев. Тут возможны следующие варианты:

1. Немцы ничего не заметили, продолжают тайное сосредоточение.

2. Мобилизация раскрыта, но планы немцы решили не менять.

3. Мобилизация раскрыта, немцы решили форсировать сосредоточение и развертывание, чтобы ударить раньше.

4. Мобилизация раскрыта, немцы решили ударить

уже развернутыми на текущий момент силами, чтобы сорвать наше развертывание.

5. Мобилизация раскрыта, немцы решили отвести войска и перейти к обороне.

С точки зрения разведки первая и вторая ситуация ничем не отличаются. В этом случае тайная мобилизация длится положенные ей две недели, за это время полностью отмобилизовывается первый стратегический эшелон и развертываются ударные группировки. На 15-й день начинается наше наступление, одновременно объявляется всеобщая мобилизация и начинается отмобилизование второго стратегического эшелона и массовая переброска войск, призывников и транспорта из внутренних округов. Кстати, эти варианты наиболее правдоподобны, поскольку немцы от нас удара не ожидали в принципе, но в то же время были готовы к тому, что РККА будет как-то реагировать на их сосредоточение. Проведение тайной мобилизации и перегруппировка войск по «планам прикрытия» вполне ложились в их концепцию и не требовали какого-либо изменения планов. Наоборот, утром 22 июня они были удивлены как раз отсутствием видимой реакции и полной безмятежностью на советской стороне.

Для третьего варианта сценарий будет другой. Чтобы не допустить упреждения РККА в развертывании, советский удар будет нанесен раньше, как только отмобилизуются «первоочередные» мехкорпуса КОВО. Задачи при этом тоже будут скорее всего более скромные, глубина операции меньше, а в случае чего вполне можно отойти обратно на рубеж госграницы. То есть это, по сути, будет этакий «набег» с целью срыва развертывания и уничтожения разнообразного имущества противника (оружие, боеприпасы, топливо и т.п.), которое он успел перебросить в приграничную полосу, и выигрыша времени на проведение мобилизации и развертывание.

При этом дивизии первого стратегического эшелона, находящиеся в резерве округов, будут отобилизовываться уже в ходе войны. Разумеется, всеобщая мобилизация будет объявлена одновременно с переходом в наступление — таиться уже смысла не будет. Именно для этого варианта сработает указание о том, что нужно быть готовым к переходу в наступление «досрочно».

В четвертом варианте работают наши оборонительные приготовления. Никто не может знать заранее, какая будет группировка противника на тот момент, однако большого количества танков ожидать не приходится — как было сказано, бронетехника обычно перебрасывается в последнюю очередь, и уж коли она уже переброшена (то есть до нападения по плану осталось несколько дней), то проще продолжить выполнять этот план, а не импровизировать на ходу. Конечно, подвижные войска потому и называются подвижными, что их можно быстро перебросить за сотни километров буквально за одну ночь, поэтому в таком ударе можно задействовать и те танки, которые на момент принятия решения были достаточно далеко. Но топливо, запчасти и прочие «мелочи» обычно накапливаются заранее, и быстро перебросить их невозможно. Не стоит забывать об отсутствии авиационной поддержки, нехватке саперов, понтонеров, артиллерии, обычной пехоты (которая размазана на сотню километров в глубину от границы), диверсантов для захвата мостов, неготовности союзников и прочих «радостях жизни», неизбежных при подобных импровизациях.

Пятый вариант подобен третьему — тут тоже надо наносить досрочный удар, не дожидаясь полного отобилизования. Однако этот вариант представляется самым неправдоподобным.

Кстати, ситуация с «планами прикрытия» чем-то напоминает извечный вопрос о курице и яйце. Действительно, дивизии должны быть развернуты на позициях

еще до начала мобилизации, чтобы ее прикрыть. С другой стороны, чтобы вывести дивизии со всем тыловым «скарбом», необходимы лошади и грузовики... которые еще не поступили по мобилизации.

На текущий момент документы о наших планах первой стратегической операции не рассекречены, что оставляет достаточно большой простор для фантазии. Однако даже их рассекречивание не даст ответа на все вопросы, поскольку ключевым из них была процедура принятия политического решения на проведение мобилизации, что в реалиях 1941 года фактически означало неминуемое начало войны. А какими критериями тов. Сталин собирался руководствоваться при принятии этого решения, мы уже вряд ли когда-нибудь узнаем.

Александр Музафаров

ДВОЙНАЯ ТАЙНА 1941 ГОДА — ПАНИКА В РККА — ПРИЧИНЫ, СЛЕДСТВИЯ, ЗАГАДКИ

Светлой памяти Г.А. Соколовой посвящается...

«Россия нам отечество: ее судьба и в славе и в унижении равно для нас достопамятна», — писал в свое время отец русской истории Николай Михайлович Карамзин. События лета 1941 года вряд ли можно отнести к славным страницам нашей истории. Скорее уж к трагическим, но в этой трагедии, помимо горечи поражения, было нечто еще более горькое — паника и деморализация армии. Это явление не то чтобы скрывалось в советской историографии войны — его масштабы были слишком велики для этого, — но упоминалось как бы вскользь, неохотно, мол, да, была паника, но были и те, кто героически выполнял свой долг... И дальше шел рассказ о героизме храбрых. Это и понятно — рассказывать о героях, пусть и проигранных сражений, куда поучительнее и интереснее, чем о тех, кто, бросая позиции и оружие, бежал куда глаза глядят... Но без этого рассказа, без рассмотрения этого явления, его причин и последствий мы никогда не сможем полностью понять, что же произошло в роковом июне 1941 года. Поэтому пришло время приподнять покров тайны с одной из самых горьких страниц нашей истории.

Внезапность, которой не было

Одной из главных причин, которой советская историография объясняла неудачное начало войны, была пресловутая «внезапность нападения». Мы остановимся на этом вопросе подробно, потому что именно внезапность нападения в советской историографии считалась

чуть ли не единственной причиной тех фактов паники, которые нехотя признавались.

Можно проследить эволюцию этой версии от 1941 года до наших дней.

Впервые о внезапности нападения как одной из причин поражения Советской Армии в приграничных сражениях заговорил не кто иной, как сам товарищ Сталин. Говоря о причинах неудач РККА, он заявил: *«Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 году между ней и СССР... Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск...»*¹

Впрочем, через некоторое время причину успеха немецкого нападения стали видеть в деятельности... самого товарища Сталина. Преемник Сталина во главе советского государства Н.С. Хрущев с трибуны XX съезда партии обличал ушедшего в мир иной вождя, рассматривая тезис о внезапности как попытку самооправдания Сталина: *«В ходе войны и после нее Сталин выдвинул такой тезис, что трагедия, которую пережил наш народ в начальный период войны, является якобы результатом «внезапности» нападения немцев на Советский Союз. Но ведь это, товарищи, совершенно не соответствует действительности»*.

Подлинными причинами успеха немцев, по мнению Хрущева, являлись *«беспечность и игнорирование очевидных фактов»* со стороны самого Сталина.

Но после ухода Хрущева от власти тезис о «внезапности» вновь вернулся на место главного фактора успеха германской армии летом 1941 года, при этом в качестве причин достижения немцами внезапности одно из первых мест заняли *«просчеты советского руководства и лично Сталина»*.

В многочисленных публицистических статьях и исторических исследованиях позднесоветского периода появились тезисы о том, что Сталин *«не верил в воз-*

можность нападения на СССР» или «боялся Гитлера» и т.д. В общем, тезис о «внезапности» нападения немцев оказался весьма живуч.

Однако публикация в самом конце XX — начале XXI века многих документов и нецензурированных мемуаров позволяет нам не просто отнестись к нему критически, но и полностью отвергнуть его.

Рассмотрим ситуацию на основании того, что мы знаем сейчас. Осенью 1939 года советское руководство приняло решение о нейтралитете страны в начавшейся Второй мировой войне. У этого решения были очевидные плюсы (они подробно описаны еще советской историографией, поэтому здесь мы их рассматривать не будем), но были также и весьма серьезные минусы, главным из которых была крайне неблагоприятная ситуация для Советской Армии в случае конфликта с Германией.

Начав войну, немцы провели полную мобилизацию и укомплектовали армию по штатам военного времени. Советские же вооруженные силы после окончания Польского похода и Зимней войны вернулись к состоянию мирного времени. Для приведения их в боеготовность необходимо было провести мобилизацию, сосредоточение и развертывание согласно заранее разработанным планам. Все это требует времени, причем немцы получают значительную фору — их войска уже отмобилизованы, а для сосредоточения и развертывания им нужно куда меньше времени, чем советским войскам, благодаря наличию более развитой транспортной инфраструктуры и меньших расстояний.

Первоначально советское руководство полагало, что располагает достаточным запасом времени, однако быстрый разгром немцами французской армии и английского экспедиционного корпуса резко изменили ситуацию. Точкой отсчета, по-видимому, стали берлинские переговоры между наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым и гитлеровским руководством. Имен-

но после них Гитлер подписал свою директиву № 18, известную как план «Барбаросса». Советское руководство также стало предполагать возможность развития событий по наихудшему варианту.

В январе 1941 года в Генштабе РККА при активном интересе со стороны политического руководства страны прошла серия штабных игр на картах с участием высшего командного состава армии. Примечательно, что все игры были посвящены возможному развитию событий на советско-германском рубеже соприкосновения. По итогам этого мероприятия были произведены значительные кадровые перестановки в высшем эшелоне армии².

Весной 1941 года внешняя разведка СССР стала информировать советское военное и политическое руководство о намерении Германии решить все проблемы в отношениях с СССР военным путем. Безусловно, информация носила весьма отрывочный, малодостоверный, а подчас и сумбурный характер, но и из нее были сделаны вполне определенные выводы.

По-видимому, в конце марта война стала считаться вполне вероятной, в апреле — мае под видом «Больших учебных сборов» в войска были призваны около 800 тыс. резервистов — т.е. началась скрытая мобилизация. В это же время началась переброска войск из тыловых округов в приграничные — т.е. скрытое сосредоточение советских войск.

Не позднее 15 мая 1941 года нарком обороны СССР и начальник Генштаба РККА подают Сталину соображения по возможному ведению войны с Германией. Сей документ, опубликованный в 90-е годы XX века, показывает, что как минимум военным руководством СССР война с Германией летом 1941 года воспринималась как вполне вероятное событие. Современные историки предполагают, что представленный документ не был утвержден Сталиным, однако не позднее 20-х чисел мая Генштаб РККА отдает директивы приграничным

округам о разработке к 25 мая 1941 года точных планов прикрытия государственной границы³.

19 июня наркомат обороны отдает приказ о расщедоточении авиации и маскировке полевых аэродромов.

В это же время отдается распоряжение о выдвигении окружных штабов на специально оборудованные командные пункты.

21 июня политбюро решает вопрос о назначении командующих фронтами, и в тот же день вечером наркомат обороны отдает Директиву № 1 о расщедоточении авиации, занятии огневых точек приграничных укрепрайонов и т.д.

Документы показывают, что советское руководство ожидало войну в конце июня или начале июля 1941 года и в своих расчетах ошиблось совсем не намного.

Как показывают исследования М. Мельтюхова, в результате частичной мобилизации и переброски войск из тыловых округов советское командование сумело сосредоточить у западной границы силы, сопоставимые с армией вторжения⁴.

Красная Армия		Противник	Соотношение
Дивизии	190	166	1,1:1
Личный состав	3 289 851	4 306 800	1:1,3
Орудия и минометы	59 787	42 601	1,4:1
Танки и штурмовые орудия	15 687	4171	3,8:1
Самолеты	10 743	4846	2,2:1

Как мы видим, за немцами остается лишь незначительное преимущество в личном составе.

Таким образом, опубликованные в настоящее время

документы позволяют утверждать, что нападение Германии не было для советского военного и политического руководства неожиданным, его ожидали, к нему готовились. Мы не беремся оценить качество этой подготовки, адекватность и продуманность принятых решений, но сам факт их принятия не позволяет нам говорить о «внезапности» войны для высшего руководства СССР.

И начало войны не вызывает у советского руководства паники или рассеянности. В войска оперативно направляются Директивы № 2 и № 3, явно вытекающие из предвоенных планов, для координаций действий войск и помощи командующим фронтами в войска выехали представители Верховного Командования — Г.К. Жуков, Г.И. Кулик, К.А. Мерецков, первые сводки с фронтов обнадеживали, но... Но вскоре ситуация резко ухудшилась, и одной из причин этого стала начавшаяся в войсках паника.

Паника, как это было

Как мы уже упоминали выше, в советской историографии это явление практически не рассматривалось. Только иногда упоминалось: «да, была паника, но...», после чего следовал рассказ о мужестве тех, кто панике не поддался. Лишь отдельные упоминания в мемуарах да опубликованные в наши дни документы донесли до нас описание страшной трагедии.

Из мемуаров Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского:

«Наблюдались случаи, когда даже целые части, попавшие под внезапный фланговый удар небольшой группы вражеских танков и авиации, подвергались панике... Боязнь окружения и страх перед воображаемыми парашютными десантами противника в течение длительного времени были настоящим бичом. И только там, где были крепкие

кадры командного и политического состава, люди в любой обстановке дрались уверенно, оказывая врагу организованный отпор.

Как пример приведу случай, имевший место на участке, занимаемом корпусом. На КП корпуса днем был доставлен генерал без оружия, в растерзанном кителе, измученный и выбившийся из сил, который рассказал, что, следуя по заданию штаба фронта в штаб 5-й армии для выяснения обстановки, увидел западнее Ровно стремглав мчавшиеся на восток одна за другой автомашины с нашими бойцами. Словом, генерал уловил панику и, чтобы узнать причину, породившую ее, решил задержать одну из машин. В конце концов это ему удалось. В машине оказалось до 20 человек. Вместо ответов на вопросы, куда они бегут и какой они части, генерала втащили в кузов и хором стали допрашивать. Затем, не долго думая, объявили переодетым диверсантом, отобрали документы и оружие и тут же вынесли смертный приговор. Изловчившись, генерал выпрыгнул на ходу, скатился с дороги в густую рожь. Лесом добрался до нашего КП.

Случаи обстрела лиц, пытавшихся задержать паникеров, имели место и на других участках. Бегущие с фронта поступали так, видимо, из боязни, чтобы их не вернули обратно. Сами же они объясняли свое поведение различными причинами: их части погибли и они остались одни; вырвавшись из окружения, были атакованы высадившимися в тылу парашютистами; не доезжая до части, были обстреляны в лесу «кукушками», и тому подобное.

Весьма характерен случай самоубийства офицера одного из полков 20-й тд. В память врезались слова его посмертной записки. «Преследующее меня чувство страха, что могу не устоять в бою, — извещалось в ней, — вынудило меня к самоубийству».

Случаи малодушия и неустойчивости принимали различные формы. То, что они приобрели не единичный характер, беспокоило командный и политический состав, партийные и комсомольские организации, вынуждало прини-

мать экстренные меры для предотвращения этих явлений»⁵.

Из мемуаров генерал-лейтенанта Поппеля:

«Когда до Яворова оставалось километров пятнадцать-двадцать, в узком проходе между разбитыми грузовиками и перевернутыми повозками моя «эмка» нос в нос столкнулась со штабной машиной. Разминуться невозможно. Я вышел на дорогу. За встречным автомобилем тракторы тащили гаубицы.

Меня заинтересовало — что за часть, куда следует. Из машины выскочили майор со старательно закрученными гусарскими усами и маленький круглый капитан. Представились: командир полка, начальник штаба.

— Какая задача?

Майор замялся:

— Спасаем матчасть...

— То есть как — спасаете? Приказ такой получили?

— Нам приказ получать не от кого — штаб корпуса в Яворове остался, а там уже фашисты. Вот и решили спасти технику. У старой границы пригодится...

Второй раз за какие-нибудь час-полтора я слышал о старой границе. Мысль о ней, как о рубеже, до которого можно отступить, а там уж дать бой, накрепко засела в мозгах многих красноармейцев и командиров. Такая мысль примиряла с отступлением от новой государственной границы. Об этом — заметил я у себя в блокноте — надо будет при первой же возможности предупредить политработников.

Что до гаубичного полка, то мне стало ясно: артиллеристы самовольно бросили огневые позиции. Я приказал остановиться, связаться с ближайшим штабом стрелковой части и развернуть орудия на север.

Усатый майор не спешил выполнять приказ. Пришлось пригрозить:

— Если попытаетесь опять «спасать матчасть», — пойдете под суд»⁶.

Из протокола допроса бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Д.Г. Павлова:

«...были поставлены литовские части, которые воевать не хотели. После первого нажима на левое крыло прибалтов литовские части перестреляли своих командиров и разбежались...»⁷.

Из мемуаров генерала армии А.В. Горбатова:

«В тот период войны, особенно в первый месяц, часто можно было слышать: «Нас обошли», «Мы окружены», «В нашем тылу выброшены парашютисты» и т. п. Не только солдаты, но и необстрелянные командиры были излишне восприимчивы к таким фактам, обычным в ходе современной войны; многие были склонны верить преувеличенным, а зачастую и просто нелепым слухам.

Не доехав километра три до переднего края обороны, я увидел общий беспорядочный отход по шоссе трехтысячного полка. В гуще солдат шли растерянные командиры различных рангов. На поле изредка рвались снаряды противника, не причиняя вреда. Сойдя с машины, я громко закричал: «Стой, стой, стой!» — и после того, как все остановились, скомандовал: «Всем повернуться кругом». Повернув людей лицом к противнику, я подал команду: «Ложись!» После этого приказал командирам подойти ко мне. Стал выяснять причину отхода. Одни отвечали, что получили команду, переданную по цепи, другие отвечали: «Видим, что все отходят, начали отходить и мы». Из группы лежащих недалеко солдат раздался голос: «Смотрите, какой огонь открыли немцы, а наша артиллерия молчит». Другие поддержали это замечание.

Мне стало ясно, что первой причиной отхода явилось воздействие артогня на необстрелянных бойцов, второй причиной — провокационная передача не отданного старшим начальником приказа на отход. Главной же причиной была слабость командиров, которые не сумели остановить панику и сами подчинились стихии отхода.

Вскоре мы стали догонять разрозненные группы, идущие на восток, к станциям Лиозно и Рудня. Остановившаяся

их, я стыдил, ругал, приказывал вернуться, смотрел, как они нехотя возвращаются, и снова догонял следующие группы. Не скрою, что в ряде случаев, подъезжая к голове большой группы, я выходил из машины и тем, кто ехал впереди верхом на лошади, приказывал спешиваться. В отношении самых старших я преступал иногда границы дозволенного. Я сильно себя ругал, даже испытывал угрызения совести, но ведь порой добрые слова бывают бессильны»⁸.

Александр Васильевич Горбатов был заместителем командира 25-го стрелкового корпуса РККА. Недавно опубликованные документы описывают трагическую судьбу этого соединения:

«10—20 июля сего года части 25-го ск, занимавшие оборону в районе города Витебска, Сураж-Витебский, позорно разбежались, открыли дорогу противнику для продвижения на Восток, а впоследствии, попав в окружение, потеряли большинство личного состава и материальную часть.

К 17.00 в тот же день генерал-майор Честохвалов сообщил, что мехчасти противника прорвались в районе Витебска и движутся по шоссе Витебск — Сураж, «штаб окружен». Приказал корпусным частям отходить на восток, бросив на произвол находившиеся в обороне на западном берегу Западной Двины части 134-й сд.

После указания командира корпуса Честохвалова об отступлении началось паническое бегство на восток. Первыми побежали штаб корпуса и 2-й эшелон штаба 134-й сд, возглавляемый начальником штаба дивизии подполковником Светличным, который с 9 июля на КП отсутствовал — «отстал» и только к моменту отхода 12 июля прибыл в село Прудники». (Полный текст документа смотри в Приложении.)

Итогом стало пленение противником большей части бойцов трех дивизий, входивших в состав корпуса, в том числе и самого генерала Честохвалова.

25-й стрелковый корпус не был единственным соединением РККА, бежавшим с поля боя:

«6 июля у Нового Мирополя потерпела поражение, понеся большие потери людьми и материальной частью, 199-я стрелковая дивизия. Особый отдел Юго-Западного фронта в связи с этим произвел расследование, в результате которого установлено: 3 июля командующий Юго-Западным фронтом приказал 199-й стрелковой дивизии к утру 5 июля занять и прочно удерживать южный фас Новоград-Волынского укрепрайона. Этот приказ командование дивизии выполнило с опозданием. Части дивизии заняли оборону позже указанного срока, кроме того, во время марша не было организовано питание бойцов. Люди, особенно 617-го стрелкового полка, прибыли в район обороны истощенными. После занятия района обороны командование дивизии не произвело разведку сил противника, не приняло мер к взрыву моста через р. Случь на данном участке обороны, что дало возможность противнику перебросить танки и мотомехпехоту. В связи с тем, что командование не установило связи штаба дивизии с полками, 6 июля 617-й и 584-й стрелковые полки действовали без всякого руководства со стороны командования дивизии. Во время паники, создавшейся в подразделениях при наступлении противника, командование не сумело предотвратить начавшееся бегство. Управление штаба дивизии разбежалось. Командир дивизии Алексеев, зам. командира по политчасти Коржев и начальник штаба дивизии Герман оставили полки и с остатками штаба бежали в тыл».

«Части 199-й стрелковой дивизии разысканы в Олышаны (40 км юго-восточнее Белая Церковь)».

Современный историк вынужден констатировать: *«За 6 дней соединение проделало путь в 300 км, по 50 (!!!) км в день. Это темп, превышающий нормативы на форсированный марш стрелковой дивизии. На язык просится неприятное слово «бегство»⁹.*

Из Гомельского обкома партии в Кремль доносили: *«...деморализующее поведение очень значительного числа*

командного состава: уход с фронта командиров под предлогом сопровождения эвакуированных семейств, групповое бегство из части разлагающе действует на население и сеет панику в тылу»¹⁰.

Можно привести и другие примеры с других фронтов и направлений, где происходили такие же явления, однако и приведенных выше цитат достаточно, чтобы понять — паника первых недель войны была массовой и охватила сотни тысяч человек. Паника была массовой и стала одной из причин сокрушительного поражения РККА в приграничном сражении — безусловно, превосходство в организации, технике, уровне командования давало гитлеровским войскам изрядные преимущества, но они могли бы хоть частично быть компенсированы храбростью и стойкостью красноармейцев, но увы — летом 1941 года храбрость и стойкость проявляли лишь единицы.

Можно отметить ряд важных особенностей рассматриваемого нами явления:

— в наименьшей степени панике были подвержены механизированные (танковые) части, моряки и войска НКВД. В ходе работы над темой автору не удалось отыскать ни одного упоминания о панике среди бойцов пограничных войск НКВД;

— на втором месте по стойкости оказываются ВВС, артиллерия и кавалерия;

— наименее же стойкой оказалась «царица полей» — пехота.

Панике оказались подвержены не только и не столько недавно мобилизованные резервисты, но и кадровые части РККА. И это уже само по себе вызывает особый интерес. Из военной истории мы знаем, что кадровые части, прошедшие хорошую военную подготовку в мирное время, укомплектованные наиболее оптимальными по своим возрастным и психологическим данным

солдатами призыва мирного времени, являются, как правило, и наиболее стойкими в бою. И эту их особенность полководцы массовых армий старались использовать.

Так, в ходе Гражданской войны в США командование северных штатов, формируя многочисленную добровольческую армию, намеренно оставило нетронутыми немногочисленные кадровые части, используя их как наиболее надежные и обученные резервы в решающие моменты сражений.

Перед Первой мировой войной французское военное командование намеренно не включало резервистов в кадровые части мирного времени; полагая, что это могло подорвать их «элан виталь» — боевой дух.

Да и сама стратегия сторон в начале Первой мировой войны была рассчитана на быстрые удары, используя силу и боевой дух кадрового состава армии. Поэтому паническое поведение кадровых частей РККА как минимум не типично для военной истории.

Важно отметить, что паника охватила не только рядовой, но и командный состав. Более того, советское руководство полагало, что именно командный состав стал источником панических настроений, о чем напрямую и заявило войскам в постановлении ГКО СССР № ГОКО-169сс от 16 июля 1941 года, в котором говорилось о предании суду военного трибунала 9 высших генералов Западного фронта, включая командующего фронтом генерала армии Д.Г. Павлова.

Этот же мотив прослеживается и в приказе о введении института военных комиссаров (введен в тот же день), и в приказе № 270, который фактически подрывал основы единоначалия и требовал от подчиненных контроля за деятельностью командиров:

«Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к

своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться в плен — уничтожить их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи»¹¹.

Некоторые основания для обеспокоенности у советского руководства были — всего за годы войны в плен попало 86 советских генералов, при этом 72 из них — в 1941 году. Такое же количество — 74 генерала погибли на поле боя, 4 военачальника, не желая сдаваться в плен, застрелились в безвыходной ситуации. Еще 3 пустили себе пулю в лоб, не выдержав груза ответственности и потрясения от неудач.

Впрочем, что генералы — история сохранила для нас упоминание и о паникующем Маршале Советского Союза. В начале войны маршал Кулик был назначен представителем Ставки на Западном фронте. Прибыв к войскам, полководец отнюдь не являл собой образец бодрости:

«Неожиданно на КП прибывает Маршал Советского Союза Г. Н. Кулик. На нем запыленный комбинезон, пилотка. Вид утомленный. Докладываю о положении войск и мерах, принятых для отражения ударов противника.

Кулик слушает, потом разводит руками, произносит неопределенное: «Да-а». По всему видно, вылетая из Москвы, он не предполагал встретить здесь столь серьезную обстановку.

В полдень маршал покинул наш КП. Прощаясь, он сказал, чтобы я попытался что-нибудь сделать.

Я смотрел вслед удалявшейся машине Кулика, так и не поняв, зачем он приезжал.

Встречаясь, беседуя с Куликом в мирное время, считал его волевым, энергичным человеком. А вот когда непосредственная опасность нависла над Родиной и от каждого потребовались особое самообладание и твердость духа, насколько мне показалось, у Кулика сдали нервы»¹².

Оказавшись в окружении, маршал переоделся в крестьянскую одежду и в одиночестве перешел линию фронта. Более столь ответственных постов ему не доверяли, но и на менее ответственных он повел себя так, что стал предметом специального приказа самого Верховного Главнокомандующего:

«Кулик, по прибытии 12 ноября 1941 года в город Керчь, не только не принял на месте решительных мер против панических настроений командования крымских войск, но своим пораженческим поведением в Керчи только усилил панику и деморализацию в среде командования крымских войск.

Такое поведение Кулика не случайно, так как аналогичное его пораженческое поведение имело место также при самовольной сдаче в ноябре 1941 года города Ростова, без санкции Ставки и вопреки приказу Ставки.

Преступление Кулика заключается в том, что он никак не использовал имеющихся возможностей по защите Керчи и Ростова, не организовал их оборону и вел себя как трус, перепуганный немцами, как пораженец, потерявший перспективу и не верящий в нашу победу над немецкими захватчиками»¹³.

Сеющий панику и пораженческие настроения маршал СССР — случай уникальный в военной истории.

Одним из главных итогов паники стали катастрофические потери РККА. По данным комиссии С.В. Кривошеева, за III квартал 1941 года РККА безвозвратно потеряла 2 067 801 человек, что составило 75,34% от общей численности вступивших в бой войск, причем большую часть этих потерь наша армия понесла пленными. Всего за 1941 год в плен попало 2 335 482 бойцов и командиров РККА, что составляет более половины от числа военнопленных за все годы войны, и большая часть из этих людей попала в плен в первые недели войны. На одного убитого в июне — августе 1941 года

приходится 4 пленных. И здесь не так уж и важно, поднял ли боец руки сам или, в панике убегая, стал легкой добычей солдат победоносного вермахта, конец был один — лагерь за колючей проволокой...

Вторая тайна, связанная с паникой, молчание о причинах

Как мы уже упоминали выше, советская историография войны старалась обойти тему паники 1941 года стороной. Несколько шире освещен вопрос оказался в художественной литературе — достаточно вспомнить такие произведения, как «Живые и мертвые», «Война на западном направлении», «Зеленая Брама», где интересующая нас тема затрагивалась, и затрагивалась порой весьма подробно. Главной причиной паники, озвученной в литературе, оставалась все та же пресловутая «внезапность». Вот как объясняет причины паники главный герой романа «Живые и мертвые» комбриг Серпилин.

«Да, паникеров немало, — согласился он. — А что вы хотите от людей? Им и в бою страшно бывает, а без боя — вдвое! С чего начинается? Идет у себя же в тылу по дороге — а на него танк! Бросился на другую — а на него другой! Лег на землю — а по нему с неба! Вот вам и паникеры! Но на это надо трезво смотреть: девять из десяти не на всю жизнь паникеры. Дай им передышку, приведи в порядок, поставь их потом в нормальные условия боя, и они свое отработают. А так, конечно, глаза по пятаку, губы трясутся, радости от такого мало, только смотришь и думаешь: хоть бы уж они все поскорей через твои позиции прошли. Нет, идут и идут. Хорошо, конечно, что идут, они еще воевать будут, но наше-то положение трудное!»

Такое объяснение было простым и понятным простому обывателю, но приведенные выше нами факты оно не объясняет. И 25-й стрелковый корпус, и 199-я

стрелковая дивизия встретили врага не в лесу или на дороге, а на заранее подготовленных позициях (199-я сд — даже в укрепрайоне!) и побежали от первого же соприкосновения с противником. Застать врасплох немцы могли отдельные части, но никак не всю РККА на всех активных фронтах.

Генерал А.В. Горбатов, отрывки из мемуаров которого мы приводили выше, попытался по-своему осмыслить причины произошедшего:

«Мне, только что вернувшемуся в армию, все это казалось плохим сном. Не верилось тому, что видели глаза. Я пытался отогнать навязчивую мысль: «Неужели 1937—1938 годы так подорвали веру солдат в своих командиров, что они и сейчас думают, не командуют ли ими «враги народа»? Нет, этого не может быть. Вернее другое: неопытные и необстрелянные командиры несмело и неумело берутся за исполнение своих высоких обязанностей»¹⁴.

Низкое качество командиров сам генерал объяснял последствиями репрессий 1937—1938 годов.

Эта версия на первый взгляд выглядит более логичной. Она объясняет панику неопытностью командиров (которая, в свою очередь, имеет свои причины), которые попросту не сумели справиться с вверенными им войсками. Но отчего запаниковали сами командиры? Кадровые военные, те, для кого защита Отечества является смыслом жизни, кто выбрал для себя нелегкую, но почетную профессию — Родину защищать? К тому же мы уже отмечали выше, что разные рода войск РККА оказались в разной степени подвержены панике. Уровень подготовки командиров был примерно одинаков, но танковые и механизированные части даже при безграмотном и некомпетентном руководстве проявляли в бою стойкость и мужество даже в безнадежных ситуациях, а пехотные дивизии бросали позиции и беспорядочно отступали.

Нет, и эта причина удовлетворить нас не может.

И все-таки, почему советские историки за почти полвека изучения Великой Отечественной войны не предложили нам адекватной версии? Ведь, несмотря на все недостатки и проблемы советской исторической науки, она все-таки осветила очень многие аспекты войны. Но к теме массовой паники 1941 года так и не подступилась. Почему? А ведь без ответа на этот вопрос мы не можем понять и другого — как советское руководство смогло справиться с феноменом массовой паники? Почему спешно сформированные из мобилизованных резервистов дивизии уже осенью 41-го года сумели остановить немцев, сорвав планы захвата Москвы и Ленинграда? Неужели советские командиры столь быстро обрели боевой опыт и умение работать с личным составом, а немцы утратили искусство внезапных ударов? Нет, мы знаем, что таких изменений не произошло. Но чтобы понять, как советское руководство сумело справиться с паникой, мы должны знать ее подлинные причины, а для этого нам необходимо углубиться в социальную историю Страны Советов. Почему именно в социальную? Потому что необходимо вспомнить древнюю аксиому военной науки — воюет не оружие, воюют люди. И если война — лишь продолжение политики другими средствами, то армия — лишь отражение общества, которое она призвана защищать. Поэтому ключ к загадке лежит в истории советского общества в 20—30-е годы XX века.

Мы старый мир разрушим...

Мы не случайно использовали в названии этого подраздела строку из большевистского партийного гимна. Дело в том, что слово «мир» в старом русском языке, на котором говорили в Российской империи, означало не только мир, как состояние отсутствия войны, и не только мир как Вселенную, но и мир в значении «общест-

во». В наше время только в церковном языке уцелело понятие «мирской» — т.е. нецерковный. Поэтому ныне строка из партийного гимна звучит просто апокалиптически, но в момент ее написания, а вернее, перевода на русский язык, она имела другой и совершенно конкретный смысл — речь шла об уничтожении старого общества и создании общества нового. Рассмотрим, как же большевики воплощали свои планы в жизнь.

В результате Гражданской войны страна понесла большие потери в численности населения: отделились целые области — Польша, Финляндия, Прибалтика, часть собственно русских земель была захвачена соседями (Западная Белоруссия, Бессарабия и т.д.), миллионы людей оказались на чужбине в результате эмиграции, миллионы — погибли от голода, сотни тысяч — стали жертвами революционного и контрреволюционного террора. В целом специалисты оценивают людские потери страны в результате революции и Гражданской войны в 10—15 млн человек, т.е. около 10% от населения Российской империи на 1913 год.

Однако, как это ни неожиданно звучит, но значительных изменений в российском обществе не произошло. Изменилась социальная структура, на место прежней титулованной и служилой элиты пришел Аппарат, а высшее руководство оказалось в руках революционеров. Старая элита оказалась лишенной политических прав и собственности, но в этот момент вопрос об ее физическом уничтожении еще не стоял. Более того, с введением НЭПа значительная часть прежнего торгового сословия сумела вернуть себе собственность и возобновить занятия предпринимательской деятельностью. Сохранила свои посты значительная часть старых специалистов (других попросту не было), и не просто сохранила, но заставила новую власть с собой считаться. Крестьянство, избавившись от помещиков и став фактически монопольным собственником земли, сохранило привычный уклад жизни...

Власть большевистского руководства покоилась на компромиссе — общество признавало новую власть, а та, в свою очередь, старалась избегать резких социальных преобразований.

Такое «смирение» власти было вызвано двумя причинами — с одной стороны, власть просто не чувствовала в себе достаточно сил для преобразования общества, с другой — в рядах большевистской партии шла отчаянная полемика по вопросу дальнейшего развития страны, революции и общества. Не будем рассматривать подробно ход этой борьбы, он достаточно хорошо освещен нашими современными историками, укажем лишь, что в результате жестокой и бескомпромиссной схватки верх одержал И.В. Сталин и его сторонники. Парадигмой, которую защищала эта группа, было превращение советского государства в плацдарм нового социалистического общества, а затем постепенное расширение этого плацдарма до размеров всего земного шара. Основные принципы этого общества нашли свое отражение в Конституции СССР 1936 года, которая представляла собой своего рода заявку на кодекс новой, социалистической эры, мощный идеологический и законодательный аргумент в арсенале строителей мировой коммунии.

Примечательно, что впервые ряд основных положений новой Конституции Сталин публично огласил не на партийном съезде или конференции, а в интервью руководителю одного из крупнейших американских газетных объединений «Скриппс-Говард ньюспейперс» Рою Уильяму Говарду 1 мая 1936 года. Таким образом, основные тезисы новой конституции с самого начала были озвучены не только для советской (интервью Сталина через четыре дня перепечатали все ведущие советские газеты), но и для западной аудитории¹⁵.

Предназначение новой Конституции не было секретом и для советского общества — секретные документы НКВД, отмечающие настроения граждан, зафиксировали следующий отзыв о новом основном законе — «кон-

ституция написана не для нас, а для международного пролетариата»¹⁶.

Создание такого документа имело исторический прецедент в прошлом, в эпоху утверждения в Европе идей либерализма. Тогда таким документом, ставшим своего рода квинтэссенцией доктрины Великой французской революции, стал знаменитый Кодекс Наполеона. Между историческими судьбами этих документов весьма много общего — оба они были созданы как подведение итогов революционных процессов, оба несли на себе отпечаток личности создателей — диктаторов, оказавшихся у власти в ходе революционных процессов, и международное значение обоих документов было не меньшим, чем внутреннее, оба документа оставили глубокий след в истории — Кодекс Наполеона в измененном виде и по сию пору служит основой гражданского законодательства большинства европейских государств, а от сталинской Конституции ведет свое начало концепция социального государства, столь распространенная сейчас в той же Западной Европе. Не случайно именно во время разработки и принятия Конституции СССР в Советском Союзе создается и выходит в свет одна из заметных в мировой историографии работ, посвященных французскому императору, — «Наполеон» академика Е.В.Тарле. И видимо, отнюдь не случайно к этой работе проявляет интерес сам «отец народов», высоко оценивший сей труд.

Но прежде чем перейти к построению нового общества, большевикам необходимо было уничтожить старое общество, доставшееся им в наследство от Российской империи. Уничтожить, конечно, не в физическом смысле (хотя террор и был одним из важных инструментов социальной инженерии), но уничтожить как структуру, разрушить стереотипы поведения, систему ценностей, общественных отношений и затем на расчищенном месте построить «новый мир».

По старому обществу был нанесен ряд целенаправленных ударов.

Удар первый — крестьянство

Наиболее крупной частью общества, хранившей традиционный образ жизни и, соответственно, традиционные ценности, было крестьянство, составлявшее, по некоторым оценкам, до 80% населения страны. Именно по нему большевики и нанесли главный удар, начав принудительную коллективизацию.

В трудах современных исторических публицистов и некоторых историков, ставящих своей целью оправдание действий сталинского режима, в качестве наиболее важного аспекта коллективизации выдвигается аспект экономический — повышение производства товарного хлеба. Так, известный современный историк М.И. Мельтюхов пишет: *«Осуществление форсированной индустриализации зависело от стабильного снабжения населения продовольствием, что требовало государственной монополии не только на хлебном рынке, но и во всем сельском хозяйстве. Эту проблему была призвана решить начавшаяся в 1929 году коллективизация, которая резко подняла товарность сельского хозяйства за счет снижения жизненного уровня в деревне»*¹⁷.

Вот так вот — за счет снижения жизненного уровня. Ниже мы увидим, чего стоят утверждения о «стабильном снабжении населения продовольствием» и что скрывается за словами «снижение жизненного уровня в деревне».

Тотальное наступление на крестьянство началось с того, что состоявшийся 10—17 ноября 1929 года Пленум ЦК ВКП(б) принял решение о переходе к политике «ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации». Конкретные механизмы реализации этого решения выработала созданная 5 декабря того же года комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) под председательством наркома земледелия Я.А. Яковлева (Эпштейна).

Комиссия выработала следующие рекомендации:

«Во-первых, проводить в районах сплошной коллективизации на основе постановлений сельских сходов и местных съездов Советов экспроприацию всех средств производства раскулаченных крестьянских хозяйств и их передачу в неделимый фонд колхозов.

Во-вторых, высылать и выселять по постановлению сельских сходов и сельсоветов тех крестьян, которые будут оказывать активное сопротивление установлению новых порядков.

В-третьих, включать в состав колхозов как рабочую силу и без предоставления избирательного права тех раскулаченных крестьян, которые согласны подчиниться и добровольно исполнять обязанности членов колхоза»¹⁸.

В этом постановлении сразу же обращает на себя внимание превалирование идеологических критериев над экономическими. Репрессиям должны были подвергнуться не только кулаки, но и все, кто оказывал сопротивление установлению новых порядков. Между тем для «сознательных» кулаков, готовых содействовать коллективизации, оставалась возможность выполнять обязанности членов колхоза без права голоса.

Другой важный аспект — это то, что коллективизация в партийном документе выступает лишь средством борьбы с кулаками, которые по количеству производимого ими товарного зерна в 1926—1927 годах более чем в три раза превышали колхозы. Т.е. коллективизация на первых порах должна была привести к снижению количества товарного зерна и сельхозпродукции в стране. (Так это или нет, мы увидим ниже.)

Сельские коммунисты (которых к 1929 году было 340 тыс. человек на 25 миллионов крестьянских дворов) не пользовались доверием партийного руководства. Для осуществления программы коллективизации на село были направлены значительные силы партийных кадров из городов. После XV съезда партии на временную и

постоянную работу в деревню было направлено 11 тысяч парработников. После ноябрьского пленума 1929 года в деревню было командировано еще 27 тысяч партийцев (их называли «25-тысячники»), которым предстояло стать председателями новообразованных колхозов. В течение 1930 года в сельскую местность сроком на несколько месяцев было направлено около 180 тысяч городских коммунистов и «сознательных рабочих»¹⁹.

Примечательно, что начали свою деятельность адепты колхозного строя даже не с раскулачиваний, а с борьбы против религии. Как отмечает современный коммунистический историк, *«они видели в религиозности крестьян проявление диких суеверий и старались направить верующих на «путь истинный», закрывая церкви, мечети или иные помещения религиозного культа. Чтобы доказать нелепость религии, командированные горожане нередко издевались над верой людей, снимая кресты с церкви или совершая иные кощунства»*²⁰.

Хотя экономические критерии кулака были достаточно точно сформулированы в постановлении ЦК, партийные эмиссары в деревне руководствовались не столько экономическим положением крестьянина, сколько его идеологической ориентацией. Для крестьян, не отвечающих формальным определениям кулака, но несогласных с политикой коллективизации, даже был придуман специальный термин — «подкулачник» или «кулацкий пособник», к которым применялись те же самые меры, что и к кулакам.

Коллективизация велась ударными темпами. Так, если к началу 1929 года уровень коллективизации составлял 7,6%, то к 20 февраля 1930 года этот показатель достиг уровня 50%.

Как выглядел этот процесс на местах? Рассмотрим свидетельства очевидцев:

«Собрали собрание. Без всякого разъяснения стали говорить, что обязательно сейчас подписывайтесь в колхоз все до одного. Но крестьянин ничего не знает и думает —

а куда буду писаться? Так и не стали подписываться. Начали устраивать оружием, но все-таки подписываться никто не стал, потому что никто не знает куда. Тогда председатель сельсовета, тут же был секретарь райкома и еще один партиец, начал грозить: «Кто не пойдет в колхоз, того поставим к реке и пулеметом перестреляем», и затем стали голосовать за колхоз; но говорили не так — «кто против колхоза», а «кто против советской власти». Конечно, против советской власти никто не пойдет»²¹. Вот так действовали коммунисты на селе — обманом и угрозами. Можно согласиться с советским исследователем Ю.В. Емельяновым, что командированные в деревню коммунисты чувствовали себя «как белые колонизаторы, оказавшиеся в краях, населенных дикарями».

Нельзя сказать, чтобы крестьянство пассивно терпело такие издевательства над собой. Оказавшись на грани гибели, крестьяне брались за оружие в отчаянной попытке если не отворотить от себя беду, то хоть умереть с честью. *«В вооруженных восстаниях участвовали тысячи человек. Так, в Сибирском крае только с января по март 1930 года было зарегистрировано 65 массовых крестьянских выступлений. В Средне-Волжском крае в течение года произошло 718 групповых и массовых выступлений крестьян, в Центрально-Черноземной области — 1170»²².*

Вопреки идеологическим установкам коммунистов, в массовых выступлениях почти повсеместно принимали участие середняцкие и бедняцкие слои. В защите своего традиционного уклада жизни крестьянство было едино, что вызывало крайнюю обеспокоенность партийцев. *«Меня крайне беспокоит то обстоятельство, что во время этих выступлений мы фактически остались с очень тонким слоем деревенского актива, а батрацкой и бедняцкой массы, которая должна была быть нашей опорой, не видели, они стояли в лучшем случае в стороне, а во многих местах даже в первых рядах всех событий»,* — писал ответственный партработник Украинской ССР²³.

Восстания подавлялись с предельной жестокостью —

для борьбы с ними создавались специальные отряды партработников, привлекались части ОГПУ и даже Красной Армии. Участники восстаний арестовывались и подвергались заключению.

Нельзя сказать, чтобы крестьянское сопротивление было бессмысленным. Напуганное масштабами «всесоюзной Жакерии», советское руководство сделало «шаг назад» — 2 марта 1930 года в «Правде» появилась статья И. Сталина «Головокружение от успехов», где осуждались наиболее одиозные действия властей на местах. Темпы коллективизации замедлились, более половины уже созданных колхозов с треском развалились — уже к первому мая 1930 года уровень коллективизации снизился до 23,4%. Но уступка со стороны власти была не более чем тактическим ходом, с ноября 1930 года партия перешла в новое наступление на крестьянство, и уже к середине 1931 года уровень коллективизации вновь составил 52,7%, а через год — достиг отметки 62,6%.

Какое количество крестьян подверглось репрессиям в эти годы? В исторической литературе и околоисторической публицистике называются разные цифры. Предельной величиной можно считать обозначенную А.И. Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ» численность репрессированных в ходе коллективизации 15 миллионов человек. Однако автор в своем труде не привел каких-либо статистических или документальных данных в подтверждение своих расчетов.

Более обоснованные цифры приводит в своем исследовании профессор В.Н. Земсков. По его данным, в 1930—1931 годах на спецпоселение было отправлено 381 173 семьи общей численностью 1 803 392 человека²⁴, а за 1932—1940 годы к ним прибавилось еще 2 176 000 человек²⁵. Таким образом, общее число репрессированных составило около 4 миллионов человек. В реальности эта цифра была еще больше, так как в ней не учтены раскулаченные по третьей категории — отправленные на спецпоселение в границах своей области

или края, а также число умерших в дороге в ссылку. Т.е. можно говорить примерно о 5—6 миллионах крестьян, пострадавших в ходе коллективизации. Много это или мало? Согласно результатам переписи 1926 года, сельское население СССР составляло 120 713 801 человек. Поскольку не все, кто живет на селе, являются крестьянами, мы можем оценить численность советского крестьянства примерно в 100 миллионов человек. Согласно нашим подсчетам (конечно, весьма приблизительным), в ходе коллективизации репрессиям подвергся каждый двадцатый крестьянин. При этом нужно учесть, что главный удар был нанесен по наиболее хозяйственным, трудолюбивым, образованным крестьянам — именно своим трудом добивались они уровня благосостояния, позволявшего записать их в «кулаки».

Уровень же профессиональной подготовки в области сельского хозяйства новоявленных руководителей колхозов был, мягко говоря, весьма низким.

«Я выросла в городе и не имела ни малейшего понятия о сельском хозяйстве. Всей душой преданная советской власти, я быстро продвинулась и заняла высокое место в райкоме как крупный партийный работник. Последней весной в райком пришла жалоба, что крестьяне одного села отказываются выезжать в поле и засеивать землю. Меня послали выяснить это дело и наладить посев. Я приехала из города как представитель власти, созвала крестьян и спросила:

— *В чем дело? Почему не засеиваете поля?*

— *Нет посевного, — слышу.*

— *Покажите мне амбары.*

Открыли ворота сараев. Гляжу — горы мешков.

— *А это что? — спрашиваю.*

— *Пшено.*

— *Завтра чуть свет вывезти его отсюда в поле и посеять!* — прозвучала моя команда.

Мужики усмехнулись, переглянулись между собой.

— Ладно. Сказано — сделано! — весело откликнулся кто-то. — За работу, ребята!

Я торжествовала: послушались, видно, голос у меня внушительный!

Подписав бумаги о выдаче пшена крестьянам, я спокойно легла спать. Проснулась я поздно, позавтракала и пошла к амбарам узнать: работают ли? А в сарае уже пусто, вывезено все под метелочку. К вечеру назначаю опять собрание. Народ сходится веселый, подвыпивший, где-то гармонь играет, частушки поют. «Почему гуляют?» — недоумеваю я. Наконец пришли мужики, смеются.

— Ну как, пшено посеяли? — спрашиваю.

— Все в порядке! — отвечают. — Распорядитесь, завтра что сеять?

— А что у вас во втором амбаре?

— Мука! Давайте завтра ее сеять! — хохочет пьяный мужик.

— Не смейтесь, — говорю, — муку не сеют!

— Почему не сеют? Раз сегодня кашу посеяли, значит, завтра и муку сеять будем.

Меня как обухом по голове ударило:

— Как кашу сеяли? Да разве пшено — каша?

— А вы думали — посевное? Ободранное зерно — это каша, а вы распорядились ее в землю сеять....»²⁶ Автор намеренно не стал сокращать столь большую цитату, чтобы читатель хоть на миг мог себе представить, что происходило тогда в деревне. Помимо трагического курьеза с засеиванием каши (трагического, потому что для автора воспоминаний он кончился арестом по обвинению во вредительстве), данный отрывок хорошо показывает психологию коммуниста по отношению к крестьянам. Обратите внимание на момент, когда автор воспоминаний впервые почувствовала неладное: это появление в деревне веселья. Вопреки бравурным лозунгам «жить стало лучше, жить стало веселее» для коммуниста веселие крестьян — сигнал тревожный.

А теперь попробуем ответить на вопрос — могла ли

политика коллективизации достигнуть тех экономических целей, которые декларировались при ее начале? Напомним, что в результате коллективизации были ликвидированы кулацкие хозяйства, поставлявшие в 1929 году товарного хлеба больше, чем колхозы, на спецпоселение были высланы наиболее компетентные и трудолюбивые крестьяне, новые хозяйства возглавили «идейно подкованные», но мало что понимающие в сельском производстве коммунисты — 25-тысячники. Могли ли эти меры дать прирост сельскохозяйственной продукции? Любой здравомыслящий человек ответит на это: конечно, нет.

Положение усугубил и еще один фактор: не желая отдавать свой скот в общее хозяйство, крестьяне начали массово забивать его, что приводило к общему сокращению продовольственного фонда страны. Писатель Олег Волков вспоминал о тех временах: *«По деревням мужики, таясь друг от друга, торопливо и бестолково резали свой скот. Без нужды и расчета, а так — все равно, мол, отберут или взыщут за него. Ели мясо до отвала, как еще никогда в крестьянском обиходе не доводилось. Впрок не солили, не надеясь жить дальше. Иной, поддавшись поветрию, резал кормилицу семьи — единственную буренку, с превеликими трудами выращенную породистую телку. Были как в угаре или ожидании Страшного суда»*²⁷.

В цифрах это выглядело следующим образом: *«Только в январе и феврале 1930 года было забито 14 миллионов голов крупного рогатого скота. За 1928 — 1934 годы поголовье лошадей в стране уменьшилось с 32 миллионов до 15,5 миллиона, крупного рогатого скота — с 60 миллионов до 33,5 миллиона, свиней — с 22 до 11,5 миллиона, овец с 97,3 миллиона до 32,9 миллиона»*²⁸.

Несмотря на громкие лозунги о «железном коне, который придет на смену крестьянской лошадке», коллективизация не была обеспечена развитием сельскохозяйственной техники. Так, в 1932 году сельское хозяйство было обеспечено машинами только на 19%, а МТС об-

служивали лишь 34% колхозов²⁹. Да и там, где они были, посевные площади также сокращались. *«Побывав в своей деревне, я и сам убедился, что реальная жизнь крестьян стала труднее, люди молчаливее, разговорить даже с детства знакомого мужика удастся не сразу и непременно только с глазу на глаз. Из деревни осенью забирали по обязательным поставкам столько, что оставалось на прожиток очень немного. Я видел, что хутора «свели», всех сселили в деревню, а дальние поля хуторян зарастали кустарником. Несмотря на появление МТС с тракторами, засеять и обрабатывать прежний клин не успевали и тем более не успевали убирать урожай»,* — вспоминал о середине 30-х годов вице-адмирал Б.Ф. Петров³⁰.

В результате экономическим итогом коллективизации стало снижение производства сельскохозяйственной продукции в стране, что при росте городского населения не могло не привести к трудностям с обеспечением продовольствием. Новая система хозяйствования оказалась куда менее эффективна, чем прежняя. А само проведение коллективизации привело к обвальному снижению производства продуктов и, как следствие, к голоду начала 30-х годов.

Этот голод не был признан государственной статистикой, и поэтому некоторые историки-сталинисты по сию пору оспаривают его масштабы. По оценкам демографов, основанным на сравнении результатов переписей населения 1926 и 1939 годов, число погибших от голода в 1932 — 1933 годах составило от 4,5 до 5,5 миллиона человек³¹. Столь страшных потерь населения в мирное время страна еще не знала. Вот что кроется за эвфемизмом историков — «снижение жизненного уровня крестьян».

Впрочем, может быть, горожане стали жить лучше? Мы помним, что современные историки советского толка считают, что целью коллективизации было стабильное обеспечение городов продовольствием и повышение производства товарного хлеба. Реальность пока-

зывает, что обе эти задачи не были решены — коллективизация спровоцировала общее уменьшение производства сельхозпродукции, в городах пришлось ввести карточную систему (это в мирное-то время), которую отменили лишь в 1934 году. Но и после отмены карточек «сталинское изобилие» наступило лишь в городах, отнесенных к первой категории снабжения (а их было очень немного). В других местах с продуктами было гораздо хуже.

Вот, к примеру, данные о снабжении продовольствием авиационного завода № 126 в Комсомольске-на-Амуре, т.е. одного из важнейших промышленных объектов второй пятилетки:

«Белого хлеба не было вовсе. Потребность в черном хлебе составляла 25 тонн/сутки, а выпекалось лишь 16—18, что вело к образованию огромных очередей. Поражает список продуктов, о которых заводчане в июле только вспоминали: макарон не было в продаже с 1 марта, свежей рыбы — с 1 июня (и это в городе, стоящем на полноводной реке! — А.М.), сахара с 10 июня, «и не известно, когда будет». Относительно муки и молока имеются только сведения, что их в продаже нет, без указания, как давно»³².

Вопреки заявлениям советских пропагандистов, что коллективизация покончила с угрозой голода от неурожая, неурожай 1936—1937 годов спровоцировал очередные продовольственные трудности.

«С 1 января 1937 года у нас в городе исчезли из магазинов продукты и мука, а также овес и ячмень, но мы с этим положением миримся, трудности надо пережить, а вот по отношению хлеба — это кошмар. Для того чтобы получить 2 килограмма хлеба, нужно с 9 часов вечера стоять в очереди около хлебного магазина и ждать до 7 часов утра, пока он откроется, и тогда с большим усилием можем получить 2 килограмма хлеба. Если ты приедешь в 4 часа утра к любому хлебному магазину, то около них

стоит очередь», — писал М.И. Калинин житель города Новозыбков Западной области³³.

«...Хлеб продают в малом количестве, так что большая половина населения остается ежедневно без хлеба. Очереди ежедневно увеличиваются и в ожидании хлеба стоят круглые сутки, и если какой гражданин вздумает получить хлеб сегодня, то он его получит на 2 дня позже. И такое явление имеется в ряде районов Азово-Черноморского края», — вторит ему секретарь городского совета с юга России³⁴.

Помимо проблем с обеспечением поставки хлеба в города возникли проблемы и с импортом зерна за рубежом, что являлось важным источником финансирования индустриализации. Американский историк Глеб Бараев проанализировал объемы советского хлебного экспорта на основании цифр, опубликованных в сборниках «Внешняя торговля СССР»:

(по годам в тысячах тонн)

1930 —	4846
1931 —	5183
1932 —	1763
1933 —	1686
1934 —	771
1935 —	1519
1936 —	322
1937 —	1278
1938 —	2100
1939 —	300
1940 —	1200

Таким образом, можно отметить, что даже после рекордного для советского колхозного хозяйства урожая 1937 года объемы хлебного экспорта были более чем в два раза ниже таковых в 1930 году, когда за границу вывозился хлеб, заготовленный накануне коллективизации. В дальнейшем, несмотря на расширение техниче-

ской оснащенности сельского хозяйства, расширение пахотных земель за счет целинных земель и т.д., СССР оказался не в состоянии обеспечить себя продовольствием и с 1960-х годов выступал на мировом рынке уже как один из крупных импортеров зерна. Такова была экономическая «эффективность» колхозного строя.

Между тем ни И. Сталин, ни другие представители высшего партийного руководства не считали коллективизацию своей неудачей. Напротив — рассматривали ее как одно из крупнейших достижений. Разгадка кроется в том, что социальный смысл произошедших преобразований был для узкого руководства гораздо значимее и важнее экономического. Превращение крестьянства из «класса мелкобуржуазных собственников» в коллективных трудящихся на земле — это было главным. Вместо хранителей традиционных ценностей и традиционного уклада жизни появлялся новый слой общества уже с советским укладом и советскими ценностями. Конечно, изменения в массовом сознании не могли произойти столь быстро, но с марксистской точки зрения сфера массового сознания лишь «надстройка» над экономическим базисом, а раз базис изменен, то и изменение ценностных установок было делом времени.

Коллективизация крестьянства являлась обязательным условием строительства нового общества. Не случайно в постановлении VII съезда Советов СССР, которое послужило основанием для разработки новой Конституции, подчеркивалось: *«Коллективизированное более чем на 75% крестьянство превратилось в многомиллионную организованную массу»*³⁵. Сталин называл эту «организованную массу» *«совершенно новым крестьянством»*, принципиально отличным по своей мотивации и по своему положению от прежнего. Прав он был или нет, мы увидим позже, а пока обратимся к рассмотрению других действий «строителей нового общества».

Удар второй. Спецеедство

Если крестьянство было хранителем ценностей традиционного общества на селе, то в городах эту роль играли представители технической интеллигенции. Русские инженеры. Русский инженер — это не просто человек с дипломом об окончании высшего учебного заведения, это носитель особой, исчезнувшей ныне начисто русской технической культуры, которая включала в себя не только часть собственно техническую, но и культуру управления людьми, культуру быта и была гармоничной частью старого общества.

Отношение большевиков к русскому инженерному корпусу было двояким — с одной стороны, инженеров («спецов» — по терминологии 20-х годов) считали «прислужниками буржуазии», «классовыми врагами пролетариата», но с другой — в их услугах нуждались, потому что заменить их было нечем, а без квалифицированных управленческих и инженерных кадров любое производство бы рассыпалось. Поначалу рациональный аспект преобладал над классовым.

Однако в конце 20-х годов ситуация резко изменилась. По всей стране началась настоящая травля «спецов», получившая в исторической литературе название «спецеедство».

Со стороны это выглядит парадоксальным — государство ставит задачу ускоренного развития промышленности, инженерных кадров в стране мало, их роль в стране возрастает, и, по-хорошему, государству стоило бы, напротив, проявить повышенное внимание к этим людям. Но для советских руководителей главным было то, что в этих условиях возрастала не только техническая, но и социальная роль технической интеллигенции. А поскольку этот слой не спешил становиться социалистическим, а, напротив, упорно держался своих традиций, то в этом власть увидела угрозу задаче социальной — построению нового общества. Власть в этой

сфере решительно поддержал аппарат, который увидел в возрастании роли инженеров угрозой своему монопольному положению в сфере управления и распределения материальных благ.

Первым ударом по старому инженерному корпусу было так называемое Шахтинское дело — состряпанное органами ОГПУ дело о «вредительстве спецов» в г. Шахты. За ним последовало куда более масштабное дело Промпартии. Лояльные к сталинскому режиму историки обычно указывают, что общее число уничтоженных и репрессированных по этим делам инженеров было невелико. Но при этом они обычно умалчивают, что эти дела послужили основой для массовой пропагандистской кампании против старого инженерного корпуса, развернутой по всей стране во всю мощь коммунистического пропагандистского аппарата.

Главной целью этой кампании была ликвидация инженерного корпуса как единой корпорации, играющей не только техническую, но и социальную роль, во-первых, как управляющего персонала, а во-вторых, как хранителей культурного пласта традиционного общества, имеющих свою точку зрения на пути развития страны и общества.

Метод расправы с инженерным корпусом разительно отличался от тех, что применялись к крестьянству, — заменить ценных специалистов было в любом случае нечем, поэтому даже осужденных инженеров старались использовать по специальности, организуя так называемые «шарашки» под контролем органов НКВД. Главным было не физическое истребление специалистов, а их моральное унижение и дискредитация. Как отмечает М. Ю. Мухин в своем исследовании по истории отечественной авиационной промышленности, *«печать в те годы пестрела многочисленными «антиспецовскими» публикациями. Регулярно появлялись статьи, посвященные разоблачению очередного «вредителя». На видных местах, на первых полосах публиковались материалы с хлест-*

кими заголовками «О вумности инженера Госрыбтреста Колесова», «Машинист Лебедев утер нос спецам», и т.п.»³⁶. Во второй половине 20-х годов участились случаи избиений рабочими специалистов и даже директоров, не останавливались даже перед убийствами «вредителей».

Власти полностью поддерживали эту кампанию, которая к началу 1930-х годов приобрела всеобщий характер. На каждом предприятии были созданы рабочие комиссии «по ликвидации вредительства»³⁷.

В современной исторической публицистике получила определенное распространение точка зрения, что отдельные факты вредительства действительно имели место быть, а потому борьбу с вредительством нельзя рассматривать как социальное явление. Однако никто из этих авторов не рискнул подтвердить тезис советской пропаганды о массовом и всеобщем характере вредительства, объективный анализ показывает, что в большинстве случаев за «вредительство» принимали последствия брака и низкой культуры производства.

Важно отметить и такой аспект: в советских идеологических установках 20—30-х годов вредительство связывалось почти исключительно со «спецами» — теми, кто, с точки зрения советских идеологов, мог вредить по классовым мотивам. Однако, как отмечают историки, часто кампания по обвинению «спецов» во вредительстве проходила как составная часть замазывания огрехов рабочих. М.Ю. Мухин приводит в своем исследовании характерный эпизод того времени:

«Так, во время осмотра фюзеляжа одного из строящихся самолетов браковщик заметил двойные дыры заклепок — брак, который грозил самолету в полете катастрофой. Оказалось, что рабочие, сделавшие этот брак, замазали лишние дыры и вставили фальшивые заклепки. Когда же им поставили на вид, они стали писать жалобы во все инстанции, обвиняя мастера и свою администрацию во всех смертных грехах. Начались разбирательства, комиссии. Положение усугублялось тем, что один из брако-

делов был старым большевиком. Даже когда вину рабочих доказали, они продолжали твердить на разные голоса: «В браке я не виноват, а виноват мастер, мастер — плохой организатор»³⁸.

Кампания против спецов была не проявлением «инициативы на местах», а имела своим источником позицию высшего руководства страны, что подтверждается откровенными высказываниями одного из ближайших соратников Сталина В.М. Молотова. Говоря об аресте А.Н. Туполева, член Политбюро ЦК ВКП(б) отметил, что эти люди (инженеры. — А.М.) «очень нужны Советскому государству, но в душе они — против, и по линии личных связей они опасную и разлагающую работу вели, а если даже не вели, то дышали этим. Да они и не могли иначе. В значительной части наша русская интеллигенция была тесно связана с зажиточным крестьянством, у которого прокулацкие настроения, страна-то крестьянская.... Тот же Туполев мог стать и опасным врагом. У него большие связи с враждебной нам интеллигенцией... Туполевы — они были очень серьезным вопросом для нас»³⁹.

Примечательно, что в этом высказывании Молотов увязывает репрессии в отношении технической интеллигенции с борьбой против крестьянства. При этом для члена Политбюро совершенно не важно, вели ли люди, подобные Туполеву, «опасную и разлагающую работу» или не вели в силу своего положения на производстве и своего происхождения, — эти люди были опасны, и советская власть активно с ними боролась.

Применение государством широкого диапазона мер — от пропагандистских до репрессивных — привело к разгрому старого инженерного корпуса, утрате традиций управления производством, утрате «специалистами» своего места в обществе.

К чему это привело в условиях индустриализации? К тому, что с самого начала советскую промышленность стали преследовать такие пороки, как низкий

уровень культуры производства и производственной дисциплины, что самым негативным образом сказывалось на качестве выпускаемой продукции.

«Труддисциплина низка. Рабочие пьют, и иногда очень здорово, являясь на работу, особенно после получки, в нетрезвом виде», — сообщалось в отчете по одному из авиазаводов. *«Мы обошли три четверти рабочих мест... у любого станка открываешь стол — там булка, грязные тряпки и т.д. На станках валяется проволока, обрывки, как у свиньи... Ряд станков поломаны из-за того, что к ним относятся безобразно...»* — вторит ему комиссия с другого завода⁴⁰.

И это происходило в «элитной» авиапромышленности — наиболее престижной отрасли советского ВПК 30-х годов, развитию которого уделялось приоритетное внимание со стороны государства. Что происходило на менее контролируемых заводах, даже страшно представить.

Упомянутые нами пороки были характерны для советской промышленности до самого конца ее существования, и во многом в них таится причина того технического и технологического отставания нашей страны, с которым мы имеем дело в настоящее время. Таков итог социальной политики советского руководства в области регулирования производственных отношений.

Другим следствием «спецедействия» стал расцвет в предвоенном СССР самых разных форм технического шарлатанства. Это явление еще ждет своего описания со стороны исторической науки, поэтому мы расскажем о нем в самых общих чертах, так как его влияние на развитие СССР 30-х годов было довольно значительным.

Сущность его заключалась в том, что многочисленные и разнообразные шарлатаны старались предложить малокомпетентным, но «идейно подкованным» советским руководителям альтернативные формы решения сложных технических проблем. Уровень квалификации

«красных директоров» не позволял сразу понять нелепость предлагаемых проектов, а на компетентные заключения специалистов шарлатаны отвечали обвинениями во вредительстве и «затирании» со стороны «буржуазных инженеров».

Масштабы этого явления были колоссальны. Под руководством шарлатанов создавались целые организации, занимающиеся созданием всевозможного «чудо-оружия», на содержание которых расходовались огромные средства. Эффект от их деятельности был, как правило, ничтожен, а подчас приносил существенный вред, т.к. свертывались куда более перспективные разработки, ведущиеся честными специалистами.

Чтобы представить перед читателем наглядную картину, приведем несколько примеров наиболее выдающихся шарлатанов того времени. В 1921 году в Петрограде было создано Особое Техническое Бюро (Остехбюро) под руководством инженера Бекаури. Эта организация занималась разработкой самых разных военноморских вооружений — от мин и торпед до телеуправляемых торпедных катеров. Денег на нее не жалели (в отдельные годы бюджет Остехбюро превышал бюджет всех ВМС РККА), но единственное, в чем преуспели его сотрудники, это во «втирании очков» руководству и в интригах против конкурентов. Поразительно, но из всех образцов «чудо-оружия», разработкой которого занимались специалисты бюро, лишь один (!!!) был принят на вооружение. В результате, по мнению современных историков, в развитии минно-торпедного и трально-противолодочного вооружения советский ВМФ значительно отстал от иностранных флотов, оставшись на уровне Первой мировой войны⁴¹. Руководство ВМФ видело причины столь бедственного положения именно в деятельности Остехбюро, но вплоть до 1938 года поделаться ничем не могло. Лишь в конце 30-х годов деятельность этой конторы заинтересовала компетентные органы, в результате чего значительная часть руководства

Остехбюро была репрессирована, а само бюро было преобразовано в обычный НИИ.

Другим выдающимся техническим авантюристом того времени был Л.В. Курчевский. Будучи талантливым изобретателем и не менее талантливым авантюристом, он, не имея высшего технического образования, в 1916 году возглавил КБ московского военно-промышленного комитета. При новой власти Курчевский возглавил созданную специально для него лабораторию при Комиссии по делам изобретений. Правда, в 1924 году авантюрист был осужден «за растрату казенного имущества», но благодаря высокому покровительству вышел сухим из воды и вернулся к своей деятельности. В 1930 году он становится главным конструктором ОКБ-1 при ГАУ, а с 1934 года возглавляет собственную структуру — Управление уполномоченного по специальным работам. Работу этой структуры курировал лично заместитель наркома обороны М.Н. Тухачевский. Пользуясь его покровительством, Курчевский развернул широкую деятельность по созданию и производству так называемых динамо-реактивных (безоткатных) артиллерийских орудий. Свои чудо-пушки он планировал ставить на танки, самолеты, корабли, подводные лодки. Проблема заключалась в том, что пушки Курчевского проигрывали традиционным артсистемам по всем параметрам, кроме малого веса, а по своему исполнению оказались непригодными для использования в армии.

Вот чем окончились попытки применения пушек Курчевского в авиации.

26 декабря 1938 года начальник НИП АВ ВВС полковник Шевченко писал письмо начальнику Особого отдела: «Сообщаю некоторые данные по состоянию авиационного вооружения ВВС... Какие причины, на мой взгляд, привели к тому, что мы до сих пор не имеем на вооружении ВВС крупнокалиберных пулеметов и значительно отстали в этом отношении по сравнению с передовыми капиталистическими армиями: 1. Работа врагов народа до 1936 го-

да в части крупнокалиберного оружия для авиации сводилась к тому, что работали над негодными пушками Курчевского типа «ДРП». Снаряда боевого к этой пушке не давали, поэтому судить о ее качествах было весьма трудно. Когда в 1934 году 4-й отдел НИИ ВВС поставил вопрос о непригодности этой пушки, Тухачевский, Ефимов и другие созвали работников НИИ ВВС, пригласили Курчевского, Гроховского и ряд других, в том числе Захадера, Железнякова, Булина, и устроили нечто похожее на суд над нами, дали возможность Курчевскому излагать, какие он хотел, доводы и ругательства, не давая никому высказаться... Потребовалось организовать большие годичные опыты в составе эскадрильи по всесторонним испытаниям этих пушек, чтобы в начале 1936 года привести начальству такие результаты, которые показали явную непригодность этой пушки. И только в 1936 году эти работы были прекращены».

Цитата из документа дает наглядное представление как о самих чудо-пушках, так и методах, которыми Курчевский навязывал свои изобретения.

На создание и производство малых партий этих орудий ушли немалые средства, а результат оказался нулевым. Конец Курчевского был такой же, как и многих других шарлатанов, — после ареста Тухачевского лишенный высокого покровительства конструктор был арестован органами НКВД и погиб в лагерях.

Еще одним выдающимся авантюристом был А.Н. Асафов, работавший все в том же Остехбюро. Асафов — «человек с большим апломбом, но скудным специальным образованием»⁴², главным его козырем считалась многолетняя работа в конструкторском бюро под руководством создателя первых русских субмарин И. Г. Бубнова.

Именно он предложил построить для советского флота серию крупных («крейсерских») подводных лодок и представил готовый проект. Специалисты утвержда-

ют, что основой для «эскадренной лодки IV серии» (такое обозначение получила субмарина Асафова) послужил разработанный еще в 1914—1915 годах проект 950-тонной подлодки Бубнова. Разумеется, за прошедшие полтора десятилетия бубновские чертежи уже безнадежно устарели, однако Асафов пренебрег этим очевидным фактом, что и обусловило неудачу проекта в целом.

Проект вызвал острую критику со стороны командования подводными силами Балтийского флота и инженеров-кораблестроителей. Однако авантюрист сумел получить покровительство не где-нибудь, а в ОГПУ, и постройка лодок была начата.

Командование ВМФ с трудом добилось изучения этих кораблей компетентной комиссией, которая установила, что их боевые качества соответствуют уровню... начала Первой мировой войны, и никакой реальной ценности эти корабли для ВМС РККА не представляют. Экстренные меры по доработке уже строящихся подлодок позволили использовать их лишь в качестве учебных. Создание этих чудовищ обошлось советскому государству в 19 миллионов рублей (в ценах 1926—1927 годов), что соответствовало цене примерно шести куда более современных и эффективных субмарин типа «Щ».

Строительство трех подводных крейсеров было не единственным «вкладом» Асафова в советское кораблестроение. Не дожидаясь окончания работ над лодками серии «П», он выдвигает новый проект — на этот раз малой подводной лодки, допускающей перевозку по железной дороге в неразобранном виде. Испытания этих лодок (первый вариант лодок типа «М») полностью провалились, флот отказался принимать абсолютно небоеспособные корабли, а покровительство со стороны компетентных органов сменилось их профессиональным интересом к деятельности изобретателя⁴³.

Таким образом, в 20—30-е годы разного рода шарлатаны (мы упомянули лишь наиболее крупных) растратили на ветер из бюджета страны значительные средств-

ва (точный объем которых еще предстоит оценить историкам). Те самые средства, что были получены от ограбления крестьянства, Церкви, которые русский народ оплачивал своим потом, своей жизнью. Конечно, шарлатанство не было целью советского руководства и было, в конце концов, почти на корню уничтожено репрессивной машиной советского государства, но само это явление было бы невозможным, если бы не целенаправленная борьба со старым инженерным корпусом, «спецеество».

Удар третий. Дело «Весна»

В 20-е годы существовала еще одна сфера жизни страны, где представители старого общества играли весьма важную роль. Речь идет о Вооруженных силах. Хотя официально Вооруженные силы советского государства и именовались Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА), реально огромную роль в ее формировании играли бывшие царские офицеры, или, по терминологии того времени, военспецы. Бывший главнокомандующий вооруженными силами юга России генерал Деникин так оценивал роль военспецов в создании Красной Армии:

«Красная Армия создавалась исключительно умом и опытом старых царских генералов. Участие в этой работе комиссаров Троцкого и Подвойского, товарищей Аралова, Антонова, Сталина и многих других было вначале чисто фиктивным. Они играли лишь роль надзирателей... Все органы центрального военного управления возглавлялись генералами-специалистами — особенно широко был представлен генеральный штаб, — работавшими под неослабным контролем коммунистов. Почти все фронты и большинство красных армий имели во главе старших начальников старой армии...»⁴⁴

Действительно, если обратиться к истории Граждан-

ской войны, то можно отметить, что военные успехи красных начались только после создания регулярной Красной Армии (вместо добровольческой, по сути, Красной гвардии) и принудительной мобилизации офицеров. Процесс этот зашел весьма далеко. Достаточно сказать, что в кульминационный момент деникинского наступления на Москву на ключевом участке фронта под Кромами в составе Красной Армии оказалось большее число бывших царских генералов, чем в добровольческой армии генерала Май-Маевского⁴⁵!

По данным современных историков, к концу Гражданской войны в Красной Армии служило около 75 тысяч бывших генералов и офицеров в качестве военных специалистов⁴⁶. Естественно, что эти люди не внушали доверия новому руководству страны, и значительная часть из них была уволена из рядов Вооруженных сил в ходе сокращения армии в 20-е годы.

Однако к концу 20-х годов бывшие генералы и офицеры по-прежнему составляли значительную часть состава РККА. Особенно важную роль играли кадровые офицеры, успевшие получить профессиональное военное, а то и высшее военное образование еще до Первой мировой войны и бывшие, по сути, единственными профессионалами такого рода в рядах советских Вооруженных сил.

Современные исследователи отмечают, что бывшее царское офицерство не представляло собой единой группы, если исходить из политических или социальных критериев. Однако можно выделить два аспекта, общих для большинства представителей этой группы, — это служебная мотивация и культурный уровень.

Редко кто из бывших генералов и офицеров был горячим сторонником коммунистической идеи. И основными побудительными мотивами для службы в РККА для них были чувство профессиональной чести и патриотизм. Недаром в советском фильме «Офицеры» знаменитые слова «Есть такая профессия — Родину защи-

шать» произносит бывший царский офицер. Отметим, что эта мотивация коренным образом расходилась с идеологией мировой революции, что не могло не вызывать опасений у коммунистической власти. Характерный диалог, раскрывающий это противоречие, произошел при допросе арестованного морского офицера Георгия Николаевича Четвертухина:

«— Во имя чего вы, бывший офицер и дворянин, служите советской власти с момента ее провозглашения, хотя она лишила вас всех прежних привилегий?»

— Это не простой вопрос. Я кадровый военный, посвятивший свою жизнь защите Отечества... Имел реальную возможность перейти на другую сторону баррикад, но этого не сделал. В годы разрухи и хаоса, когда внешний враг угрожал моей Родине, а Ленин обратился ко всем с воззванием «Социалистическое отечество в опасности!», я откликнулся на этот призыв, поняв, что для большевиков тоже существует понятие Родины. И это был тот мост, который связал меня с ними. Я стал честно служить советской власти.

— Да, но вот Карл Маркс учит, что у пролетариев нет отечества!

— Возможно, что Карл Маркс — представитель народа, почти 2000 лет тому назад лишившегося своего отечества и разбросанного по многим странам, — утратил для себя понятие Родина и считает, что она там, где хорошо живется. Возможно, хотя я и сомневаюсь, что пролетариями тоже утрачено это понятие, а вот для меня, Четвертухина, понятие Родина сохранилось, и под ним я понимаю чувство ответственности перед ней, любовь к ее многовековой истории и культуре своего народа, к его самобытности, святыням, окружающей природе»⁴⁷.

В этом диалоге мы видим ответ на источник подозрительности и недоверия, которое испытывала советская власть к бывшим офицерам, — они были преданы своей стране, но отнюдь не делу мировой революции.

Бывшие офицеры служили для того, чтобы Родину защищать, но отнюдь не горели желанием «нести на штыках свободу миру». И поэтому все они попадали под подозрение со стороны карающего меча диктатуры пролетариата.

«В РККА преимущественно в высших учреждениях на службе состоит значительное количество бывшего кадрового офицерства. Эта категория военспецов является по своему бывшему и социальному положению наиболее чуждой советской власти... Все они ждут падения советской власти», — цитирует документ НКВД тех лет современный историк⁴⁸.

В 1930 году советское руководство от подозрений и отдельных акций перешло к массовым репрессиям в отношении бывших офицеров. В рамках дела «Весна» только аресту подверглись более 3000 бывших офицеров и генералов, военнослужащих РККА⁴⁹. Цифра на первый взгляд кажется незначительной, но мы напомним читателю, что в 1928 году численность РККА составляла 529 тыс. человек, из которых 48 тыс. были офицерами⁵⁰. Таким образом, репрессиям подвергся ни много ни мало каждый шестнадцатый. Причем, как уже отмечалось выше, основной удар был нанесен по высшему руководству армии, по наиболее компетентной и опытной части офицерского корпуса.

Что заставило руководство страны прибегнуть к столь радикальным мерам? На наш взгляд, разгадка кроется в двух факторах: во-первых, в разрядке международной обстановки в начале 30-х годов — в условиях мирового экономического кризиса «империалистическим державам» было явно не до нападения на СССР, следовательно, ослабла нужда в военных специалистах. Во-вторых, в это время, как мы уже упоминали выше, по всей стране шла массированная коллективизация. Причем как раз на 1930 год приходится пик крестьянских выступлений (в том числе и вооруженных) против колхозов. Очевидно, что советское руководство опасалось

лось, что эти выступления могут найти поддержку в армии, и поспешило лишить крестьянство потенциальных военных вождей.

Исследователи отмечают относительную «мягкость» репрессий 1930 года — большая часть арестованных отделалась небольшими (по советским меркам) тюремными сроками, многие потом вернулись к продолжению службы. Подобная мягкость объясняется только одним — других военных специалистов такого уровня в распоряжении советской власти не было, и взять их в течение ближайшего десятка лет было неоткуда.

Но даже такие, «мягкие», репрессии нанесли серьезный ущерб боеспособности РККА, выразившийся прежде всего в ослаблении уровня штабной работы и в подготовке кадров.

По мнению современного историка М.Е. Морозова, истинной причиной неудач Советской Армии во время Великой Отечественной войны было *«неудовлетворительное качество подготовки военных кадров в СССР на протяжении всего межвоенного периода. Корни такого положения скрывались в потере преемственности со старой военной школой»*⁵¹.

Та преемственность, которую в последние предвоенные и военные годы советское руководство попытается восстановить. Современный историк А.Исаев, отмечая успехи военного строительства в 30-е годы, пишет: *«Была воссоздана каста людей, чья профессия — Родину защищать»*⁵². Это было бы действительно успехом, если бы в начале 30-х годов эту же самую касту не разрушили целенаправленно.

Удар четвертый. Купола покатались, как головы...

Строго говоря, борьба советской власти против Церкви не прекращалась ни на один день в период с

1917 по 1991 год. Однако велась она разными методами и с разной интенсивностью. Так, после кровавых эксцессов времен Гражданской войны 20-е годы выглядят относительно спокойными — в этот период власть делает основную ставку на раскол Церкви изнутри и ее самодискредитацию. При активном участии органов ОГПУ в церкви создаются обновленческий и живогерковный расколы. Основной мерой против священнослужителей в этот период является ссылка. (Хотя об арестах власти тоже не забывали.)

Опубликованная в 1927 году декларация митрополита Сергия хотя и вызвала неоднозначную реакцию духовенства, но ее итогом стало признание государством канонического синода РПЦ в качестве легально действующей религиозной организации (до этого власти признавали только обновленческий «синод»).

Очевидно, что, переходя в 1929 году к реализации планов по ускоренной трансформации общества, советское руководство не могло не начать враждебные действия против Церкви, которая являлась стержневым институтом традиционного русского общества. Действовали большевики, как всегда, решительно. По мнению современного церковного историка, *«эти годы по свирепости гонений на православную Церковь сравнимы разве что с кровавыми событиями 1922-го, а по масштабам далеко превзошли их»*⁵³.

Начались эти гонения с директивного письма ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы», подписанного секретарем ЦК партии Л.М. Кагановичем. Мы не случайно обращаем внимание читателя на подписанта письма. Дело в том, что среди части исторических публицистов существует миф о якобы благожелательном отношении И.В. Сталина к русской Церкви. Все гонения на Церковь эти авторы приписывают интернационалистам, которые-де до самой войны не давали возможности вождю народов показать свое истинное отношение к Церкви. Факты разительно про-

тиворечат этому мифу. Под письмом стоит подпись одного из вернейших соратников Сталина, никогда не выступавшего вопреки воле вождя.

В этом документе духовенство объявлялось Л.М. Кагановичем политическим противником ВКП(б), выполняющим задание по мобилизации всех «реакционных и малограмотных элементов» для «контрнаступления на мероприятия советской власти и компартии».

В развитие партийных указаний 8 апреля 1929 года президиум ВЦИК принял постановление «О религиозных объединениях», согласно которому религиозным общинам дозволялось лишь «отправление культов» в стенах «молитвенных домов», всякая просветительская и благотворительная деятельность категорически воспрещалась. Частное обучение религии, дозволенное декретом 1918 года «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», теперь могло существовать лишь как право родителей обучать религии своих детей.

В том же году XIV Всероссийский съезд советов изменил 4-ю статью Конституции, в новой редакции которой говорилось о «свободе религиозного исповедания и антирелигиозной пропаганды»⁵⁴.

По всей стране началось массовое закрытие и разрушение храмов. Так, если за 1928 год в РСФСР закрыли 354 церкви, то в 1929 году уже 1119, т.е. в три раза больше, причем 322 храма были не просто закрыты, но и разрушены. Если на 1 января 1930 года в Москве было 224 прихода Московской патриархии, то через два года их осталось только 87⁵⁵.

Закрытие храмов проходило по инспирированным снизу «просьбам трудящихся» под нелепыми градостроительными предложениями — «загораживает проход пешеходов», а то и просто без всякой причины. Новым правителям даже сами здания церквей, своим видом свидетельствующие о Боге, были ненавистны. И загремели по стране взрывы — древние церкви безжалостно ломали. Колокола переплавляли на цветной металл, иконы,

богослужбные книги (в том числе и рукописные, которым было несколько столетий) сжигались и закапывались. Церковная утварь переплавлялась.

По сути своей это было уничтожение исторического наследия, богатства страны. Причем богатства не только духовного, но и материального. Современные историки-сталинисты, любящие рассуждать о необходимых жертвах во имя индустриализации, почему-то не считают, во что обошлось государству это самоедство. А ведь простейший расчет показывает, что для уничтожения капитального каменного здания, какими являлись большинство уничтоженных храмов, требуются немалые затраты. Немалых затрат требовало также приспособление церковных зданий под «народно-хозяйственное назначение».

Не брезговали и просто погромами храмов. Для этих целей использовали отряды «комсомольской легкой кавалерии» или членов Союза воинствующих безбожников. Эти молодчики врываются в храм во время богослужения, избивали священнослужителей и прихожан, грабили и портили церковное имущество и нередко поджигали церковные здания. При этом всякая попытка оказать сопротивление хулиганам рассматривалась советскими властями как «контрреволюционная деятельность» и соответствующим образом каралась.

Начались массовые аресты священнослужителей и активно верующих мирян. В условиях голода и введения в стране карточной системы снабжения продовольствием «лишенцы» (а к ним автоматом относились все священнослужители) не получали продовольственных карточек, и единственным источником существования для них становилась милостыня. Власть распространяла свои гонения даже на детей священнослужителей — согласно инструкции наркомпроса они могли получать лишь начальное 4-классное образование.

Гонения на христиан в СССР приняли такой масштаб, что вызвали международную реакцию. С их осуж-

дением выступили глава англиканской церкви архиепископ Кентерберийский и папа римский Пий XI.

Наряду с репрессивными органами важным орудием властей в борьбе с Церковью стал Союз воинствующих безбожников, возглавляемый членом Политбюро ЦК ВКП(б) Емельяном Ярославским (Губельманом). К 1932 году эта организация насчитывала в своих рядах 5,7 млн членов (главным образом комсомольской молодежи), контролировала антирелигиозные музеи и выставки, массово издавала брошюры, книги и журналы антирелигиозного содержания⁵⁶. На содержание этого «добровольного» общества государство расходовало немалые средства, которые, если исходить с точки зрения национальных интересов страны, можно было бы потратить куда как более толково.

В мае 1932 года этот Союз принял план так называемой безбожной пятилетки — фактически пятилетний план уничтожения религии в советском государстве.

В первый год закрыть все духовные школы (они еще оставались у обновленцев, а у патриаршей православной Церкви их давно уже не было).

Во второй — провести массовое закрытие храмов, запретить издание религиозных сочинений и изготовление предметов культа.

В третий — выслать всех служителей культа за границу (что было на самом деле весьма угрожающим эвфемизмом — дело в том, что в действовавшем тогда уголовном законодательстве СССР высылка за границу была формой *вышей меры наказания* наряду с расстрелом).

В четвертый — закрыть оставшиеся храмы всех религий.

В пятый — закрепить достигнутые успехи, к 1 мая 1937 года «имя Бога должно быть забыто на всей территории СССР»⁵⁷.

Примечательно, что этот план делает ставку на репрессивные и административные меры, которые можно

ждать от государства, а не от общественной организации, какой формально являлся СВБ. Без сомнения, такие планы не могли быть созданы или обнародованы без санкции высшего партийного руководства и лично И.Сталина. И как любое «сталинское задание» эти планы были приняты к немедленному исполнению.

Впрочем, надо отметить, что в 30-е годы «успехи» безбожного воинства были весьма невелики (по сравнению, конечно, с отпущенными средствами). Так, перепись населения 1937 года показала, что 57% населения в возрасте от 16 лет и старше считают себя верующими и, что особенно обеспокоило руководство страны, среди «ровесников Октября», молодых людей в возрасте от 20 до 29 лет, таковых оказалось 44,4%⁵⁸. Это вызвало острую реакцию властей, вылившуюся в оголтелый террор против священнослужителей в 1937 году.

Удар пятый. Выстрел в прошлое...

Большевики хорошо понимали, что основу старого общества составляют не только сами люди, но историческая память. И помимо социальной инженерии объявили настоящую войну прошлому — российской истории. Многие современные исследователи недооценивают важность этой темы, рассматривают ее либо как «перегибы на местах», либо как нечто малозначительное. Подумаешь, снесли какой-то исторический памятник, рассуждают эти люди, вот построенный тракторный завод — это да, это важно, это главное.

Между тем советское руководство уделяло борьбе с российской историей большое внимание. Решение о судьбе иных памятников истории принималось на уровне аж Политбюро ЦК ВКП(б). А всесильный советский диктатор И.Сталин находил время и возможности для ознакомления с курсами истории в учебных заведениях и лично редактировал оные, очевидно, считая эту рабо-

ту столь же важной, что и принятие решений о выпуске танков или строительстве заводов.

Первый удар был нанесен 12 апреля 1918 года, когда за подписями Ленина, Луначарского и Сталина вышел *Декрет о снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников российской социалистической революции («О памятниках республики»)*. Согласно этому декрету *«памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера»*. Оцените, читатель, весна 1918 года, Советская республика в кольце фронтов, казалось бы, у Совнаркома должно быть множество дел поважнее, но нет, нашли время.

По всей стране началась расправа с памятниками. Крушили памятники государям, полководцам, государственным деятелям. Уже к концу 1918 года в Москве были снесены памятники Александру II, Александру III, великому князю Сергею Александровичу, генералу М.Д. Скобелеву и т.д. В сносе памятников принимали личное участие руководители советского государства и сам «вождь мирового пролетариата».

Масштабы разрушения были колоссальными. Так, в 1940 году специальная комиссия Академии архитектуры СССР констатировала, что в столице Советского Союза за 1917—1940 годы *«уничтожено 50 процентов архитектурно-исторических памятников национальной архитектуры»*⁵⁹. При этом комиссия считала только те объекты, которым был официально присвоен статус памятника. А скольким не был присвоен этот статус?

Живым свидетельством истории России были географические названия — городов, улиц, населенных пунктов и т.д. В 20—30-е годы по указаниям советского руководства пошло тотальное переименование. Исчезали старинные названия, несшие в себе исторический

смысл, зато на карте страны появились имена большевистских вождей, деятелей мирового революционного движения и т.д. Так стиралась историческая география России. Большевики запросто переименовывали целые города, называя их в честь «себя любимых». Так появились на карте СССР Калинин, Молотов, Сталино, Орджоникидзе, Киров и т.д.

К сожалению, большинство этих уродующих нашу историю и наши города переименований дожили до нашего времени. Начавшаяся было в 90-е годы XX века кампания по возвращению исторических имен улицам и городам пошла на спад... Интересно, что одним из наиболее распространенных и, надо признать, разумных мотивов против возвращения старых названий в наши дни является мотив финансовой экономии — каждое переименование обходится государству в изрядную копейку. Можно представить, каких затрат потребовало массовое изменение наименований населенных пунктов и их частей в 20—30-е годы. Но в борьбе с русской историей большевики не боялись расходов.

В 1919 году в учебных заведениях СССР было прекращено преподавание истории. *«Восемь-девять лет тому назад, — с удовлетворением писал в 1927 году видный борец с исторической наукой М.Н. Покровский, — история была почти совершенно изгнана из нашей школы — явление, свойственное не одной нашей революции. Детей и подростков занимали исключительно современностью...»*⁶⁰

Этот предмет был вычеркнут из учебной программы и заменен изучением истории партии и мирового освободительного движения. В завершение этого процесса советское руководство устроило расправу над отечественной исторической наукой. 5 ноября 1929 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение об уголовном преследовании сотрудников Академии наук СССР по совершенно нелепому обвинению. Обратим внимание читателя, что инициатива расправы над

учеными-историками исходила не от органов госбезопасности, как того можно было бы ожидать, а от высшего руководства страны. Выполняя решение руководства, органы ОГПУ состряпали целое «Академическое дело» (Дело историков), в рамках которого были проведены аресты выдающихся отечественных ученых. Всего по этому делу было арестовано 4 академика АН СССР (С.Ф. Платонов, Е.Н. Тарле, Н.П. Лихачев и М.К. Любавский), 9 членов-корреспондентов АН СССР, в том числе С.Ф. Рождественский, Д.Н. Егоров, Ю.В. Готье, А.И. Яковлев, и более 100 ученых рангом поменьше. Подавляющее большинство из них были историками. Имена С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле, М.К. Любавского говорят сами за себя.

10 февраля 1931 года тройка ПП ОГПУ в ЛВО вынесла приговор первой партии арестованных по «Академическому делу»: 29 человек были приговорены к расстрелу, 53 — к заключению в ИТЛ на срок от 3 до 10 лет, двое — к высылке на 2 года. Решение тройки было пересмотрено коллегией ОГПУ 10 мая 1931 года. Высшая мера наказания была сохранена в отношении бывших офицеров А.С. Путилова, А.А. Кованько, В.Ф. Пузицкого, Я.П. Куприянова, П.И. Зиссермана, Ю.А. Вержицкого. 10 человек были приговорены к расстрелу, замененному заключением в лагерь на 10 лет, 8 — к заключению в лагерь на 10 лет, 3 — к заключению в лагерь на 10 лет, замененному высылкой на тот же срок, 3 — к заключению в лагерь на 3 года. В ходе следствия было освобождено 43 человека.

Вынесение приговора тем арестованным, которых относили к «руководящей группе», затянулось. Он был вынесен коллегией ОГПУ 8 августа 1931 года — 18 человек были приговорены к высылке в отдаленные места СССР сроком на 5 лет. Среди них были академики Платонов, Тарле, Лихачев, Любавский. Пять человек приговорены к 5 годам заключения в лагере, 4 — к 3 годам заключения в лагере, один — к высылке в Западную

Сибирь на 3 года⁶¹. Цвет отечественной исторической науки был разгромлен...

Преподавание истории как учебного предмета было восстановлено в СССР лишь в 1934 году. Такой перерыв был необходим большевистскому руководству для разрушения традиций преподавания истории Отечества, ибо в 1934 году в учебных заведениях стала изучаться совсем другая история.

Решение о восстановлении преподавания истории было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 20 марта 1934 года. Этим же постановлением высшее руководство СССР утвердило авторскую группу для создания школьного учебника истории СССР⁶². Пожалуй, впервые в российской истории школьный учебник утверждался высшим руководством страны. В том же 1934 году три члена политбюро — Сталин, Киров и Жданов — лично прочитали и отрецензировали предлагаемые авторскими коллективами конспекты новых школьных учебников. Для нашей темы весьма важно посмотреть, какие же недостатки нашли наши вожди в представленном им проекте учебника.

По мнению высокопоставленных рецензентов, авторская группа *«не выполнила задание и даже не поняла своего задания. Она составила конспект русской истории, а не истории СССР, то есть истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР»*. В конспекте не была подчеркнута ни *«аннексионистско-колонизаторская роль русского царизма»*, ни *«контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике»*⁶³.

Вот это-то различие между русской историей и историей СССР и является главным для понимания того, какая же именно история стала преподаваться в советских школах и прочих учебных заведениях. Главным было то, что отрицался исторический путь России как национального государства русского народа, созданного русским народом же. Теперь, по мысли вождей, русский народ должен был занять в своей стране место

лишь одного из нескольких «братских народов» (многие из которых в то время лишь искусственно создавались), а в перспективе — с расширением СССР до мировых пределов — роль русских должна была еще более уменьшиться.

Вопреки мнению отдельных публицистов и исследователей, что начиная с 1934 года советская власть стала руководствоваться во внутренней и внешней политике национальными интересами страны, в реальности советские вожди в это время озаботились проблемой... уничтожения памятников истории России. Так, в это время аж три члена Политбюро — Сталин, Ворошилов и Каганович — уделили внимание судьбе такого замечательного памятника истории России, как московская Сухарева башня.

Первоначальное решение властей о сносе памятника, мотивированное «заботой о развитии уличного движения», вызвало протесты ученых и архитекторов-градостроителей. В ответ на эти протесты 18 сентября 1933 года Сталин отправляет собственноручное письмо Кагановичу, в котором пишет: *«Мы (Сталин и Ворошилов, — А.М) изучили вопрос о Сухаревой башне и пришли к тому, что ее обязательно надо снести. Архитекторы, возражающие против сноса, слепы и бесперспективны»*⁶⁴.

Выступая перед коммунистами-архитекторами, Лазарь Каганович так говорил о сносе памятника: *«В архитектуре у нас продолжается ожесточенная классовая борьба... Пример можно взять хотя бы из фактов последних дней — протест группы старых архитекторов против слова Сухаревой башни. Я не вхожу в существо этих аргументов, но ведь характерно, что не обходится дело ни с одной завалющей церквушкой, чтобы не был написан протест по этому поводу. Ясно, что эти протесты вызваны не заботой об охране памятников старины, а политическими мотивами...»*⁶⁵. Вот уж воистину — у кого что болит, тот о том и говорит. В реальности именно деятель-

ность советского руководства по сносу памятников русской истории была вызвана политическими мотивами.

В тот страшный год погибла не только Сухарева башня. На Бородинском поле был взорван «памятник царским сатрапам» — главный монумент в честь сражения, в котором решалась судьба России. В Ленинграде был уничтожен храм-памятник в честь моряков, погибших в русско-японскую войну, в Костроме — памятник Ивану Сусанину... и т.д.

Мы наш, мы новый мир построим...

К сожалению, тема создания нового советского общества не привлекала к себе покамест внимания историков. Слишком уж насыщенным оказался этот временной период событиями внутри- и внешнеполитической жизни, и до изучения изменений в обществе у историков просто не дошли руки. Лишь в последнее время стали появляться исследования, посвященные жизни людей того времени и общественным отношениям. Поэтому при анализе той эпохи мы вынуждены прибегать к таким малодостоверным источникам, как мемуары, записки, юридические документы, анализ произведений искусства и т.д.

Важно отметить, что с самого начала работе по созданию нового общества советское руководство уделяло гораздо меньше внимания, чем разрушению старого. И дело тут не в недостатке энергии или непонимании важности задачи. Просто, согласно марксистскому учению, общественные отношения были лишь производной от отношений социально-экономических, с изменением которых неизбежно, по мнению вождей партии, должно было измениться и общество. С другой стороны, хотя социальная трансформация общества и была задачей № 1 для кремлевского руководства, многочисленные проблемы внутренней и внешней политики 30-х годов так-

же требовали немедленного решения, поэтому на строительство нового общества ресурсов и сил зачастую просто не оставалось.

Тем не менее можно выделить основные черты нового советского человека и советского общества. В основе мировоззрения нового советского человека лежали «три кита» — атеизм, интернационализм и коллективизм.

Интернационализм. Принципиально новый характер общества закреплялся в его названии. Слово «советский» не имело какой-либо связи с исторически сложившимся этнонимом, да и этнонимом в строгом смысле этого слова не являлось, так как обозначало не национальность, а идеологическую ориентацию. Национальная самоидентификация — этот краеугольный камень традиционного общества — здесь отходила на второй план, но, вопреки распространенным представлениям, не уничтожалась окончательно, на первоначальном этапе она сохранялась и постепенно выхолащивалась. В своих мечтаниях апологеты мировой коммунии рисовали общество людей, полностью лишенных национальных признаков.

Коллективизм. Одной из важных черт нового общества являлся повсеместно насаждаемый коллективизм. Культ коллектива был вызван не столько потребностями управления (коллективом управлять проще, чем отдельными личностями), сколько являлся инструментом социальной инженерии. Построение коммунистического общества по принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям» требовало не только увеличения объемов производства, но и воспитания у людей самоограничения потребностей. Воспользоваться огромным опытом христианской аскетики большевики, по понятным причинам, не могли, и пришлось «изобретать велосипед». Если в христианстве самоограничение есть форма служения Богу, то для советского человека идолом стало служение коллективу. Согласно новой идеологии, личность не существовала сама по себе, а имела ценность лишь как член того или

иною коллектива. Идеология строила иерархию коллективов от самого маленького — звена или бригады — до огромного, включающего в себя трудящихся всего земного шара. Сознательный член нового общества должен был полностью подчинить свои интересы интересам коллектива и реализовывать свои способности только в рамках этого коллектива. К коллективу начинали приучать с малолетства, и уже само название руководителей детских и юношеских коллективов (пионервожатый, комсомольский вожак) убивало всякую мысль о самостоятельности его членов.

Наиболее важной, с нашей точки зрения, чертой сознания нового советского человека являлся атеизм. Культивирование сознательного безбожия и богоборчества, — а советский атеист — это не просто неверующий человек, а сознательный борец с религией, — не могло не привести к изменениям в нравственной сфере жизни общества. Напомним читателю, что система нравственных устоев религиозного общества состоит из трех уровней:

1. Нравственного закона, сформулированного Богом и выражаемого совестью человека. При этом хотя совесть является принадлежностью каждого человека, по его природе, она, как и всякая другая часть человека нуждается в развитии, без которого совесть атрофируется или приобретает уродливые формы. Религиозная парадигма включает в себя развитие совести, более того, ставит эту задачу на одно из первых мест в духовном развитии человека.

2. Морального. Мораль формируется обществом и, соответственно, отображает состояние этого общества. В обществе религиозном, высоконравственном мораль приближается к нравственным законам, но все же отличается от них. В чем-то моральные нормы жестче нравственных, в чем-то мягче. Важно, что нормы морали создаются людьми, а «то, что один человек создал, другой всегда сломать может».

3. Юридического. Здесь источником норм выступает государство и фиксирует их в виде законодательных актов. Юридические нормы могут быть отражением норм морали, а могут и не быть.

В советском типе мировоззрения нравственный уровень упразднился и фактически отождествлялся с моральным. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно открыть Большую советскую энциклопедию на статью «нравственность» и увидеть, что статья сия состоит из одной строчки следующего содержания: «нравственность» — см. статью «Мораль».

Но и сам процесс формирования моральных норм в советском обществе не мог быть пущен на самотек, он был поставлен под жесткий контроль идеологических органов партии. Последние в своей работе руководствовались не жизненными реалиями, а представлениями об идеальном коммунистическом обществе и классовым сознанием.

В результате моральные нормы советского общества оказались трудновыполнимыми не только для носителей традиционной, христианской морали, но и для людей собственно советских.

В дальнейшем это привело к формированию обществом своей собственной моральной системы и появлению в позднесоветском обществе так называемой двойной морали.

Главная проблема заключалась в том, что низовая мораль, которая создавалась обществом в дополнение к навязанной режимом, также не опиралась на нравственные христианские нормы, о которых значительная часть советских людей в силу проводимой властями борьбы с религией имела самое приблизительное представление. В результате одним из источников низовой, второй морали советского общества стали законы и представления криминального мира. Это страшно само по себе, но еще страшнее то, что это не вызвало неприятия и отторжения у общества. Однако в конце 30-х годов эти процессы только начинались.

Война и миры

В итоге процесс социальной трансформации русского общества к концу 30-х годов XX века был весьма далек от завершения. Фактически в СССР существовали два общества — новое советское и старое «недобитое» традиционное. При этом новое общество только начало формироваться, а старое находилось в процессе разрушения, поэтому значительная часть граждан СССР пребывала в промежуточном состоянии между двумя обществами. Поясним, что это значит. Как известно, членов общества связывают между собой писанные и неписанные нормы общественной морали, стереотипы поведения, но благодаря усилиям советской власти традиционные устои общества были во многом размыты, а навязываемые властью моральные принципы нового общества еще не успели укрепиться. Более того, те немногие, кто сохранил верность традициям и принципам старого общества, уже в силу этого были в оппозиции власти и не считали ее своей.

Интересно, что это разделение общества Страны Советов было замечено сотрудниками белогвардейской организации РОВС на основе общения с пленными военнослужащими РККА во время советско-финской войны 1939—1940 годов. Анализируя отношение военнослужащих к советской власти, они сделали выводы о том, что партийный аппарат (среди пленных были представители исключительно низового аппарата) «безусловно предан советской власти и Сталину», что *«чины специальных войск, летчики, танкисты и отчасти артиллеристы, среди которых высок процент коммунистов, также преданы советской власти... Дрались очень хорошо и нередко, будучи окружены, предпочитали кончать жизнь самоубийством, а не сдаваться в плен».*

Красноармейская «масса», по мнению работавших с ней представителей РОВС, была «испорчена советской

пропагандой и воспитанием неглубоко» и, в общем, осталась такой же, какими были их отцы и деды⁶⁶.

Поясним описанную выше разницу. Мы знаем, что вплоть до 1 сентября 1939 года, когда был принят новый закон о всеобщей воинской обязанности, Красная Армия комплектовалась исключительно из «идеологически подкованных» призывников, а отбор в технические войска — танковые и особенно в авиацию — был исключительно строгий.

С другой стороны, значительная часть жителей Страны Советов и вовсе пребывала в подвешенном состоянии с нарушенными стереотипами поведения — не имея готовых решений, вообще не зная, как себя вести в той или иной ситуации.

Таким образом, перед войной население СССР состояло из трех основных групп:

- новое советское общество;
- старое традиционное русское общество;
- мятущиеся — те, кто уже перестал жить, как жили отцы и деды, но не стал жить по-новому.

Как это разделение сказалось на отражении общества — армии? Для начала отметим, что распределение представителей разных общественных групп по разным родам войск было неравномерным. Приоритетными в 30-е годы считалось развитие авиации и механизированных войск. Кадры для них проходили особый отбор, причем не только традиционный медицинский или образовательный, но и идеологический. В качестве примера критериев такого отбора можно привести отрывок из приказа ГЛАВПУРа РККА по отбору военнотружущих для комплектования танковых экипажей:

«1. В экипаж отбирать военнотружущих, беспредельно преданных нашей Родине, большевистской партии и Советскому правительству, бесстрашных, решительных, обладающих железным характером, способных на подвиги и самопожертвования людей, которые никогда и ни при каких обстоятельствах не сдадут танк врагу.

2. В экипажи отбирать преимущественно из рабочих промышленности, транспорта и сельского хозяйства, а также студентов индустриальных вузов и техникумов. Подбирать людей, хорошо владеющих русским языком (русских, украинцев, белорусов).

3. Экипаж должен состоять из коммунистов, комсомольцев и непартийных большевиков, воспитанных в духе ненависти к врагу и непреклонной воли к победе»⁶⁷.

Вслед за танковыми войсками и авиацией отбирались призывники в войска НКВД, конницу, артиллерию, а вот все, кто не проходил такой отбор, отправлялись на комплектование пехоты. «Получается то, что к этой тяжелой службе в пехоте приходит молодежь нашей страны после отсева от комплектования авиации, артиллерии, танковых частей, конницы, инженерных частей, частей местной охраны и т. д. В результате слабый, малорослый боец»⁶⁸, — констатировал в декабре 1940 года советский генерал.

Таким образом, лучшие представители нового советского общества группировались в элитных, отборных войсках, представители старого, традиционного общества, считавшиеся неблагонадежными, зачастую направлялись во вспомогательные части, а основную массу пехоты составляли представители «болота».

Общественное разделение отражалось и на отношениях между военнослужащими. Если в элитных войсках хорошим командирам удавалось сколотить крепкие и даже дружные коллективы, то в пехоте все обстояло по-другому — красноармейцы сторонились друг друга, часто имело место некоторое отчуждение от командного и особенно от политического состава. Это порождало атмосферу взаимного недоверия, что отнюдь не способствовало укреплению стойкости войск.

Поскольку советское и традиционное общества основывались на разных ценностных системах, то и восприятие войны у них было разным. Ниже подробно рассмотрим особенности этого восприятия в каждой из

групп, а пока укажем, что эта разность, порожденная разницей мировоззрения, сама по себе несла опасность, ибо не позволяла появиться единому осмыслению такого события, как война. Люди, одетые в одну форму, стоящие в одном строю, совершенно по-разному воспринимали войну, что не позволяло добиться единомыслия, единого боевого духа — необходимого условия успешного ведения боя.

Состояние советского общества описал Константин Симонов на первых страницах своего знаменитого романа «Живые и мертвые»:

«Казалось бы, все давно ждали войны, и все-таки в последнюю минуту она обрушилась как снег на голову; очевидно, вполне подготовиться к такому огромному несчастью вообще невозможно»⁶⁹.

Среди молодого поколения господствовало представление о грядущей войне, как войне прежде всего классовой, революционной. Противника рассматривали именно с этой точки зрения — как противника идеологического, отсюда такие названия врагов, как **белофинны** и **белополяки**. Поэтому в солдатах империалистических держав видели прежде всего «братьев по классу», нуждающихся в освобождении, причем, более того, ждущих его. Именно в таком духе выдержан популярный в те годы роман Николая Шпанова «Первый удар». В соответствии с этой парадигмой война должна была быть недолгой и проходить «малой кровью и на чужой территории».

В январе 1941 года начальник Главного Политического управления РККА Запорожец написал объемную докладную записку на имя наркома обороны, в которой, характеризуя настроения красноармейцев, отмечал:

«Глубоко укоренился вредный предрассудок, что будто бы в случае войны население воюющих с нами стран обязательно и чуть ли не поголовно восстанет против своей буржуазии, а на долю Красной Армии останется лишь

пройтись по стране противника триумфальным маршем и установить советскую власть»⁷⁰.

В начале войны эти настроения расцвели пышным цветом:

«Один из танкистов поинтересовался германским пролетариатом — не восстал ли он против фашизма. Горячо спорили о сроках войны. Над тем, кто сказал «полгода», посмеялись, обозвали малOVEROM»⁷¹.

«Конечно, спорили о судьбе Германии, о том, как скоро немецкий рабочий класс свергнет Гитлера; о том, как быстро в случае нападения Германии на Советский Союз немецкие солдаты — «рабочие и крестьяне в солдатских шинелях» — повернут оружие против своих классовых врагов. Да, именно как быстро, а не вообще — повернут или нет. Спорили об этом даже в июне и июле 1941 года (выделено мной. — А.М.)»⁷².

Как известно, никаких признаков «классовой солидарности» «немецкие рабочие в солдатских шинелях» не проявляли....

Был и еще один важный аспект. Как мы уже упоминали выше, одним из базисов советской идеологии был атеизм, причем в те годы, как правило, атеизм воинствующий. Важным отличием атеизма от практически любой религии является чисто биологическое понимание такого явления, как **смерть**. Между тем война и смерть — понятия неразделимые, и одной из необходимых составляющих моральной и психологической подготовки солдата к войне и к бою была подготовка к смерти. Если мы обратимся к истории русской дореволюционной армии, то увидим, что тема смерти в бою, смерти за государя была одной из основных в тогдашней, говоря современным языком, политико-воспитательной работе. Проще всего это увидеть, если обратиться к текстам русских военных песен. Основной принцип отношения к смерти четко выражен в солдатской песне середины XIX века — *«Жизни тот один достоин, кто на смерть всегда готов»*. Смерть в бою счита-

лась вероятной, более того — практически неизбежной. Солдат царской армии шел в бой умирать:

*«Мы смело на врага за русского царя на смерть пойдём
вперед, своей жизни не щадя»* (песня Павловского юнкерского училища).

«За царя и за Россию мы готовы умирать» (солдатская песня).

«Марш вперед! Смерть нас ждет! Наливайте чары...» (песня Александрийского гусарского полка).

«Под ним умрет драгун беспечный, сложивший голову в бою» (песня 12-го Стародубовского драгунского полка).

*«Коль убьют на бранном поле, так со славой погребут,
а без славы да неволей все когда-нибудь помрут»* (песня лейб-гвардии конно-гренадерского полка).

Такие песни (мы привели лишь малую толику) приучали солдат к мысли о возможности смерти в бою, учили не бояться смерти, готовили к ней. В основе этой подготовки было православное учение о смерти и загробном мире. Воин русской армии воевал за веру, царя и Отечество, и смерть в бою рассматривалась не только как воинский, но и как религиозный подвиг.

Совсем другое мы видим в воспитательной работе предвоенной Советской Армии. Храбрость и презрение к опасностям рассматривались как гражданская добродетель, неотъемлемые качества советского человека, но... темы смерти, в том числе и смерти в бою, в советских предвоенных песнях мы не увидим.

Такие военные песни, как: «Если завтра война», «Шли по степи полки со славой громкой», «Боевая сталинская» («Мы берем победу за победой»), «Авиамарш», «Марш танкистов» («Броня крепка»), «По-над Збручем», «Катюша», «Принимай нас, Суоми-красавица», «В бой за Сталина» — полны оптимизма, мыслей о грядущей победе и ни разу не рассматривают возможность смерти героя в бою.

Более того, даже старые песни периода Гражданской войны, в которых тема смерти в бою была одной из ос-

новых, в 30-е годы слегка изменялись, вычищая тему смерти в сторону. Например, в песне:

*Гулял по Уралу Чапаев-герой,
Он соколом рвался с полками на бой.
Вперед вы, товарищи, не смейте отступить!
Чапаевцы смело привыкли умирать.*

Слово «умирать» было заменено на «побеждать», и в таком варианте песня сохранилась в большинстве источников.

Если смерть в песне и присутствовала, то это была смерть врага — «летели наземь самураи» или «несем победу Родине и смерть ее врагам».

Этот заряд оптимизма, конечно, импонировал советской молодежи, но не готовил к главному — к серьезной войне, где могут и будут убивать. Причина такого подхода понятна — идеология атеизма воспринимает смерть как окончательную точку, небытие, за которой может сохраниться лишь память о человеке, но не сам человек.

При этом каждый красноармеец, получая в руки боевое оружие и учась военному делу «настоящим образом», так или иначе приходил к мыслям о возможной собственной смерти. И вот здесь официальная, идеологическая подготовка ничем ему помочь не могла, оставляя человека один на один со своими страхами... Пример того, как страх смерти овладевает душой человека и обрекает его на панику и гибель, мы находим в книге писателя-фронтовика Бориса Васильева «А зори здесь тихие...»:

«А Галя уж и не помнила об этом свинце. Другое стояло перед глазами: серое, заострившееся лицо Сони, полузакрытые, мертвые глаза ее и затвердевшая от крови гимнастерка. И... две дырочки на груди. Узкие, как лезвие. Она не думала ни о Соне, ни о смерти — она физически, до дурноты ощущала проникающий в ткани нож, слышала хруст разорванной плоти, чувствовала тяжелый запах крови. Она всегда жила в воображаемом мире активнее,

чем в действительном, и сейчас хотела бы забыть это, вычеркнуть — и не могла. И это рождало тупой, чугунный ужас, и она шла под гнетом этого ужаса, ничего уже не соображая.

Федот Евграфыч об этом, конечно, не знал. Не знал, что боец его, с кем он жизнь и смерть одинаковыми гирями сейчас взвешивал, уже был убит. Убит, до немцев не дойдя, ни разу по врагу не выстрелив...»

Для остатков русского **традиционного** общества начало войны Германии против коммунистического СССР стало своего рода искусом, соблазном. В своей пропаганде гитлеровцы постоянно подчеркивали, что воюют не против России, а против «ига жидов и коммунистов», и у многих людей вставал вопрос — а надо ли защищать советскую власть? Ту самую власть, которая старательно и методично уничтожала старое общество.

Такие сомнения возникали у многих, причем не только у пожилых людей — молодой танкист Арсентий Родькин вспоминал: *«Честно говоря, воевать мне не хотелось, и если бы можно было не воевать, я бы не воевал, потому что не в моих интересах было защищать эту советскую власть»*⁷³.

Сейчас хорошо известно, что для германской стороны мотив «спасения России от жидов и коммунистов» был лишь пропагандистским ходом, нацеленным на ослабление способности советского государства к самозащите, и русское антибольшевистское освободительное движение в планы немцев не входило. Но тогда...

Тогда это было ясно лишь немногим, в числе которых был местоблюститель патриаршего престола владыка Сергей (Старгородский). Уже 22 июня 1941 года он обратился с воззванием к пастве, призывая православных стать на защиту Отечества. Предстоятель Русской православной Церкви хорошо понимал, какие сомнения испытывают сотни тысяч православных людей по всей стране. В отличие от интернационалистов, он не

испытывал иллюзий относительно поведения «немецких рабочих в солдатских шинелях», он знал о подлинной, языческой подоплеке германского нацизма и знал, чем она обернется для русских.

Но послание митрополита не передавали по радио, и большинство православных воинов в рядах РККА в июне 1941-го остались в неведении о его содержании и вынуждены были бороться с искушением один на один.

Для представителей «болота» испытание войной оказалось наиболее тяжелым. В момент, когда от человека требовалось напряжение всех его духовных и физических сил, они, не имеющие твердой системы ценностей, оказались наиболее уязвимыми для панических настроений и стали их главным источником.

Подведем итог — начало войны стало шоком для всех мировоззренческих групп населения СССР (и личного состава РККА), представители двух полярных ценностных систем — коммунисты и традиционалисты — оказались в растерянности (причем по разным причинам), а не имеющее прочного мировоззренческого якоря «болото» стало генератором паники, которая, как лесной пожар, охватила армию.

Там, где представителей «болота» было мало — в танковых войсках, авиации и других элитных родах войск, — массовой паники не возникло (хотя одиночные случаи и отмечаются источниками). Именно это и позволило советским механизированным соединениям нанести немцам серию отчаянных контрударов. В обстановке общего развала, некомпетентного руководства, без поддержки пехоты советские танкисты не могли добиться даже частичного успеха, но их удары смогли нарушить планы немецкого командования, пусть не намного, но замедлили темпы немецкого наступления, выиграв для страны малое, но значимое количество времени. И что не менее важно, чем военное значение, — своей отчаянной храбростью они спасли честь своего поколения. И в российском массовом сознании

поколение, встретившее войну на границе, осталось в памяти как поколение погибших, но не покоренных бойцов, а не толп военнопленных, хотя последних и было вчетверо больше.

Рассмотрев причины паники, мы раскрываем секрет умолчания советской истории о причинах этого явления. Как мы видим, причиной этого катастрофического явления стали не «внезапность» и не ошибки отдельных лиц (пусть даже и самого Сталина), но весь курс на трансформацию общества, проводимый советским руководством с конца 20-х годов и составлявший главный смысл его деятельности. Признать, что именно главное направление социальной политики коммунистической партии стало (ненамеренно, конечно) причиной нестойкости Красной Армии и катастрофических поражений 41-го года — на такое советские историки пойти не могли.

Преодоление

Результаты приграничного сражения вызвали шок у всесильного советского диктатора. Осознав масштабы разгрома, Сталин оставляет Москву и на два дня запирается на своей даче в Кунцево⁷⁴. (Вопреки распространенному мифу, это произошло не в момент начала войны — 22 июня, а именно после окончания приграничного сражения — 29 июня.) Вождю было над чем поразмыслить. Главным ударом для него были не столько военные неудачи, сколько именно вот эта паника и моральная нестойкость выращенной им Красной Армии, всей системы советского общества. Было очевидно, что экзамена на стойкость в чрезвычайной ситуации нарождающееся советское общество не выдерживает.

И в этой ситуации коммунистический вождь нашел решение весьма нетривиальное, неожиданное для всех — от гитлеровского руководства до граждан Совет-

ского Союза. Сталин решается на то, что еще вчера казалось невозможным — на заключение мира между новым советским и недобитым русским обществом. Он понимает, что, только объединив все силы против внешнего врага, это нашествие можно отразить.

Но это решение означало и как минимум временный отказ от деятельности по построению нового советского общества и уничтожения общества традиционного. Вождь понимал, что для достижения согласия необходимо будет пойти на серьезные уступки русскому обществу. И эти уступки могут серьезно затруднить, если не сделать невозможной, окончательную победу коммунизма в СССР. Впрочем, Сталин вполне логично рассудил, что если не сделать задуманного им шага, то с высокой долей вероятности Страна Советов падет под ударом внешнего врага.

Решение было найдено. Вождь вернулся в Кремль, а 3 июля 1941 года вся страна, прильнув к черным тарелкам радиорупоров, услышала самую неожиданную для себя речь Сталина. Поскольку это выступление является программным для целого периода отечественной истории и весьма важным для нашей темы, рассмотрим его текст подробно.

Начнем с обращения. После традиционных «товарищей» и «граждан» прозвучало неожиданно — *братье и сестры*. Это привычное православное обращение было адресовано людям, с которыми советская власть до сих пор разговаривала почти исключительно на языке допросов.

Далее, саму войну против немцев Сталин назвал *Отечественной*. У современного читателя словосочетание «отечественная война» вызывает в памяти продолжение — 1812 года. Но современники Сталина помнили, что Второй отечественной войной называлась в царской России Первая мировая война.

Примечательно, что в этой речи Сталин 7 раз упот-

ребил слово «Родина» и лишь по одному разу упомянул слова «большевик» и «партия»⁷⁵.

И современный прокоммунистический историк Ю.В. Емельянов, и церковный историк о. Владислав Цыпин отмечают наличие в речи Сталина текстуальных заимствований из написанного 22 июня обращения к верующим митрополита Сергия.

Таким образом, речь Сталина 3 июля стала не просто первым обращением вождя к народу после начала военного противоборства с гитлеровской Германией, но провозглашением новой программы — на достижение компромисса и союза между советским и русским обществом.

Речь Сталина от 3 июля 1941 года стала важной вехой в истории России. Впервые коммунистическая власть была вынуждена не просто признать право русского общества на существование, но и обратиться к нему за содействием, заключить своего рода «пакт гражданского согласия» во имя победы над внешним врагом.

Важной вехой являются публичные выступления вождя, посвященные такой дате, как 24-я годовщина Октябрьской революции. Выступая перед войсками на Красной площади 7 ноября 1941 года, Сталин, с одной стороны, напомнил о победе в Гражданской войне, что должно было вдохновить советскую часть общества, а с другой — призвал воинов вдохновляться *«мужеством великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова»*⁷⁶. Эти имена вряд ли могли вдохновить «идейно подкованного» комсомольца, но они были дороги сердцу каждого русского человека.

Уступки традиционалистам продолжались и дальше — в конце 1942 года в армии отменен институт военных комиссаров, тогда же вводится историческая форма, сходная с формой Российской императорской армии периода Первой мировой войны, в 1943 году со-

ветское государство признает право православной Церкви на легальное существование, избран патриарх, деятельность союза воинствующих безбожников приостановлена, в 1944 году проходит реформа семейного права и системы образования, причем в ходе этих преобразований упор делается на преемственность с исторической Россией (по крайней мере, во внешних формах).

Новая платформа Сталина сделала возможным сотрудничество между полярными мировоззренческими группировками — коммунистами и традиционалистами, что спутало карты и политическому руководству Германии, которое в своей пропаганде делало ставку именно на наличие двух обществ в нашей стране. Главной линией немецкой пропаганды — «мы воюем не с русскими, а с большевиками» — был противопоставлен курс на национальное единство и примирение.

Однако новая политическая платформа советского руководства, хотя и стала базисом общественного согласия и создавала основу для преодоления раскола в обществе, была не единственной мерой, предпринятой для борьбы с паникой. Помимо пряника, большевики не замедлили пустить в дело и кнут.

16 июля 1941 года в армии вводится институт военных комиссаров с весьма широкими полномочиями, который фактически отменял принцип единоначалия. Причиной этого шага стало недоверие со стороны политического руководства командному составу Красной Армии. Сработал привычный стереотип — раз дела плохи, то не обошлось без «измены» со стороны «врагов народа». И враги были немедленно найдены, в тот же день постановлением ГКО было предано суду командование Западного фронта во главе с генералом армии Павловым за *«позорящие звание командира трусость, бездействие власти, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций»*. 9 генералов были расстреляны.

Через месяц 16 августа 1941 года выходит приказ

№ 270, призывающий решительно бороться с проявлениями паники, оставлением позиций, сдачей в плен и дезертирством. В документе прописывались строгие кары не только для сдавшихся в плен и дезертиров, но и для членов их семей. Отметим, что, издавая подобные приказы на самом высоком уровне, советское руководство обозначало масштаб явления, еще раз подтвердив, что паника носила не единичный характер.

Помимо кнута и пряника, были сделаны и выводы в отношении системы подготовки войск. Причем сделаны они были как на уровне высшего военного руководства, так и на уровне командного состава. Офицеры, которые спешно готовили в тылу набранные из резервистов и мобилизованных новые части, знали — их враг не только немец, их враг и наступающий впереди немецкой армии «генерал Страх». Любители военной истории хорошо знают книгу Александра Бека «Волоколамское шоссе». Она наглядно и подробно показывает, как офицер панфиловской дивизии готовит свой батальон к бою, и первым своим врагом он считает не столько противника, сколько страх, способный обратить в бегство солдат. Само осознание паники как угрозы заставило советских командиров по-другому смотреть на приоритеты в подготовке войск.

И в «белоснежных полях под Москвой» советские войска сделали невозможное — нанесли первое за Вторую мировую войну поражение сухопутной армии Германии. «Генерал Страх» был побежден.

Подведем итог: паника лета 1941 года, сыгравшая столь пагубную роль в начале Великой Отечественной войны, была следствием сложных процессов социальной трансформации общества, проводимой советским руководством в попытке реализации коммунистической утопии. Однако в критический момент И.В. Сталин смог принять единственно верное решение, круто изме-

нить политику советского государства и создать возможность для объединения всех сил для отражения внешней агрессии.

Как показал дальнейший ход событий, радикально изменился ход не только военной, но и социальной истории нашей страны. Серьезные уступки, сделанные советским руководством русскому традиционному обществу, сделали возможным сохранение ценностей этого общества в условиях социалистического государства и тем самым фактически сорвали планы по созданию общества принципиально нового типа — социалистического.

Паника 1941 года стала наглядным подтверждением евангельской истины — *Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то (Марк 3.24)*. Тогда выход был найден, не урок ли это нашему обществу, раздираемому социальными и мировоззренческими и другими противоречиями и конфликтами?

Приложение

ГОЛАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

*ГВП заместителю наркома
обороны СССР
27 сентября 1941 года армей-
скому комиссару 1 ранга тов.
Мехлису Л.З.*

10—20 июля сего года части 25-го ск, занимавшие оборону в районе города Витебска, Сураж-Витебский, позорно разбежались, открыли дорогу противнику для продвижения на восток, а впоследствии, попав в окружение, потеряли большинство личного состава и материальную часть.

Произведенным по поводу этого следствием установлено следующее:

25-й ск в составе 127, 134 и 162-й сд в конце июня 1941 года из города Сталино — Донбасс — был перебросен в район города Киева, куда прибыл к 1 июля.

Из Киева по приказу командующего 19-й армии корпус перебросен в район Смоленска для занятия обороны по реке Западная Двина в районе города Витебска и города Сураж-Витебский протяжением около 70 километров.

Погрузка и отправка частей по железной дороге из Киева проходила 2—4 июля. Руководство погрузкой и продвижением частей отсутствовало; в результате чего прибытие эшелонов не согласовывалось с предстоящим выполнением боевых задач, в связи с чем прибывающие части вводились в бой без организованного сосредоточения.

К 10 июля штаб корпуса расположился в лесу севернее города Витебска у села Мишутки.

На 11 июля в районе расположения корпуса находились: 442-й кап, 263-й отд. бат. связи, 515-й, 738-й сп и 410-й лап 134-й сд, 501-й сп 162-й сд, 1-й стр. батальон и дивизион гаубичного артиллерийского полка 127-й сд.

Несколько правее от штаба корпуса в районе села Прудники располагался штаб 134-й сд, в составе которой здесь находились два батальона 629-го сп, два батальона 738-го сп, батальон связи, зенитный арт. дивизион, один дивизион гаубичного арт. полка.

По приказанию штабкора два батальона 501-го сп 162-й сд заняли оборону на западном берегу реки Западная Двина, севернее города Витебска. Части 134-й сд в составе 2 батальонов 629-го сп и одного батальона 738-го сп заняли оборону по западному берегу Западной Двины в районе села Прудники, между городами Витебском и Сураж-Витебским. Остальные части находились на восточном берегу реки Западная Двина.

Днем 11 июля на участке обороны, занимаемом двумя батальонами 501-го сп, мотомехчасти противника неизвестной численности (разведка отсутствовала) про-

рвались через Западную Двину на шоссе Витебск — Смоленск и Витебск — Сураж.

Указанные два батальона 501-го сп, не имея надлежащего руководства, в панике разбежались. Охваченный паникой «окружения», в ночь на 12 июля начал менять свое месторасположение штаб корпуса.

К 16.00 12 июля командир корпуса генерал-майор Честохвалов с группой штабных командиров и батальоном связи, бросив часть автомашин, прибыл на КП 134-й сд в село Прудники.

Их прибытие сразу внесло панику в части дивизии, так как прибывшие, в том числе и сам Честохвалов, панически рассказывали о якобы нанесенных немцами потерях частям 162-й сд, бомбежке их с воздуха и т.п.

К 17.00 в тот же день генерал-майор Честохвалов сообщил, что мехчасти противника прорвались в районе Витебска и движутся по шоссе Витебск — Сураж, «штаб окружен». Приказал корпусным частям отходить на восток, бросив на произвол находившиеся в обороне на западном берегу Западной Двины части 134-й сд. Только командир 134-й сд комбриг Базаров и комиссар дивизии Кузнецов, вопреки указанию командующего корпусом, остались на месте в районе села Прудники и руководили находившимися в обороне частями 629-го и 728-го сп, помогая им обратно переправиться через реку Западная Двина, а затем выходить из окружения.

После указания командира корпуса Честохвалова об отступлении началось паническое бегство на восток. Первыми побежали штаб корпуса и 2-й эшелон штаба 134-й сд, возглавляемый начальником штаба дивизии подполковником Светличным, который с 9 июля на КП отсутствовал — «отстал» и только к моменту отхода 12 июля прибыл в село Прудники.

Автомашины без руководства в панике неслись на восток на местечко Яновичи. Паническое бегство штабных командиров губительно отразилось на частях и местных советских органах, которые бросали все и бежали

на восток, еще не видя никакого противника и даже не слыша стрельбы.

13 июля штаб корпуса остановился у местечка Яновичи, но 14 июля переехал в лес у села Понизовье, бросив всякое управление частями корпуса и потеряв связь со штабом армии.

По примеру штаба корпуса разбегались воинские части, не оказывая никакого сопротивления противнику, бросая материальную часть и снаряжение.

14 июля, боясь дальше двигаться без прикрытия и охраны, командир корпуса Честохвалов выделил несколько командиров и приказал собрать хотя бы небольшую группу войск, разбросанных в окружности по проселочным дорогам, чтобы под их прикрытием организовать дальнейшее отступление на восток.

К исходу дня 14 июля в лесу были сосредоточены: 515-й сп, 410-й лап, батальон 738-го сп 134-й сд, два дивизиона 567-го лап 127-й сд, один батальон 395-го сп 162-й сд и мелкие подразделения других частей, всего около 4000 человек, вооруженных винтовками, пулеметами, гранатами, артиллерией, минометами с запасами боеприпасов.

В штабе корпуса находились: 1) командир корпуса генерал-майор Честохвалов; 2) военком бригадный комиссар Кофанов; 3) начальник политотдела полковой комиссар Лаврентьев; 4) начальник штаба полковник Виноградов; 5) помощник начальника штаба полковник Стулов; 6) начальник особого отдела старший лейтенант госбезопасности Богатыко и другие, около 30 человек.

Из штаба 134-й сд — начальник политотдела батальонный комиссар Хрусталеv, начальник артиллерии подполковник Глушков и другие. Сюда же в лес 14 июля вечером прибежал переодетым в гражданское платье, без личного оружия начальник штаба 134-й сд подполковник Светличный.

Командир корпуса Честохвалов принял решение: не

ожидаю подхода остальных частей корпуса, продолжать отходить на восток, продвигаясь только лесами и только ночью, не входя в соприкосновение с противником, категорически запрещая стрелять в немцев.

Трусость командования корпуса доходила до крайности. По приказанию командира корпуса полковник Виноградов пытался застрелить водителя одной из автомашин колонны, у которого случайно произошел гудок от замыкания. Тут же лично побил сигнальные рожки во всех автомашинах, чтобы не повторился случайный гудок и не выдал противнику местонахождение колонны штаба. Так двигались 14, 15 и 16 июля. Пройдя 60—70 километров, сосредоточились в лесу у села Букине.

16 июля в этом лесу командир корпуса Честохвалов провел совещание начсостава и приказал бросить все имущество, оставить только носимое при себе. Были брошены: личные вещи начсостава, две рации, смазочные материалы, масса противогазов, пулеметные диски и коробки, документы, часть обоза, лошади и другое имущество.

Здесь же Честохвалов объявил дальнейший маршрут отступления на восток по направлению на село Овсянкино. Движение из Букине намечалось двумя колоннами в 20.00 16 июля, причем колонна 10—12 легковых автомашин штаба корпуса вместе с броневиком охранения должна была двигаться в хвосте правой колонны. Для разведки по намеченному маршруту в 18.00 выслан конный отряд в 25 человек.

Однако командир корпуса не стал ждать результатов разведки, изменил свое прежнее решение и в 19.00 приказал колоннам двигаться по намеченному маршруту, а сам с колонной штабных автомашин бросил части позади и уехал по направлению села Овсянкино.

При въезде в село Рыпшево в 23.00 колонна штаба была встречена окриками «Стой!» и беспорядочной стрельбой незначительного отряда немецкой разведки,

по словам очевидцев, разведчиков было около 10 человек.

Возглавлявший автоколонну на первой машине начальник штаба корпуса полковник Виноградов, не оставив машины, проехал и выскочил за село. Следовавший за ним во второй машине командир корпуса генерал-майор Честохвалов остановил автомашину, бросил личное оружие, поднял руки и пошел к немцам.

Находившийся с ним в машине начальник инженерной службы штаба корпуса подполковник Егоров выскочил из машины и бросился в другую сторону, через огороды в лес. То же сделали остальные командиры и политработники штаба корпуса; и стрелок автоброневика, и водители, следовавшие на своих машинах, бросили машины, документы и все, что было, без единого выстрела разбежались по кустам.

Полковник Виноградов, проехав 1—1,5 км за село, побоялся ехать дальше, бросил машину и с шофером ушел в лес, а оттуда одиночным порядком пробирался в сторону частей Красной Армии из так называемого окружения.

Разбежавшиеся от машин комиссары Кофанов и Лаврентьев, полковники Виноградов и Стулов и другие штабные командиры, зная, что по этой дороге движутся части корпуса и могут попасть в засаду немцев, не предупредили об этом командиров частей.

17 июля, когда части подошли к указанному месту, немцы, подтянув силы, встретили их сильным огнем. Командиры соединений по своей инициативе вступили в бой, длившийся 2—3 часа, потеряв 130 человек убитыми и ранеными, под прикрытием артиллерии 410-го и 567-го лап вывели свои части обратно в лес.

18 июля группа командиров штаба корпуса, разбежавшихся у села Рыпшево от немецкой разведки, в количестве 12—13 человек под руководством помощника начальника штаба корпуса подполковника Стулова по-

дошли к находившимся в лесу частям корпуса. Эти части возглавляли помощник начальника штаба 134-й сд подполковник Светличный и начальник политотдела дивизии Хрусталеv.

Подполковник Светличный обратился к Стулову и находившимся с ним командирам штаба корпуса с предложением присоединиться к частям и возглавить руководство по выводу их из окружения.

Полковник Стулов и находившиеся с ним командиры штаба корпуса отклонили это предложение и заявили, что меньшей группой им легче будет пробраться на сторону советских войск, и через пару дней ушли одиvочным порядком.

Находясь в окружении, под влиянием трусости, некоторые командиры и политработники, чтобы скрыть свою принадлежность к командному составу Красной Армии, посрывали знаки различия и петлицы, обменяли свое воинское обмундирование на гражданские костюмы, а часть из них даже уничтожила личные и партийные документы.

Начальник политотдела корпуса полковой комиссар Лаврентьев уничтожил партийный билет, обменял свое комсоставское обмундирование на рваный костюм «заключенного», отпустил бороду, повесил котомку за плечи и, как трус и бездельник, несколько дней двигался за частями, ничего не делая, деморализуя личный состав своим внешним видом.

Когда ему предложили военное обмундирование, он отказался и одиvочным порядком в своем костюме «заключенного» пошел на восток.

Также одиvочным порядком пробирались военком корпуса бригадный комиссар Кофанов, полковник Стулов, начальник особого отдела корпуса старший лейтенант госбезопасности Богатько. Последний вместе со своей машинисткой, переодевшись в костюмы колхоз-

ников, выдавая себя за «беженцев», пробирались в город Вязьму.

Подполковник Светличный, возглавивший части 134-й сд после бегства работников штаба корпуса, несмотря на наличие достаточного количества огневых средств и людей, продолжая преступную «тактику» командования штаба 25-го ск, вел части только ночью и только лесами.

Категорически запрещал вступать в соприкосновение с противником. Все время восхвалял мощь немецкой армии, заявляя о неспособности Красной Армии нанести поражение немцам.

Боясь, чтобы стук повозок не демаскировал местонахождение частей дивизии, и столкнувшись с трудностями ночных передвижений, Светличный 19 июля сего года приказал бросить в лесу повозки, лошадей, другое имущество как «ненужное».

В тот же день он разбил оставшиеся части на три отряда: 1-й отряд — из состава 515-го сп с батареей полковой артиллерии и артиллерии 410-го лап под командованием капитана Цулая; 2-й отряд — из состава 378-го сп с полковой артиллерией и дивизионом 567-го лап, командир отряда капитан Соловцев.

В 3-й отряд вошли остальные части дивизии с двумя батареями 410-го лап под командой подполковника Светличного.

По приказанию Светличного в ночь на 20 июля отряды выступили по намеченному им маршруту на восток: 1-й и 2-й отряды левой колонной под общим командованием начальника артиллерии дивизии подполковника Глушкова, а 3-й отряд под руководством Светличного — справа. Никакой разведки и связи между отрядами во время движения организовано не было.

Пройдя 10—12 километров, правая колонна, заметив впереди выпущенную противником ракету, по приказанию Светличного повернула обратно к исходному поло-

жению. Сам подполковник Светличный уехал от частей. Начались паника и бегство.

Весь день 20 июля части 3-го отряда находились без руководства и без связи с 1-м и 2-м отрядами. Только к вечеру из лесу явился подполковник Светличный и начали подходить одиночные бойцы и командиры из 1-го и 2-го отрядов без оружия.

По выяснении оказалось, что во время движения в ночь на 20 июля руководители 1-го и 2-го отрядов, услышав вдалеке шум моторов, посчитали их за танки противника. В испуге начальник артиллерии 134-й дивизии подполковник Глушков приказал бросить материальную часть отрядов, а людям спастись кто как может.

21 июля была выделена группа бойцов, одно орудие вручено Глушкову и приказано забрать оставленную им материальную часть. Однако и на сей раз он струсил, бросил людей и лошадей, а сам скрылся в лесу и больше к частям не подходил.

В результате преступной трусости подполковников Светличного и Глушкова в ночь на 20 июля сего года части 134-й сд, находившиеся в окружении, потеряли: около 2000 человек личного состава (разбежавшиеся из 1-го и 2-го отрядов), часть из них попала в плен к врагу; два дивизиона артиллерии, две батареи полковой артиллерии, много артиллерийских снарядов, более 10 пулеметов, около 100 лошадей и вооружение оставлено немцам.

27 июля сего года подполковник Светличный с небольшой группой 60—70 человек прорвался на сторону частей Красной Армии, оставил в окружении 1000 человек личного состава, раненых и остатки имущества 134-й сд, которых возглавил начальник 5-го отдела штаба 134-й сд капитан Баринов, и находился с ними в лесу до прибытия генерал-лейтенанта Болдина, под руководством которого они вышли из окружения 11 августа.

За допущенные преступления считаю необходимым предать суду военного трибунала:

1. Бывшего командира 25-го ск генерал-майора Чес-тохвалова как изменника Родине заочно;

2. Начальника штаба корпуса полковника Виноградова;

3. Помощника начальника штаба корпуса полковника Стулова;

4. Военкома корпуса бригадного комиссара Кофанова;

5. Начальника политотдела корпуса полкового комиссара Лаврентьева — за проявленные ими трусость, бездействие, паническое бегство от частей и запрещение частям оказывать сопротивление;

6. Начальника штаба 134-й сд Светличного;

7. Начальника артиллерии дивизии подполковника Глушкова — за проявленную ими трусость, запрещение частям вступать в соприкосновение с противником и оставление врагу материальной части дивизии.

Главный военный прокурор
В. Носов

Публикация Н.Геец

ЦАМО. Ф. 913, оп. 11309, д. 70, лл. 160—165.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Сталин И.В.* Выступление по радио 3 июля 1941 года. Цит. по: *И.Сталин.* «О Великой Отечественной войне Советского Союза». М.: Госполитиздат, 1947. С.10—11.

² Подробнее об играх 1941 года смотри статью полковника П.Н. Бобылева «Репетиция катастрофы» в «Военно-историческом журнале». № 7, 8 за 1993 г.

³ Эти и ряд других документов были опубликованы в сб. «1941 год. Документы». М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

⁴ *Мельтюхов М.* Упущенный шанс Сталина. М.: Вече, 2000. С. 478.

- ⁵ *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М.: Воениздат, 1997. С. 35—36.
- ⁶ *Поппель К.* В тяжкую пору.
- ⁷ Цит. по: 1941 год. Документы. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 467.
- ⁸ *Горбатов А.В.* Годы и войны. М.: Воениздат, 1989. С.172—177.
- ⁹ *Исаев А.В.* От Дубно до Ростова. М.: Аст, 2004. С. 276—277.
- ¹⁰ *Емельянов Ю.В.* Сталин. На вершине власти. М.: Вече, 2003. С. 218.
- ¹¹ Цит. по: 1941 год. Документы. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 476.
- ¹² *Болдин И.В.* Страницы жизни. М.: Воениздат, 1961. С. 99.
- ¹³ Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1991 г. № 8.
- ¹⁴ *Горбатов.* Указ. соч. С.172.
- ¹⁵ *Жуков Ю.* Иной Сталин. М.: Вагриус, 2003. С. 209.
- ¹⁶ *Ломагин Н.* Ленинград в блокаде. М.: Яуза, 2005. С.136.
- ¹⁷ *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. 1939—1941 гг. М.: Вече, 2000. С. 24.
- ¹⁸ *Тепцов Н.* В дни великого перелома. История коллективизации раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям. М.: Звонница, 2002. С. 12—13.
- ¹⁹ *Емельянов Ю.В.* Сталин. На вершине власти. М.: Вече, 2003. С. 15.
- ²⁰ Там же. с. 16.
- ²¹ Письмо студента ТСХА Зеленина. Цит. по: *Тепцов Н.* В дни великого перелома. История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям. М.: Звонница, 2002. С. 36.
- ²² *Тепцов Н.* В дни великого перелома. История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям. М.: Звонница, 2002. С. 113,
- ²³ Там же. С. 113—114.

- ²⁴ *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР 1930—1960 гг. М.: Наука, 2003. С. 16.
- ²⁵ Там же. С. 21.
- ²⁶ *Соколова Н.Н.* Под кровом Всевышнего. М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2005. С. 25.
- ²⁷ *Волков О.* Погружение во тьму. Из пережитого. М.: Роман-газета, 1990. С. 38.
- ²⁸ *Емельянов Ю.В.* Сталин. На вершине власти. М.: Вече, 2003. С. 23.
- ²⁹ Там же. С. 28.
- ³⁰ *Петров Б.Ф.* В боях и походах. Л.: Лениздат, 1988. С. 94.
- ³¹ *Емельянов Ю.В.* Сталин. На вершине власти. М.: Вече, 2003. С. 29.
- ³² *Мухин М.Ю.* Авиапромышленность СССР в 1921—1941 годах. М.: Наука, 2006. С. 231.
- ³³ Письмо рабочего В. Третьякова М.И. Калинину. Опубликовано в кн.: «Письма во власть. 1928—1939». М.: РОССПЭН, 2002. С. 342.
- ³⁴ Письмо В. Хуторного М.И. Калинину. Опубликовано в кн. «Письма во власть. 1928—1939». М.: РОССПЭН, 2002. С. 340.
- ³⁵ *Жуков Ю.* Иной Сталин. М.: Вагриус, 2003. С.118.
- ³⁶ *Мухин М.Ю.* Авиапромышленность СССР в 1921—1941 годах. М.: Наука, 2006, 203.
- ³⁷ Там же. С. 203.
- ³⁸ Там же. С. 202.
- ³⁹ Там же, с 205.
- ⁴⁰ Там же. С. 238.
- ⁴¹ *Золотарев В.А., Шломин В.С.* Как создавалась военноморская мощь Советского Союза. Кн. 1. М.: АСТ, 2004. С. 174.
- ⁴² *Базилевский С.А.* У колыбели подводного флота. Записки конструктора. СПб, Малахит, 1996. С. 81.
- ⁴³ Там же. С. 88—92.
- ⁴⁴ Цит. по: *Черушев Н.* Невиновных не бывает... М.: Вече, 2004. С.148.
- ⁴⁵ *Сухов И.И.* Ударники против ударников. //Сержант. № 5. С. 2 —11.

- ⁴⁶ *Черушев*. Указ. соч. С.150.
- ⁴⁷ Там же. С.191.
- ⁴⁸ Там же. С.155.
- ⁴⁹ Там же. С.148.
- ⁵⁰ *Исаев А.* От Дубно до Ростова. М.: АСТ, 2004. С. 100.
- ⁵¹ *Морозов М.Э., Кулагин К.Л.* Советский подводный флот 1922—1945 гг. М.: АСТ, 2006. С. 422.
- ⁵² *Исаев А.* Наступление маршала Шапошникова. М.: ЭКСМО, 2005. С.7.
- ⁵³ *Прот. Цыпин В.* История Русской Церкви. 1917—1997. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 187.
- ⁵⁴ Там же. С. 187.
- ⁵⁵ Там же. С. 188.
- ⁵⁶ Там же. С. 197.
- ⁵⁷ Там же. С. 196.
- ⁵⁸ *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «большим». М.: 2003. С. 167.
- ⁵⁹ *Михайлов К.* Уничтоженный Кремль. М.: Яуза, ЭКСМО, 2007. С. 31.
- ⁶⁰ *Брачев В.С.* Травля русских историков. М.: Алгоритм, 2006. С. 11.
- ⁶¹ *Цамутали А.Н.* Академическое дело в кн. Репрессированные геологи. М. —СПб., 1999. С. 391—395.
- ⁶² *Жуков Ю.* Иной Сталин. М.: Вагриус, 2003. С. 68.
- ⁶³ Там же. С. 203.
- ⁶⁴ *Романюк С.* Москва. Утраты. М.: 1992. С. 227.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ *Ломагин Н.* Ленинград в блокаде. М.: Яуза, 2005. С.151—152.
- ⁶⁷ ЦАМО. Ф. 32, оп. 920265, д. 3, л. 186. Подлинник. Документ опубликован в сети Интернет Г. Пернавским.
- ⁶⁸ Из выступления генерал-лейтенанта И.Н. Музыченко на совещании высшего командного состава РККА, декабрь 1940 года. Текст опубликован на сайте «Военная литература» <http://militera.lib.ru/docs/da/sov-new-1940/11.html>.
- ⁶⁹ *Симонов К.М.* Живые и мертвые. Роман в трех книгах. М.,1994. Кн. 1. С. 11.
- ⁷⁰ 1941 год. Документы. Книга первая. М.: Демократия. С. 577 и далее.

⁷¹ *Поппель Н.К.* В тяжкую пору. М.—СПб., 2001. С. 31. Разговор происходил в 34-й танковой дивизии 8-го мк в первый день войны.

⁷² *Безыменский Л.А.* Сталин и Гитлер перед схваткой. М.: 2000. С. 9.

⁷³ В книге «Я дрался на «Т-34». М.: Яуза, 2005. С. 241.

⁷⁴ *Емельянов Ю.В.* Сталин. На вершине власти. М.: Вече, 2003. С. 225.

⁷⁵ *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1947. С. 9—17.

⁷⁶ Там же. С. 40.

Александр Дюков

ГЛАВНАЯ ТАЙНА АРМИИ АНДЕРСА

«Мы не можем заставить поляков драться»

Описывая расчленение Чехословакии осенью 1938 года, Уинстон Черчилль дал весьма емкое определение руководства предвоенной Польши. «Героические черты характера польского народа, — писал Черчилль, — не должны заставлять нас закрывать глаза на его безрассудство и неблагодарность, которые в течение ряда веков причиняли ему неизмеримые страдания... Нужно считать тайной и трагедией европейской истории, что народ, способный на любой героизм, отдельные представители которого талантливы, доблестны, обаятельны, постоянно проявляет такие огромные недостатки почти во всех аспектах своей государственной жизни. Слава в периоды мятежей и горя; гнусность и позор в периоды триумфа. Храбрейшими из храбрых слишком часто руководили гнуснейшие из гнусных! И все же всегда существовало две Польши: одна из них боролась за правду, а другая пресмыкалась в подлости»¹.

Черчилль знал, о чем писал. В то время как разгромленная германскими войсками Польша исчезла с карты мира, когда миллионы поляков первыми ощутили на себе ненависть нацистских господ к славянским «недочеловекам», в это время национальное руководство жило лишь внутренними интригами и погоней за личной выгодой. Когда Польша стонала под нацистским гнетом, командование подпольного «Союза вооруженной борьбы» раздирала междоусобная борьба, немалый

---

¹ Черчилль У. Вторая мировая война / Пер. с англ. М.: Терра, 1997. Т. 1. С. 151—152.

вклад в которую внес командующий подпольной армией генерал Соснковский. Когда на Восточном фронте в ожесточенном советско-германском противоборстве решалась судьба мира и Польши, командующий польской армией в СССР генерал Андерс скупал на казенные деньги драгоценности. В Лондоне члены эмигрантского правительства плели интриги против премьер-министра Сикорского, и бездарные генералы польских частей на фронте издавали приказы задним числом, чтобы оправдать поражения, для предотвращения которых они не делали ничего. А невыгодные ему прямые приказы верховного главнокомандующего генерал Андерс попросту отправлял в корзину...

История создания в СССР польской армии под командованием генерала Андерса настолько бесславна, что ее, по большому счету, даже не исследуют. Исследовать действительно нечего — смысл произошедшего прекрасно уместается в паре предложений. «После заключения советско-польского военного договора в СССР должна быть сформирована польская армия для совместных действий против немцев. Польские части создавались в течение года, на фронте не появились и в нарушение межгосударственного договора были выведены на Ближний Восток в самое кризисное для Советского Союза время». Ничего особенно интересного.

Гораздо интереснее вопрос, на который обычно вообще не обращают внимания: как к происходящему относилось советское руководство?

I. В ожидании союзника

Исторически сложилось так, что отношения между Советским Союзом и Польшей были, мягко сказать, не безоблачными. Ни для кого в мире не являлось секретом, что вся внешняя политика Польши в предвоенный период была политикой антисоветской и антирусской.

«Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке, — писали еще в декабре 1938-го аналитики польской военной разведки. — Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный момент... Главная цель — ослабление и разгром России»¹.

Конец мечтам о расширении польских границ за счет советских земель был положен в сентябре 1939-го. Неправильная оценка собственных возможностей привела Польшу к сокрушительной национальной катастрофе — и максимум выгод из ее падения извлек Советский Союз. Кремлю удалось вернуть отторгнутые в 1921 году западнобелорусские и западноукраинские земли, отодвинуть границы далеко на запад, получить в свое распоряжение значительные производственные и людские ресурсы. Не менее важным было и еще одно обстоятельство. Ранее Польша была одним из самых вероятных союзников Германии по походу против СССР; оккупированная немецкими войсками, она автоматически превращалась в потенциального советского союзника.

Долгое время польское эмигрантское правительство в Париже считало СССР таким же оккупантом, как и Германию, и связывало надежды на освобождение польских земель лишь с западными союзниками. Однако этим надеждам не было суждено сбыться — под стремительными ударами германских войск пала поверженная Франция, британские войска были эвакуированы за Ла-Манш. На материке остались лишь две великие державы: нацистская Германия и Советский Союз. Рано или поздно они должны были столкнуться.

Первыми новую обстановку оценили представители

---

¹ Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich: Studia i materialy. Warszawa, 1968. Т. III. S. 262, 287. Цит. по: *Пыхалов И.* Великая оболганная война. М.: Эксмо; Яуза, 2005. С. 109.

польского подполья — «Союза вооруженной борьбы» (СВБ). Действуя как на территориях, оккупированных Германией, так и на территориях, отошедших к СССР, они наглядно видели разницу между нацистским и советским режимами. Ради возрождения своей Родины они были готовы сотрудничать с Кремлем.

Мысль о возможности использования ячеек СВБ для борьбы с немцами пытались донести до советского руководства очень многие. Уже в мае 1940 г. арестованный органами НКВД высокопоставленный представитель СВБ Львова выдвинул следующий план: «Организацию не только поддержать, но и укрепить, используя против немцев. Для этой цели следовало бы подобрать людей, которые не только в организации, но и вне ее ни о чем другом не говорили, а только об освобождении Польши, разбивая немцев и помогая пока заниматься диверсиями в Польше, занятой немцами»¹. Полтора месяца спустя схожие пожелания озвучил после своего ареста заместитель коменданта СВБ на советской территории подполковник Станислав Пстроконский, особо отметивший желательность создания впоследствии «польского легиона в Советской Армии»².

О необходимости создания национальной воинской части — прообраза будущей польской армии — говорили военнопленные офицеры; вопрос об этом на встрече

---

¹ Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, 1939—1941 гг. Варшава; Москва: РУТМ, 2001. Т. 1. С. 272—274.

² Там же. Т. 2. С. 134.

Впоследствии о необходимости переориентации деятельности СВБ на сотрудничество с СССР в предстоящей войне писал даже комендант СВБ на советской территории полковник Леопольд Окулицкий — человек, в чьей честности и преданности идее польской независимости нет никаких сомнений. «В убеждении, что победа СССР даст польскому народу возможности жизни и национального, культурного, хозяйственного и политического развития, я... заявляю о желании дальнейшей работы. Будет Польша красной — хорошо, пусть будет, лишь бы была», — писал Окулицкий.

со Сталиным поставила и Ванда Василевская, бывшая не только писательницей, но и достаточно влиятельным политиком¹.

Наконец, осенью 1940 года все эти призывы были услышаны в Кремле. Руководство НКВД получило личное указание Сталина — выяснить возможность создания такого формирования из военнопленных. Выяснилось следующее: большинство военнопленных готовы сражаться против Германии на стороне СССР; при этом, однако, многим требовалось одобрение со стороны польского эмигрантского правительства. Из трех генералов, находившихся в советском плену, двое (Борута-Спехович и Пржездецкий) заявили, что согласятся возглавить польские части на территории СССР в случае согласия правительства Сикорского. Генерал Янушайтис был согласен принять командование и без санкции Сикорского, однако указывал на необходимость «наметить специальную политическую платформу с изложением будущей судьбы Польши»².

Среди офицеров рангом ниже — полковников и подполковников — были те, кто прямо заявил: «они всецело предадут себя в распоряжение советской власти и с большой охотой возьмут на себя организацию и руководство какими-либо военными соединениями из числа поляков, предназначенными для борьбы с Германией»³. Именно этих офицеров во главе с Зигмунтом Берлингом и Львом Букоемским вывезли в Москву — разрабатывать планы создания польской армии в СССР.

В результате нарком внутренних дел Берия направил Сталину следующие предложения:

---

¹ Русский архив: Великая Отечественная (далее — РАВО). М.: Терра, 1994. Т. 14 (3). Кн. 1. С. 14.

² Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш», 1939 — март 1946: Документы. М.: Материк, 2006. С. 191—192.

³ Там же.

«Нам представляется целесообразным: не отказываясь от мысли использовать в качестве руководителей польской военной части генералов Янушайтиса и Бурута-Спеховича, имена которых могут привлечь определенные круги бывших польских военных, поручить организацию на первое время дивизии упомянутой выше группе полковников и подполковников (справки на них прилагаются), которые производят впечатление толковых, знающих военное дело, правильно политически мыслящих и искренних людей.

Этой группе предоставить возможность переговорить в конспиративной форме со своими единомышленниками в лагерях для военнопленных и отобрать кадровый состав будущей дивизии.

После того как кадровый состав будет подобран, следует в одном из совхозов на юго-востоке СССР организовать штаб и место занятий дивизии. Совместно со специально выделенными работниками штаба РККА составляется план формирования дивизии, решается вопрос о характере дивизии (танковая, моторизованная, стрелковая) и обеспечивается ее материально-техническое снабжение.

Одновременно с этим в лагерях для военнопленных поляков среди рядовых и младшего комсостава органами НКВД должна вестись соответствующая работа по вербовке людей в дивизию.

По мере вербовки и окончания подготовки вербуемых последние партиями отправляются к месту расположения штаба дивизии, где с ними проводятся соответствующие занятия.

Организация дивизии и подготовка ее проводятся под руководством Генштаба РККА. При дивизии организуется Особое отделение НКВД СССР с задачами обеспечения внутреннего освещения личного состава дивизии»¹.

Однако принятие решения о создании военной части

---

¹ Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш», 1939 — март 1946: Документы. М.: Материк, 2006. С. 192—193.

из польских военнопленных было не таким легким вопросом, как казалось Берии. Еще в ноябре 1939 года польское эмигрантское правительство объявило войну Советскому Союзу; понятно, что получить разрешение на формирование в СССР польских частей не представлялось возможным. Формировать же польские части в обход легитимного польского правительства означало поставить под вопрос дипломатические отношения с Великобританией и США. И в любом случае скрыть формирование этих частей было невозможно, что автоматически ухудшало и так весьма напряженные отношения с Германией.

В подобном риске не было нужды. Проект Берии положили под сукно, а польских офицеров во главе с Берлингом и Букоемским поселили в Малаховке под Москвой, приберегая на будущее. Спешить с формированием польских частей не было необходимости. Это всегда можно было сделать позднее, когда война с Германией станет неминуемой.

К вопросу формирования польских частей вернулись лишь в конце весны 1941 года. 4 июня в Кремле приняли принципиальное решение — впрочем, довольно осторожное.

Постановление СНК СССР гласило:

«1. Утвердить предлагаемое народным комиссаром обороны Союза ССР создание в составе Красной Армии одной стрелковой дивизии, укомплектованной личным составом польской национальности и знающим польский язык.

2. Создание дивизии осуществить путем переукомплектования к 1 июля 1941 г. 238-й стрелковой дивизии Средне-Азиатского военного округа поляками и лицами, знающими польский язык, состоящими на службе в Красной Армии.

3. 238-ю стрелковую дивизию содержать в составе 10 298 человек»¹.

---

¹ Катынь, март 1940 г. — сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни: Документы. М.: Весь мир, 2001. С. 337.

Как видим, дивизию предполагалось формировать не из имевшихся в СССР польских военнопленных, а из поляков — советских граждан. С политической точки зрения это было безупречное решение: никаких разрешений польского эмигрантского правительства не требовалось. В составе Красной Армии будет национальная польская часть — только и всего. Зато после начала войны на ее основе можно будет развернуть подразделения возрожденного Войска Польского — по согласованию с польским правительством в Лондоне или без ононого.

Не приходится сомневаться, что логика принятого решения была именно такова — однако все планы были нарушены в роковой день 22 июня.

II. Медовый месяц

Нападение Германии на Советский Союз мгновенно и радикально изменило расстановку сил на мировой арене. Враг моего врага — мой друг; уже 12 июля в Москве было подписано «Соглашение о совместных действиях правительства Союза ССР и правительства Его Величества в Соединенном королевстве в войне против Германии». Великобритания стала союзником СССР, и польскому эмигрантскому правительству в Лондоне был сделан недвусмысленный намек о необходимости поступить так же.

Переговоры между премьером Сикорским и советским послом в Великобритании Майским оказались весьма сложными. Польская сторона претендовала на возвращение украинских и белорусских земель, но требование это было очевидно неприемлемым для Кремля. Тем не менее советское правительство пошло на компромисс: в подписанном 30 июля соглашении указывалось, что «правительство СССР признает советско-германские договора касательно территориальных перемен

в Польше утратившими силу»¹. Собственно говоря, именно с этой фразы соглашение и начиналось; вопрос о границах был оставлен открытым.

В соглашении было указано, что на территории СССР будет создана польская армия, которая будет действовать «в оперативном отношении под руководством Верховного командования СССР». Историки практически не обращают внимание на то, что соглашение предусматривало введение в состав советского Верховного Командования представителя польской армии, а ведь это с советской стороны было проявлением высочайшего доверия к своему новому союзнику.

Спустя две недели в Москве было подписано советско-польское военное соглашение. Оно было написано поляками; советская сторона внесла в представленный ей проект лишь несколько изменений уточняющего характера². Очередным проявлением доверия к союзнику стала амнистия всех находившихся в советских тюрьмах и лагерях поляков — включая членов СВБ, ведших на советских землях подрывную деятельность³.

Еще до подписания военного соглашения Сикорский назначил начальником формирующейся в СССР польской армии генерала Владислава Андерса. Советское правительство не возразило против этого решения, в очередной раз проявив доверие и лояльность к союзнику.

Это была ошибка, очень дорого стоившая и Советскому Союзу, и Польше. Генерал Андерс был худшей кандидатурой на пост командующего польской армией в СССР из всех возможных. Он являлся классическим представителем польской «элиты» межвоенного периода, погрязшей в интригах и аферах, а к нашей стране испытывавшей смесь ненависти и презрения.

---

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. М.: 1944. Т. 1. С. 121.

² РАВО. Т. 14 (3). Кн. 1. С. 22 — 24, 26 — 27.

³ Там же. С. 24.

«Договор с Советским Союзом Андерс считал не чем-то постоянным, что должно было служить основой дальнейшего существования, а лишь необходимым временным злом, — вспоминал впоследствии адъютант генерала поручик Ежи Климовский. — К офицерам Советской Армии он относился с презрением и пренебрежением, хотя в их присутствии никогда этого не выказывал. Постоянно носился с каким-то странным «комплексом превосходства», проявлял решительное пренебрежение ко всему, что являлось советским. Правда, эти свои чувства генерал хорошо маскировал умением вести себя в обществе, но в откровенных беседах со знакомыми не стеснялся, и было видно, что он лишь ожидает момента, «когда Советский Союз будет побежден». В возможность победы Советского Союза никогда не верил. В таком духе информировал и посла Кота.

С первой минуты деятельности Андерса на посту командующего его мысль работала в одном направлении: в течение всего времени пребывания в Советском Союзе он упорно стремился к тому, чтобы не посылать польских войск на советско-германский фронт и любой ценой сохранить их в тылу до момента, «когда Советский Союз будет разбит», или при удобном случае вообще вывести их с территории Советского Союза. Это были принципы, полностью противоречившие польско-советскому договору и военному соглашению.

Уже с первых дней (например, во время своей предварительной беседы с подполковником Берлингом в ночь с 5 на 6 августа 1941 года) Андерс высказывал эти взгляды и радовался, что польская армия будет формироваться где-то в глубине России, за Волгой; поэтому, «когда Советский Союз падет», он, Андерс, будет иметь полную свободу деятельности и маневрирования»¹.

---

¹ Климовский Е. Я был адъютантом генерала Андерса / Пер. с польск. М.: Прогресс, 1964. С. 124.

Свои настроения Андерс, однако, очень умело скрывал. 17 августа он вместе с начальником польской военной миссии генералом Шишко-Богушем встретился с уполномоченным Генштаба КА по формированию польской армии генерал-майором Панфиловым. На прямой вопрос о том, какие части, как, когда и к какому сроку планируют формировать поляки, Андерс ответил следующее:

«В первую очередь должны быть сформированы две пехотные дивизии легкого типа численностью 7 — 8 тысяч каждая. Кроме того, должна быть сформирована одна резервная часть для пополнения убыли польских частей на фронте. Сроки формирования указанных выше воинских соединений должны быть сжатыми, с тем чтобы обеспечить их ввод в зону боевых действий в возможно короткие сроки... Обмундирование и снаряжение для указанных выше формирований будет доставлено Англией и США... Что же касается стрелкового вооружения (винтовок, пулеметов) и боеприпасов, то в этом вопросе польское военное командование рассчитывает на помощь советского правительства»¹.

Эти четкие ответы не могли не импонировать советским представителям. Командование Красной Армии утвердило формирование на территории СССР двух польских пехотных дивизий численностью по 10 тыс. человек каждая и одного запасного полка численностью в 5 тысяч. В качестве срока готовности формирования было обозначено 1 октября 1941 года. Весьма сжатые сроки (менее полутора месяцев) не вызвали возражений у Андерса. В конце концов, в польские части предполагалось призывать не новобранцев, а военнослужащих бывшей польской армии, обученных и даже имевших кое-какой боевой опыт. Только в лагерях НКВД на

---

¹ РАВО. Т. 14 (3). Кн. 1. С. 28.

июнь 1941 года имелось более 27 тысяч польских военнопленных — более чем достаточно для формирования двух дивизий¹. А ведь были еще польские граждане в СССР, среди которых можно было провести мобилизацию, и даже из частей РККА в польскую армию отпускали поляков-добровольцев². В общем, сформировать к октябрю две боеготовые дивизии было реально.

Уже через десять дней в лагерях польских военнопленных было призвано почти восемь тысяч человек. На 31 августа это число увеличилось до 20 701 человека. Удовлетворенная динамикой призыва, польско-советская комиссия приняла решение, согласно которому к 10 сентября весь призванный в польскую армию контингент должен был быть сосредоточен в пунктах формирования — в Тоцком и Татищевском лагерях. Генерал Андерс 28 августа предложил сформировать дополнительно кавалерийский полк, однако Панфилов заметил, что сначала надо закончить формирование пехотных дивизий. Однако уже 1 сентября Андерс выдвинул новое предложение: «В связи с большим наплывом добровольцев и полным укомплектованием намеченных к формированию частей следовало бы отвести еще один лагерь на 10 000 человек для сбора прибывающих добровольцев, имея в виду в последующем формирование еще одной дивизии»³. Кроме того, он просил разрешения сформировать при штабе армии офицерскую школу. На формирование школы советское командование после некоторых колебаний согласилось, а решение вопроса о формировании третьей дивизии отложило до лучшего времени.

Тем временем польские военнослужащие перебрасывались в районы формирования дивизий. До обозначенного срока готовности дивизий оставалось около месяца.

---

¹ Катынь... С. 341.

² РАВО. Т. 14 (3). Кн. 1. С. 29.

³ Там же. С. 40.

III. Первые проблемы

К середине сентября 5-я и 6-я дивизии польской армии (6 пехотных полков, 2 саперных батальона, 2 батальона связи и 2 зенитных артдивизиона) были сформированы и приступили к занятиям. В район дислокации армии прибывали все новые добровольцы. Вскоре это стало серьезной проблемой. Уполномоченный Генштаба КА сообщал:

«В связи с освобождением из лагерей и тюрем нескольких десятков тысяч поляков в район формирования польской армии ежедневно стихийно, в неорганизованном порядке прибывают сотни поляков. В Тоцком и Татищевском лагерях помимо уже сформированных частей прибыло более трех тысяч человек. Эти люди занимаются спекуляцией, и даже имеются отдельные случаи грабежа и дебоша. Имеет место ведение антисоветской пропаганды со стороны поляков в окружающих селах.

Прибывающие неорганизованные поляки весьма плохо одеты и не имеют никаких средств к существованию. Не исключена возможность начала эпидемических заболеваний.

По линии НКВД имеются данные, что неорганизованный наплыв поляков в районы формирования будет возрастать, так как призывного контингента поляков — польских подданных на территории Союза ССР имеется более ста тысяч человек»¹.

Сложившаяся обстановка дала возможность Андерсу выступить с новым проектом. Он предлагал сформировать еще две рабочие дивизии, которые можно использовать для строительства военных объектов. Кроме того, командующий польской армией предлагал сформировать кавалерийский и танковый полки, вооружение и снаряжение для которых он «надеется получить

---

¹ РАВО. Т. 14(3). Кн. 1. С. 43.

из Англии и Америки». Впоследствии, развивал свои планы Андерс, можно будет создать 6 танковых батальонов, машины для которых также будут получены из Англии и США.

От союзников, однако, не приходило даже оружия для уже сформированных дивизий. 5-ю пехотную дивизию вооружили советским оружием; 6-я дивизия имела оружие только для проведения учебы.

Когда выяснилось, что сроки подготовки польских дивизий сорваны и к намеченному сроку 1 октября они не готовы выступить на фронт, советское руководство учло положение, в котором находилась польская армия, и не стало проявлять неудовольствие. А ведь на фронте в это время любая дивизия была на вес золота...

Правда, проекты Андерса по созданию новых частей были зарублены на корню. 3 ноября Государственный Комитет Обороны принял по этому поводу специальное постановление:

«1. Определить для 1941 года общую численность польской армии на территории Союза ССР в тридцать тысяч человек офицерского, унтер-офицерского и рядового состава.

2. Исходя из установленной численности польской армии разрешить польскому командованию сформировать на территории Союза ССР:

а) две пехотные дивизии по 11 000 каждая, всего — 22 000;

б) один запасной полк — 5000;

в) офицерскую школу — 2000;

г) штаб армии и штабные учреждения — 1000;

Всего: 30 000»¹.

Для польского командования это был недвусмысленный намек: сначала сформируйте то, что запланировано, а уж потом занимайтесь прожеками...

---

¹ Катынь... С. 377.

Возмутившийся Андерс заявил, что будет просить Сикорского об отставке, коль скоро его предложения отвергаются в Москве. Советское командование этот шантаж проигнорировало. И не зря — в отставку Андерс так и не подал. Зато сам Сикорский в беседе с советским послом при польском правительстве в Лондоне намекнул на возможность вывода польских войск из СССР в Иран¹. Это было первое упоминание о стремлении польского руководства передислоцировать свои части подальше от советско-германского фронта. Стремлении, как выяснилось позже, более чем настойчивом.

НКВД докладывал, что в частной обстановке генерал Андерс заявляет, что «свободная Польша будет существовать только благодаря Америке и Англии». Между тем в польской армии начали бурным цветом расцветать антисоветские настроения. 30 ноября на стол Сталина легла докладная записка:

«Среди высшего и старшего командного состава имеется группа враждебно настроенных против СССР людей... Антисоветские и реваншистские настроения распространены среди части средних и младших офицеров, которые разжигают отрицательные настроения и среди рядового состава польской армии. Зафиксирован ряд заявлений польских офицеров следующего характера:

«...Мы вместе с Америкой используем слабость Красной Армии и будем господствовать на советской территории...» (Поручик Корабельский).

«...Большевики на грани гибели, мы, поляки, только и ждем, когда нам дадут оружие, тогда мы их прикончим...» (Капитан Рудковский).

...Поручик Вершковский заявляет: «...С Советским

---

¹ *Лебедева Н.С.* Армия Андерса в документах российских архивов // Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997. Вып. 1. (Статья цитируется по электронной версии, размещенной на сайте общества «Мемориал»; поэтому здесь и далее номера страниц не указываются.)

Союзом против Германии мы воевать не будем. Они нам вместе всадили нож в спину и посадили в концлагеря. За это мы, придет время, отомстим. В этой войне поляки выполнят роль чешской армии в годы Гражданской войны...»¹

Подобные настроения разжигались в том числе политикой командования армии — и ничего поделаться с ними было нельзя. Впрочем, в Кремле этого еще не осознали и всерьез надеялись на лояльность союзника. Все имевшиеся проблемы были, безусловно, разрешимыми — при наличии политической воли. Кремль демонстрировал полное доверие к своему новому союзнику, помогая всем, чем только мог, — и надеялся на взаимность. Однако к этому времени польское командование уже лелеяло планы, находившиеся в явном противоречии с союзными обязательствами.

Еще в конце сентября, сразу же после прибытия в район дислокации польской армии, генерал Андерс провел совещание командования армии. Если бы на этой встрече сумели побывать представители советского командования, они узнали бы много нового о намерениях своих союзников. Именно тогда был разработан план, с достойным лучшим применением упорством воплощавшийся в жизнь в последующем.

«1. Немецкие войска все время наступают и добиваются больших успехов. Вследствие этого советский фронт может по всей линии не выдержать, а Москва в любой день может пасть.

2. Польская армия может быть количественно доведена до ста тысяч человек, причем в относительно короткое время — в два-три месяца. Людских резервов больше, чем нужно.

3. Необходимо немедленно обратиться к советским властям с предложением о количественном увеличении ар-

---

¹ Катынь... С. 381.

мии, а от властей союзников добиться нужного вооружения, убедив их, что в данной ситуации это совершенно необходимо.

4. В связи с тем что советский фронт весьма ненадежен, Польскую армию следует перевести как можно дальше на юг, если возможно — к иранской или афганской границе. Это необходимо по следующим двум главным причинам:

а) в случае поражения Советской армии польские войска смогут уйти в Иран, а на худой конец, даже через Афганистан в Индию;

б) дислокация в упомянутых пограничных районах позволит лучше организовать снабжение оружием, которое могло бы поступать туда от англичан.

5. В связи с изложенным уже сейчас следует всех людей, направляющихся в существующие сборные пункты армии, задерживать и направлять в новые места формирования польских частей в районе Ташкента и еще южнее. Для выполнения указанной задачи необходимо как можно быстрее направить на крупные узловые станции железных дорог польских представителей, которые задерживали бы там своих соотечественников и переправляли их на юг. С этим нужно спешить, дабы поставить советские органы перед свершившимся фактом. Тогда можно будет выдвинуть аргумент: армию следует формировать там, где находится больше всего поляков. Это даст возможность разгрузить железнодорожный транспорт, столь нужный сейчас.

6. Оружие, которое поступает в 5-ю дивизию, должно быть частично у нее отобрано и передано другим соединениям, опять-таки, по двум соображениям:

а) для собственной безопасности остальных дивизий и лучшего обучения их личного состава;

б) чтобы не допустить отправки на фронт одной дивизии (если бы этого категорически потребовали), мотивируя отказ отсутствием полного комплекта вооружения и, как следствие, недостаточной обученностью людей»¹.

---

¹ Климковский Е. Я был адъютантом генерала Андерса. С. 141—142.

План Андерса означал односторонний разрыв всех советско-польских договоренностей. Командование польской армии в СССР больше не считало Советский Союз своим союзником — однако продолжало пользоваться всеми преимуществами этого статуса.

Для амнистированных поляков, направлявшихся в Бузулук, план Андерса оказался просто-напросто убийственным. Андерс выслал на важнейшие узловые станции специально уполномоченных офицеров, которые направляли прибывающих поляков не в существующие места дислокации частей, а в окрестности Ташкента. В Ташкенте поляков, понятное дело, никто не ждал.

«Начался новый этап мытарств и страданий польского населения, — вспоминал впоследствии адъютант Андерса. — Люди буквально метались во все стороны. Сначала из различных районов СССР они ехали за несколько тысяч километров в Бузулук, Тоцкое и Татищево. Не доезжая, встречали офицеров, которые переотправляли их на юг. Снова несколько тысяч километров езды в неизвестные места, где не имелось даже гражданской опеки и где измученные до предела люди, конечно же, не находили никакого пристанища и обещанных формируемых частей. Те, кто еще имел немного сил и денег, возвращались в Центральную Россию, в Бузулукский район. Возникла неопишуемая неразбериха, повсеместно слышались ропот и проклятья. Во время этих беспорядочных и бессмысленных скитаний гибло множество людей. Те, кто остался на юге, оказались в очень плохих условиях. Никто не был подготовлен к их приезду. Жилищ не было. Продовольствия не было. Работы не было. Начавшиеся эпидемии производили настоящие опустошения среди поляков. Люди проникались обидой к органам советской власти, считали, что это по их вине они оказались в столь затруднительном положении... Следуя своему замыслу, Андерс в ноябре 1941 года самовольно, без согласования с какими бы то ни было вла-

стями — польскими или советскими, направил два больших эшелона, более чем по две тысячи человек в каждом, к берегам Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Многие из них в скором времени погибли от тифа, малярии, дизентерии и других болезней в условиях полного отсутствия какого-либо ухода и медикаментов, и лишь самое незначительное количество из них попало в армию. Страшная халатность в данном случае усугублялась неудачно выбранным местом»¹.

Тем временем сам Андерс, не собиравшийся уходить из Советского Союза с пустыми руками, занимался финансовыми махинациями. В воспоминаниях поручика Климковского нарисована по-настоящему впечатляющая картина стремительного разложения командования польской армии:

«Генерал большую часть казенных сумм, находившихся в его распоряжении, переводил прямо на свой личный счет как собственные «сбережения». Часть из этих сумм переводил в заграничные банки. Скупал для себя на государственные деньги золотые портсигары, золотые монеты, доллары, бриллианты и другие драгоценности. Действовал в этом направлении без зазрения совести, распоясавшись до такой степени, что скупал, конечно, на казенные деньги, драгоценности у людей, вынужденных зачастую продавать их только для того, чтобы не умереть с голоду...

Начальники как в посольстве, так и в штабе жили весьма расточительно, в то время как вокруг царила нужда, несмотря на то что имелись значительные возможности облегчить положение. К сожалению, такие возможности не использовались. Нужда усиливалась еще и потому, что людей гоняли с места на место, не проявляя необходимой заботы о них. Бедный человек, нуждающийся в куске хлеба, часто уходил из посольства или штаба с пустыми руками. Не лучшее обстояло дело и в обществен-

---

¹ Климковский Е. Я был адъютантом генерала Андерса. С. 159—160.

ной опеке, которую при помощи посольства организовал штаб. Сотрудники штаба с необыкновенно озабоченной и сочувствующей миной проявляли сострадание к несчастному, сетовали на трудные времена, на нехватку денег, жаловались на большие ограничения, причем постоянно подчеркивали, что всему виной Советский Союз и что именно он обязан взять на себя дело опеки и питания. Между прочим, этот вопрос ставился перед английским послом Криппсом.

Для оказания помощи «простым смертным» не хватало денег, а на посольские дачи или золотые портсигары, на икру, на гулянки и попойки, а также на подарки для разных кокоток недостатка в средствах не было, они всегда как-то находились.

Когда же двое юношей, один двадцати лет, второй восемнадцати, однажды вечером, часов около восьми, подошли к продовольственному складу, намереваясь, может, выкрасть оттуда несколько банок консервов — ибо, как они объясняли позже, несколько дней ничего не ели, — их арестовали по обвинению в попытке совершить грабительское нападение на склад. Андерс назначил суд и приказал приговорить их к смертной казни. Суд не имел никаких законных оснований для вынесения вообще какого-либо приговора — ведь преступление не было совершено задержанными и не имелось даже достаточных улик для доказательства их преступных намерений и, следовательно, повода для дальнейшего содержания под стражей. Тем не менее генерал настаивал, решив добиться своего. Ему объясняли, что военные власти вообще не имеют права вмешиваться в это дело, так как ребята были лицами гражданскими, что склад был тоже гражданский и в данном случае военные власти ко всему этому не имеют никакого отношения, что можно лишь передать это дело, как гражданское, советским властям. Генерал ничего не хотел слышать, не поддавался никаким уговорам. Он жаждал ввести режим террора. До тех пор подбирал состав суда, лично менял судей, заседателей, приглашал к себе, просил, объяснял, угрожал, пока наконец не нашел послушных себе

лиц. Суд выполнил приказ. Обоих юношей за «грабительское нападение» на склад общественной опеки приговорили к смертной казни через расстрел. Генерал Андерс, с удовлетворением потирая руки, утвердил приговор, который на рассвете следующего дня привели в исполнение. Это было обыкновенное убийство, прикрытое видимостью законности.

Подобные судебные процессы стали повторяться очень часто, суды перестали быть собственно судами, а превратились в орудие расправы в руках Андерса...»¹

IV. Первое столкновение

Визит в Москву премьер-министра польского правительства генерала Сикорского пришелся на самый критический период за всю войну. Наступавшие под Москвой войска напрягали последние силы, пытаясь прорваться к советской столице. Немецкие части прорвались на нарофоминском направлении, с севера над городом нависали войска 3-й и 4-й танковых групп. Врага отделяло от Кремля несколько десятков километров — и нужно было очень много отчаянной веры, чтобы понимать: война еще не закончена.

Сталин принял Сикорского и Андерса 3 декабря, в шесть часов вечера. Уже вскоре после обмена дипломатическими любезностями стало ясно: польское руководство вовсе не раскаивается в том, что подразделения армии Андерса так и не появились на фронте (хотя оговоренная ими самими дата готовности частей прошла два месяца назад). Дело обстояло еще хуже — поляки собирались вывести свои части из СССР. Бежать, нарушив свои обязательства.

Как ни странно, это оказалось для Сталина полной

---

¹ *Климковский Е. Я был адъютантом генерала Андерса. С. 155, 165—166.*

неожиданностью. Стенограмма встречи прекрасно передает накал страстей:

«Сикорский говорит, что... польские дивизии расположены в местностях с очень суровым климатом. Сейчас там морозы в 33 градуса, польские солдаты вынуждены жить в палатках. Сикорский опасается, что они перемерут, не принеся никакой пользы делу войны с Германией. Он говорил с Черчиллем по вопросу о перенесении лагеря в другое место, например в Иран. Там эти дивизии могли бы быть окончательно сформированы, и через 4 месяца они вернулись бы в СССР, возможно, в сопровождении английских войск, и были бы переброшены на определенный участок германо-советского фронта, чтобы бороться бок о бок с Красной Армией.

Тов. Сталин указывает, что армия, которая пойдет в Иран, сюда больше не возвратится.

— Почему? — спрашивает Сикорский.

— У Англии на фронтах много работы, — говорит тов. Сталин...

Тов. Сталин указывает, что мы не можем заставить поляков драться... Если поляки не хотят, то мы обойдемся и своими дивизиями.

Тов. Молотов спрашивает, что нужно сделать практически для улучшения формирования польских частей...

— Что мы будем торговаться! — говорит тов. Сталин. — Если поляки хотят драться ближе к своей территории, то пусть остаются у нас. Не хотят — мы этого требовать не можем. В Иран так в Иран. Пожалуйста! Мне 62 года, — продолжает тов. Сталин, — у меня есть жизненный опыт, который мне говорит, что там, где армия формируется, там она и будет драться.

Сикорский говорит, что они смогут сформировать армию в Иране в лучших, чем в СССР, условиях.

— Мы мешать не будем, — говорит тов. Сталин.

...Сикорский говорит, что его немного укорило заявление тов. Сталина о том, что поляки не хотят драться.

— Я человек немного грубый, не дипломат, — говорит тов. Сталин. — Я ставлю вопрос резко: хотят ли поляки воевать?

— Хотя, — отвечает Сикорский.

...Тов. Сталин говорит, что он не против того, чтобы в английских войсках дрались и польские части. Тов. Сталин спрашивает, как же будет с советско-польским договором, если польская армия уйдет в Иран. Скрыть этого не удастся. В этом случае договор падет... Тов. Сталин указывает, что польские дивизии, находящиеся в СССР, смогут через месяц-два драться на фронте. Сейчас имеются две польские дивизии, можно будет образовать третью, и налицо будет польский корпус.

Андерс указывает, что у него много необученных солдат.

— Но ведь у вас есть резервисты, — говорит тов. Сталин.

— Резервистов у меня 60%, — отвечает Андерс.

— У вас 60% резервистов, и вы решили, что ничего нельзя сделать. Не дали досок, и вам кажется, что все пропало! Мы возьмем Польшу и передадим ее вам через полгода. У нас войск хватит, без вас справимся. Но что скажут тогда люди, которые узнают об этом?»¹

Неизвестно, привели ли Сикорского в чувство попытки воззвать к его совести или более материальные соображения. Польский премьер согласился вывести из СССР лишь часть польских подразделений; взамен он получил очень многое.

Прежде всего, польская сторона получила подтверждение, что вопрос о границах не будет решен без ее участия. Как отмечается в документах НКВД, «имела место беседа с т. Сталиным в том направлении, что вопрос о советско-польской границе будет урегулирован в дружественном духе. Тов. Сталин высказал пожелание, чтобы Польша стала большой и сильной державой, и это Сикорский приветствовал»².

---

¹ Катынь... С. 390—393.

² Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941—1945. М.: Наука, 2004. С. 164.

Далее, польское правительство получало значительные денежные субсидии. «В то чрезвычайно трудное для нас время советское государство оказало большую материальную поддержку Польше, — вспоминал сотрудник Генштаба генерал Сергей Штеменко. — В частности, СССР предоставил лондонскому польскому правительству общий заем 100 млн рублей для оказания помощи польским гражданам. Кроме того, на содержание польской армии на территории СССР был дан особый заем 300 млн рублей»¹.

Кроме того, Польша получила разрешение на формирование в СССР еще четырех дивизий, так что общая численность польской армии должна была возрасти до 96 тысяч. Формирование еще одной, седьмой по счету, дивизии было запланировано «в зависимости от наличия людских резервов, возможных условий развертывания и вооружения»².

Согласно утверждениям Андерса, вооружить новые дивизии должны были опять-таки Англия и США. В советском Генштабе эту знакомую песню начинали воспринимать уже с некоторым скепсисом: оружия для польской армии до сих пор от союзников не поступало, и не было понятно, поступит ли оно вообще.

В качестве ответного шага Сикорский подписал декларацию, в которой заявлялось: «Войска Польской республики, расположенные на территории Советского Союза, будут вести войну с немецкими разбойниками рука об руку с советскими войсками»³.

Никто еще не знал, что это торжественное обещание

---

¹ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1983. Кн. 2. С. 46.

² РАВО. Т. 14 (3). Кн. 1. С. 51.

Окончательно это решение было оформлено постановлением ГКО № 1064сс от 25 декабря 1941 года.

³ Внешняя политика Советского Союза... Т. 1. С. 168—169.

будет в итоге нарушено поляками — так же, как ими уже были нарушены многие другие, не менее торжественные.

V. Польский саботаж

После встречи со Сталиным Сикорский отправился инспектировать уже сформированные польские дивизии. В ходе поездки уполномоченный Генштаба КА генерал Панфилов поставил вопрос ребром: «Когда польская армия будет готова к боевым действиям?»

Сикорский ответил: «К 15 июня 1942 года»¹.

Названная дата была просто ошеломляющей. Польская армия формировалась в Советском Союзе уже без малого пять месяцев — и ни один польский солдат не появился на фронте. Теперь же поляки требовали еще пять с половиной месяцев!

Тенденция была налицо — и заставляла серьезно задуматься. Однако в Кремле предпочли в очередной раз поверить своему союзнику. Полякам шли навстречу буквально по всем вопросам. Об этом, в частности, свидетельствует составленный польским послом в СССР С. Котом доклад от 5 января 1942 г.:

«...Последний месяц 1941 года принес советскому правительству большой рост ощущения силы... Весьма знаменательно, что именно в этот период происходит явное улучшение отношения Советского правительства к польскому населению. Это, конечно, является... прежде всего результатом поездки генерала Сикорского в СССР и впечатления, которое он лично произвел здесь. И после его отъезда советская пресса продолжает сохранять теплый тон в отношении поляков, который находит свое выражение прежде всего в многочисленных статьях о Войске Польском. В прессе и на радио влияние этой перемены дает себя знать повсюду на широких просторах СССР, даже

---

¹ РАВО. Т. 14 (3). Кн. 1. С. 56.

в таких отдаленных пунктах, как Сыктывкар (Коми АССР). В Новосибирске и Алма-Ате местное радио предложило польским представителям обратиться к своим согражданам. В Новосибирске наш представитель Малиняк начал свое выступление чтением на польском языке московской речи Сикорского, которая дошла до Сибири лишь на русском языке...

Несмотря на зиму и трудности с транспортом, ускорился темп освобождения польских граждан из северных лагерей, в частности из Архангельской области, перевозится значительная масса ссыльных из населенных пунктов Архангельской и Вологодской областей, Коми АССР и из Сибири. Все эти люди направляются на юг, в Казахстан, они обеспечены отапливаемыми пассажирскими вагонами, снабжены двухнедельным запасом продовольствия... Проявлением благожелательности властей в отношении польского населения явилось распоряжение, согласно которому все польские граждане, независимо от места и рода деятельности, освобождались в сочельник и на рождество от работы... Важным шагом является согласие на расширение сферы деятельности представителей посольства. Эта сфера теперь весьма широка и вполне достаточна...

Предоставление нам займа в 100 миллионов рублей проходило в дружеской атмосфере. Для того чтобы успеть подписать соглашение о займе еще в истекавшем году... аппарат Наркоминдела работал в канун Нового года до поздней ночи...

Результатом вмешательства Сикорского является решение о формировании новых польских частей и переводе армии на юг. Количественный состав определен в шесть пехотных дивизий по 11 тысяч человек в каждой и 30 тысяч армейского резерва, всего 96 тысяч человек. Наше командование оставляет за собой право на формирование еще одной, седьмой дивизии. Две существующие дивизии вместе со штабами и службами, а также запасными частями в ближайшее время оставят Заволжье и отбудут

на юг... Для переброски сформированных частей дана заявка на 40 составов по 60 вагонов в каждом... Будет выдано вооружение еще для одной дивизии... Средства связи, саперное, санитарное и прочее оборудование будут получены в размерах, необходимых для обучения. Автомашины, лошади и обозное имущество — в количестве, необходимом для хозяйственных нужд... На содержание Войска Польского советское правительство ассигновало нам в прошедшем году 65 миллионов рублей, которые сейчас включаются в предложенный нам заем на содержание армии в 300 миллионов рублей...

Наши военные утверждают, что советские власти исчисляют стоимость продовольствия, оружия и оборудования, поставляемого ими, по очень низким ценам...»¹

Тем временем Андерс начал проводить в жизнь весьма специфичное мероприятие — перемещение подразделений польской армии на юг. С точки зрения боевой подготовки частей эта передислокация была не просто нецелесообразной, а откровенно вредной. Андерс, однако, думал не о формировании боеспособных частей, а о выводе польских войск из СССР в Иран.

Переброска армии началась 15 января. Спланирована она была плохо, и сроки сосредоточения польских частей были сорваны. В докладе советского офицера связи при штабе польской армии результаты «переброски на юг» рисовались следующим образом:

«Точных сведений о численности, списочной и наличной, польской армии получить почти невозможно. Штаб польской армии этих сведений добиться никак не может от штабов дивизий...»

Транспортными средствами, особенно машинами, армия совсем не обеспечена... Трудность с транспортом приводит к тому, что поляки в некоторых гарнизонах разво-

---

¹ Цит. по: Климковский Е. Я был адъютантом генерала Андерса. С. 198—199.

ровывают колхозное и народное достояние. Рубят ценные деревья для топлива. Разворовывают кирпичи для постройки печей и т.п.

Вместо занятий боевой подготовкой люди используются для переносок грузов и других работ...

Польские граждане, прибывающие для пополнения вновь формируемых дивизий и частей усиления, завезли в гарнизоны сыпной тиф.

По данным санитарной части армии, в гарнизонах насчитывается около 2000 чел. больных. Среди больных в госпиталях есть польские граждане, не имеющие отношения к армии»¹.

Пока советские представители пытались уладить все эти проблемы, деятельность польского командования приняла уж совсем алогичный характер. С одной стороны, оно организовывало эвакуацию в Иран 25 тысяч военнослужащих, якобы «излишних» в польской армии в СССР. С другой стороны — просило направлять в польские части поляков, уже воюющих в Красной Армии.

В феврале 1942 года уполномоченный Главного Командования КА майор госбезопасности Жуков еще раз попытался прояснить вопрос о том, когда же польские войска появятся на фронте. Андерс ответил, что ранее он предполагал, что армия достигнет боевой готовности не ранее 1 июня. Однако в результате переброски армии на юг было потеряно два месяца — произошло это, по словам генерала, по вине советской стороны. «Я должен подтвердить и подчеркнуть, что лишняя потеря продолжительного и ценного времени произошла исключительно по вашей вине», — писал он генералу Панфилову². Трудно понять, чего было больше в этом заявлении — наглости или издевательства. Ведь всем было известно,

---

¹ РАВО. Т. 14 (3). Кн. 1. С. 68—69.

² Там же.

что бессмысленную «переброску на юг» инициировал сам Андерс...

Вывести на фронт хотя бы одну 5-ю дивизию, давно подготовленную и вооруженную, польский генерал не согласился, мотивировав это нецелесообразностью. Меж тем в составе британских войск поляки прекрасно воевали даже отдельными бригадами.

Одновременно командующий польской армией выдвинул новый прожект:

«Польская армия в связи с ее снабжением, организованным на английских и американских источниках, будет иметь отличительный характер армии моторизованной.

Достижение боевой готовности таким образом организованной армии будет зависеть от степени обученности значительного числа водителей автомашин, танков и мотоциклов. Нужды Польской армии в этом отношении определяются числом около 20 000 водителей.

Вопрос этот для меня является основным и первостепенной важности, и поэтому я ставлю его на первый план.

Разрешение этого вопроса будет возможно при выполнении следующих двух условий:

а) немедленная передача автомобильного имущества для учебных нужд;

б) обеспечение горючим для нужд обучения водителей.

Требование на предметы автомобильного снаряжения вместе с иными требованиями было передано на руки г. полковника Ген. штаба Черствого. 150 автомашин, которые я получу из Ирана (50 купленных и 100 — от англичан), только частично решают этот вопрос.

Для индивидуального обучения 20 000 водителей нужно будет около 3000 тонн горючего и соответствующее количество смазочных материалов»¹.

---

¹ РАВО. Т. 14 (3). Кн. 1. С. 66.

К этому моменту вся польская армия насчитывала чуть больше 60 тысяч человек — и треть из них Андерс предлагал готовить как водителей. Даже самому наивному человеку тут стало бы ясно, что речь идет о примитивной разводке: польский командующий требовал невыполнимого, чтобы, сорвав очередной срок вывода своих войск на фронт, заявить Кремлю: «А это целиком ваша вина. Я же просил, а мне не дали...»

...В польской армии разрастались антисоветские настроения. Ни в исполкоме Коминтерна, ни в НКВД, ни в Генштабе уже не считали это случайностью. «Нельзя полагать, что в рядах польской армии антисоветская и антисемитская работа в настоящий момент прекратилась, — писал глава Коминтерна Георгий Димитров. — Наоборот, есть достаточно данных, которые говорят, что эта работа в известной части армии продолжается, хотя и в более прикрытой форме, чем раньше»¹.

Димитров был совершенно прав. Антисоветские настроения прямо поддерживались командованием польской армии, не собиравшимся выполнять союзнический долг. Имелись, правда, среди командования и расхождения. Если Андерс прилагал все силы для скорейшей эвакуации армии в Иран, то начальник оперативного отдела штаба армии подполковник Крогульский считал, что армии нужно остаться в СССР, но не выдвигаться на фронт. «Наша особая линия, — говорил он, — должна заключаться в том, что не нужно спешить вводить в дело польские вооруженные силы до тех пор, пока не приблизится развязка... Когда же фронт передвинется на польскую землю — выступить против немцев в союзе с Красной Армией надо. Первым солдатом, который вступит на польскую землю, должен быть поляк, если вступит первым красноармеец, то Польша может стать коммунистической, а этого допустить нельзя»².

---

¹ Катынь... С. 401.

² РАВО. Т. 14 (3). Кн. 1. С. 72.

Офицерский состав армии совершенно очевидно разлагался, что приходилось признавать даже самим полякам. «...Вообще военные ведут себя отвратительно, — сообщал посол Польши в СССР Кот. — Солдатам пить и гулять нельзя, а сами офицеры пьянствуют с девушками из штаба и устраивают целые оргии... Вообще запомните, что командный состав у нас слабый»¹. Командование увлеченно занималось околополитическими интригами. Появились враждовавшие друг с другом группировки. Лояльные к советскому союзнику офицеры получали анонимные письма с сообщениями, что они приговорены к смертной казни и будут уничтожены.

Увлеченные интригами и пьянками, офицеры к войне не готовились и на учениях представляли самое печальное зрелище. В советском отчете указывалось:

«Офицеры совершенно не знают материалов опыта войны 1941—1942 гг. и не планируют боя на всю глубину обороны противника, подготавливая только атаку переднего плана обороны.

Меры ПВО не принимаются. Обращали на себя внимание чрезвычайно скученность боевых порядков и неумение эшелонировать части в глубину...

Командование не имеет представлений о взаимодействии в условиях современной войны саперов с боевыми порядками наступающей пехоты и не умеет организовывать ночной поиск.

Общий вывод — командный состав нуждается в срочной переподготовке на основе опыта войны 1941—1942 гг., особенно средний, в обучении эшелонированным в глубину действиям боевых порядков взводов и рот, ведению разведки, преодолению заграждений, умению организовывать взаимодействие с артиллерией и использовать автоматы и минометы»².

---

¹ РАВО. Т. 14 (3). Кн. 1. С. 76.

² Там же. С. 85.

Иными словами, офицерский состав польской армии нужно было обучать всему заново.

Зато солдаты 5-й и 6-й дивизий демонстрировали хорошую обученность и практически никаких нареканий не вызывали: «Младший командный состав и рядовые солдаты боевой техникой пользоваться умеют, физическое напряжение при передвижении переносят свободно. Обращали на себя внимание высокая дисциплина и исполнительность»¹.

К середине марта вся польская армия насчитывала 65 тысяч человек. Пайки, однако, выделялись советской стороной на 96 тысяч — при этом по нормам фронтовых частей.

Обещанные четыре новые дивизии так и не были сформированы. В 7-й пехотной дивизии имелось лишь 7199 человек, в 8-й — 1751, в 9-й — 1259, в 10-й — 2803. Зато запасной центр армии невероятно разбух, по численности сравнявшись с полноценной дивизией. Велась ли где-нибудь, кроме давным-давно сформированных 5-й и 6-й дивизий, боевая подготовка, понять было невозможно.

VI. Последний шанс

В середине марта в Генштабе предприняли очередную попытку понять, как обстоит дело с формированием польской армии и когда же польские части наконец появятся на фронте. Прилетевший в Москву Андерс долго уклонялся от ответов на прямо поставленный вопрос. Когда же ответ был дан, он оказался поистине потрясающим:

«В конце концов в ответ на настойчивую просьбу высказаться точнее он заявил, что не раньше чем через шесть месяцев, да и то он не уверен в этом сроке, так как общее физическое состояние личного состава очень

---

¹ РАВО. Т. 14(3). Кн. 1. С. 85.

плохое. Советский генерал при этом даже вздрогнул — ответ явно поразил его. Не скрывая своего удивления и недовольства, он спросил:

— Как же так, солдаты обучаются уже полгода и еще не готовы? Неужели им нужно еще шесть месяцев? Ведь это старый, обученный контингент. У нас в Советском Союзе такой солдат после трех, самое большее четырех месяцев подготовки идет на фронт, почему же польскому для этого нужно более года? Ведь даже новобранец обучается значительно быстрее»¹.

Еще шесть месяцев означали, что польские войска появятся на фронте лишь в конце сентября — октябре 1942 года. Если они вообще там появятся.

На следующий день генерала Андерса принял Сталин², попытавшийся вновь воззвать к совести союзника. Командующий польской армией эти призывы проигнорировал и стал добиваться эвакуации части армии из СССР в Иран. О формировании польской армии в шесть дивизий речи уже не шло — Андерс в очередной раз нарушил собственные обещания.

Что ж! Кремль еще раз пошел навстречу своему союзнику и эвакуацию 27 тысяч солдат в Иран разрешил. Взамен Андерс обязался доформировать три пехотных дивизии (две из которых уже имелись) и вывести их наконец на фронт. Общая численность польской армии в СССР была определена в 44 тысячи человек. Специально было оговорено, что продпайки будут выдаваться в соответствии со списочным составом армии, а отпуск денег «будет производиться по получении точных заявок по всем статьям расходов». Не должно же советское государство, в конце концов, финансировать закупку Андерсом драгоценностей!

---

¹ Климковский Е. Я был адъютантом генерала Андерса. С. 209.

² На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). М.: Новый хронограф, 2008. С. 364—365.

«Мы не торопим поляков с выступлением на фронт, — язвительно сказал напоследок Сталин.— Поляки могут выступить и тогда, когда Красная Армия подойдет к польским границам»¹.

В Кремле уже явно не испытывали никаких иллюзий по отношению к польскому союзнику; после всего произошедшего сохранить какие бы то ни было иллюзии было невозможно. Очередная уступка был последней: полякам давался шанс опомниться и исполнить свой союзнический долг. В штабе польской армии этого так и не поняли — там лишь обрадовались выцыганенной уступке и развернули активную деятельность по эвакуации своих частей. За какие-то две недели в Иран было вывезено 30 тысяч военнослужащих и более 12 тысяч польских граждан. Активность, проявленная при эвакуации, неприятно контрастировала с пассивностью, проявленной при формировании армии. Еще хуже было другое — после окончания эвакуации Андерс отказался свернуть вроде бы уже выполнившие свою задачу эвакуационные базы. Он явно планировал продолжить эвакуацию.

Не добившись от Сикорского соответствующего указания во время своего визита в Лондон, в июне командующий польской армией вновь потребовал от премьер-министра разрешения эвакуировать из СССР всю армию. Сикорский отказал: по его мнению, во имя высших политических целей польские части должны были остаться в России и драться с немцами. Андерс проигнорировал прямой запрет и стал разрабатывать план вооруженного прорыва через афганскую или иранскую границу². Из воспоминаний адъютанта Андерса мы узнаем, что схожие планы разрабатывал командир 6-й дивизии генерал Токаржевский:

---

¹ *Лебедева Н.С.* Армия Андерса...

² *Anders W.* Bez ostatniego rozdziału. Newton, 1950. S. 130—131. Цит. по: РАВО. Т. 14 (3). Кн. 1. С. 19.

«Я узнал также, что командир 6-й дивизии Токаржевский принял решение самостоятельно пробиться к афганской границе и издал даже соответствующие приказы. Подготовка к такой акции велась давно. Под предлогом обучения высылались на далекое расстояние патрули для изучения пограничного района, расположения советских гарнизонов на случай возможного нанесения удара для захвата оружия и продовольствия. Все должно было произойти следующим образом: дивизия, находившаяся в ста с небольшим километрах от афганской границы, начнет проводить учения, связанные с дальними маршами в сторону границы. Под предлогом обучения дальним переходом Токаржевский намеревался за несколько дней подойти к самой границе, а затем одним махом обезвредить пограничную охрану и перейти границу. Совершенно очевидно, что все госпитали и больные были бы брошены на произвол судьбы. Точно так же семьи военных и гражданские лагеря, находившиеся при дивизии, остались бы без всякой помощи»¹.

Как подобные планы соотносились с союзническим долгом, было уже совсем непонятно.

Знали ли о военных планах Андерса в Кремле — неизвестно. В любом случае, его острое желание бежать из СССР вместе со всей армией уже не было секретом: еще после возвращения из Лондона польский командующий на очередной встрече сообщил, что, по информации англичан, летнее наступление 1942 года будет в направлении Кубани и Кавказа. В этой связи, заявил Андерс, целесообразно вывести польскую армию в Иран, чтобы оттуда она смогла выдвинуться на Кавказ и начать боевые действия с немцами².

Для того чтобы поверить, что польскую армию нель-

---

¹ Климковский Е. Я был адъютантом генерала Андерса. С. 209.

² Ржевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 330; Штеменко С.М. Генеральный штаб... Кн. 2. С. 50—51.

зя перебросить на Кавказ иначе чем через Иран, нужно было иметь очень большую фантазию и очень слабое знание географии. В Кремле все поняли и окончательно поставили на своем польском «союзнике» крест.

«Поскольку принятые обязательства поляками не выполнялись, а мы испытывали серьезные затруднения с вооружением для Красной Армии и складывалась крайне тяжелая обстановка на фронте, советское правительство в июле 1942 г. уведомило польскую сторону, что считает невозможным дальнейшее формирование польских войск в пределах СССР, и поставило вопрос об их полной эвакуации», — вспоминал впоследствии генерал Штеменко¹.

Разрешение вывести армию на Ближний Восток было демонстративно передано Андерсу через третьих лиц — советское руководство не испытывало никакого желания встречаться с этим деятелем. Едва ли, однако, это уязвило польского генерала — устыдить можно только человека, имеющего совесть.

Эвакуация была проведена за каких-то полтора месяца. 5 сентября Сталин получил шифрограмму об окончании эвакуации из СССР польских частей. Всего в Иран прибыло 69 917 поляков, из них военнослужащих — 41 103 человека². В Советском Союзе осталось несколько офицеров; одним из них был подполковник Зигмунд Берлинг.

VII. На развалинах союза

Для советского руководства история создания армии Андерса стала историей разочарования в союзнике. Разочарования горького и болезненного: ведь в Кремле шли навстречу буквально всем просьбам поляков, ста-

---

¹ *Штеменко С.М.* Генеральный штаб... Кн. 2. С. 51.

² *Лебедева Н.С.* Армия Андерса...

рались не вмешиваться во внутренние дела создаваемой на советской земле за счет советских ресурсов союзной армии. Все оказалось напрасным: ни в 41-м, ни в 42-м польские части не появились на советско-германском фронте.

В течение самого тяжелого за всю войну года Советский Союз кормил несколько десятков тысяч польских солдат и офицеров, а также множество польских гражданских лиц. Это были нешуточные расходы: при эвакуации польской армии в Иран именно этот вопрос вызвал наибольшие опасения у англичан. «Поляки захотят отправить вместе с войсками значительное число своих женщин и детей, которые в основном существуют на пайки польских солдат. Питание этих иждивенцев будет значительным бременем для нас», — писал Черчилль Сталину¹. Для напрягающего все свои силы в борьбе с немцами СССР это было еще более тяжким бременем — а ведь кроме продпайков, в 1941—1942 годах польское правительство и командование польской армии получили от СССР денег и услуг на сумму около 200 миллионов рублей².

Разрыв советско-польских союзнических отношений (а именно это де-факто означал вывод польских войск в Иран, нарушавший все ранее подписанные межгосударственные соглашения) не был спровоцирован советской стороной. Даже вопрос о границах — главный камень преткновения советско-польских отношений — мог быть решен в пользу Польши. Еще в мае 1942 года (когда Андерс в Лондоне пытался добиться вывода польской армии из СССР) в ответ на запрос британского МИДа советские дипломаты отмечали:

---

¹ Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. М.: Политиздат, 1957. Т. 1. С. 53.

² РАВО. Т. 14 (3). Кн. 1. С. 97.

«Советское правительство считает само собой разумеющимся, что вопрос о послевоенных границах между Советским Союзом и Польской Республикой составит предмет особого соглашения между правительством Польши и СССР, как об этом было в свое время условлено между председателем Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталиным и премьер-министром Польской Республики генералом Сикорским.

При этом Советское правительство выражает уверенность, что этот вопрос будет разрешен по взаимному согласию названных сторон в духе существующих между обеими странами дружественных, союзных отношений»¹.

Командование польской армии в СССР разорвало эти союзные отношения, даже не задумавшись, от каких политических выгод тем самым отказывается. Нежелание воевать и откровенный антисоветизм и русофобия оказались сильнее политического прагматизма.

В Кремле поняли, что иметь дело с этими деятелями нельзя. Однако видимость нормальных отношений продержалась до апреля 1943 года, когда польское правительство в Лондоне поддержало выдвинутую германской пропагандой версию о «Катынском деле». Только после этого явно враждебного шага дипломатические отношения были разорваны.

Не связанный более политическими обязательствами Кремль поступил прагматично, начав формирование подконтрольного себе Войска Польского. 8 мая 1943 года ГКО принял решение о создании в СССР польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко под командованием Зигмунта Берлинга. Уже через пять месяцев дивизия приняла первый бой под деревней Ленино Могилевской области. А в 1944 году сформированная в СССР 1-я польская армия вместе с советскими войсками вошла на территорию Польши. Новая власть — Польский ко-

---

¹ *Ржевский О.А.* Сталин и Черчилль. С. 122.

митет национального освобождения — стала просоветской, а граница между двумя странами прошла по «линии Керзона». И оставшееся в Лондоне польское эмигрантское правительство не могло винить в этом никого, кроме себя. Кремль больше никогда не забывал полученный урок. Союзник — это хорошо, но еще лучше — контролируемый союзник; эта истина впоследствии нашла свое воплощение при формировании в Восточной Европе советского блока.

Сегодня, когда история Второй мировой войны стала ареной для политических боев, когда во всех мыслимых и немыслимых грехах принято обвинять Советский Союз, якобы «оккупировавший» Восточную Европу, всем нам полезно вспомнить подлинную историю польско-советских отношений в годы войны. Потому что никто не сделал для разрушения этих отношений больше, чем само польское руководство.

Андрей Резяпкин

КОРИЧНЕВЫЕ ПОЛИТРУКИ ВЕРМАХТА

Проникновение нацистского мировоззрения в вермахт (1933—1938)

Согласно доктрине «двух опор», вооруженные силы Третьего рейха должны были оставаться основой государства, свободной от посягательства второй опоры — от национал-социалистической партии. Рейхсвер (с 1935 г. — вермахт) получил привилегию единственного оруженосца нации при условии, что он будет абсолютно надежным сторонником Гитлера и защитником государства от внешних врагов. Что и было зафиксировано в 1934 году в новом тексте присяги и в обязанностях немецкого солдата.

Военная организация государства, мировоззрение которого строилось на национал-социализме, естественно, не могла оставаться политически нейтральной. НСДАП оказывала постоянное прямое и косвенное воздействие на жизнь немецкого общества, и на вооруженные силы в том числе. Несмотря на то что военные и политические лидеры неоднократно подчеркивали аполитичность рейхсвера-вермахта, жизнь быстро расставила все на свои места. Принятие присяги канцлеру не оградило вооруженные силы от постепенного окрашивания в коричневые цвета. Как только нацисты добились от военных клятвы верности своему лидеру, они тут же приступили к разрушению традиционных ценностей офицерского корпуса. Обязательство рейхсвера-

вермахта следовать данной присяге стало залогом медленного, но верного движения вооруженных сил в том направлении, которое устраивало вторую опору государства (НСДАП) — к воспитанию оруженосца нации в духе преданности национал-социалистическим идеалам.

Многие военные не ставили изначально знака равенства между Гитлером и НСДАП, и положение консервативной военной элиты в системе власти постепенно, но верно ухудшалось: между армией и властью, между старой консервативной и новой правящей идеологией не осталось никаких промежуточных инстанций. Пока офицерский корпус возлагал надежды на то, что представители верховного командования оградят вооруженные силы от национал-социалистического влияния, Гитлер окружал себя теми из них, кто в большей или меньшей степени разделял его идеалы. Упростив организацию управления армией, он в 1938 году стал ее главнокомандующим, совместив, таким образом, в одном лице всю военную, партийную и исполнительную власть в государстве.

Доктрина «двух опор» осталась на бумаге в качестве напоминания о благих намерениях. Элита немецкого гражданского общества в 1938 году уже полностью разделяла взгляды национал-социализма, а партия полностью контролировала его через свои дочерние организации. Наконец, пришла очередь и военного сословия, которое осталось один на один с НСДАП и ее лидером. Вооруженные силы не были государством в государстве, поэтому традиционный образ мыслей офицерского корпуса, христианские ценности неизбежно заменялись новыми идеями.

Наступление НСДАП на вооруженные силы успешно продвигалось по нескольким направлениям одновременно:

- перестановки в верхнем эшелоне военной власти;
- воспитание новых традиций в офицерской среде, в военных академиях и школах, выживание «старых взглядов» — даже среди офицеров резерва;
- подготовка призывников в духе национал-социализма;
- укрепление национал-социалистического мировоззрения через «политическое образование» солдат и унтер-офицеров.

За рамками настоящего исследования остается формирование войск СС, хотя этот процесс также можно назвать наступлением партии на вермахт. Удаление шумного и не очень дальновидного претендента на звание оруженосца нации — штурмовых отрядов (SA) — открыло дорогу более опасному противнику вермахта — партийному войску, солдатам национал-социалистического мировоззрения. Распоряжение Бломберга (сентябрь 1934 г.) открыло путь к вооружению (SS-VT) и в конечном итоге к созданию войск СС. Несмотря на то что в военное время эти соединения и части находились в оперативном подчинении вермахта, на их формирование и обучение расходовались значительные силы и средства, которые оставляли вермахту все меньше основы для поддержания старых традиций среди солдатской массы.

О том, как национал-социалистическая идеология проникала в вооруженные силы «сверху», подробно написано в монографиях А.Ермакова «Оруженосцы нации» (см. 1) и Мюллера «Армия и Третий рейх. 1933—1939» (см. 10). О переплетении интересов партии и вермахта в немецком обществе много интересного можно

найти в книге Мессершмидта «Вермахт в национал-социалистическом государстве» (см. 11). Автор показывает, насколько беззащитны были вооруженные от влияния НСДАП сразу за казарменным забором: дочерние организации партии контролировали жизнь семьи, воспитание подрастающего поколения, спорт, быт и отдых, поддержку ветеранов и многое другое. Командование и военные чиновники, представляющие вермахт в отношениях с третьими сторонами, невольно связывали вооруженные силы с теми областями жизни, которыми управляла партия. Призывники, кандидаты в офицеры, наемные служащие и чиновники, приходя в вермахт, уже несли на себе результаты национал-социалистического воспитания, хотя и принимали на себя обязательство не участвовать в политической жизни общества.

Закон об обороне не мог охранять более вооруженные силы от прямого вмешательства партии в воспитательный процесс, так как все большая часть военнослужащих чувствовала внутреннюю связь с партией и даже желала использовать преимущества, вытекающие из отношений с партией. Например, при возникновении споров в вермахте железным правилом было разрешать их с помощью военных инстанций. Однако НСДАП попыталась вынести «сор из военной избы», когда Гесс предложил регулировать спорные взаимоотношения между военными и гражданскими субъектами под своей, партийной крышей (1935 г.). Инциденты такого рода, происходившие в середине 30-х годов, свидетельствовали скорее о желании военных полюбовно размежеваться, чем находить компромиссы с партийным аппаратом. Но армия уже не имела союзников и сочувствующих в своей борьбе с проникновением партии. Благодаря своей активности НСДАП добивалась заключения разного рода джентльменских соглашений и соглашений о сотрудничестве с вермахтом на региональных уровнях.

Одно из таких соглашений под грифом «секретно», подписанное командованием IX военного округа, публикуется Мессершмидтом (см. 11, с. 107—108).

Между тем дух партии уже проник в вооруженные силы, и ни у кого в немецком обществе уже не вызывало возражений, что *«национал-социалист должен быть солдатом партии так же, как солдат — национал-социалистом»* (см. 1, с. 86). Декларируемая аполитичность вермахта, выражавшаяся в приостановлении членства в политических организациях и в неучастии военнослужащих в политической жизни страны, на деле мало что значила. Вермахт уже превратился в послушное орудие правящей нацистской идеологии, в инструмент будущей войны на уничтожение: *«Я ожидаю от каждого военнослужащего сухопутных сил, в особенности от офицера, что он будет действовать согласно воззрениям Третьего рейха, даже если эти воззрения не зафиксированы в законодательных постановлениях, распоряжениях или служебных приказах»* (фон Фрич, см. 1, с. 152)

Командиры-комиссары и командиры-политруки (1938—1941)

После того как нацистская идеология перестала быть чуждой военному сословию, проникновение самой партии в вооруженные силы стало делом времени. Военная верхушка уже разделяла взгляды лидера партии и подчинялась ему как главнокомандующему. Нацизм пропитывал также солдатский дух «снизу»: в вермахт уже несколько лет вливались призывники, большая часть которых состояла в нацистских организациях, прошла идеологическую обработку в военно-спортивных и молодежных организациях, в имперской службе трудовой повинности. В офицерской среде все большее место занимали молодые сторонники нацизма, которые вос-

пользовались «Параграфом об арийском происхождении» (см. 10, с. 57—61; см. 11, с. 40—47) и полностью отвечали новым требованиям по статьям «мировоззрение» и «арийское происхождение» (см. 12). Общество и партия выдвигали новые требования к командирам вермахта: *«Народ должен быть убежден в том, что немецкий офицер, которому мы вверяем наших юношей, является типичным представителем нашего мировоззрения»* (Гитлер, см. 1, с. 165).

И военные отвечали: *«...в вермахте национал-социалистической Германии станет обязательным политическое воспитание в духе национал-социализма... По окончании службы казармы не могут покидать политически равнодушные мужчины...»* (см. 1, с. 174);

«Тот, кто не может присоединиться к национал-социалистическому мировоззрению, нетерпим в рядах вооруженных сил и должен быть удален» (см. 1, с. 161);

«Нам не нужно делать из солдат национал-социалистов. Мы — национал-социалисты и без партийного билета» (Райхенау, см. 1, с. 157).

Пришло время создавать партийное лобби непосредственно в войсковых частях!

Предметом исторических исследований сегодня все чаще становятся институты имперских комиссаров и заместителей — исполнителей воли нацистской партии и ее лидера, проводников партийных решений в различных областях жизни немецкого общества (например, см. 2). О политических комиссарах вермахта в широких кругах до сих пор остается мало известно. Служба эта остается в тени других военных служб, а ее деятельность часто представляется как пропаганда мировоззрения в собственных войсках («Propaganda in die eigene

Труппе») (см. 3, см. 8). Кто такие политруки вермахта, кто отвечал в вермахте за воспитание военнослужащих в духе НСДАП?

Как это ни странно звучит, партия нашла в армии своих союзников в лице... своих главных оппонентов. Но обо всем по порядку.

Противником «вживления партийной матрицы» был сам дух единоначалия в вермахте, унаследованный из традиционно высокой ответственности войскового командира («Truppenführer») за воспитание своих подчиненных (см. 4). В связке «командир — подчиненный» просто не было места другим воспитателям и другой идеологии. Создание аппарата политических воспитателей подорвало бы авторитет военного командира, но к процессу воспитания стали предъявляться особые требования.

Сначала партия попыталась «вживить» своих представителей в воспитательный процесс. В 1934 году Розенберг был назначен уполномоченным фюрера по контролю за общим духовным и идеологическим воспитанием и образованием. На раннем этапе новый уполномоченный НСДАП добился от военного министра Бломберга права выступать с докладами перед военной аудиторией и участвовать в подборе литературы для вооруженных сил. Партийные функционеры время от времени проводили курсы для офицеров вермахта (офицеры командировались туда специально для национально-политического воспитания), лекции в военных академиях. Партия тиражировала сборники статей государственных и партийных деятелей и рассылала их «для служебного использования в вермахте», составляла учебные планы для воспитания национал-социалистического мировоззрения (среди тем — «сотрудничество вермахта и партии»,

«принципы расовой политики», «большевизм», «масонство», «мировое еврейство», «офицер и пропаганда» и т.п.).

В 1938 году вступило в силу военное наставление HDv 52, которое предписывало военным академиям включить в учебные планы занятия по воспитанию мировоззрения в полном соответствии с национал-социалистической тематикой, предложенной Розенбергом (другой идеологии было не дано). В военных школах и в академиях началась подготовка офицерского состава к выполнению роли идеологических воспитателей («Erzieher»). Призывники также не остались без внимания: для них были подготовлены разнообразные информационные материалы, которые с самого начала давали понять: национал-социалистическое мировоззрение совсем не чуждо вермахту, как это традиционно твердят старшие товарищи. «Букварь военного округа» (см. 13), составленный в форме современной шпаргалки «текст—вопрос—ответ», включал в себя темы «история движения» и «программа НСДАП»:

«Программа НСДАП, пункт 4. Гражданином может быть только тот соотечественник («Volksgenosse»), который, независимо от вероисповедания, имеет немецкое происхождение. По этой причине еврей не может быть гражданином...»

Вопрос. Что было сделано для того, чтобы предотвратить разрастание еврейства?

Ответ. Евреи были полностью исключены из немецкого народа...»

Не менее «содержательными» были распространяемые в вермахте воспитательные материалы под видом походной литературы и полевой библиотечки вермахта (серии «Tornisterschrift der Wehrmacht» и т.п.). Значительная часть изданий ОКВ просто поменяла обложку:

содержание идеологического чтения издавалось ранее в партийных типографиях и в типографиях СС для собственных нужд. Утверждать, что солдаты вермахта остались в стороне от войны мировоззрений и от преступных приказов — совершенно невыносимо. С первой памятки, с принятия присяги солдату было понятно — вермахт предан идеям фюрера, лидера национал-социалистической партии.

Что же лежало в планшете войскового командира (Truppenführer)? Чем он, как воспитатель, мог занять свои мысли и мысли своих подчиненных?

— Сборник избранных докладов и речей, издание НСДАП для служебного использования в вермахте, ДСП для вермахта (см. 22, с. 15):

«Еврейская проблема — это особый случай одной большой, глобальной расовой проблемы...»

— Вермахт и партия, сборник статей (см. 23, с. 105):

«Мы хотим слушать, видеть и учиться как национал-социалисты. Мы хотим ежедневно быть лучшими руководителями в великом строительстве Третьего рейха.»

— Сохранение немецкой расы, ДСП для вермахта (см. 25, с. 54):

«Жизнь — это борьба, борьба каждого со всеми, борьба с органическими и неорганическими силами, борьба за жизнь, борьба за жизненное пространство, за основной закон природы...»

— Полезное использование свободного времени в войсках, ДСП для вермахта (см. 26, с. 3):

«В каждой части есть солдаты, которым есть что рассказать и которые могут это сделать по-новому, живо...»

— Воспитание и образование в войсках, ДСП для вермахта (см. 27, с. 17):

«Следующим открытым вопросом нового времени, естественно, является проблема, может ли русский управляться с современными техническими боевыми средствами...»

— Воспитание мировоззрения и удовлетворение духовных потребностей в войсках, ДСП для вермахта (см. 28, с. I/1):

«Каждый командир отвечает за духовное состояние подчиненной ему части... Национально-политические занятия нужны для того, чтобы создать единообразное толкование национал-социалистических основ и сделать их достоянием всех солдат».

— Немецкое отношение к иностранцам, ДСП для вермахта (см. 29, с. 16):

«...немец, который хорошо выглядит в военном мундире, еще не нашел для себя правильного выражения в гражданской форме».

— Немецкие основы (см. 30, с. 19):

«Более всего мы верим в священное право нашей борьбы».

— Духовные и душевные проблемы в сегодняшней войне, ДСП для вермахта (см. 31, с. 26):

«Возьмем, например, вопрос лишения человеческой жизни. Конечно, неуважение человеческой жизни — это не солдатски. Но уже сказано: нужно найти стойкую мораль без религиозной привязанности».

— Материалы для занятий командира роты, тема: немецкий народ, расовая борьба в мировой истории, ДСП для вермахта (см. 32, с. 3):

«В Советском Союзе Сталин планомерно уничтожил высшую нордическую прослойку. Он окружил себя телохранителями-азиатами. Согласно своей программе, он захотел создать т.н. нормального русского, помесь всех рас советских народов. При большевиках евреям проще всего пробраться наверх. Эта война с Советским Союзом — в двойном смысле слова война рас».

— Учебные материалы для преподавания национал-социалистического мировоззрения и постановки национал-политических целей, ДСП для вермахта (см. 33, с. 35):

«Сколько евреи жили среди немецкого народа, столько немцы боролись с этим».

Именно этот командир и был для немецкого солдата главным и единственным воспитателем-политруком. По цепочке сверху вниз, от старшего командира к войсковому командиру, до простого солдата распространялись т.н. преступные приказы, инструкции, памятки национал-социалистического содержания и прочие инструкции с идеологической составляющей... Почти на каждом документе — распоряжение, до какого уровня командира (читай — политрука) следует довести эту информацию. Принимая во внимание закон об обороне, присягу лидеру национал-социалистической партии, обязательные инструкции и приказы вышестоящих инстанций (вроде приказа о неподсудности, см. 14, с. 27; см. 15, с. 316), можно быть уверенным, что любое решение будет исполнено войсковым командиром без колебаний и рассуждений. Главное, чтобы оно исходило от вышестоящего командира, чтобы не нарушались регламенты. После публикации политических решений на бланках ОКВ, ОКН и т.п. они становились законом для подчиненных войсковых командиров (политруков) и — для солдат вермахта.

Посмотрим, как происходила обработка личного состава, на примере известного приказа о комиссарах (см. 13, с. 29; см. 14, с. 130; см. 15, с. 314—315, 321—323; см. 17, с. 177—179) и памяток о ведении войны в России. Приказ о комиссарах обязал офицеров, обладающих дисциплинарной властью («Offizier mit Disziplinarstrafgewalt»), отделять политруков от советских военнопленных и тут же уничтожать, а при обнаружении их в тыловой оперативной зоне — передавать СД. 12 мая 1941 года было зарегистрировано заявление начальника отдела обороны о проекте приказа, а 6 июня приказ был оформлен и подписан в виде директивы ОКВ и отправлен в войска. Попутно в войска были отправлены памятки о ведении войны в России, которые

содержали следующие мысли: *«Большевизм — смертельный враг национал-социалистического немецкого народа. Эта борьба требует решительных и энергичных мер против большевистских подстрекателей, саботажников и евреев, полного устранения любого активного или пассивного сопротивления...»* (см. 20, с. 54).

Далее события развивались следующим образом.

Из директивы начальника ОКВ о пропаганде во время нападения на Советский Союз, 6.6.1941 (см. 15, с. 262—264):

«...ОКВ распространит среди армий «Памятки о Советском Союзе» и «Директивы о поведении немецких войск». Памятки следует раздать до дивизионного уровня и в частях пропаганды, директивы — до роты включительно».

Из дивизионных историй следует, что, например, 18 июня карты и памятки о ведении войны на Востоке были распространены в 100-й легкопехотной дивизии. В 16-й танковой дивизии памятки раздали 17 июня. В 4-й горнострелковой дивизии карты и памятки распространялись 21 июня (см. 41, <http://sprachfuehrer.livejournal.com/12429.html>). Памятки хранились командирами в закрытом конверте — до дня нападения на СССР, после чего были зачитаны личному составу.

Предоставим слово очевидцам (см. 18).

Рядовой Руди Машке, 6-й пехотный полк, Бютов / Померания:

«За 2 дня до ввода в бой мой капитан Финзенберг выступил перед нашей ротой с докладом о Красной Армии. После того как мы коротко обсудили знаки различия, он пояснил, что пленных брать нельзя, что они — бесполезные едоки и вообще раса, искоренение которой — это прогресс. Комиссары, которых можно распознать по совет-

ской звезде на рукаве, это настоящие дьяволы в человеческом облики, которых следует немедленно расстреливать. Неисполнение этого приказа может стоить жизни нам самим».

Бруно Шнайдер, 8-я рота 167-го пехотного полка, п/п 08179 Е:

«...перед нашим выступлением наш командир роты, старший лейтенант Принц, собрал нас в сарае. Здесь нам был передан секретный приказ: пленных следует брать только в исключительных случаях, когда этого нельзя избежать. Как правило, пленных советских солдат следует расстреливать. В любом случае следует расстреливать женщин, которые служат в частях Красной Армии».

Георг Бергманн, кондитер из Берлина, 4-я батарея 234-го артиллерийского полка:

«1 июля 1941 года, незадолго перед вводом в бой, командир нашей батареи, капитан Гулвайт, нацист и «старый боец», распорядился собрать нас, чтобы дать указания об отношении к Красной Армии и о методах ведения боевых действий против нее. Он сказал: «Мы имеем дело со страшными преступниками. Пленных не брать! Если кто-то сдается в плен, таковых следует расстреливать как «при попытке к бегству». Так и было в действительности».

Вот так (пользуясь немецкой терминологией в отношении РККА) в традиционном вермахте сложилась невидимая постороннему глазу организация последователей и исполнителей воли НСДАП: «комиссаров» (командиров высшего и среднего уровня) и «политруков» (войсковых командиров). По этой же схеме действовали войсковые командиры-политруки (подчиненные Манштейна, Райхенау и др.), выполняя распоряжения своих комиссаров о методах ведения войны на Востоке. Под-

робно о том, как вермахт проводил в жизнь политические решения (война мировоззрений, тотальная война и т.п.) и «за что сражались немецкие люди» и их союзники, прекрасно рассказывают выставки «Война Германии против Советского Союза» (см. 21) и «Преступления вермахта» (см. 20), а также сборники документов, перечисленные ниже в списке использованной литературы. Особый характер, цели Восточной кампании (войны на уничтожение низших рас и чуждой идеологии) не скрывались с начала ее подготовки.

Внедрить собственный кадровый состав в командную систему вермахта партии не удалось. Но всему свое время, партия действовала методично и настойчиво. Если в период с 1934 по 1938 год НСДАП в отношениях с вооруженными силами действовала в каждом отдельном случае с разрешения военного руководства, то после организационных изменений 1938 года (упразднение поста военного министра) проводником национал-социалистических идей в армии стало само высшее военное руководство (принцип единоначалия при этом совсем не пострадал, и это всех устраивало — фюрера, НСДАП, да и саму военную верхушку — новоиспеченных комиссаров вермахта). Исполняя служебные обязанности, войсковые командиры сами невольно превратились в исполнителей воли НСДАП.

Партия не оставляла своим вниманием те сферы, где военные чиновники не были так компетентны. Осенью 1939 года Розенберг добился разрешения передавать посылки членам партии, призванным в вермахт на время военных действий (дружественное соглашение), организовал сбор пожертвований и средств для вермахта под вывеской «зимняя помощь» (WHW, куда попала также идеологическая литература), «атаковал» военное руководство инициативами организации курсов для

лекторов и воспитателей из военной среды, разработал план занятий и руководящие наставления, заручившись даже одобрением фюрера. Однако военное руководство уже делало ставку на собственных политруков и не испытывало большого энтузиазма от перспективы общаться с представителями Розенберга под своей крышей.

Пока военные комиссары тянули время, Розенберг продолжил наступление, разработав в феврале 1940 года проект документа «Основные задачи для обеспечения национал-социалистического мировоззренческого воспитания», где предложил создать рабочий штаб партии в ОКВ (OKW, Abt. Inland). Новый штаб, по замыслу Розенберга, должен был координировать деятельность партийных советников на армейском, корпусном и дивизионном уровне. Для самого Розенберга отводилась роль «главного комиссара» вермахта, с чем оказались не согласны не только другие партийные руководители, имеющие свои амбициозные планы (Борман, Гесс, Лей, Гиммлер и др.), но и сам Гитлер (действующий главный комиссар вермахта). В результате фюрером был найден формальный повод для того, чтобы в феврале 1940 года окончательно отклонить эти предложения Розенберга. Отказ был зафиксирован в письменном виде, а конкурент Розенберга по партии Борман с удовольствием подписался под мировым соглашением: воспитание мировоззрения пока оставалось прерогативой самого вермахта (см. 36, с. 131).

Осенью 1940 года Розенберг сумел достичь расположения Кейтеля (рабочее соглашение) и предложил на рассмотрение ОКВ текст генерального соглашения о содействии идеологическому воспитанию в вермахте взамен оказания услуг семьям фронтовиков (чиновники вермахта опять оказались беспомощными в социальных вопросах). Но поезд, как говорится, уже ушел. Вермахт

утвердил собственное наставление (см. 32), так что Розенбергу оставалось и дальше проявлять собственную инициативу, предлагая военным курсы лекций и рекомендуя национал-социалистическую литературу для походных библиотек. К слову сказать, почетное право обеспечивать досуг военнослужащим вермахт делегировал также министерству пропаганды.

Воспитательный процесс на новом уровне (1942—1943)

Тем временем в военной среде, которая уже прониклась необходимостью национал-социалистического воспитания, сложилось собственное представление о том, как следовало бы улучшить политико-воспитательную работу. Райнеке и Кейтель выразили идею сконцентрировать эту работу в самом ОКВ, без привлечения посторонних специалистов. Однако разногласий в самом военном руководстве оказалось больше, чем ожидалось, сказалась и разобщенность между тремя основными родами войск (вспомним выражение «традиционные сухопутные войска, национал-социалистические военно-воздушные силы и имперский военно-морской флот»...). Так что идея организации единого рабочего штаба по идеологическому воспитанию в ОКВ пока осталась не реализованной.

На самом деле причиной была удовлетворенность от достигнутых военных результатов: первые кампании 1939—1940 годов наложили отпечаток на характер политической работы в войсках. Жизнь была прекрасной, и казалось, что боевой дух и качество солдата всегда будут на высоте. На волне военных успехов не виделось оснований для разработки новых программ и для проведения занятий. Считалось, что войсковые командиры-политруки превосходно справились со своими задачами

по воспитанию подчиненных. Новый отдел военной пропаганды в ОКВ полностью устраивал и командиров, и партию, так как поставлял достаточно материала для удовлетворения духовных потребностей солдата.

Начало Восточного похода летом 1941 года не принесло никаких изменений в идеологическом воспитании: дух победителей оставался высоким, что по-прежнему объяснялось хорошими воспитательными качествами войсковых командиров. Доклады с мест приносили новые доказательства неподверженности солдат вермахта советской пропаганде и агитации.

Неожиданные для командиров вопросы стали возникать в войсках после первых разочарований осенью 1941 года. Постепенно стало ясно, что в идеологическом воспитании были выбраны неверные акценты, принижающие возможности и боевые качества противника. Столкновение с культурой народов СССР, с советскими людьми, которых гитлеровская пропаганда называла неполноценными и недочеловеками («mindenwaertig», «Untermensch»), дали повод для раздумий в солдатской среде: *«Мы не обойдемся более понятием «унтерменш», с упрощениями такого рода мы не продвинемся дальше... так как русский, благодаря своему мировоззренческому образованию, давно уже каким-то образом добивается симпатии из-за нашего примитивного представления себя в качестве господина»* (см. 34, с. 158).

Предыдущая система воспитания в вермахте оказалась не способной подобрать правильные ответы на новые мировоззренческие вопросы — командиры-политруки сами были озадачены происходящим. Поэтому наиболее простым объяснением событий для начала стали «русская загадка» и «русский сфинкс» (см. 34, с. 144) («генерал-мороз» появится позже), а самым час-

тым рецептом осени 1941 года оказались призывы к терпению, подбор примеров стойкости и противодействия обстоятельствам из исторического прошлого.

Показателем кризиса стала отчаянная национал-социалистическая пропаганда, которая переключалась вдруг на самый высокий уровень в рядах вермахта. Комиссары в генеральских погонах не имели убедительных аргументов и заговорили языком пропагандистов: *«От России нас отделяет глубокая мировоззренческая и расовая пропасть...»* (Кюхлер, см. 24, с. 146); *«Война с Россией — это важный участок борьбы немецкого народа за существование. Это старый бой германцев против славян, защита европейской культуры от московито-азиатского нашествия...»* (Гепнер, см. 24, с. 147). Но речи такого рода («звонкая пропаганда», «Schlagwortpropaganda») уже не вызвали отклика в солдатской душе. Во-первых, нацистская идеология и так уже была привита солдату. Во-вторых, она не давала ответа на новые «что делать?». Занятия зимнего семестра в школе политического просвещения велись старыми методами: небольшое изменение в плане лекций и полезные советы о том, как воевать в зимних условиях, — вот и все, что смогли предложить солдату комиссары и политруки зимой 1941/42 года (см. 32, а также справочники «Taschenbuch Winterkrieg»). Солдата же больше интересовало, «как победить», а не «как перезимовать». Да и, честно говоря, командиры исчерпали свои возможности в политическом воспитании. В период распутицы и холода хватало им и своих, командирских проблем.

Летом следующего, 1942 года военное командование с тревогой поняло, что грядущая зима 1942/43 года может стать переломной для мировоззрения немецкого солдата на Восточном фронте. Наиболее озабоченные командиры-комиссары стали по собственной инициа-

тиве анализировать состояние своих войск и пришли к выводу, что *«войска размышляют гораздо больше, чем это можно предположить»*. Было отмечено, что солдата чаще всего занимают четыре основных вопроса: женщина (жена), профессия, партия и религия, а вовсе не расовая чистота или проблемы мирового масонства. Ответы на новые «что делать?» требовалось найти поскорее, но для этого были нужны знания и навыки, которых обычные войсковые командиры-политруки попросту не имели.

Из трудной ситуации был предложен следующий выход: в помощь перегруженным командирам учредить новую должность дивизионного офицера-воспитателя («Divisions-Betreungsoffizier»), передав ему вопросы идеологического воспитания и пропаганды в собственных войсках. Офицер-воспитатель должен сотрудничать с командиром дивизии (ну чем не связка «командир — комиссар»?) и подчиняться офицеру-воспитателю вышестоящего армейского уровня («Armee-Betreungsoffizier») (предложение Лерснера, см. 4, с. 36).

Предложение Лерснера было с большим пониманием встречено в войсках и одобрено в ОКВ. На должность офицера-воспитателя назначались наиболее подходящие представители из собственного офицерского состава. В декабре 1942 года состоялось даже совещание офицеров-воспитателей, организованное ОКВ. С начала 1943 года для новых дивизионных и армейских командиров стал издаваться полноценный методический журнал «Was uns bewegt» («Что нами движет»). До этого в помощь командиру-политруку также поступало довольно много воспитательной литературы — от походной библиотечки до текстов к лекциям утвержденной тематики. Но в данном случае потребность оказалась не просто огромной, но и «высокой»: вермахт сам убедил

себя в том, что политико-воспитательная работа должна организовываться и координироваться на самом высоком уровне, специалистами самой высокой квалификации!

Ознакомившись с предложением Лерснера, ОКВ поспешило выпустить серию карманных книг, подробно отвечающих на вопросы военнослужащих («Richtheftes des OKW»): *«Солдату запрещается жениться на иностранке; только в исключительных случаях, с разрешения командира, разрешается заключение брака с лицами арийского происхождения и соседних германских народов... испортить свою кровь хуже, чем ее потерять... дети, выросшие от женщин чуждого происхождения, превращаются в ненавистников всего немецкого»* (см. 38). *«...Поговорим не о фронте, а о другой войне, которая ведется ради жизни или смерти нашего народа: о войне за рождаемость. Еще ни один народ в мировой истории не проходил через войну без потери рождаемости. Но в данном случае мы знаем, что война против Англии, Америки, Советского Союза и против стоящего за ними еврейства действительно ведется ради существования нашего народа, что мы должны победить в этой войне или исчезнуть как народ»* (см. 39).

В организационном плане в 1943 году никак не удалось выстроить полноценную вертикаль из офицеров-воспитателей. Если на дивизионном уровне кадры находились, то на армейском многие «вакансии» оставались свободными. Стройной системы управления воспитательной работой создать так и не получилось. Кадры, как известно, решают все. Политруков высокой квалификации в вермахте попросту не хватало: их никто не готовил и специально для вермахта не «выращивал». Оказалось, что военно-политических руководителей недостаточно просто назначить, оторвав их от исполнения командирских обязанностей. Война требовала профессионализма на каждом месте. Существует мне-

ние, что именно в это время Гитлер посетовал в приватной беседе, насколько он недооценил аппарат политических комиссаров Красной Армии и что создать что-то подобное в своем вермахте ему уже не позволяют обстоятельства. И правильно заметил.

А что вообще было известно о системе политического воспитания в Красной Армии? Если отбросить идеологическую нагрузку, которая присутствует в учебных и пропагандистских материалах вермахта (*«под видом политического комиссара выступает азиатская гримаса красной системы...»*) (см. 34, с. 148), — известно было очень немного. Портрет врага («Feindbild»), портрет России («Russlandbild») — это всего лишь эмоциональный продукт, результат тщательного подбора информации и ее умелой подачи. В то же время сохранились и трезвые свидетельства: *«Русский солдат борется не от страха перед комиссарами, он воюет за идею. Он не хочет возврата царского времени, борется против фашизма, который хочет разрушить достижения революции»* (Гот; см. 34, с. 149); *«Упорное сопротивление русских объясняется тем, что комиссары воюют на передовой линии»* (Рендулич; см. 34, с. 149).

«Приказ о комиссарах», который уже к 1942 году утратил свое значение и был признан нежелательным (поскольку, как считалось в вермахте, привел к радикализации войны), лишний раз свидетельствовал о страхе перед советской системой военно-политического руководства. В 1943 году страх сменился заинтересованностью и даже скрытым восхищением результатами идеологической подготовки советского солдата.

Летом 1943 года появилась карманная памятка «Политическое воспитание в Красной Армии», выпущенная главным управлением СС под наблюдением самого

рейхсфюрера (см. 35). Памятка была разослана армейским офицерам-воспитателям с сопроводительной запиской следующего содержания: «...она дает впечатляющую картину постоянного и интенсивного политического воздействия на советских солдат. Она предназначена прежде всего для войскового командира, а в особенности — для офицера военно-политического руководства, чтобы те смогли убедиться, что этой сильной политпропаганде, оказывающей решительное воздействие на боеготовность советской армии, должно быть противопоставлено еще более лучшее и сильное военно-политическое руководство немецким солдатам» (см. 4, с. 48).

В памятку была включена довольно подробная информация о политическом аппарате противника:

1. Организация политического воспитания: партийно-политический аппарат КА, звания и компетенции партийно-политических функционеров, пополнение политического аппарата КА.

2. Организация и проведение политического воспитания: формы политического воспитания, работа на местах, на маневрах, в военных условиях.

3. Содержание политического воспитания: темы политической учебы, устная пропаганда.

Надо признаться, у СС получилось очень нужное пособие. Полезное даже для организации собственного дела. Пока одни генералы обсуждали между собой положительные и отрицательные стороны красноармейского политобразования, другие ругали свое командование на чем свет стоял: в политобразовании собственной армии проблемы только накапливались. Хотя в течение 1943 года и были пересмотрены, обновлены и разработаны новые директивы и наставления по национал-социалистическому идеологическому воспитанию, все они по-прежнему базировались на принципе единона-

чалия войскового командира («*Truppenführer*»), а этот принцип исчерпал себя на практике. Старшим офицерам-воспитателям (дивизионным и армейским «*Betreuungs-offiziere*»), согласно замечаниям ОКХ, по-прежнему отводилась роль кураторов (см. 4, с. 49).

Вообще, 1943 год принес с собой бурный обмен мнениями между командирами разного ранга. Стоит отметить, например, приказ окружного генерала Шернера о единоначалии и идеологическом воспитании, где предлагалось допустить политических руководителей в части, сформированные из фольксдойчей, и в запасные части: «...в конечном итоге, этих немцев нужно воспитать хорошими немцами» (см. 9, с. 89). В мае 1943 года ОКХ утвердил введение офицеров военно-политического руководства в штабах резервных корпусов, штабах главкомов вермахта в Польше, Чехии и Дании. В июле 1943 года появились новые кураторы — офицеры-воспитатели военных округов. *Wehrkreis-Betruengsoffizier* должен был заботиться о качестве национал-социалистического мировоззрения среди пополнения.

Декларируемый далее принцип единоначалия, отличающий якобы вермахт от Красной Армии («у нас — офицер, у них — политрук»), привел к появлению нового термина. Воспитание мировоззрения официально стали называть «национал-социалистическим руководством» вермахта, а офицеров-воспитателей — офицерами национал-социалистического руководства (NSFO). Теоретический ежемесячный журнал «Что нами движет» («*Was uns bewegt*») сменил название на «Офицеры фюрера» («*Offiziere des Führers*»). Его первый номер, однако, не принес никаких новых рецептов: «*То, что мы переживаем в этой войне, не что иное, как общее наступление всех антинемецких мировоззрений на народно-биологиче-*

ские идеи национал-социализма. Наши враги — сами смертельные идеологические противники друг для друга...» (Райнеке, см. 37, с. 8).

Розенберг усмотрел в этих полумерах новые возможности для укрепления партийного влияния на вермахт. Не оставляя идеи внедрить в армию своих партийных воспитателей, Розенберг довольствовался в 1942—1943 годах работой «вокруг вермахта» — создавал сообщества лекторов и курировал партийные каналы поступления учебно-воспитательной литературы в армейские библиотеки. Пока Розенберг оценивал новые возможности и вел диалог с Борманом, военным импонировали компетенции других руководителей, более близких к фронтовым проблемам. ОКВ и ОКХ обратили внимание на опыт мировоззренческой работы в войсках СС, которой руководил Бергер. На совещания офицеров-воспитателей стали приглашать опытных смежников из СС: руководителей идеологического фронта интересовали истоки фанатичности офицеров СС.

В вермахте явно предстояли нововведения. В борьбу компетенций вокруг них были вовлечены Розенберг, Борман, Гиммлер и Геббельс со своими ведомствами и подчиненными — обычная практика гитлеровского руководства. Ясность пришла в конце 1943 года после решения Гитлера создать в вермахте рабочий штаб и аппарат офицеров национал-социалистического руководства и тем самым навести порядок в воспитании мировоззрения солдат вермахта. Группа военно-идеологического руководства в отделе пропаганды ОКВ закончила свою многолетнюю работу. Запоздалое, на мой взгляд, решение, но лучше поздно, чем никогда. Теперь предстояло узнать, кому и из каких источников будет разрешено набирать персонал для нового аппарата.

Штаб национал-социалистического руководства (1944—1945)

На самом деле барометр доверия Гитлера давно качнулся в сторону руководителя имперской канцелярии. В конечном счете даже термин NSFO, победивший на конкурсе предложений, был предложен Борманом: руководитель партийной канцелярии говорил мало, но точно. Действовал он также уверенно: не дожидаясь кадровых решений ОКВ, Борман начал консультации с высшими партийными руководителями о возможности комплектации аппарата офицеров из числа верных партийных товарищей.

Партийная канцелярия констатировала: *«Лозунг «солдат стоит вне политики» сегодня, по большому счету, полностью изжил себя. Фюрер, выступая перед командным составом, неоднократно констатировал, что солдат не может быть аполитичным. Солдат же всегда был исполнителем политического решения. С оружием в руках рискует он своей жизнью за политические цели, а сегодня — за идеи национал-социализма и их реализацию в Европе. Он является инструментом политического руководства. Фюрер говорит: вермахт — не что другое, как рукоять меча политических руководителей»* (см. 9, с. 105).

Приказ о создании аппарата офицеров национал-социалистического руководства был подписан Гитлером 22 декабря 1943 года (см. 9, с. 94), структура нового штаба ОКВ была утверждена в феврале 1944 года (см. 9, стр. 95). Тогда же были даны пояснения к приказу, где подтверждалось назначение начальника общего отдела ОКВ генерала Райнеке на пост начальника штаба (NSF/OKW). Привычно оговаривалось, что единоначалие войсковых командиров ротного уровня в вопросах мировоззрения остается неприкосновенным и осново-

полагающим в воспитании личного состава (войсковой командир — политрук для своих солдат). Офицеры национал-социалистического руководства (NSFO) выполняли «лишь» координирующую роль и назначались на должности от уровня дивизии и выше. В командованиях родов войск (ОКН, ОКЛ, ОКМ) следовало создать собственные штабы национал-социалистического руководства. В штабах нижнего уровня — до батальона — вопросами политического руководства должен был заниматься один из офицеров, совмещая с этим свои основные обязанности (см. 9, с. 96).

Новые офицеры национал-социалистического руководства (NSFO), в отличие от прежних офицеров-воспитателей (АВО, DBO, «Betrueungsoffiziere»), были более самостоятельны: организационно подчинялись командирам соединений, а не начальникам отделов, как ранее (Ic).

В пояснениях было указано также, что при выборе офицеров национал-социалистического руководства не имеет значения звание и предыдущая должность кандидата. Главные критерии — это верность национал-социализму, особые личностные качества, превосходный фронтовой опыт, практические навыки политического и мировоззренческого руководства и воспитания. Желательно, чтобы кандидат был членом партии и имел опыт работы партийного лидера. Задачи, методы и средства партийно-воспитательной работы были подробно описаны в приложении по распоряжению о создании штаба (см. 9, с. 96—98).

Еще в декабре 1943 года, сразу после подписания фюрером приказа о создании аппарата офицеров NSFO, в имперской канцелярии Борманом был образован ра-

бочий штаб, который разработал программу деятельности по партийной линии. Задачей рабочего штаба было участие в подборе кадров, обучение офицеров, включая все вопросы организации курсов и разработки учебных программ (участие ведомства Розенберга в учебном процессе предполагалось). В июне 1944 года Гитлер в распоряжении по партии окончательно закрепил за руководителем своей канцелярии Борманом пост представителя НСДАП в вопросах национал-социалистического руководства вермахта: *«Руководитель моей партийной канцелярии — единственный уполномоченный и ответственный за выполнение задач НСДАП в отношениях с вермахтом»* (см. 40, с. 424).

Партийная канцелярия напомнила военным, что в войска пропаганды было мобилизовано большое количество партийных лидеров, которых можно использовать в воспитательной работе как офицеров NSFO (надо сказать, что в ряды вермахта было призвано большое число т.н. лидеров и почетных лидеров НСДАП: по состоянию на 1940 год — более 1,2 млн человек) (см. 36, с. 114, 117), которые хотя и прекратили общественную деятельность на время военной службы, однако продолжали опекаться партийными организациями и служили источниками информации для НСДАП. Одновременно в партийных организациях через уполномоченных по вопросам сотрудничества с вермахтом начался подбор и выдвижение кандидатов из партийных округов по всей стране. Наставления по организации мировоззренческого воспитания в вермахте были пересмотрены, были обозначены направления новой работы (обучение собственных кадров, национал-социалистическое воспитание военнослужащих — курсы лекций NSFO были включены практически во все учебные программы вермахта, — а также пропаганда в войсках), составлены подробные планы, подготовлены списки

используемых материалов... Канцелярия Бормана проявила чудеса организованности и слаженной работы всех звеньев.

Штаб национал-социалистического руководства в ОКВ (NSF/OKW) включал в себя (см. 6, с. 110):

- руководящую группу во главе с начальником штаба Chef NSF;

- главные отделы политического руководства: NSF 1 — для общего планирования и координации политического руководства, NSF 2 — для организации и проведения учебной работы, NSF 3 — для подбора и руководства персоналом;

- ведомственную группу Ag Inland (NSF/Ag Inl), сформированную из бывшего отдела ОКВ AWA/Inl для руководства работой по организации быта военнослужащих и удовлетворению их духовных потребностей, в том числе вероисповедания; группа делилась на рефераты Inl 1 (печать, цензура) и Inl 2 (реализация); в составе группы были также офицеры, которых командировали в нижестоящие штабы для координации деятельности группы на местах;

- штаб для проведения учебных мероприятий и курсов NSF Lehrstab;

- группа офицеров по связям с партийной канцелярией и дочерними партийными организациями NSD/zbV, NSF/SA, NSF/NSKK, NSF/HJ.

В конце 1944 года штаб NSF/OKW насчитывал 96 офицеров, в штабе NSF/OKH было 20 сотрудников. Всего на этот момент в вермахте (уровень дивизий и корпусов) было 1074 офицера NSFO (при потребности 1251 человек), задачи национал-социалистического воспитания выполняли также около 48 тысяч офицеров, совмещающая с этим свои другие обязанности на полковых и ба-

тальонных уровнях (см. 5, с. 137). Тринадцать 10-дневных подготовительных курсов для офицеров NSFO закончили 2,5 тыс. кандидатов (см. 6, с. 203).

Национал-социалистическая идея прочно укрепилась в повседневной жизни вермахта. *«Каждое занятие в частях нужно начинать словами фюрера и заканчивать боевой песней движения»* (см. 7, с. 95). Влияние офицеров NSFO и штабов национал-социалистического руководства заметно усилилось после покушения на Гитлера, когда Гудериан потребовал от каждого офицера генштаба стать офицером NSFO. Тем самым верховное командование озвучило на словах отказ от принципа единоначалия. Не случайно в августе 1944 года в письме начальника штаба NSF/OKW прозвучала мысль: *«После того как предатели уничтожены, не осталось никаких препятствий для решительной политизации вермахта»* (см. 36, с. 884).

По сути, Борман, под покровительством Гитлера, осуществил революцию в вермахте, заменив прежних командиров-комиссаров (по убеждению) на своих товарищей по партии. Постановка задач из партийного дома в армейские штабы упростилась до невозможности, даже язык общения с комиссарами в вермахте стал другим: *«Офицер национал-социалистического руководства отвечает в равной степени за выполнение войсковым командиром задач политического руководства — как помощник и консультант. Только боевые фанатичные националисты, неважно какого звания, могут успешно действовать как офицеры национал-социалистического руководства»* (см. 40, с. 484).

Правда, в военной среде комиссары так и не вызывали большого уважения. Отношение к революции внутри вермахта было «позитивно-выжидательным» (см. 6,

с. 99). В нововведениях проглядывалось прежде всего понятное для переутомленных войной командиров желание укрепить дух солдата. Но когда стало ясно, что за революционными изменениями стоят амбиции партии, новый институт был метко прозван «заздравная армия фюрера» («Heilsarmee des Führers»). В 1945 году офицеры NSFO в большей степени занимались не воспитанием, а лишь поддержанием падающего боевого духа: *«Каждый солдат несет солидарную ответственность за последствия и обязан сообщать об особых происшествиях, которые могут, в общем, повредить руководству войной... Тот, кто придерживает сообщения или препятствует их передаче, а также тот, кто сознательно передает дезинформацию, может рассчитывать на тяжелое наказание, в отдельных случаях — на смертный приговор»* (см. 40, с. 484—485).

Воздействие на население Германии от бомбардировок и от приближения фронта было очень сильным, и офицеры NSFO вовлекались также в работу с населением и в пропаганду тотальной войны. В последние месяцы войны появились разногласия между канцелярией Бормана и ОКВ в вопросах компетенций офицеров NSFO. Борман начал закулисную борьбу за вывод штаба национал-социалистического руководства из ОКВ под покровительство партийной канцелярии, желая усилить партийное влияние на кадровый подбор и на воспитательный процесс в войсках. Но эта борьба так и не была завершена.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

¹ Ермаков А. Оруженосцы нации. Вермахт в нацистской Германии. Москва: Яуза, Эксмо. 2006.

² R. Hachtmann, W. Suess. Hitlers Kommissare. Sondergewalten in der nationalsozialistischen Diktatur. Goettingen: Wallstein, 2006.

³ *V. Veltzke*. Kunst und Propaganda in der Wehrmacht. Bielefeld: Kerber 2005.

⁴ *V. Berghahn*. NSDAP und «Geistige Führung» der Wehrmacht 1939—1943. VfZ, Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 1/1969.

⁵ *M. Messerschmidt*. Militaergeschichtliche Aspekte der Entwicklung des deutschen Nationalstaates. Duesseldorf: Droste, 1988.

⁶ *A. Zoepf*. Wehrmacht zwischen Tradition und Ideologie. Der NS-Führungsoffizier im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt a.Main: Peter Lang, 1988.

⁷ Sammlung wehrrechtlicher Gutachten und Vorschriften, Heft 3. Koblenz: BA, 1965.

⁸ *F. Vossler*. Propaganda in die eigene Truppe. Die Truppenbetreuung in der Wehrmacht 1939—1945. Paderborn: Schoeningh, 2005.

⁹ Zur Geschichte des NSFO, eine Dokumentation. VfZ, Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 1/1961.

¹⁰ *K.-J. Müller*. Armee und Drittes Reich 1933—1939. Paderborn: Schoeningh, 1987.

¹¹ *M. Messerschmidt*. Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg: Deckers Verlag, 1969.

¹² Merkblatt: Der aktive Offiziersnachwuchs des Heeres im Kriege; Der aktive Offiziersnachwuchs der Luftwaffe im Kriege; Der Offiziersnachwuchs der Kriegsmarine. 1942—1943.

¹³ *Дашуцев В.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. Москва: Наука, 1973.

¹⁴ Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944 гг.). Москва: Экономика, 1985.

¹⁵ *E. Moritz*. Fall Barbarossa. Berlin: Deutscher Militärverlag, 1970.

¹⁶ Dokumente des Verbrechens. Aus Akten des Dritten Reiches. Berlin: Dietz, 1993.

¹⁷ *H.-A. Jacobsen*. Komissarbefehl: in Anatomie des Krieges. München: Walter-Verlag, 1967.

¹⁸ *H. Heer*. Stets zu erschossen sind Frauen, die in der Roten Armee dienen. Hamburg: Hamburger Edition HIS, 1995.

¹⁹ *N. Müller*. Okkupation, Raub, Vernichtung. Dokumente. Berlin: Deutscher Militärverlag, 1980.

²⁰ Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941—1944. Ausstellungskatalog Hamburg: Hamburger Edition HIS, 2002.

²¹ Война Германии против Советского Союза 1941—1945. Каталог выставки. Берлин: Stiftung Topographie des Terrors, 1994.

²² Sammelheft ausgewählter Vorträge und Reden. Berlin: Zentralverlag der NSDAP F.Eher, 1939.

²³ *R. Donnerwert*. Wehrmacht und Partei. Leipzig: Barth Verlag, 1941.

²⁴ *H. Ellenbeck*. Die Verantwortung des deutschen Offiziers. Tornisterschrift des OKW, Heft 45, 1941.

²⁵ *M. Staemmler*. Deutsche Rassenpflege. Tornisterschrift des OKW, Heft 29, 1941.

²⁶ Freizeitgestaltung der Truppe. Vorschläge und Anregungen. Tornisterschrift des OKW, Heft 63, 1942.

²⁷ Erziehung und Bildung im Heere. Inspektions des Erziehungs- u. Bildungswesens des Heeres, Heft 1, 1942.

²⁸ Weltanschauliche Erziehung und Geistige Betreuung im Heere. Sammelheft der Verfügungen und Richtlinien. OKH, 1941—1942.

²⁹ *B. Brehm*. Deutsche Haltung vor Fremden. Tornisterschrift des OKW, Heft 16, 1941.

³⁰ *F. Woweries*. Deutsche Fibel. Worte an Kameraden. Berlin: Limpert, 1941.

³¹ *Von Rabenau*. Geistige und seelische Probleme im jetzigen Krieg. Sonderschrift des OKW. Berlin: Zentralverlag der NSDAP F.Eher, 1940.

³² Sammelheft: Merkblätter zum Unterricht für den Kompanie-Führer. OKH, No.15, 11/1941.

³³ Schulungshefte fuer den Unterricht ueber nationalpolitische Weltanschauung und nationalpolitische Zielsetzung. OKW, Heft 5, 1939.

³⁴ *H. Volkmann*. Das Russlandbild im Dritten Reich. Köln: Bühlau, 1994.

³⁵ Die politische Erziehung in der Roten Armee. SS-Hauptamt, 1943.

³⁶ Das deutsche Reich. Bd.9, 1.Hb. München: Deutsche Verlagsanstalt, 2004.

³⁷ Offiziere des Fuehrers. OKW, 1.Heft, 1944.

³⁸ Der deutsche Soldat und die Frau aus fremdem Volksturm. Richtheftes des OKW, Heft 1, 1943.

³⁹ Mehr Mut zum Leben. Richtheftes des OKW, Heft 2, 1943.

⁴⁰ «Führer-Erlasse» 1939—1945. Stuttgart: Steiner Verlag, 1997.

⁴¹ «Военный разговорник и переводчик до 1945 года» (<http://sprachfuehrer.livejournal.com>)

⁴² «Вермахт против советского народа» (http://community.livejournal.com/drang_nach).

Дмитрий Лысков

«КАПУСТА» НА СЛУЖБЕ РЕВИЗИОНИЗМА

В чем смысл фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн? Как будто никто не сомневается, что основные ревизионистские произведения — продукт не истории, а идеологии. Но к чему нас эта идеология ведет?

Приведу пример, не слишком короткий, но важный для понимания. Не так давно я ввязался в дискуссию по теме «Раздел Польши в 1939 году». Спор шел интеллигентно, со ссылками на документы, соглашения и нормы международного права. На определенном этапе поняли, что оперируем одной и той же фактурой, но расходимся в ее оценках. Здесь прозвучал уникальный по своей полноте вопрос: *«Законодательно все понятно. Моральное рассмотрение недопустимо, исходя из того, что для поляков это будет удар в спину, для украинцев и белорусов освобождение, а что для нас? Для граждан современной России?»*

Это очень точно и закономерно сформулированный по итогам спора вопрос о самоидентификации. Без нее спор в принципе не может быть завершен. Национальное, если хотите, общепринятое видение вопроса есть у поляков, у украинцев, у белорусов. Его нет у нас.

Это вопрос курса, целеполагания. Невозможно, как пытались это сделать в 90-х, начать историю страны с чистого листа, отбросить оценки прошлого и от сего-

дняшнего дня поставить жирную исходную точку, указать курс — «мы идем туда». Указанный вектор неизбежно протянется от исходной точки назад, окрашивая события новейшей истории в соответствующие цвета.

То, что у нас до сих пор нет единой общепринятой точки зрения на события Второй мировой войны, означает, что общество раздроблено, не видит единого вектора развития, а следовательно, топчется на месте. Мы превращаемся в народ без истории, а вернее, рассыпаемся на множество социальных и национальных групп, выбирающих историю по своему усмотрению.

Многочисленные труды «историков»-фальсификаторов поддерживают такое состояние общества, представляя для него обильную пищу. Одной из ключевых тем, безусловно, являются события Великой Отечественной войны — возможно, последнего консолидирующего символа, пока еще единого для большинства жителей постсоветского пространства.

Почему СССР не ограбил Германию?

Неудивительно, что на теме ВОВ сконцентрировано такое внимание ревизионистов всех мастей. Оспаривается даже сама Победа. В ход идут аргументы и псевдоисторические, и идеологические, и экономические. Яркий пример — один из «последних» вопросов, который любят задать сторонники переписывания истории: «Почему тогда победители живут хуже побежденных?»

Действительно непростой вопрос, способный многих поставить в тупик. В ответ можно услышать рассуждения о плане Маршалла, сравнении экономик СССР и

западного блока, даже абсурдную в значительной мере аргументацию «потому, что мы и есть побежденные».

На полноценный ответ это не тянет, что не удивительно. В самой постановке вопроса скрыт подвох, он не подразумевает анализа соревнования экономических систем второй половины XX века. Понятия «победитель» и «побежденный» задают строгие границы области рассуждений, сводя ее к периоду окончания ВОВ, с одной стороны, и абстрактному «уровню жизни» — с другой.

Вопрос задевает нашу гордость и требует немедленного ответа: «Потому, что...» Вообще-то очевидно, что разоренный тотальной войной на своей территории Советский Союз физически не мог «жить лучше», чем побежденная Германия. Максимум, обе разоренные страны могли находиться примерно в равных условиях разрухи.

Так при каких условиях победитель — СССР — мог резко повысить уровень жизни своих граждан в результате Победы? Разграбив Германию, вывезя ценности, скот и урожай, оставив немцев пухнуть с голоду на картофельных очистках. Но это мотив фашистов, которые и планировали «жить лучше, чем побежденные» (причем большая часть побежденных не должна была жить вообще).

Советский Союз, напротив, одной из главных задач на оккупированных территориях ставил снабжение местного населения. 2 мая 1945 года (напомню, что бои за Рейхсканцелярию прекратились только в 15 часов 2 мая) член Военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенант Боков определял основные задачи военных комендатур в Берлине:

«Выявление и учет продовольственных запасов для снабжения населения района, пуск в ход коммунально-бытовых и пищевых предприятий: водопровода, электростанций, канализации, мельниц, пекарен, булочных, консервных заводов, кондитерских и т. д., организация торговли хлебом, картофелем, мясом и изделиями легкой промышленности по удовлетворению нужд населения, открытие бань, парикмахерских, больниц, аптек, швейных и сапожных мастерских [...] Продовольственные продукты отпускаются населению через магазины по карточкам, выданным бургомистрами районов (хлеба 150 г, картофеля 300 г на человека)»¹.

11 мая появилось Постановление Военного совета 1-го Белорусского фронта о снабжении продовольствием населения Берлина. В нем, в частности, говорилось:

«1. Исходя из установленных ГОКО норм снабжения продовольствием г. Берлина в среднем на одного человека в день: хлеба — 400—450 г, крупы — 50 г, мяса — 60 г, жиров — 15 г, сахара — 20 г, кофе натурального — 50 г (Выд. авт.), чая — 20 г, картофеля и овощей, молочных продуктов, соли и других продовольственных товаров — по нормам, установленным на месте, в зависимости от наличия ресурсов...

«2. Интенданту фронта к 20.00 14 мая с. г. доложить Военному совету свои соображения о возможных нормах и порядке выдачи молочных продуктов населению Берлина, а также о возможности передачи минимально необходимого самоуправлению Берлина молочного скота из числа трофейного (Выд. авт.)»².

Была ли у СССР установка грабить Германию? Присутствовал ли в Великой Отечественной войне мотив поднять жизненный уровень населения за счет поработанных или ограбленных немцев? Показательно, что

этот хитро сформулированный антисоветский вопрос использует именно фашистскую, а не советскую мотивацию, которая скрыта в нем под несколькими смысловыми слоями и остается незамеченной на первый взгляд.

Смысловая «капуста»

Это отнюдь не единственный пример подобных многослойных утверждений. На наших глазах разворачивается многоэтапная кампания под условным названием «советские солдаты на оккупированных территориях творили зверства не меньшие, чем вермахт в СССР». Особое внимание в рамках этой темы уделяется массовым изнасилованиям немцев, которые якобы происходили в Германии в 1945-м.

Грабежи, мародерство и беспричинные убийства мирного населения служат здесь хорошим дополнением — но и только. Оно и понятно: тема массовых изнасилований предпочтительнее с точки зрения пропаганды, оказывает мощное воздействие на общественное мнение, демонизируя врага, выводя его за рамки морали, этики, да и вообще за рамки понятия «человек».

Недаром ведомство Геббельса активно эксплуатировало эту тему, а совсем недавно мы могли воочию наблюдать использование все того же аргумента во время подготовки бомбардировок Югославии — уже со стороны США. На экраны даже вышло несколько «художественных» фильмов, в которых этим нехитрым приемом сербы были «исключены из человечества». Невозможно сочувствовать насилующему варвару, сочувствие всегда вызывает его жертва.

Образ ветерана является важнейшей и, что самое главное, персонифицированной составляющей образа Великой Отечественной войны. Поэтому неудивительны попытки представить солдата-освободителя в виде варвара, врывающегося в немецкие дома и насилующего все, что движется.

«Красноармейцам, по большей части малообразованным, были свойственны полная неосведомленность в вопросах секса и грубое отношение к женщинам...» — пишет в статье с говорящим названием «Они изнасиловали всех немок в возрасте от 8 до 80 лет» известный британский застрельщик темы Энтони Бивор³.

Статья изобилует жуткими подробностями о насилии в стенах монастыря, роддома (*«беременные и только что родившие были все изнасилованы без жалости»*), статистическими данными со ссылкой на «Один доктор подсчитал»: *«Хотя как минимум 2 миллиона немок были изнасилованы, значительная их часть, если не большинство, стали жертвами групповых изнасилований»*.

Творчество г-на Бивора не отличается ссылками на документы или хотя бы фамилии свидетелей. «Один доктор подсчитал» — типичный прием «исследователя», однако его работы находят живейший отклик в западных СМИ и отдельных изданиях на постсоветском пространстве. «Войска Красной Армии насильовали даже русских женщин, которых они освобождали из лагерей», — сообщает «The Daily Telegraph»⁴ со ссылкой на книгу «историка».

К 63-й годовщине Победы подсуенилось украинское издание «День» со статьей «У войны не женское лицо и не человеческое...»: *«Случалось, что некоторые части на-*

столько выходили из-под контроля, что жертвами их насилия становились даже украинские, русские, белорусские женщины, угнанные нацистами на территорию Германии»⁵.

Если кому-то кажется, что эти обвинения так и останутся достоянием ревизионистской публицистики, рекомендую обратить внимание на медленную «легализацию» утверждений Бивора:

«Маршал (так в тексте. — Авт.) Рокоссовский издал приказ № 006 с целью направить «чувство ненависти к врагу на поле брани». Это ни к чему не привело. Было несколько произвольных попыток восстановить порядок. Командир одного из стрелковых полков якобы «лично застрелил лейтенанта, который выстраивал своих солдат перед немкой, поваленной на землю». Но в большинстве случаев или сами офицеры участвовали в бесчинствах, или отсутствие дисциплины среди пьяных солдат, вооруженных автоматами, делало невозможным восстановление порядка», — пишет «историк» в уже цитированной статье «The Guardian» от 1 мая 2002 года.

Многократное повторение — один из базовых принципов вбивания информации в головы доверчивых граждан. И вот этот абзац практически дословно повторяется уже в «официальной» биографии маршала Рокоссовского на сайте уважаемой интернет-энциклопедии:

«В эти дни маршал Рокоссовский издал приказ № 006 с целью направить «чувство ненависти к врагу на поле брани». Со стороны Рокоссовского это были произвольные попытки восстановить порядок. [...] Были документы, подтверждающие, что некоторые командиры стрелковых полков якобы «лично стреляли в лейтенантов, которые выстраивали своих солдат перед немкой, поваленной на землю»⁵.

Тем, мимо кого прошел основной заряд обвинений, на будущее заготовлены особые «мины-ловушки». Достаточно посмотреть на современные русскоязычные интернет-обсуждения очередных «откровений» Бивора со товарищи. Здесь на каждом шагу можно встретить весьма патриотическую, на первый взгляд, позицию: «Мне нет дела до страданий немцев во время победоносного шествия советских войск!» Или такую: «Убежден, что это носило системный характер. И ничего особенного в этом не вижу. Война исполинских масштабов...» И даже: «Что жалеть немцев? И обсуждать это особо не надо, и каяться России не за что...»

Эти аргументы крайне привлекательны для людей, не имеющих серьезных исторических знаний (которых все же большинство). Их раз за разом бьют утверждениями Бивора, заставляя так или иначе искать оправдания действиям своих дедов. И тут же на блюде подносят готовый тезис: «Да немцы сами виноваты!»

Если на секунду задуматься, и здесь мы видим ту же «капусту», что и с победителями и побежденными. Аргумент «сами виноваты» означает, кроме прочего, автоматическое (но не явное) признание массовых грабежей и насилия солдатами РККА. «Да, насильствовали, но за дело» — так звучит этот тезис, если его переформулировать. Оправдание превращается в утверждение.

Моральный облик бойца РККА

Что поражает в работе ревизионистов, так это их страстная тяга к сочинительству. Дело здесь, видимо, в том, что ссылки на тайные источники, анонимных свидетелей, «нигде не публиковавшиеся факты» и т.д., при должной подаче, вызывают реакцию: «А власти скрывали!» Даже если «власти» ничего не скрывали, доказать

это агентам Малдерам от истории практически невозможно. Все же попробуем разобраться в интересующих нас событиях Великой Отечественной, опираясь на факты, а не домыслы.

В самом начале попробуем понять: кто вошел на территорию Германии, кто эти «по большей части малообразованные», по утверждению Бивора, красноармейцы, как воспитаны, какие исповедуют ценности, что считают должным, а что — недопустимым.

Как обстояли дела с образованием военнослужащих РККА, показывает Донесение начальника Политического Управления 1-го Украинского фронта о политико-воспитательной работе с новым пополнением из числа граждан, освобожденных из фашистской неволи от 7 апреля 1945 года:

«За время боев на территории Германии соединения и части фронта несколько восполнили свои боевые потери в людях за счет советских граждан призывного возраста, освобожденных из немецкой неволи. На 20 марта было направлено в части более 40 000 человек. [...] Почти все молодые бойцы имеют неполное или полное среднее образование и лишь незначительная часть с высшим и начальным образованием. Неграмотные или малограмотные составляют единицы. В числе 3870 человек, поступивших в феврале на пополнение частей соединения, где начальником политотдела генерал-майор Воронов, бывших военнослужащих 873 человека, вновь призванных в армию 2997 человек, в том числе 784 женщины. По возрасту: до 25 лет — 1922, до 30 лет — 780, до 35 лет — 523, до 40 лет — 422 и старше 40 лет — 223 человека. По национальности: украинцев — 2014, русских — 1173, азербайджанцев — 221, белорусов — 125, армян — 10, узбеков — 50 и других национальностей — 125 человек».

40 тысяч человек разных возрастов и национальностей — достаточно репрезентативный срез для того, чтобы составить мнение об уровне образования советского человека 40-х годов. Впрочем, не образование является определяющим. Фашисты творили на территории СССР немыслимые зверства — хоть и существует общее среднее образование в Германии со времен Бисмарка. Важно, что у человека за душой, какой моралью он руководствуется, какой идеологии придерживается.

Важный для нашей темы момент можно встретить в приказе И.В.Сталина, посвященном 24-й годовщине со дня основания Красной Армии (приказ № 55 от 23.02.42). В нем сказано: *«Иногда болтают в иностранной печати, что Красная Армия имеет своей целью истребить немецкий народ и уничтожить германское государство. Это, конечно, глупая брехня и неумная клевета на Красную Армию. [...] было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается.*

Сила Красной Армии состоит, наконец, в том, что у нее нет и не может быть расовой ненависти к другим народам, в том числе и к немецкому народу, что она воспитана в духе равноправия всех народов и рас, в духе уважения к правам других народов»⁶.

Но, может быть, это только слова? Зададимся вопросом: а хорошо ли знал Сталин Красную Армию, или выдавал желаемое за действительное? В записи воспоминаний ветерана ВОВ Зимакова Владимира Матвеевича читаем⁷:

«В Австрии, недалеко от немецкого Мюнхена, встретились с американцами и англичанами. Сначала 3—4 дня пьянствовали, а потом произошел эпизод. Наши ребята с

ними подрались из-за негра. Увидели, как один из них негра ударил и давай его лупить. [...] Наш комендантский взвод их всех растащил и провел границу, отведя войска из селения в лес».

Действительно, сейчас трудно представить себе такое поведение (воспитание с тех пор серьезно изменилось), однако нужно отдать должное — в отношении морального облика военнослужащих РККА Сталин в целом не ошибался. Собственно, ничего удивительного в этом нет, учитывая объемы и обстоятельность донесений Главного Политического Управления Красной Армии о «политико-моральном состоянии бойцов». Думаю, им позавидовали бы и нынешние социологи.

Вообще, рассматривая тему «зверств на немецкой территории», немаловажно помнить, сколь «заорганизованной» (как называли бы это сейчас) структурой была РККА. За соблюдением воинской дисциплины, морального и политического состояния бойцов следили как непосредственные командиры, так и политработники. Соблюдение законности контролировали особые отделы и органы военной прокуратуры. Кроме того, в частях действовали партийные и комсомольские организации.

Серьезную ответственность возлагали на бойцов труженики тыла. *«Мы показывали свою дисциплину, нам рабочие Южного Урала дали наказ: никакого мародерства. И ничего такого не было, потому что за нашей армией, за корпусом следили, приезжал на фронт первый секретарь челябинского обкома»,* — вспоминает ветеран Кулешов Павел Павлович⁸.

Влияние на морально-нравственное состояние бойцов оказывал также и возрастной состав частей и соединений. В одних окопах на фронте оказались отцы, сы-

новья и деды — серьезное отличие от современной призывной армии одногодок. О своеобразных «дядьках» при солдатах, учивших их уму-разуму, вспоминают многие ветераны. Артиллерист Марков Николай Дмитриевич рассказывает⁹:

«С этим пополнением пришел к нам солдат по имени Петр Андреевич Перетяшко, 13-го года рождения с хутора Дубровка Черниговской области... Это был действительно вояка. Самый настоящий пушкарь! Говорит мне: «Кацап ты! Я тебя научу, как воевать надо!» И действительно, нас, пацанов, учил, как надо воевать...

Был такой случай. У Петрова, солдата из Горького, шустренького парнишки, сапоги поносились, а там немец много побитых лежало. Он пошел и снял с убитого немца сапоги. Приходит и говорит: «Сапоги нашел!» Петя его и спрашивает: «Где ты взял?» — «С немца снял». И тогда Петя направил на него автомат: «Где взял, туда и положи. Ты знаешь, как это называется? Мародерство! Ходи босиком, но не бери».

Так было или не было?

В основном ветераны в своих воспоминаниях сходятся на том, что отношения военнослужащих Красной Армии и мирного населения на оккупированных территориях складывались нормально — насколько это вообще возможно в условиях боевых действий. Вспоминает артиллерист Назаров Борис Васильевич: *«Мародерством и насилием занимались тыловики... Те, кто был на переднем крае, население, как правило, не обижали, и население к нам неплохо относилось...» «Вокруг наших батарей было очень много немецких беженцев, безоружных немецких солдат, потерявших свои части. Отношение с ними было мирное, они нас даже подкармливали»¹⁰.*

Танкист Родькин Арсентий Константинович вспоминает, как в январе 1945 года в их часть пришел немец и принес коробки с нерозданными новогодними подарками. А Петр Ильич Кириченко вспоминает¹¹ такой случай, произошедший с ним в Пруссии: *«Я спускаюсь в подвал. Сначала темно, ничего не вижу. Когда глаза немного привыкли, увидел, что в огромном помещении сидят эти немцы, гул идет, детишки плачут. Увидели меня, все затихли и с ужасом смотрят — пришел большевистский зверь, сейчас он будет нас насилловать, стрелять, убивать. Я чувствую, что обстановка напряженная, обращаюсь к ним по-немецки, сказал пару фраз. Как они обрадовались! Потянулись ко мне, часы какие-то протягивают, подарки. Думаю: «Несчастливые люди, до чего вы себя довели. Гордая немецкая нация, которая говорила о своем превосходстве, а тут такое раболепство». Появилось смешанное чувство жалости и неприязни».*

Встречались и курьезные случаи. Так, в донесении начальника политического отдела 8-й гвардейской армии о поведении немецкого населения в занятых пригородах Берлина от 25 апреля 1945 г. говорится: *«В населенных пунктах Вильгельмсхаген и Рансдорф работают рестораны, где имеются в продаже спиртные напитки, пиво и закуски. Причем владельцы ресторанов охотно производят продажу всего этого нашим бойцам и офицерам на оккупационные марки. 22 апреля некоторые бойцы и офицеры побывали в ресторанах и покупали спиртные напитки и закуски. Часть из них поступала осторожно — в одном из ресторанов в Рансдорфе танкисты перед тем, как пить вино, попросили хозяина ресторана выпить его первым. Но некоторые военнослужащие поступают явно неправильно, разбрасываясь оккупационными марками. Например, литр пива стоит 1 марку, а отдельные военнослужащие платят по 10 — 20 марок, а один из офицеров отдал за литр пива дензнак достоинством в 100 марок. Начальник политотдела 28-й гв. ск полковник Бородин*

приказал владельцам ресторанов Рансдорфа закрыть рестораны на время, пока не закончится бой» (Выд. авт.).

Тем не менее тема отношений советских солдат и немецкого населения отнюдь не так однозначна. В донесении члена Военного совета 1-го Украинского фронта от 4 апреля 1945 года читаем: *«Отношение немецкого населения к Красной Армии на ранее занятой территории Германии остается враждебным. Они совершают диверсионные акты и помогают скрываться немецким солдатам, оставшимся в тылу войск фронта. Так, во время боев немецкое население города Штрэнгау всячески вредило нашим подразделениям...»*

Из донесения начальника политотдела 7-го гвардейского кавалерийского корпуса от 30 апреля 1945 года: *«В городе Ратенов, где действует 14-я гв. кавдивизия, имели место многие случаи явно враждебного отношения немцев из гражданского населения к нашим военнослужащим. [...]»*

27 апреля зам. командира 54-го гв. кавполка по политической части гв. майор Якунин, находясь в р-не действий 2-го эскадрона полка, вышел на улицу. С чердака соседнего дома раздалась автоматная очередь. Стреляла немецкая женщина из автомата. Якунин получил тяжелое ранение в руку, после чего умер. [...]

28 апреля командир батареи 76-мм орудий 54-го гв. кавполка 14-й гв. кавдивизии гв. ст. лейтенант Сибирцев, находясь на огневых позициях батареи в освобожденной части г. Ратенов, выстрелом с чердака был убит немцем 58 лет. В этот же день были ранены красноармеец 318-го гмп Карпов и гв. старшина м/с Мальчиков (54-й гв. кавполк) при следующих обстоятельствах: Карпов и Мальчиков стояли с гв. майором Колесовым далеко от передовой. В это время сзади, из дома, раздалась автоматная очередь, в результате чего Карпов и Мальчиков были ранены. При обыске в доме была обнаружена немецкая семья. Хозяин дома, старик, был захвачен с автоматом в руках.»

С другой стороны, нельзя отрицать и отдельных преступлений со стороны солдат Красной Армии. Приказ Рокоссовского, на который так любит ссылаться Бивор, появился не на пустом месте. Он, однако, вопреки утверждениям «историка», был не единственным и не первым. И.В.Сталин 19 января 1945 года подписал приказ № 04, который требовал не допускать грубого отношения к местному населению. Нужно, впрочем, отметить, этот приказ касался преимущественно проблемы «грабежей и барахольства», как это принято было тогда называть.

20 апреля 1945 года за подписью Сталина была издана Директива Ставки Верховного Главнокомандования об изменении отношения к немецким военнопленным и гражданскому населению. В ней от командующих войсками и членов военных советов требовалось *«изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше. Жесткое обращение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться»*.

Аналогичные, но более подробные директивы пошли в войска от военных советов фронтов.

У Ставки ВГК были серьезные основания для подобных приказов. Вот фрагмент записи воспоминаний ветерана Борисова Михаила Федоровича¹²: *«Желание мстить, когда вошли на немецкую территорию, было. Ребята иногда придут в дом, дадут очередь из автомата по разным портретам, по шкафам с посудой... И в то же время я видел своими глазами, как полевые кухни кормили местных жителей. [...] Вскоре после перехода границы Германии был издан приказ, регламентирующий поведение на оккупированной территории. Хотя до этого мы знали одно — убей немца и четыре года жили этим. Этот переход давался очень тяжело. Судили многих»*.

Его слова подтверждает доклад военного прокурора 1-го Белорусского фронта о выполнении директивы Ставки ВГК об изменении отношения к немецкому населению от 2 мая 1945 года: *«В отношении к немецкому населению со стороны наших военнослужащих, безусловно, достигнут значительный перелом. Факты бесцельных и [необоснованных] расстрелов немцев, мародерства и изнасилований немецких женщин значительно сократились, тем не менее даже и после издания директив Ставки Верховного Главнокомандования и Военного совета фронта ряд таких случаев еще зафиксирован.*

Если расстрелы немцев в настоящее время почти совсем не наблюдаются, а случаи грабежа носят единичный характер, то насилия над женщинами все еще имеют место; не прекратилось еще и барахольство, заключающееся в хождении наших военнослужащих по бросовым квартирам, собирании всяких вещей и предметов и т. д.».

При этом военная прокуратура, а следовательно, и Ставка не были склонны к самоуспокоению или самообману. В продолжении доклада говорится:

«Считаю необходимым подчеркнуть ряд моментов:

1. Командиры соединений и военные советы армий принимают серьезные меры к тому, чтобы ликвидировать факты безобразного поведения своих подчиненных, тем не менее отдельные командиры самоуспокаиваются тем, что некоторый перелом достигнут, совершенно забывая о том, что до их сведения доходят донесения только о части насилий, грабежей и прочих безобразий, допускаемых их подчиненными. [...]»

Здесь же, однако, отмечалось:

«2. Насилиями, а особенно грабежами и барахольством, широко занимаются репатриированные, следующие на пункты репатриации, а особенно итальянцы, голландцы и

даже немцы. При этом все эти безобразия сваливают на наших военнослужащих.

3. Есть случаи, когда немцы занимаются провокацией, заявляя об изнасиловании, когда это не имело места. Я сам установил два таких случая.

Не менее интересно то, что наши люди иной раз без проверки сообщают по инстанции об имевших место насилиях и убийствах, тогда как при проверке это оказывается вымыслом».

Действительно, на оккупированной территории военнослужащие РККА совершали преступления. К примеру, в цитированном выше докладе военного прокурора 1-го Белорусского фронта приводится 6 подобных случаев, выявленных за период с 22 по 25 апреля. «Можно привести еще целый ряд таких фактов и по другим соединениям», — пишет он.

Но нужно отметить и меры, принимаемые командованием для предотвращения безобразного поведения военнослужащих. «По получении директивы Ставки Верховного Главнокомандования и директивы Военного совета фронта военная прокуратура двумя шифротелеграммами и подробной директивой потребовала от военных прокуроров армий и соединений взять под личный контроль исполнение этих особо важных указаний и всеми мерами обеспечивать их выполнение.

Вслед за этим весь оперативный состав военной прокуратуры фронта выехал в армии и дивизии для проведения этой работы (Выд. авт.)» — значит в докладе.

Весьма показательный случай, дающий представление о мерах по борьбе с преступлениями со стороны военнослужащих, вспоминает ветеран Василий Павлович Брюхов¹³. Он рассказывает о судьбе своего сослуживца, командира танка лейтенанта Иванова с Бел-

городчины. Румыны сожгли его деревню, в подожженном сарае погибли жена Иванова и двое маленьких детей.

Часть оказалась на территории Румынии, в городе Крайово. *«Выпили и пошли с механиком искать молодку... Зашли в дом, в комнате молодка лет двадцати пяти сидит, пьют чай. У нее на руках полторагодовалый ребенок. Ребенка лейтенант передал родителям, ей говорит: «Иди в комнату», а механику: «Ты иди, трахни ее, а потом я». Тот пошел, а сам-то пацан, с девкой связи не имел. Он начал с ней шебуршиться. Она, видя такое дело, в окно выскочила и побежала. А Иванов стук услышал... Ну, он ей вдогонку дал очередь из автомата. Она упала. Они не обратили внимание и ушли...»*

На следующий день приходят ее родители с местными властями к нам в бригаду. А еще через день органы их вычислили и взяли — СМЕРШ работал неплохо... На третий день суд. На поляне построили всю бригаду, привезли бургомистра и отца с матерью... Объявили приговор: «Расстрелять перед строем. Построить бригаду. Приговор привести в исполнение...»

Бригадный особист, полковник, говорит нашему батальонному особисту, стоящему в строю бригады: «Товарищ Морозов, приговор привести в исполнение». Тот не выходит. «Я вам приказываю!». Тот пошел. Подошел к осужденному... говорит ему: «Встань на колени»... Встал на колени, пилотку сложил за пояс. «Наклони голову». И когда он наклонил голову, особист выстрелил ему в затылок. Тело лейтенанта упало и бьется в конвульсиях...»

В этой цитате хорошо прослеживается схема: получив сообщение от местных властей, особый отдел провел расследование, установив виновного. Суд приговорил его к расстрелу перед строем, несмотря на звание, авторитет (Василий Павлович подчеркивает, что Ива-

нов пользовался в части большим авторитетом), награды и героизм, проявленный в боях. Ветеран, рассказывая этот эпизод, описывает, какое удручающее впечатление произвела казнь на бригаду. Крайне жестокое, беспощадное, но весьма эффективное средство предотвращения преступлений со стороны военнослужащих. Сомневаюсь, чтобы в бригаде Брюхова в дальнейшем случались подобные инциденты.

«Конечно, проявления жестокости, в том числе и сексуальной, случались. Их просто не могло не быть после того, что фашисты натворили на нашей земле. Но такие случаи решительно пресекались и карались. И они не стали массовыми», — говорит в интервью газете «Труд»¹⁴ генерал армии, президент Академии военных наук Махмут Гареев.

Гекатомба победителей

В завершение еще раз рассмотрим тезис о массовости и системном характере сексуальных преступлений на оккупированных территориях — теперь уже через призму манипуляции цифрами статистики. В Интернете популярен и активно используется как сторонниками, так и противниками Бивора следующий тезис: *«Как свидетельствуют данные Главной военной прокуратуры, в первые месяцы 1945 года за совершенные бесчинства по отношению к местному населению были осуждены военными трибуналами 4148 офицеров Красной Армии»* — без ссылки на источник.

Вообще, пользоваться подобными тезисами как для защиты чего-либо, так и для обвинения не стоит: с одной стороны, слишком велик риск сесть в лужу, с другой — расплывчатые формулировки порождают самые невероятные инсинуации. Так, сторонники традицион-

ного взгляда на вещи кричат: «Видите, даже офицеров!» Ревизионисты восклицают: «И это только офицеров!» А самые хитрые из них приписывают в конце цитаты «и большое количество рядовых» — и отпускают в свободное плавание. Доказательство готово — если офицеров 4 тысячи, то сколько же это «большое количество рядовых»? Десятки тысяч? Вот вам и 2 миллиона изнасилованных немок.

За кадром, правда, остается вопрос, как РККА 1945 года пережила подобную гекатомбу — расстрел десятков тысяч рядовых и тысяч офицеров — и сохранила боеспособность.

Первоисточником информации про «4148 офицеров Красной Армии» является книга «Добыча. Тайны германских репараций» П.Н. Кнышевского. В ней приводятся значительно более точные данные — офицеры осуждены за период с января по март 1945 года, причем за должностные преступления, за хищения и имущественные преступления, за хулиганство и дискредитацию звания, за прочие преступления. То есть речь идет обо всех преступлениях вообще и наказаниях, начиная от взыскания.

Впрочем, раз и сторонников, и противников устраивает цифра в 4 тысячи и производные от нее — будем от нее отталкиваться. Сравните: в среднем около 1600 преступлений всех видов — от имущественных до хулиганства — фиксировалось в Вооруженных силах России в 2005 году¹⁵. Штатная численность ВС РФ — 1,2 млн человек.

В 1945 году только в Берлинской операции участвовали три фронта (1-й Белорусский, 1-й Украинский, 2-й

Белорусский) с общей численностью в 2,5 миллиона человек. За три месяца военной прокуратурой зафиксировано 4148 преступлений среди офицеров (при желании можно добавить сюда «десятки тысяч рядовых» — пары десятков хватит?). Нехитрыми математическими манипуляциями можно установить, что уровень преступности в современной армии мирного времени лишь вдвое меньше «чудовищного беспредела» РККА военного времени на территории Германии.

Похоже, тот «беспредел» носит системный характер по сей день, лишь немного снизив интенсивность.

В общем, есть над чем задуматься.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). М.: Терра, 1995, цит. по: http://militera.lib.ru/docs/da/berlin_45/index.html

² «The Guardian» 01.05.02, цит. по: <http://www.inosmi.ru/stories/01/12/06/3034/140671.html>.

³ <http://www.inosmi.ru/stories/02/07/18/3106/139996.htm>

⁴ «День», 28 апреля 2008, цит. по: <http://www.inosmi.ru/translation/241045.html>

⁵ <Http://www.km.ru/magazin/view.asp?id=25D62B6777A34A8F8B32A8A88D214A4C>

⁶ Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. М.: ТЕРРА, 1997, цит. по: <http://militera.lib.ru/docs/da/nko/index.html>

⁷ Драбкин А. Я дрался с панцерваффе. М.: ЯУЗА, ЭКСМО, 2007. С. 213.

⁸ Драбкин А. Я дрался на Т-34. Книга вторая. М.: ЯУЗА, ЭКСМО, 2008. С. 32.

⁹ Драбкин А. Я дрался с панцерваффе. М.: ЯУЗА, ЭКСМО, 2007. С. 85—86.

¹⁰ Драбкин А. Я дрался с панцерваффе. М.: ЯУЗА, ЭКСМО, 2007. С. 147, 152.

¹¹ *Драбкин А. Я дрался на Т-34. М.: ЯУЗА, ЭКСМО, 2007. С. 175—176.*

¹² *Драбкин А. Я дрался с панцерваффе. М.: ЯУЗА, ЭКСМО, 2007. С. 123.*

¹³ *Драбкин А. Я дрался на Т-34. М.: ЯУЗА, ЭКСМО, 2007. С. 215—216.*

¹⁴ Труд, № 132 от 21.07.2005.

¹⁵ Исходя из числа зафиксированных за 2005 год преступлений в Вооруженных силах (20 390), озвученного министром обороны Сергеем Ивановым на правительственном часе в Госдуме 15.02.06.

Максим Токарев

ТАЙНЫ ОРДЕНА ПОБЕДЫ

Самый крупный. Самый дорогой. Не самый редкий, но окутанный мифами и легендами гораздо больше, нежели все остальные советские ордена. Это — орден Победы.

Он был учрежден в 1943 году, когда до Победы оставалось еще полтора тяжелейших года войны, когда война шла лишь на нашей и по нашей земле. Но к этому времени народ уже был твердо убежден в том, что враг будет разбит, что победа будет за нами. И не только потому, что в 1943 году Красная Армия нанесла гитлеровской Германии стратегические поражения под Сталинградом и Курском, от которых Третий рейх оправиться уже не смог. Гитлер проиграл войну в тот момент, когда большинство обитателей шестой части суши, именуемой тогда Советским Союзом, твердо решили для себя: «При Сталине жизнь каждого отдельно взятого человека может быть тяжела, часто несправедлива и страшна. Но при Гитлере жить НЕЛЬЗЯ. А значит, все мы, независимо от отношения к советской власти, ее вождям, идеологии коммунизма, должны делать всё, чтобы защитить от врагов нашу страну. Нашу Родину, история которой началась не в 1917 году и не должна окончиться при нас».

Предошущения вечности и неразрывности истории России, а главное, ее преемственности появились в общественном сознании и были прозорливо услышаны и поддержаны в Кремле уже во второй половине 1930-х годов, когда руководство СССР уверилось в неизбежности грядущей большой войны. В 1938 году режиссер

Сергей Эйзенштейн снял великий фильм «Александр Невский», главным героем которого впервые в советском кино стал не просто полководец, но князь, единовластный и жесткий правитель, который именно благодаря своему характеру и воле сумел отразить натиск немецких рыцарей на Северо-Западную Русь в середине XIII века. В том же 1938 году режиссер Владимир Петров стремительно даже по современным меркам экранизировал только что опубликованный тогда роман Алексея Толстого «Петр Первый», где прославлялись историческая мудрость и мощь создателя Российской империи, прежде проклинаемого правоверными советскими историками-марксистами.

Однако эти фильмы, как и произошедшие в 1930-х годах подвижки в программах преподавания истории в вузах и школах, до 22 июня 1941 года не посягали на господствовавшую с первых дней советской власти в советской идеологии доктрину коммунистического интернационализма, призывавшую к «соединению пролетариев всех стран» во имя всемирной революции и уничтожавшую доблесть пролетариев, не говоря уже о крестьянах и прочих «классах собственников», когда речь шла о вооруженной защите их Отечества в досоциалистическую эпоху.

Начало коренному повороту в официальной советской идеологии положило выступление Сталина по Всесоюзному радио на двенадцатый день войны, 3 июля 1941 года. Уже самые первые фразы его речи шли вразрез с канонами наработанного в 1920—1930 годах «нового советского языка»:

«Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!»

«Братья и сестры...» Именно так в старину православные священники обращались с церковных алтарей к российским ратникам, поднимавшимся на войну за Веру, Царя и Отечество. За то самое Отечество, именем которого Сталин в своей речи 3 июля 1941 года впервые

назвал начавшуюся войну Отечественной, вложив в эти слова особый смысл:

«...История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период Первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск...»¹

Впервые почти за 25 лет советской власти в речи вождя прозвучало: французов в 1812-м и немцев в 1914-м году была не царская, а именно русская армия. Но в первые недели войны, стремительного продвижения гитлеровцев в глубь России, страшной мясорубки сражений на гигантском пространстве от Бреста до Смоленска и от Вильнюса до Ленинграда, все нюансы и подтексты выступления Сталина от 3 июля 1941 года еще не были восприняты народом во всей их глубине. Время осмысления новой правды, к которой пришли советские вожди, стремительно прозревая от былых шор марксистско-ленинских теорий, наступило поздней осенью 1941 года, когда враг стоял под Москвой и Ленинградом, а судьба Отечества висела на волоске. 7 ноября 1941 года, выступая с трибуны Мавзолея перед войсками, уходившими с парада на фронт, Сталин произнес, наверное, самую великую речь своей жизни:

«...Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят поработанные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне му-

жественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина! За полный разгром немецких захватчиков! Смерть немецким оккупантам! Да здравствует наша славная Родина, ее свобода, ее независимость! Под знаменем Ленина — вперед к победе!»²

В этот день впервые за всю предыдущую советскую историю в одном ряду с именем Ленина были упомянуты имена народных героев и полководцев Древней Руси, Московского царства и Российской империи, которых довоенная советская идеология и подчиненная ей официальная историческая наука именовали «виднейшими представителями эксплуататорских классов, сражавшимися за свои сословные интересы». Но 7 ноября 1941 года Сталин своим высшим авторитетом освятил истину, шедшую вразрез с прежними идеологическими построениями большевиков: удельные феодальные князья Александр Невский и Дмитрий Донской, купец Кузьма Минин и дворяне Дмитрий Пожарский, Александр Суворов и Михаил Кутузов были, независимо от их классовой принадлежности, нашими общими великими духовными предками, ибо сражались и побеждали во имя России, какой бы государственный строй ни существовал в нашей стране.

Тем самым впервые за всю советскую эпоху верховный советский вождь прямо и четко заявил о преемственности дореволюционной российской и советской истории и национального патриотизма. Эта идея получила свое дальнейшее предметное развитие летом 1942 года, когда в один и тот же день 29 июня 1942 года Указами Президиума Верховного Совета СССР были учреждены ордена Суворова, Кутузова и Александра Невского, предназначавшиеся в соответствии с их статутами для награждения за выдающиеся успехи в деле управления войсками и организацию победно завер-

шившихся боевых операций командиров Красной Армии от взводного и ротного звена (орден Суворова III степени, орден Александра Невского) до командующих армиями и фронтами (I степени орденов Суворова и Кутузова)³.

Примечательно, что указы об учреждении упомянутых орденов, вслед за аналогичным Указом Верховного Совета СССР от 20 мая 1942 года об учреждении ордена Отечественной войны I и II степеней, возрождали прерванную после 1917 года традицию Российской империи — последовательно награждать достойных персон орденами различных степеней, соответствовавших должностному уровню награждаемых. Нужно отметить и то, что возрожденный летом 1942 года орден Александра Невского как высокая (и не имевшая степеней) награда, присуждавшаяся, как правило, за военные заслуги, прежде был одним из высших и самых старых орденов в Российской империи. Под названием ордена Святого Александра Невского он просуществовал с 1725 года до вступления в силу 11 (24) ноября 1917 года Декрета «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», совместно принятого первыми высшими законодательным и исполнительным органами советской власти — Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом (ВЦИК) и Советом Народных Комиссаров (СНК).

К слову, распространенное в современной популярной литературе утверждение о том, что якобы именно вышеупомянутый декрет, принятый на третий день Октябрьской революции СНК во главе с В.И. Лениным и ВЦИКом во главе с Я.М. Свердловым, упразднил все дореволюционные ордена, медали и другие знаки отличия, представляется весьма спорным⁴.

Указанный декрет, как следует из его содержания, отменял все прежде существовавшие в России «сословные привилегии и ограничения», в т.ч. и те из них, которые были связаны с награждением тем или иным орденом Российской империи⁵. Что касается единой на-

градной системы царской России, то, фактически прекратив свое действие на территории молодой Российской Советской Республики уже в первый день ее существования 26 октября (8 ноября) 1917 года, она была юридически ликвидирована 9 января 1919 года, когда постановлением Народного Комиссариата имуществ РСФСР был упразднен основанный еще императором Павлом I в 1797 году Капитул российских императорских и царских орденов — государственное ведомство, уполномоченное регулировать все вопросы, связанные с учреждением, награждением и прекращением существования орденов Российской империи⁶.

Как известно, отказавшись от наградной системы царской России, а также от прежней системы воинских чинов и званий, молодая Советская Республика уже в сентябре 1918 года учредила свой первый орден Красного Знамени РСФСР, вручавшийся «гражданам РСФСР, проявившим особую храбрость и мужество при непосредственной боевой деятельности». В декабре 1920 года VIII Всероссийский съезд Советов учредил орден Трудового Красного Знамени РСФСР «в целях отличия перед всей Республикой Советов тех групп трудящихся и отдельных граждан, которые проявили особую инициативу, трудолюбие и организованность в разрешении хозяйственных задач». Аналогичные боевые и трудовые ордена Красного Знамени в 1920—1922 годах были учреждены правительствами ряда союзных и автономных советских республик.

После образования СССР в декабре 1922 года на смену всем созданным к тому времени республиканским наградам были созданы общесоюзные ордена Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, к которым позднее добавились ордена Ленина и Красной Звезды (апрель 1930 года), звания и, соответственно, медали Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда (1934 и 1938 годы), орден «Знак Почета» (ноябрь 1935 года), медали «За отвагу», «За боевые за-

слуги», «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие» (1938 год).

Наряду с формированием советской наградной системы, особенно активно развивавшейся с середины 1930-х годов, т.е. накануне Второй мировой войны, в тот же период в Советском Союзе, прежде всего в армии и на флоте, состоялись и другие нововведения, имевшие прямую либо опосредованную связь с обычаями и традициями Российской империи. Так, уже в 1935 году на смену существовавшим еще со времен Гражданской войны воинским званиям, производным от соответствующих должностей («взводный командир», «ротный командир») и т.п., были введены персональные воинские звания: «лейтенант», «старший лейтенант», «капитан», «майор», «полковник», а также устанавливались соответствующие им новые знаки различия и образцы армейской униформы.

«В целях поднятия авторитета высшего командного состава и укрепления единоначалия» указами Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 года на смену воинским званиям комбрига (командира бригады), комдива (командира дивизии), комкора (командующего корпусом), командарма (командующего армией) 2 и 1 ранга были введены генеральские звания. Указ Верховного Совета СССР от 2 ноября 1940 года ввел персональные воинские звания для рядового и младшего начсостава РККА — «ефрейтор», «младший сержант», «сержант», «старший сержант»⁷.

Как уже было сказано выше, начало Великой Отечественной войны дало мощный импульс подъему народного патриотизма, возвращению массового сознания народов Советского Союза к объединяющим их духовным ценностям, в поддержку которых все чаще и громче высказывалось и высшее руководство страны. В трудные дни осени 1942 года, когда в степях под Сталинградом разворачивалось решающее сражение всей Второй мировой войны, Верховный Главнокомандующий И.В. Ста-

лин впервые обсудил с тогдашним начальником Генерального Штаба Красной Армии Борисом Михайловичем Шапошниковым — самым высокопоставленным из служивших в то время Родине офицеров царской армии, бывшим полковником Главного штаба Российской империи, ставшим Маршалом Советского Союза, — идею об учреждении новой военной формы и знаков различия по старым образцам Российской императорской армии.

Примечательно, что изначально Сталин намеревался дать погоны как особые знаки различия лишь военнослужащим гвардейских частей, возрожденных в Красной Армии Приказом Верховного Главнокомандующего № 308 от 18 сентября 1941 года:

«В многочисленных боях за нашу Советскую Родину против гитлеровских орд фашистской Германии 100, 127, 153 и 161-я стрелковые дивизии показали образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности. В трудных условиях борьбы эти дивизии неоднократно наносили жестокие поражения немецко-фашистским войскам, обращали их в бегство, наводили на них ужас... За боевые подвиги, за организованность, дисциплину и примерный порядок указанные дивизии переименовать в гвардейские дивизии, а именно: 100-ю стрелковую дивизию — в 1-ю гвардейскую дивизию. Командир дивизии — генерал-майор Руссиянов. 127-ю стрелковую дивизию — во 2-ю гвардейскую дивизию. Командир дивизии — полковник Акименко. 153-ю стрелковую дивизию — в 3-ю гвардейскую дивизию. Командир дивизии — полковник Гаген. 161-ю стрелковую дивизию — в 4-ю гвардейскую дивизию. Командир дивизии полковник Москвитин...

Всему начальствующему (высшему, старшему, среднему и младшему) составу с сентября с. г. во всех четырех гвардейских дивизиях установить полуторный, а бойцам двойной оклад содержания. Начальнику тыла Красной Армии разработать и к 30 сентября предста-

вить проект особой формы одежды для гвардейских дивизий...»⁸

Последний из пунктов приказа Сталина в ту тяжелейшую осень 1941 года выполнить не удалось. Перед всеми службами Красной Армии, включая созданный 1 августа 1941 года штаб тыла Красной Армии, курировавший разработки всех новых видов обмундирования, знаков различия и отличия и т.п., тогда стояли гораздо более важные и срочные задачи. Это понимал Сталин. Это понимал и бессменный руководитель тыла Красной Армии военного времени генерал-полковник А.В. Хрулев.

Для справки: Хрулев Андрей Васильевич (1892 — 1962). Родился в крестьянской семье в Ямбургском уезде Петроградской губернии. Работал слесарем на Прохоровском заводе (Петроград). С 1917-го — в Красной гвардии, участник штурма Зимнего дворца. В 1918 году вступил в РКП(б). Во время Гражданской войны был начальником политотдела, комиссар кавалерийской 11-й дивизии в составе 1-й Конной армии. До 1930 года занимал руководящие должности в политуправлении РККА. В 1930—1939 годах последовательно возглавлял Центральное военно-финансовое управление РККА, строительно-квартирное управление РККА, Главвоенстрой при Совнаркоме СССР. С октября 1939 года — начальник Управления снабжений РККА. С августа 1940 года — главный интендант РККА. После начала Великой Отечественной войны в августе 1941 года назначен заместителем Наркома обороны и начальником Главного управления тыла РККА. Одновременно с марта 1942-го по февраль 1943 года — Нарком путей сообщения СССР. Руководил снабжением РККА, а также разработкой новых знаков отличия и мундиров. С 1946 года — начальник тыла Вооруженных Сил СССР и замминистра Вооруженных Сил СССР по тылу. Во время проведенной Сталиным чистки высшего комсостава в 1951 году был снят со своего поста и переведен на должность замминистра промышленности строительных материалов СССР. Затем был

замминистра автомобильного транспорта и шоссейных дорог СССР (1953—1956), замминистра строительства СССР (1956—1957). С 1958 года — военный инспектор — советник в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Прах погребен в Кремлевской стене.

Однако после разгрома гитлеровцев в Московской битве в декабре 1941 года командование РККА вернулось к замыслу ввести особые знаки отличия для гвардейских частей. Разработку их проектов руководство штаба тыла Красной Армии поручило художнику Сергею Ивановичу Дмитриеву, который еще в конце 1930-х годов создал эскиз сохранившейся до наших дней в наградной системе России медали «За отвагу». Из подготовленных им эскизов Хрулёв, а затем и Сталин утвердили один из самых простых, внешне напоминавший орден Красного Знамени — овальный знак, представлявший собой пятиконечную звезду в обрамлении лаврового венка, осененную Красным знаменем с надписью: «Гвардия».

Нагрудный знак «Гвардия», опять-таки следуя традициям Российской императорской армии, все гвардейские части которой имели особые нагрудные знаки, был определен символом отличия гвардейских частей Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 мая 1942 года — на следующий день после учреждения ордена Отечественной войны⁹.

Установив этот знак отличия для гвардейских частей, советское руководство вскоре решило ввести, точнее, возродить отмененные в 1917 году погоны как знаки различия гвардейцев. Но вскоре Сталин пришел к мысли об уместности введения погон для всех без исключения военнослужащих — как символа преемственности славных воинских традиций Российской императорской и Красной Армий и одновременно как коллективной награды за массовое мужество и доблесть, проявленные

в тяжелейших боях 1941—1942 годов. Официально эти новые знаки различия были введены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1943 года и последовавшим за ним приказом Наркома обороны СССР И.В. Сталина от 15 января 1943 года за № 25.

Наряду с самими погонами упомянутые указ и приказ предписывали «внести необходимые изменения в форму одежды личного состава Красной Армии». До весны 1943 года это поручение было главной задачей для всех ответственных за его исполнение сотрудников Технического комитета Главного интендантского управления Красной Армии — головной структуры по созданию новых образцов униформы, знаков различия и наград для всех Вооруженных Сил СССР. А летом 1943 года Технический комитет приступил к новой важной задаче — созданию проектов новых боевых наград для Красной Армии, к тому времени окончательно повернувшей войну на Запад.

Коренной перелом в Великой Отечественной войне, произошедший летом 1943 года в ходе гигантского сражения на Курской дуге, стал новым вдохновляющим стимулом для многих россиян, среди которых был и мало кому известный тогда сотрудник штаба тыла Красной Армии полковник Николай Сергеевич Неёлов.

Для справки: Неёлов Николай Сергеевич (1901—1989). Выходец из небогатого, но древнего и славного дворянского рода, известного с XIV века. Неёловы были в родстве с Пушкиными — одна из двоюродных теток великого поэта, внучка «арапа Петра Великого», Анна Абрамовна Ганнибал была женой коменданта Кронштадтской военноморской крепости генерал-майора Семена Степановича Неёлова. Его кузен Илья Васильевич Неёлов был прекрасным архитектором — именно он создал общий проект загородной императорской резиденции в Царском Селе и лично спроектировал здание будущего Лицея.

Дед Николая Сергеевича — Виктор Владимирович Неёлов — был харьковским помещиком, слыл меценатом, в его доме находили приют и радушный прием именитые русские актеры. Очевидно, это сыграло свою роль в том, что из семи детей Виктора Владимировича (четыре сына и три дочери) пятеро избрали сценическое поприще. Самым известным из них стал старший сын Виктора Владимировича и родной дядя Николая Сергеевича — друг и драматический наставник великого Шаляпина, всемирно известный трагик Мамонт Дальский (Неёлов). Родной отец Николая Сергеевича Неёлова, взявший себе псевдоним Сергей Ланской, также имел в начале XX века большую сценическую известность.

Военная и творческая составляющие причудливо переплелись в судьбе самого Николая Сергеевича Неёлова. Следуя родовым традициям, едва достигнув 10-летнего возраста, юный Николенька был направлен на учебу в ближайший к дому Сумской кадетский корпус. Он закончил его в 1917 году, но продолжить военное образование в юнкерском училище и получить заветные офицерские погоны не успел — помешали стремительные революционные события 1917 года. Чтобы прокормить себя и родителей, переехавших к тому времени в Саратов, Николай поступил там работать на железную дорогу. Эта деятельность и круг общения Николая Сергеевича определили сделанный им раз и навсегда выбор места в жизни и обществе, расколотом Гражданской войной.

Едва достигнув 17-летия, Николай Неёлов добровольцем вступил в Красную Армию. Отменная начальная подготовка вкупе с личной храбростью и безусловными командирскими талантами обусловили его быстрый карьерный рост. Уже в 18 лет Неёлов командовал эскадроном, служил в кавалерийской дивизии легендарного красного героя Гражданской войны Александра Пархоменко. Состоявшееся тогда знакомство с создателями 1-й Конной армии — Буденным, Ворошиловым, Щаденко — помогло Неёлову делать дальнейшую военную карьеру, невзирая на

«неправильное» по меркам 1920—1930-х годов социальное происхождение.

В 1932 году Неёлов вступил в партию, в 1934 году был зачислен слушателем в высшую Военную общевоинскую академию имени Фрунзе. В 1936 году Неёлова перевели во вновь организованную Военно-хозяйственную академию РККА в Харькове, которую он окончил в 1938 году, получив диплом с отличием. Великую Отечественную войну Неёлов встретил под Смоленском, в штабе Западного фронта. За участие в боевых действиях в самый трудный первый год войны, когда офицеров наградами не баловали, Николай Неёлов заслужил два ордена — Красного Знамени и Красной Звезды. В 1942 году лично знавший его А.В. Хрулёв добился перевода полковника Неёлова для работы в главном штабе тыла Красной Армии.

В 1944 году Н.С. Неёлов был назначен заместителем начальника по учебной работе в созданное тогда Тамбовское суворовское училище, где пользовался всеобщим уважением и любовью командиров и воспитанников, будучи главным хранителем и ревнителем кадетских традиций, унаследованных советскими суворовцами. Выйдя в отставку в 1956 году, Неёлов переехал в Ленинград, где более 30 лет проработал заместителем директора на киностудии «Ленфильм».

Вот как рассказывал сам Николай Сергеевич о начале работ над орденом Победы в своих воспоминаниях:

«...Я неплохо знал старую наградную систему России и сопоставил ее с нашей — тех военных дней. Разные, думаю, есть у нас уже ордена и медали — солдатские, офицерские, генеральские. Но должен же быть и какой-то высший военной орденом?! — командующим фронтами, знаменитым военачальникам. Ведь дела многих из них яркими страницами вошли в историю полководческого искусства. Просмотрел альбомы старых русских наград, сделал несколько эскизов и, наконец, придумал, как мне казалось, приемлемый вариант такого ордена...»¹⁰

Первый эскиз, подготовленный Неёловым, напоминал старинные русские ордена. Основу награды составляли две наложенные друг на друга пятиконечные звезды — золотая и рубиновая. В центре ордена, представлявшего собой 10-конечную звезду, располагался круг с вписанными туда профильными изображениями Сталина и Ленина, которые обрамляла круговая надпись: «За верность Родине».

В июле 1943 года Неёлов показал уже готовый эскиз А.В. Хрулёву. Как следует из логики дальнейших событий, начальник тыла Красной Армии Андрей Васильевич Хрулёв доложил об этой идее лично Сталину. Во всяком случае, полномочий самого генерала армии Хрулёва вряд ли хватило бы для размещения заказа на изготовление опытных образцов ордена не на созданном в апреле 1942 года Московском монетном дворе (наряду с монетами там чеканились самые распространенные тогда боевые награды — ордена Красной Звезды, Отечественной войны и медали «За отвагу» и «За боевые заслуги»). И не на заводе «Технохимик» (ныне «Победа»), существующем с 1925 года крупнейшем столичном производстве нагрудных знаков для государственных структур, где в 1942 году был впервые налажен выпуск нагрудных знаков «Гвардия».

Местом изготовления опытного образца в то время еще безымянного полководческого ордена по эскизу полковника Неёлова была избрана Московская ювелирно-часовая фабрика (МЮЧФ) (ныне Московский экспериментальный ювелирный завод МПО «Ювелирпром»), размещавшаяся тогда в самом центре столицы по соседству с грозной Лубянкой — в доме № 17 на Пушкинской улице. Именно МЮЧФ, где в ту пору работало около 300 специалистов, в то время вполне заслуженно считалась самым качественным ювелирным производством СССР. Достаточно сказать, что костяк мастеров-ювелиров и технологов фабрики имел опыт работы еще на «досюветских» ювелирных фирмах Фаберже, Овчин-

никова, Оловянишникова, братьев Грачевых. То, что драгоценные камни для изделий фабрики поставлялись из Гохрана, входившего в то время в структуру НКВД СССР, позволяло обеспечить, с одной стороны, секретность выполняемых фабрикой заказов, а с другой — избежать каких-либо злоупотреблений с сырьем для изготовления будущего полководческого ордена.

«Летом 1943 года у меня в кабинете неожиданно появились несколько военных, в том числе со знаками различия НКВД, привезли эскиз какого-то особенного ордена, — впоследствии вспоминал тогдашний директор фабрики Е.С. Верновский. — Я вызвал специалистов: начальника цеха изделий из золота И.Ф. Казеннова и его однофамильца П.К. Казеннова, Д.Н. Арданова, А.О. Государева, П.М. Максимова, С.Н. Орлова — старейших, замечательных ювелиров еще с дореволюционной выучкой. Приехавшие товарищи объяснили — что это будет за награда. Посмотрели мастера рисунок (а среди них были и опытные ювелиры-художники), посоветовались и говорят: раз такое дело, можно орден и получше, побогаче сделать — с бриллиантами. И предложили дать свои соображения по этому вопросу...»

В то же время к разработке вариантов будущей награды, более богатых по оформлению, был привлечен художник Александр Иванович Кузнецов, уже известный тогда как автор рисунка ордена Отечественной войны.

Для справки: Кузнецов Александр Иванович (1894—1975) родился в Петербурге, в семье портного-закройщика. Занимался в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, работал зарисовщиком моделей. В 1915 году мобилизован в армию. С 1918 года работал в отделе вооружения при Кисловодском совдепе. Через год был призван

в ряды Красной Армии. Участвовал в боевых действиях на польском фронте. С 1923 года работал в Москве художником-моделистом. В 1942 году стал старшим художником в Техническом комитете Главного интендантского управления Красной Армии, долгое время был связан с разработкой форм обмундирования и воинских знаков различия. По его проектам изготовлены медали «За оборону Советского Заполярья», «За освобождение Варшавы», «За освобождение Белграда», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Вены», «В память 800-летия Москвы».

Общий контроль над работой Неёлова и Кузнецова в то время осуществлял лично генерал-майор Семен Владимирович Агинский — начальник Технического комитета Главного интендантского управления Красной Армии — главного военного учреждения по разработке новых видов обмундирования и знаков различия для Советских Вооруженных Сил.

Для справки: Агинский Семен Владимирович (1896—1975), председатель Технического комитета ГИУ Красной Армии (февраль 1942 года), генерал-майор интендантской службы (ноябрь 1943 года). Учился в Киевском коммерческом училище (1915), окончил военно-хозяйственное отделение при Московском институте народного хозяйства им. Г.В.Плеханова (1930). Член ВКП(б) с декабря 1940 года. 30 мая 1951 года уволен в запас. Во время войны непосредственно ведал работами по созданию орденов и медалей.

20 июля 1943 года Кузнецов сделал свои первые рисунки будущего высшего полководческого ордена под условным названием «За верность Родине», взяв за основу эскиз Неёлова и щедро добавив в композицию награды драгоценных камней.

Еще одним разработчиком проектов будущей высо-

кой награды в то время был молодой художник-архитектор Технического комитета Игорь Сергеевич Телятников. До войны он работал над проектами павильонов Всесоюзной Сельскохозяйственной выставки (ВСХВ) — нынешнего Всероссийского выставочного центра (ВВЦ) в Останкино, в 1941—1942 годах занимался оборонным строительством, а попутно создал проект ордена Александра Невского. С подачи генерала С.В. Агинского Телятников также подготовил несколько вариантов рисунков будущего полководческого ордена. Вероятно, именно ему принадлежала идея сделать размеры будущей награды примерно на треть больше, чем у утвержденных к тому времени орденов, дабы подчеркнуть значительность нового знака высших воинских отличий.

30 августа 1943 года Сталин лично заслушал генерала Хрулёва по многим вопросам, связанным с состоянием тыла Красной Армии. В числе других предложений, подготовленных для утверждения Верховным Главнокомандующим, А.В. Хрулёв показал ему наработанные к тому времени проекты полководческого ордена «За верность Родине». В целом согласившись со статутом и эскизами будущей награды, Сталин распорядился добавить на орденский знак драгоценных камней и, что самое главное, дать ордену короткое название «Победа». А затем вождь, как бы спрашивая Хрулёва, а на самом деле размышляя вслух, сказал:

— Что, у нас воюют только генералы? Воюют солдаты, а мы награждаем только генералов. Это неправильно. Нужно подумать над наградой для солдат. Называться она будет, предположим, именем героя Отечественной войны 1812 года Багратиона. Лишь после нее мы рассмотрим проект награды для генералов.

Поскольку это (как, впрочем, и все остальные) личное пожелание Верховного Главнокомандующего имело силу важнейшего приказа, уже на следующий день в

Техническом комитете Главного интендантского управления Красной Армии была создана рабочая группа по созданию награды для советских солдат, проявивших летом 1943 года массовый героизм в ходе ожесточенных сражений на Курской дуге. Члены группы — уже упоминавшийся художник и архитектор И.С. Телятников, его коллеги Б. Бархин и Н. Москалев, график Ф. Малиновский — и другие работники Технического комитета всего за месяц изготовили 26 эскизов ордена Багратиона. Начальник тыла Красной Армии генерал армии А.И. Хрулёв отобрал из них четыре лучших и 2 октября 1943 года представил их для оценки Сталину.

Верховному Главнокомандующему и специально приглашенным им для обсуждения новой награды членам Ставки понравилась орденская лента Багратиона — три черные и две оранжевые полосы — цвета пламени выстрелов и порохового дыма, скопированные с ленты существовавшей с 1807 года высшей солдатской награды Российской императорской армии — Георгиевского креста. По аналогии с правилами награждения Георгиевским крестом, введенными в 1856 году, изначально предполагалось, что и новый солдатский орден должен будет иметь четыре степени, награждение которыми следовало производить последовательно, по мере совершения новых подвигов.

Из четырех проектов Сталин отдал предпочтение замыслу тогдашнего главного художника Центрального Дома Красной Армии Николая Ивановича Москалева, предложившего сделать награду в форме пятиконечной звезды, в центре которой размещался бы выпуклый профиль Багратиона. Одобрив эту идею в целом, Сталин тогда же дал указание продолжать разработку полководческого ордена Победы и сменить изначально предложенное им же название солдатской награды с «Багратиона» на орден Славы:

— Мы говорили и об ордене Победы. Но победа не

может быть без славы... Так и назовем новый солдатский орден.

Всего за три дня Москалев внес в эскиз новые правки: на ордене появилось слово «Слава», давшее потом имя новой государственной награде, а в центре барельеф Багратиона Москалев заменил сталинским. Но когда Хрулёв вновь показал работу Москалева Сталину 8 октября 1943 года, тот, посмотрев внимательно на свое изображение, сказал:

— Это не годится, убрать. У нас есть Спасская башня. Это символ и Москвы, и всей страны. Вот Спасскую башню и надо поместить в центр ордена!

Кроме того, Сталин предложил установить не четыре, как изначально предполагалось, а всего три степени ордена Славы. Это более соответствовало советской наградной системе, все прежние ордена которой имели не более трех степеней¹¹.

Что касается ордена Победы, то на рабочем совещании 8 октября Сталин вновь напомнил о нем главному куратору работ по созданию новых наград генералу армии Хрулёву. К тому моменту вся полнота ответственности за создание итогового эскиза была возложена на художника А.И. Кузнецова, главным технологическим консультантом которого тогда являлся начальник цеха изделий из золота Московской ювелирно-часовой фабрики И.Ф. Казеннов.

*Для справки: **Казеннов Иван Федорович** (1889—1969). Начал трудовую жизнь в 13 лет подмастерьем на фирме Фаберже. Проявив выдающиеся способности, стал мастером-ювелиром с личным клеймом качества в возрасте 17 лет в 1906 году. После Октябрьской революции работал в артели ювелиров «Красный металлист», образованной бывшими работниками закрывшейся тогда фирмы Фаберже. В 1935 году стал начальником цеха золотых изделий на Московской ювелирно-часовой фабрике. В 1940*

году участвовал в создании первых советских маршальских звезд. Осенью 1941 года в составе дивизии народного ополчения Дзержинского района Москвы два месяца находился на фронте под Ельней и Вязьмой.

Учитывая советы ювелира-практика Казеннова, художник Кузнецов изготовил десять новых эскизов ордена Победы. Все проектные рисунки имели в своей основе изображение красной пятиконечной звезды, украшенной бриллиантами. На разных эскизах в центральном круглом медальоне варьировались одни и те же изображения: Государственный герб СССР, развернутое красное знамя, серп и молот, Спасская башня Кремля, профили В.И. Ленина и И.В. Сталина. Генерал Хрулёв одобрил последний из этих эскизов 18 октября — и уже на следующий день доложил о нем Сталину. Как и в случае с первоначальным вариантом ордена Багратиона, Сталин распорядился удалить из круга в центре ордена Победы двойное изображение своего и ленинского профилей, поместив вместо них либо герб СССР, либо Спасскую башню с фрагментом Кремлевской стены.

Следуя этим предложениям, художник Кузнецов подготовил семь новых эскизов с учетом возможностей и технологии ювелирного дела. 23 октября Сталин отобрал из них один окончательный вариант. При этом он пожелал увеличить в размерах вписанное в круг в центре ордена изображение Спасской башни и части Кремлёвской стены, наложив их на голубой эмалевый фон, а также уменьшить штралы (сияния) между концами пятиконечной звезды, составлявшей основу орденского знака.

После того как всего за один день Кузнецов внес в эскиз последние поправки, изображение ордена Победы было передано мастеру-ювелиру Ивану Федоровичу Казеннову для изготовления пробного экземпляра орде-

на из платины, бриллиантов и рубинов на Московской ювелирно-часовой фабрике.

5 ноября 1943 года окончательный эскиз и представленный образец ордена были одобрены правительством. Переливающийся бриллиантами орденский знак настолько понравился Сталину, что он тут же поручил руководству Московской ювелирно-часовой фабрики изготовить 30 экземпляров ордена. Три дня спустя, 8 ноября 1943 года, в разгар всенародного празднования 26-й годовщины Великого Октября, тогдашний Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин подписал Указ об учреждении новой, высшей военной награды. Вот его текст.

ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ОРДЕНА ПОБЕДЫ

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

1. Учредить для награждения лиц высшего командного состава Красной Армии высший военный орден Победы.
2. Утвердить статут ордена Победы.
3. Утвердить описание ордена Победы.
4. Для награжденных орденом Победы учредить, в знак особого отличия, мемориальную доску для внесения на нее имен кавалеров ордена Победы. Мемориальную доску установить в Большом Кремлевском дворце.

СТАТУТ ОРДЕНА ПОБЕДЫ

1. Орденом Победы как высшим военным орденом награждаются лица высшего командного состава Красной Армии за успешное проведение таких боевых операций в масштабе нескольких или одного фронта, в результате которых в корне меняется обстановка в пользу Красной Армии.

2. Награждение орденом Победы производится только Указом Президиума Верховного Совета СССР.

3. Орден Победы носится на левой стороне груди на 12—14 см выше пояса¹².

Комментируя последний пункт о правилах ношения ордена Победы, следует отметить две уникальные особенности. Во-первых, хотя этот орден был оборудован штифтовым креплением, т.е. штифтом с гайкой, он в отличие от всех остальных советских орденов с таким креплением носился на левой, а не на правой стороне груди. Во-вторых, являясь высшей государственной наградой, орден Победы, опять-таки вопреки устоявшимся традициям для этой категории наград, носился не выше, а ниже всех остальных орденов и медалей.

Согласно описанию, помещавшемуся в приложении к цитированному выше указу, знак ордена Победы представляет собой выпуклую пятиконечную рубиновую звезду размером 72 мм между концами противоположных вершин лучей. В выполненные из платины лучи звезды вставлены крупные рубины, обрамленные бриллиантами. По краям звезды вкраплены бриллианты. В середине звезды — покрытый голубой эмалью округлый серебряный медальон диаметром 31 мм, в центре которого — накладное изображение Кремлевской стены с мавзолеем Ленина и Спасской башней, сделанное из золота, над ними — надпись «СССР», выполненная белой эмалью. Медальон окаймлен венком из исполненных из золота лавровых и дубовых листьев. В звезду Спасской башни вставлен рубин, между листьями лавра и дуба помещены мелкие бриллианты. В нижней части круга на красной эмалевой ленточке надпись «Победа», выполненная белыми эмалевыми буквами. В промежутках между концами звезды — расходящиеся лучи с вкрапленными в них бриллиантами. Орден Победы изготавливается из платины. Общий вес укрепленных на

нем бриллиантов составляет 16 каратов. На оборотной стороне ордена сделано приспособление — нарезной штифт с гайкой для крепления ордена к одежде. В отличие от всех других советских орденов на сам орденский знак ордена Победы не наносился его порядковый номер, который указывался лишь в наградном документе.

В дополнение к приведенному здесь описанию ордена Победы следует добавить несколько разъяснений символики его отдельных элементов. Так, красная пятиконечная звезда, ставшая основой орденского знака, с 1918 года являлась эмблемой Красной Армии. Обрамляла ее кайма из бриллиантов — драгоценнейших камней, которые, в соответствии с древними поверьями, считались талисманами полководцев и государственных правителей, даруя им добродетели, мужество и победу. Голубой цвет медальона в центре ордена символизировал мир и спокойствие, обрамлявшие медальон ветви лавра, с античных времен служившего материалом для венков победителей и триумфаторов, символизировали славу. Сплетенные с ними дубовые листья символизировали силу и непоколебимость. Наконец, как уже было сказано выше, помещенные в медальоне изображения Спасской башни, Кремлевской стены и Мавзолея одновременно символизировали и Москву, и всю Страну Советов, столицей которой была Москва.

Наряду со всеми этими частными символами само учреждение ордена Победы за целых полтора года до того дня, когда в поверженном Берлине был подписан акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, символизировало приближавшийся победоносный конец войны.

По расчетам специалистов Московской ювелирно-часовой фабрики, для изготовления каждого из заказанных Сталиным 30 орденов Победы требовалось 180 бриллиантов, включая 10 запасных «на всякий случай», 50 рубинов, ограненных «розочкой», и по 300 граммов пла-

тины. При том, что общий вес ордена составлял 78 граммов, из них 47 граммов приходилось на платиновую основу — плюс 19 граммов серебра и 2 грамма золота. Вес каждого из пяти рубинов, укрепленных в каждом из пяти лучей ордена, составлял 5 каратов. Для обеспечения изготовителей сырьем тогдашнему правительству СССР — Совету Народных Комиссаров — пришлось принять специальное постановление, предписывавшее выдать из Гохрана (Государственного хранилища ценностей) СССР 5400 бриллиантов, 1500 «розочек» и 9 кг чистой платины представителям генподрядчика работ — Главювелирторга СССР.

Первые трудности возникли уже на стадии отбора и подготовки сырья для изготовления орденов. Дело в том, что для их монтажа Сталин распорядился использовать лишь отечественное сырье. Поскольку в то время в СССР еще не были обнаружены знаменитые впоследствии месторождения якутских алмазов, эти самые твердые в мире камни были переданы ювелирам из хранилищ Гохрана, пополнявшихся с 1918 года конфискациями у не успевших вывезти свои драгоценности за границу «дворян и буржуев».

Еще сложнее обстояло дело с рубинами. Руководивший работами И.Ф. Казеннов перебрал все камни, находившиеся тогда в Гохране, но среди них не нашлось даже двух камней одинакового окраса, которые можно было бы использовать для украшения лучей одной орденской звезды. Тогда Иван Федорович принял дерзкое решение: использовать для крепления на лучах орденских звезд синтетические рубины, производство которых было освоено еще в конце XIX века и из которых можно было нарезать требуемое количество заготовок одинаковой окраски. Но в 1943 году об этой тайне знал очень узкий круг специалистов. Среди которых, безусловно, был и главный тогдашний «снабженец» столичных ювелиров — назначенный ответственным за подбор

драгоценных камней в хранилищах Гохрана и проверку их качества В.И. Дронкин — старший товаровед сторонней организации — Союзпромэкспорта СССР.

Для справки. Дронкин Василий Иванович (1895—1953). Уроженец Москвы. Окончив начальную школу, в возрасте 11 лет был отдан в ученики к ювелиру-кустарю, затем работал по найму в разных ювелирных мастерских. В 1915 году был призван в армию, воевал на германском фронте, получил контузию. С 1918 года работал ювелиром-оценщиком в Гохране, Московском ювелирном товариществе, Союзпромэкспорте. Дронкин был зачинателем отечественной систематизации ювелирных камней по качеству, непревзойденным знатоком своего дела — при том, что в оценке и определении камней он не пользовался никакими приборами, кроме лупы. В отсутствие специальной литературы по драгоценным камням Дронкин всемерно делился своим опытом как с молодыми специалистами, так и с такими видными учеными, как академик геологии А. Е. Ферсман. Дронкин работал во многих комиссиях по учету государственных ценностей.

Воспоминания, непосредственно повествовавшие об истории изготовления орденских знаков ордена Победы, оставил один из последних ветеранов Московской ювелирно-часовой фабрики П.К. Казеннов, переживший как большинство своих коллег, так и большинство кавалеров ордена Победы.

Для справки: Казеннов Прокоп Кузьмич (1888—1985). Сын крестьянина Одоевского уезда Тульской губернии. До 13 лет жил в деревне, затем вместе с родителями переехал в Одессу и был отдан в ученье к кустарю-ювелиру. После 1917 года работал на оружейном заводе в Туле, два года отслужил в Красной Армии. Затем попал в Москву, где устроился работать в «Московское ювелирное товарищество», впоследствии преобразованное в ювелирно-часо-

вую фабрику. В числе ее лучших мастеров участвовал в выполнении ряда правительственных заказов, включая огранку рубиновых стекол для первых кремлевских звезд, установленных на башни Кремля в 1935 году.

«Осенью 1941 года большинство мастеров фабрики, в том числе и я, записались в народное ополчение, — вспоминал потом Казеннов. — Прошло время, отбросили немцев от столицы. Вышло постановление Моссовета о восстановлении многих предприятий. В силу этого воскресла и наша фабрика: снова разыскали мастеров, а собрались одни старики, некоторым уже за 70 перевалило. Вернулись в свое помещение, и фабрика ожила, хотя условия работы были весьма тяжелые — ни оборудования, ни инструмента. Все делалось вручную: плавка, прокатка, ковка, штамповка. Даже печку плавильную посреди цеха сами соорудили. Первое время грелись возле нее, так как работать приходилось в пальто и шапках.

В работе над орденом Победы приняли участие самые опытные мастера-ювелиры. Огранку рубинов производил Н.И. Турчанов — начальник гранильного цеха фабрики. Потом он первым в Союзе стал гранить в бриллианты якутские алмазы.

Я делал заготовки. Сначала из листовой платины надо было вырезать основную звезду и ту, из которой потом получались штралы. Маленькой ручной самодельной дрелью высверливал и затем отбивал гнезда под бриллианты и рубины — работа трудоемкая и кропотливая.

Далее заготовка попадала в шлифовку. Был у нас большой специалист, непревзойденный мастер этого дела Батин Яков Ильич. Он работал у Фаберже, фабрика которого выпускала изделия, включавшие зачастую десятки и сотни камней, и под каждый из них шлифо-

вальщик готовил место — делал «зеркало». Такие «зеркала» шлифовал Батин под бриллианты в «Победе».

Потом звезды поступали в закрепку, где работали замечательные мастера А.О. Государев, П.М. Максимов, М.И. Филинов. Целыми днями они корпели над верстаками, вживляя в металл сотни и сотни камушков, ни один из которых нельзя было повредить, тем более раздавить. В последнюю очередь закрепщики наносили на контуры звезды и штралов гризانت — украшение из мелких поперечных бугорков и углублений.

Граверные работы выполнял Василий Сысоевич Соколов — разносторонний мастер, гравер и чеканщик: для каждой «Победы» он делал из золота рельефные изображения кремлевских башен, стен, дубовой и лавровой ветвей. Сборку орденов вел один из лучших наших мастеров — Арданов Дмитрий Николаевич. Сам он трудился у нас с 1928 года. Отец его работал на фабрике Фаберже и, хотя учеников туда не брали, сумел пристроить сына к делу, и из него получился хороший мастер».

Окончательную отделку орденов осуществлял Иван Федорович Казеннов. Он не только выполнял роль строжайшего контролера (бывали случаи, когда отправлял «под молоток» готовые, но не отвечающие его понятию качества ювелирные изделия), но и доводил работу до истинного совершенства, поправляя мельчайшие огрехи, незаметные глазу непосвященного.

Первый Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждениях орденом Победы был подписан 10 апреля 1944 года. Обладателем орденового знака за № 1 стал командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, принявший командование фронтом после смертельного ранения предыдущего командарма Н.Ф. Ватутина, попавшего в марте 1944 года в засаду украинских националистов.

Орден Победы за № 2 получил начальник Генераль-

ного штаба Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский. Вот как он описывал это в своих мемуарах «Дело всей жизни»:

«...День 10 апреля 1944 года, когда Одесса праздновала изгнание немецко-румынских фашистов, памятен мне вдвойне. В этот день мне стало известно, что я награжден высшим военным орденом Победы. Я получил этот орден за № 2, а № 1 стоял на врученном Георгию Константиновичу Жукову. Наградная формулировка гласила: «За умелое выполнение заданий Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями большого масштаба, в результате которых достигнуты выдающиеся успехи в деле разгрома немецко-фашистских захватчиков».

Первым меня поздравил по телефону, еще до опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР, Верховный Главнокомандующий. Он сказал, что я награждаюсь не только за освобождение Донбасса и Украины, а и за предстоящее освобождение Крыма, на который мне следует переключить теперь свое внимание, не забывая одновременно о 3-м Украинском фронте.

Очень тронула меня телеграмма от моего предшественника на посту начальника Генерального штаба Б. М. Шапошникова, который тогда сильно болел. «Дорогой Борис Михайлович! Благодарю Вас за поздравление, — писал я ему в ответ. — Успешное выполнение мною заданий Верховного Главнокомандования, а следовательно, и мое исключительно высокое награждение являются в значительной мере результатом долголетней работы под Вашим непосредственным руководством. От души желаю Вам здоровья. Благодарный Вам А. Василевский»¹³.

Орденом Победы за № 3 за освобождение Правобережной Украины был награжден Верховный Главнокомандующий, Маршал Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин. Как было сказано в вышедшей несколькими изданиями при жизни Сталина его «Краткой биографии», «...за исключительные заслуги в организа-

ции и проведении наступательных операций Красной Армии, приведших к крупнейшему поражению германской армии и к коренному изменению положения на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в пользу Красной Армии, Президиум Верховного Совета СССР 29 июля 1944 года наградил Иосифа Виссарионовича Сталина орденом Победы»¹⁴.

Нужно отметить, что первые трое кавалеров ордена Победы изначально не имели какой-либо особой орденской планки, призванной заменить орденский знак на повседневных (т.е. непарадных) мундирах. Между тем еще 19 июня 1943 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР, установивший новые правила ношения орденов, медалей, орденских лент и знаков отличия. Этими правилами было установлено ношение одной группы орденов на правой стороне груди, а другой группы орденов и всех медалей — на левой стороне груди. Для каждого ордена и медали устанавливались образцы шелковых муаровых лент, имеющих свой определенный цвет и рисунок. Этот указ также вводил в обиход в просторечии именовавшиеся «колодками» прямоугольные слегка выпуклые металлические планки высотой 12 мм и шириной 24 мм для ношения лент без орденов и медалей.

Сама идея ввести наградные планки для повседневной носки была почерпнута командованием тыла Красной Армии у американских и британских союзников, где подобные планки появились еще в начале XX столетия. Для качественной проработки этой идеи тогдашний нарком внешней торговли СССР Анастас Иванович Микоян весной 1943 года заказал в Великобритании через Всесоюзное объединение «Международная книга» такие классические труды по фалеристике (наука о наградах как знаках отличия), как монография Тэффреля «Ленты и медали Великобритании и других стран», «Ордена и знаки отличия ряда стран» и т.п. Все эти издания сослужили немалую службу ответственным за создание аналогичных советских орденских лент и

планок сотрудникам Центральной научно-исследовательской лаборатории Главного управления текстильно-галантерейной промышленности Наркомата легкой промышленности СССР. К слову, упомянутое управление с 1939 по 1949 год возглавляла Полина Семеновна Жемчужина — супруга тогдашнего наркома иностранных дел СССР, первого заместителя председателя Совнаркома Вячеслава Михайловича Молотова.

Как бы там ни было, вслед за остальными учрежденными к тому времени государственными наградами СССР, ленты и планки к которым были созданы еще в 1943 году, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1944 года для ношения на планке без ордена была введена и лента ордена Победы. Ниже приведен текст этого указа.

ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ОБРАЗЦА И ОПИСАНИЯ ЛЕНТЫ ОРДЕНА ПОБЕДЫ ДЛЯ НОШЕНИЯ НА ПЛАНКЕ БЕЗ ОРДЕНА

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1944 г. (Ведомости Верховного Совета СССР, 1944 г., № 46)

В дополнение к Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 ноября 1943 г.:

1. Утвердить образец и описание ленты ордена Победы для ношения на планке без ордена.

2. Установить ношение ленты ордена Победы на левой стороне груди, на отдельной планке, на 1 см выше других орденских лент.

ОПИСАНИЕ ЛЕНТЫ К ОРДЕНУ ПОБЕДЫ

Лента ордена Победы шелковая муаровая. Посередине ленты красная полоса шириной 15 мм. По бокам, ближе к краям, полоски зеленого, синего, бордо и свет-

ло-голубого цветов. Лента окаймлена оранжевыми и черными полосками. Общая ширина ленты — 46 мм. Лента ордена Победы закрепляется на прямоугольной планке шириной 46 мм и высотой 8 мм¹⁵.

В дополнение к этому официальному тексту Указа нужно отметить как уникальность размеров, так и символичность расцветки орденской планки ордена Победы. Будучи уже и вдвое длиннее, чем планки всех остальных советских орденов, эта планка украшена лентой, сочетающей цвета лент шести других советских орденов, разделённых белыми вертикальными промежуточными полосами шириной в полмиллиметра. Ниже указаны названия орденов и цвета соответствующих им лент, смонтированные на единой ленте и планке ордена Победы от края к центру.

Оранжевый с черным посередине — орден Славы

Светло-голубой — орден Богдана Хмельницкого

Темно-красный (бордо) — орден Александра Невского

Темно-синий — орден Кутузова

Зеленый — орден Суворова

Красный (центральная секция) — орден Ленина

Последующие награждения орденом Победы, получившим в августе 1944 года собственную орденскую ленту и колодку, происходили уже в 1945 году. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 марта 1945 года командующий 2-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский и командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев были удостоены орденов Победы за освобождение Польши и форсирование реки Одер.

26 апреля 1945 года орден Победы получили командующий 2-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский и командую-

ший 3-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Федор Иванович Толбухин — за освобождение Венгрии и Австрии.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года орденом Победы был награжден командующий Ленинградским фронтом Маршал Советского Союза Леонид Александрович Говоров — за успешное командование войсками, освободившими Прибалтику. Тем же указом вторым орденом Победы награждались командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г.К. Жуков — за взятие Берлина и командующий 3-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза А.М. Василевский — за взятие Кенигсберга и освобождение Восточной Пруссии (ныне Калининградская область Российской Федерации). Замечу, что А.М. Василевский — один из трех военачальников (наряду с И.В. Сталиным и Г.К. Жуковым), который был удостоен двух орденов Победы. И единственный военачальник, получивший один орден Победы за превосходную работу на посту начальника Генштаба, а второй — как командующий фронтом (А.И. Василевский принял командование 3-м Белорусским фронтом после случайной гибели предыдущего командующего генерала армии И.Д. Черняховского от разрыва шального снаряда 18 февраля 1945 года).

4 июня 1945 года за «планирование боевых операций и координацию действий фронтов в период Великой Отечественной войны» орденом Победы были награждены еще два штабиста. Начальник Генерального штаба генерал армии Алексей Иннокентьевич Антонов стал единственным кавалером ордена Победы, не имевшим маршальского звания. Он же был единственным кавалером ордена Победы, который до 1917 года успел послужить офицером в Российской императорской армии, причем в одном из лучших ее полков: окончив Павловское военное училище, прапорщик (тогда это был первый офицерский чин) А.И. Антонов с сентября 1916-го

до начала 1918 года служил помощником начальника штаба в лейб-гвардии Егерском полку, где за мужество, проявленное при командовании на поле боя, получил свою первую боевую награду — орден Святой Анны IV степени.

Если А.И. Антонов был безусловным военным интеллигентом и одним из лучших руководителей Генерального штаба за всю историю российской и советской армии, то ставший кавалером ордена Победы в тот же день, 4 июня 1945 года, Маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко остался в отечественной военной истории скорее как военный деятель, чем как полководец или военачальник. Отвоевав в 1915—1917 годах против немцев рядовым солдатом в Польше, где проходил тогда Западный фронт Первой мировой войны, Тимошенко сделал стремительную военную карьеру на Гражданской войне, закончив ее командиром кавалерийской дивизии и кавалером двух орденов Красной Звезды, полученных за бои против белой армии генерала Врангеля и зеленой армии Нестора Махно.

Причастность к 1-й Конной армии обусловила дальнейший карьерный рост Тимошенко, руководившего походом советских войск на потерянную поляками Западную Украину в сентябре 1939 года и прорывом финских укреплений на Карельском перешейке, больше известных как «линия Маннергейма», в начале 1940 года. Несмотря на чрезмерные потери в подчиненных ему войсках, Тимошенко был объявлен главным победителем в Зимней войне с Финляндией 1939—1940 годов и вскоре получил звание Героя Советского Союза и пост наркома обороны СССР. Однако уже в июле 1941 года после сдачи Минска новым наркомом обороны стал сам И.В. Сталин, а Тимошенко последовательно и, увы, провально командовал Западным (июль — сентябрь 1941-го) и Юго-Западным (сентябрь — декабрь 1941-го и апрель — июль 1942 года) фронтами. В конце концов сам Сталин в марте 1943 года снял Тимошенко с поста

командующего Северо-Западным фронтом, назначив его представителем Ставки Верховного Главнокомандующего с задачами координировать действия соседних фронтов в ходе конкретных операций.

По сути, новая должность Тимошенко, на которой он прослужил до конца войны, была посредническо-наблюдательной. Всю практическую работу по координации стратегических операций, осуществлявшихся несколькими фронтами, в 1943—1945 годах вели представители Генерального штаба во главе с уже упомянутыми выше А.И. Василевским и А.И. Антоновым. Тимошенко, все специальное военное образование которого исчерпывалось тремя годовыми курсами для строевых командиров дивизионного звена при военных академиях (1922, 1927 и 1930 годы), не имел для этого ни необходимой подготовки, ни личных способностей. Тем не менее С.К. Тимошенко был награжден орденом Победы «За успешное выполнение заданий Верховного Главнокомандования по координации действий 2-го и 3-го Украинского фронтов в операциях большого масштаба».

Вероятно, награждая маршала Тимошенко как представителя безусловно преданной лично Сталину «старой гвардии» героев Гражданской войны из числа основателей и командиров 1-й Конной армии (в эту группу, имевшую влияние на советское, партийное и военное руководство до середины 1960-х годов, также входили С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов и с десятков генералов более низкого ранга), Иосиф Виссарионович хотел подчеркнуть, что не имеет к «первоконникам» никаких личных претензий за многочисленные провалы, допущенные ими при руководстве Красной Армией в 1941—1942 годах.

26 июня 1945 года, через два дня после того, как на Красной площади прошел Парад Победы, заслуги Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина были отмечены Президиумом Верховного Совета СССР, который специальным Указом наградил его вторым орденом По-

беды «за исключительные заслуги в организации всех Вооруженных Сил Советского Союза и умелое руководство ими в Великой Отечественной войне, закончившейся полной победой над гитлеровской Германией». В тот же день был подписан Указ Верховного Совета СССР о присвоении И.В. Сталину звания Героя Советского Союза «как возглавившему Красную Армию в тяжелые дни защиты нашей Родины и ее столицы Москвы, с исключительным мужеством и решительностью руководившему борьбой с гитлеровской Германией».

На следующий день, 27 июня, был подписан Указ об учреждении воинского звания Генералиссимуса Советского Союза и о присвоении этого звания Сталину. Однако Сталин наотрез отказался от озвученной его приближенными идеи создания особой формы одежды, соответствовавшей чину генералиссимуса. В редких случаях, когда после Победы он надевал не излюбленный френч полувоенного покроя, а военный мундир, его украшали погоны Маршала Советского Союза и одна единственная награда — полученная им еще в 1940 году как Героем Социалистического Труда (это звание было присвоено ему 20 декабря 1939 года в связи с 60-летним юбилеем) Золотая Звезда «Серп и Молот» за № 1.

Что касается второго ордена Победы и Золотой Звезды Героя Советского Союза, то поначалу Сталин наотрез отказался принять эти награды, которые усердные придворные живописцы той эпохи тем не менее тщательно изображали на его парадных портретах. Лишь в канун Первомайских праздников 1950 года, а если быть точным, то 28 апреля, тогдашний председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Михайлович Шверник, занявший эту должность в 1946 году после смерти своего предшественника М.И. Калинина, вручил Сталину обе эти награды, а также орден Ленина, которым Сталин был награжден в канун своего 70-летия в декабре 1949 года.

Последним из плеяды советских полководцев и вое-

начальников, получивших орден Победы в 1945 году, стал командующий Дальневосточным фронтом Маршал Советского Союза Кирилл Афанасьевич Мерецков. Он был награжден орденом Победы 3 сентября 1945 года, на следующий день после капитуляции императорской Японии: «За разгром японской императорской Квантунской армии в Восточной Маньчжурии и Северной Корее и за победу над Японией».

Кирилл Мерецков был вторым из маршалов (после К.К. Рокоссовского), которому, уже достигнув немалых высот в службе и проявив себя достойным и честным командиром, пришлось пережить арест по надуманным обвинениям. Рокоссовского волна довоенных репрессий накрыла в 1938 году. Мерецков был арестован... на второй день войны, 23 июня 1941 года. Но, сохранив человеческое и офицерское достоинство, не принял ни одно из предъявленных ему обвинений в «участии в военном заговоре» и никого не оговорил. В сентябре 1941 года он был освобожден по личному распоряжению Сталина и после личной встречи с Верховным направлен под Ленинград. Именно этот участок фронта стал для Мерецкова главным театром военных действий Отечественной войны: последовательно командуя 4-й армией, Волховским и Ленинградским фронтами, Мерецков в 1941 году не пустил гитлеровцев в Ленинград, в начале 1943 года прорвал, а год спустя войсками своего фронта обеспечил полное снятие блокады. С февраля 1944 года Мерецков руководил Карельским фронтом, успешные действия которого позволили освободить все наше Заполярье и Северную Норвегию, а также добиться перехода Финляндии на сторону антигитлеровской коалиции и полного освобождения севера Европы от оккупантов. А потом была вершина полководческого успеха Кирилла Афанасьевича — командование 1-м Дальневосточным фронтом, который всего за три недели полностью разгромил миллионную группи-

ровку японской Квантунской армии в Маньчжурии и Корее.

Победоносное окончание Второй мировой войны на Тихом океане и подписанная японцами капитуляция, по которой СССР вернул себе утраченные еще царской Россией в 1905 году Курильские острова и южную часть острова Сахалин, были итогом не только военных, но и дипломатических успехов советского руководства, вновь сумевшего договориться о совместных действиях с союзниками без ущерба для своих национальных интересов. Вероятно, этим успехам способствовали и принятые Сталиным победной весной 1945 года решения о награждениях орденами Победы нескольких наиболее значимых военно-политических деятелей антигитлеровской коалиции.

В отличие от всех вышеперечисленных советских военачальников, каждый из которых награждался орденом Победы отдельным именованным Указом, для верховного главнокомандующего силами союзников в Западной Европе и будущего президента США Дуайта Эйзенхауэра и британского маршала Бернарда Монтгомери, командовавшего группой союзных армий, высадившихся в июне 1944 года в Нормандии, было сделано исключение. Орденами Победы их наградили 5 июня 1945 года одним Указом «за выдающиеся успехи в проведении боевых операций большого масштаба, в результате которых достигнута победа Объединенных Наций над гитлеровской Германией».

По оценкам современных историков и ветеранов сталинской дипломатии, оба эти награждения имели безусловный дипломатический характер и были заранее просчитаны. В самом деле, Сталин, щедро и заслуженно награждавший французских летчиков из авиаполка «Нормандия — Неман» боевыми орденами (четверо французских пилотов — Марсель Альбер, Ролан де ла Пуап, Жак Андре и, посмертно, Марсель Лефевр стали Героями Советского Союза), по понятным причинам не

мог дать ни орден Ленина, ни Золотую Звезду Героя Советского Союза фельдмаршалу Великобритании сэру Бернарду Лоу Монтгомери, графу Аламейнскому. Тогда как орден Победы вполне соответствовал полководческим заслугам потомка знатнейшего британского дворянского рода, проявленным на полях сражений как в Западной Европе, так и в Северной Африке, где войска Монтгомери в 1942 году в сражении под Эль-Аламейном разбили прежде непобедимого и, вероятно, самого талантливого из полководцев Третьего рейха — генерал-фельдмаршала Эриха фон Роммеля.

Любопытные подробности награждения Эйзенхауэра и Монтгомери орденами Победы установил современный биограф Жукова, военный писатель, историк и разведчик, Герой Советского Союза Владимир Карпов. Известно, что первая личная встреча Жукова и Эйзенхауэра произошла 5 июня 1945 года в Берлине перед началом первого заседания Контрольного совета, учрежденного четырьмя союзными державами — СССР, США, Великобританией и Францией — и готовившегося взять на себя всю полноту власти в побежденной Германии.

Приехав в ставку к Жукову, который был хозяином совещания, Эйзенхауэр вручил ему высокую американскую награду — медаль «Легион почета» степени Главнокомандующего (в американской наградной системе ордена отсутствуют как таковые). «Жуков произвел на меня впечатление приветливого человека с отличной военной выправкой», — вспоминал Эйзенхауэр. В свою очередь, Георгий Константинович так писал о своем визави: «Встретились мы по-солдатски, можно сказать, дружески... Мне понравились его простота, непринужденность и чувство юмора».

Получив американскую награду, Жуков сразу же доложил об этом Сталину по телефону, и тот решил немедленно сделать ответный жест. Верховный распорядился наградить Эйзенхауэра и британского фельдмар-

шала Монтгомери орденами Победы, а французского генерала Жана де Латтра де Тассиньи, который также входил в состав Контрольного совета, — орденом Суворова I степени. Однако даже в той непростой ситуации пришлось соблюсти все условности, и для принятия соответствующего постановления в Москве поздно вечером 5 июня был срочно созван Президиум Верховного Совета. В результате заседание Контрольного совета в Берлине, на котором уполномоченные своими правительствами должны были подписать Декларацию о поражении Германии, задержалось на несколько часов, и Эйзенхауэр уже собирался возвращаться в свою ставку во Франкфурт-на-Майне. Однако официальное сообщение о награждении все-таки пришло из Москвы, и Жуков в тот же вечер объявил о нем союзникам. А еще через пять дней, т.е. 10 июня 1945 года, Жуков отправился во Франкфурт к Эйзенхауэру и Монтгомери, где вручил им высшие советские воинские награды¹⁶.

Нужно отметить, что в июне 1945 года все советские маршалы и многие генералы получили ордена стран — союзниц СССР по антигитлеровской коалиции. Например, маршал Жуков стал кавалером британского ордена Бани I степени, командором французского Почетного легиона, итальянской партизанской медали Гарибальди, польских орденов *Virtuti Militari* I степени и *Polonia Restituta* II степени, югославского ордена Свободы, чехословацких Военного креста и ордена Белого льва I степени. При этом Польша, Чехословакия и Югославия в тот момент еще не входили в социалистический лагерь и считались капиталистическими странами.

На следующий день после награждения Эйзенхауэра и Монтгомери, 6 июня 1945 года, был принят Указ о награждении орденом Победы «Его Величества Короля Румынии Михая I за мужественный акт решительного поворота политики Румынии в сторону разрыва с гитлеровской Германией и союза с Объединенными нациями в момент, когда еще не определилось ясно поражение

Германии». Тогдашний король Румынии Михай оказался самым молодым из кавалеров ордена Победы: к моменту награждения ему не исполнилось 24 года, причем большая часть его жизни протекала в очень непростых исторических и политических условиях.

Михай родился 25 октября 1921 года в городе Синая. Этот небольшой курортный город, расположенный в Южных Карпатах, со второй половины XIX века являлся летней резиденцией румынских королей. Михай был сыном наследного принца Кароля и греческой принцессы Елены. Однако в январе 1926 года король Фердинанд лишил Кароля права на престол после того, как принц развелся со своей царственной гречанкой и вступил в морганатический брак с любовницей — некоей дамой полусвета по имени Елена Лупеску.

После кончины Фердинанда 20 июля 1927 года королем Румынии был провозглашен шестилетний Михай. По установившейся традиции при малолетнем монархе был создан регентский совет. Однако правил мальчик всего три года. Парламент решил, что с отцом Михая поступили слишком сурово, и корона перешла к Каролю (в историю Румынии он вошел под порядковым номером Кароль II). После развода родителей Михай жил некоторое время с матерью. Греческий королевский двор поддерживал тесные контакты с дружественно-родственным британским. Поэтому Михай, двоюродный брат принца Филипа, будущего мужа королевы Елизаветы, воспитывался в англосакском духе. С раннего детства у него было два родных языка — румынский и английский.

Для его страны это было сложное, драматическое время. 26 июня 1940 года, после непродолжительных закулисных переговоров и с молчаливого согласия фашистской Германии, Москва предъявила Румынии ультиматум с требованием передать СССР Бессарабию и Северную Буковину. Через два дня, как писали советские учебники истории, «вопрос был мирно разрешен». А в

августе того же года уже фашистские государства (Германия, Италия и Венгрия) навязали Румынии так называемый Венский арбитраж, по которому Северная Трансильвания была отторгнута от Румынии и передана хортистской Венгрии. Практически это означало расчленение страны.

Воспользовавшись кризисной ситуацией, власть в Румынии узурпировал генерал Йон Антонеску. Он жестко потребовал от Кароля II подписать акт отречения в пользу сына Михая, а затем покинуть страну. Так в сентябре 1940 года 19-летний Михай был вторично провозглашен королем Румынии.

Став полновластным диктатором, Антонеску, будучи ярким сторонником заключения военного союза с фашистской Германией, отменил в Румынии конституцию и присвоил себе право издавать указы, имевшие силу законов. Влияние королевского двора на политическую жизнь Румынии в это время было сильно ослаблено. По сути дела, король Михай, как отмечают историки, являлся лишь ширмой для военно-фашистской диктатуры.

22 июня 1941 года Румыния, являясь союзницей Германии, вступила в войну против СССР. Для участия в военных действиях Антонеску, ставший к тому времени маршалом, выставил до 30 дивизий и бригад. Более трех лет Румыния вела войну с нашей страной. Румынские войска активно участвовали в боях под Одессой, в Крыму, на Кубани, на Северном Кавказе и под Сталинградом. В этот период экономика Румынии была полностью подчинена интересам Третьего рейха. Красноречивый факт: три четверти потребляемой вермахтом нефти поступало с румынских нефтепромыслов в Плоешти.

В 1941—1942 годах юный король Михай, формально считавшийся главнокомандующим вооруженных сил Румынии, часто совершал инспекционные поездки по оккупированным территориям Советского Союза. Он посетил Приднестровье, Одессу, объездил весь Крымский полуостров. В начале августа 1942 года он побывал в

Мариуполе в штабе 3-й румынской армии, которая совместно с немецкой 6-й армией под командованием Ф. Паулюса вела тяжелые бои на подступах к Сталинграду.

Через полгода величайшее сражение Второй мировой войны завершилось полным разгромом немецко-румынских войск, а правящие круги Румынии в поисках выхода из войны стали зондировать почву для заключения сепаратного мира с западными державами. Секретные переговоры по дипломатическим каналам велись в Анкаре и Стокгольме. А в апреле 1944 года, когда Красная Армия вышла к границам Румынии, князю Штирбею, румынскому представителю в Каире, были переданы согласованные с союзниками советские условия перемирия. Однако Бухарест их отклонил по вполне понятной причине: Румыния в то время была практически оккупирована немецкими войсками — на ее территории находилось около 30 гитлеровских дивизий, объединенных в группировку «Южная Украина».

20 августа 1944 года Красная Армия начала широко-масштабное наступление против объединенных немецко-румынских войск. К исходу третьего дня войска 2-го и 3-го Украинских фронтов соединились на переправе через Прут и завершили окружение вражеских войск в районе Кишинева. Яско-Кишиневская операция вошла в историю Великой Отечественной войны как образец быстрого окружения противника и столь же быстрого его уничтожения. В момент, когда катастрофа на фронте стала очевидной, в румынской столице был совершен государственный переворот.

Вечером 23 августа Михай вызвал на аудиенцию в королевский дворец маршала Антонеску якобы для того, чтобы обсудить с ним сложившуюся ситуацию. Прибывший во дворец кондукатор (т.е. «вождь» — титул, к которому диктаторы питали особую слабость) после бурного объяснения был по приказу короля арестован. Чтобы не возвращаться к этой зловещей фигуре, заме-

чу, что в 1946 году 64-летний Антонеску был казнен по приговору румынского Народного трибунала.

Вслед за кондукатором под стражу были взяты военный министр, министр внутренних дел, генеральный инспектор жандармерии и префект столичной полиции. Все они были вывезены в пригород Бухареста Ватра-Луминоэса, где и содержались до прихода Красной Армии. В 22 часа 23 августа по бухарестскому радио была передана декларация короля Михая о смещении Антонеску и создании правительства во главе с генералом К. Санатеску. Сообщалось также, что Румыния разрывает дипломатические отношения с Германией и прекращает военные действия против стран антигитлеровской коалиции. Именно за этот безусловно смелый поступок Михай спустя 11 месяцев был награжден орденом Победы.

Михай и его тогдашние союзники — румынские коммунисты и социалисты, объединившиеся в «левый блок», — организовали арест прогитлеровского руководства страны настолько скрытно, что многочисленные представители немецкой армии, дипломатии и спецслужб в Бухаресте были застигнуты этими событиями врасплох. Румынские спецслужбы смогли проинформировать немецкое посольство о том, что во дворце «что-то случилось», лишь вечером 23 августа. Тогда гитлеровский посол Киллингер срочно вернулся в столицу с загородной дачи и добился аудиенции у короля. Узнав о планах новых властей подписать с союзниками перемирие, германский посол пригрозил королю репрессиями, а затем вышел и застрелился.

С опозданием узнав о развитии событий в Бухаресте, Гитлер решил во что бы то ни стало удержать неверного союзника и предоставил чрезвычайные полномочия командующему группой армий «Южная Украина» фельдмаршалу Гансу Фриснеру, приказав ему подавить мятеж в Бухаресте. Но задача эта была уже нереальной, для ее осуществления не было достаточных сил. Тем не менее,

опасаясь мести со стороны гитлеровцев, Михай покинул Бухарест и более двух недель скрывался на конспиративной квартире в провинции Тыргу-Жиу, где и находился до прихода Красной Армии.

В то же время генерал Санатеску начал переговоры с советским командованием. Прибывшая в Москву румынская делегация 12 сентября 1944 года подписала Соглашение о перемирии, которое зафиксировало статус Румынии как бывшего союзника гитлеровской Германии. В документе отмечалось, что Румыния признает факт своего поражения в войне и берет на себя обязательство возместить СССР убытки, причиненные военными действиями и оккупацией советских территорий. Контроль за выполнением условий перемирия был возложен на Союзную Контрольную комиссию, в состав которой вошли представители СССР, США и Великобритании. Председателем ее был назначен командующий 2-м Украинском фронтом маршал Р.Я. Малиновский.

Важным пунктом Соглашения было обязательство Румынии вести войну на стороне союзных держав против Германии и Венгрии. И действительно, в течение почти 9 месяцев румынские войска совместно с Красной Армией вели бои в Трансильвании, на территории Венгрии, Чехословакии и Австрии. Однако, к большой обиде Бухареста, «большая тройка» так и не признала за Румынией статуса полноправного участника антигитлеровской коалиции. В этом ей было отказано и на Парижской мирной конференции 1946 года.

Между тем официальные источники свидетельствуют, что с августа 1944-го по май 1945 года против гитлеровской Германии и ее сателлитов сражались свыше полумиллиона румынских солдат, в постоянном соприкосновении с противником находилось от 17 до 30 дивизий. Потери румынской армии за этот период также были весьма существенными — почти 170 тысяч человек убитыми и ранеными. Возможно, эти весомые поте-

ри также повлияли на решение Сталина наградить орденом Победы короля Михая в том числе и потому, что он, в отличие от большинства румынских генералов, успевших повоевать против Советского Союза под началом Антонеску, не был прямо причастен к войне Румынии против СССР.

Так или иначе, 7 июля 1945 года был опубликован указ о награждении короля Михая орденом Победы. 19 июля Маршал Советского Союза Ф.И. Толбухин вручил орден королю на борту его яхты в Бухаресте. Кроме того, по личному распоряжению И.В. Сталина и от его имени королю, как летчику-любителю, передали в подарок самолет «По-2» штучной сборки.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа 1945 года орденом Победы был награжден Верховный Главнокомандующий Войска Польского на территории СССР польский маршал Михай (в Указе — Михаил) Роля-Жимерский — «за выдающиеся заслуги в деле организации Вооруженных сил Польши и за успешное проведение боевых операций Войска Польского в решающих боях против общего врага — гитлеровской Германии». (Орден маршалу вручил 14 ноября 1945 года в Варшаве тогдашний посол СССР в Польше В.З. Лебедев.)

Как и в случае с королем Михаем, награждение маршала Роля-Жимерского было обусловлено прежде всего дипломатическими соображениями. К моменту подписания указа лидеры союзных держав-победительниц — Сталин, президент США Г. Трумэн и премьер-министр Великобритании У. Черчилль — вступили в серьезную полемику о будущем Центральной и Восточной Европы, находившейся под контролем Красной Армии и Советской власти.

Особое место в их спорах, вынесенных затем на Потсдамскую мирную конференцию, занимала будущая судьба Польши, довоенное правительство которой в полном составе находилось в Лондоне после полного

военного разгрома страны и ее оккупации гитлеровцами в 1939 году. Награждая высшим полководческим орденом поляка Роля-Жимерского, который всю войну сотрудничал с СССР, Сталин давал понять, что не считал законными представителями польского народа ни лондонское правительство, ни действовавшие на территории Польши во главе с генералом Бур-Комаровским крупные партизанские соединения Армии Крайовой, объединявшие ориентировавшихся на Лондон националистов, ни ушедшую в 1942 году из СССР через Иран на Ближний Восток и в Западную Европу польскую армию генерала Андерса. В Советском Союзе своими союзниками признавали лишь солдат и офицеров сформированной в Казахстане дивизии имени Тадеуша Костюшко, которая последовательно превратилась в корпус, армию и, наконец, в 300-тысячное Войско Польское, 1-я и 2-я армии которого принимали участие в штурме Берлина.

Для справки: Михал Жимерский (1890—1989). Родился в Кракове — центре той части Польши, которая тогда входила в состав Австро-Венгерской монархии. В 1910 году поступил на юридический факультет местного университета. В 1911—1912 годах прошел обязательную службу в австро-венгерской армии. С началом Первой мировой войны в 1914 году вступил в Польский легион в составе австро-венгерской армии. Воевал на Восточном фронте против войск царской России, дослужился до чина подполковника и должности командира полка. В 1918 году, с образованием независимой Польши, вступил в польскую армию. В чине полковника командовал пехотной бригадой, затем дивизией. Участвовал в советско-польской войне. Окончив военную академию во Франции, был произведен в генералы и переведен для продолжения службы в генштаб польской армии. В 1926 году не поддержал военный переворот установившего режим личной диктатуры маршала Пилсудского, за что военным трибуналом был приговорен

к 5 годам тюрьмы и разжалован в рядовые. После освобождения из тюрьмы в 1931 году эмигрировал во Францию, где был завербован советской разведкой. В 1940 году нелегально вернулся из СССР в оккупированную Германией Польшу, активно участвовал в прокоммунистическом движении Сопротивления, пользуясь позже ставшим частью его фамилии псевдонимом «Роля». В мае 1943 года с санкции Сталина был назначен военным советником в Главный штаб крупнейшей просоветской подпольной организации Польши — Гвардии Людовой и восстановлен в прежнем генеральском звании. В январе 1944 года стал главнокомандующим сменившей Гвардию Людову Армии Людовой. В июле 1944 года возглавил Войско Польское, объединившее Армию Людову и сформированную в СССР 1-ю польскую армию. В мае 1945 года Жимерскому было присвоено звание маршала Польши, в 1946—1949 годах он был министром обороны Польши, в 1949—1952 годах — членом Государственного совета. В мае 1953 года, в разгар серии послесталинских стычек в руководстве СССР и стран советского блока, Роля-Жимерский был арестован по ложному обвинению и брошен в тюрьму, откуда освобожден при Хрущеве в 1955 году. В 1955—1967 годах был вице-президентом Польского народного банка и членом ЦК правящей Польской объединенной рабочей партии (ПОРП).

Последнее, 16-е по счету, награждение орденом Победы по итогам Великой Отечественной войны было произведено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 сентября 1945 года в отношении Верховного Главнокомандующего Народно-освободительной Армии Югославии (НОАЮ) маршала Иосипа Броз Тито. Как известно, в период с 1940 по 1945 год армия Тито сковывала на Балканах значительные германо-итальянские силы: один Третий рейх был вынужден держать в Югославии три армейских корпуса полного состава. Тито успешно сражался не только с немцами, но и с формированиями усташей (хорватских фашистов) Анте Паве-

лича и четников (сербских монархистов) Драги Михайловича. И, несмотря на усилия своих американских и британских советников, за все время войны ни разу не дал Сталину повода усомниться в своей просоветской ориентации. Чтобы еще более подчеркнуть тогдашнее реальное влияние СССР на Балканах, особенно в Югославии, Иосип Броз Тито был награжден орденом Победы «за выдающиеся успехи в проведении боевых операций большого масштаба, способствовавшие достижению победы Объединенных Наций над гитлеровской Германией». Эту вполне заслуженную награду ему вручил 29 сентября 1945 года посол СССР в Югославии И.В. Садчиков.

Победа антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, наглядным символом которой стали награждения орденом Победы, повлекла за собой глобальный геополитический передел послевоенной Европы, вызвавший серьезные противоречия между недавними западными союзниками и СССР и прямо повлиявший на судьбы многих кавалеров ордена Победы.

Так, 30 декабря 1947 года под давлением коммунистов, установивших к тому времени полный контроль над правительством Румынии, король Михай подписал акт об отречении от престола и передаче всей полноты власти в стране ее народу. В порядке ответной любезности новые власти разрешили королю и всем его приближенным не просто беспрепятственно покинуть страну, но и взять с собой по своему выбору историко-художественные ценности из королевских дворцов.

3 января 1948 года Михай покинул Румынию, вывозя свое имущество на железнодорожном составе из шести вагонов. Среди прочих драгоценностей он увозил с собой орден Победы. Возможно, сам факт предыдущего награждения этой высшей наградой СССР послужил для Сталина и его ставленников в руководстве Компартии Румынии резонансом отпустить короля восвояси.

Покинув родину, экс-король Михай нашел убежище

в «вечно нейтральной» Швейцарии, обосновавшись в пригороде Женевы Версуа. В июне 1948 года он женился на принцессе Анне Бурбон-Пармской. Позже Михай занялся работой в компании по продаже авиационного оборудования, а в 1956 году стал пилотом на коммерческих линиях. После падения режима диктатора Румынии Николае Чаушеску Михай несколько раз навещал родину, где его восторженно принимало население.

До последнего времени официальные власти Румынии относились к бывшему королю с изрядной сдержанностью, однако перспектива вступления в ЕС побудила их проявить милосердие к престарелому соотечественнику. В 2003 году власти Румынии решили выплатить бывшему королю компенсацию в 30 миллионов евро за утраченную им резиденцию — исторический замок Пелеш в Карпатах. Кроме того, румынские парламентарии приняли закон, по которому Михаю было назначено ежемесячное содержание в размере половины заработной платы действующего главы государства.

Что касается принадлежавшего королю ордена Победы, то с конца 1940-х годов он служит поводом для периодически раздуваемых в СМИ слухов и версий. По одной из них, награда в 1985 году была тайно продана кем-то из родственников диктатора Чаушеску. По другой, еще в конце 1940-х годов монарх сам продал орден с аукциона, где самую высокую цену за него дал американский коллекционер-миллиардер Джон Рокфеллер. Размер предполагаемой сделки оценивался в диапазоне от 500 тыс. до 4 млн долларов.

В последний раз слухи о продаже ордена вспыхнули в мае 2005 года, когда Михай впервые приехал в Москву как почетный гость на празднование 60-летия Победы. Но орден Победы он с собой не привез... Несмотря на это, официальный представитель королевской семьи не признает отсутствие ордена у монарха. По его словам, подобные утверждения являются вымыслом нечистоплотных журналистов, ищущих дешевые сенсации.

Орден Победы никогда не продавался и находится в имении короля Михая I в местечке Версуа, в Швейцарии. Его Величество очень дорожит орденом Победы¹⁷.

Так или иначе, ныне наверняка известно лишь то, что экс-король Румынии Михай ныне является единственным здравствующим кавалером ордена Победы. А предпоследним из них был польский маршал Роля-Жимерский, не доживший всего один год до своего 100-летнего юбилея. Он скончался в Варшаве в 1989 году. Как подобает в таких случаях, за гробом маршала несли подушечки с его многочисленными наградами, но ордена Победы среди них не было. Еще при аресте маршала весной 1953 года все его награды были конфискованы. Тогда же орден Победы, имевший огромную материальную ценность, был возвращен в Москву и помещен в хранилище Гохрана вслед за хранившимся там с 1949 года орденом Победы Маршала Советского Союза Ф.И. Толбухина, умершего 17 октября 1949 года на 56-м году жизни. Как указано в приведенной выше справке, в 1955 году маршал Роля-Жимерский был освобожден из тюрьмы и реабилитирован, но орден Победы ему так и не вернули.

Возможно, на рубеже 1950-х годов Сталин и его приближенные с большим удовольствием отправили бы в тюрьму и под расстрел еще одного кавалера ордена Победы — тогдашнего лидера Югославии Иосипа Броз Тито. Первое обострение между ним и тогдашними кремлевскими правителями произошло в 1947 году, когда в Москве было создано Информбюро коммунистических партий. Сталин учредил этот орган, чтобы проводить единую линию на строительство социализма в большинстве освобожденных советскими войнами стран. Но Тито считал, что ВКП (б) не вправе принимать решения, обязательные для отдельных партий. Он понимал, как много сделал СССР для освобождения его страны от Гитлера, но еще в 1944 году он заявил: «Прежде всего мы хотим сильной и независимой Югославии, по-

строенной на демократических принципах». И никакое чувство благодарности не могло заставить его отступить.

Сталин требовал от югославской делегации согласиться на создание федерации Югославии с Болгарией. Но сербы, которые в XX веке дважды воевали с болгарями, тогда не могли ни забыть, ни простить этого. В 1948 году Компартия Югославии вышла из Информбюро, отношения с СССР резко ухудшились. В ту пору несколько коммунистических руководителей других стран Восточной и Центральной Европы были смещены с высоких постов и даже репрессированы по обвинениям в «титоизме».

Не имея в самой Югославии ни реальной политической опоры, ни воинских контингентов, советское руководство конца 1940-х годов ограничилось тем, что санкционировало соответствующую пропагандистскую кампанию против Тито в СССР и других странах «социалистической демократии». Лучшие советские художники той эпохи изощрялись в мастерстве, изобретая карикатуры на югославского руководителя, а ветераны Отечественной войны, награжденные в 1945 году медалями «За освобождение Белграда», сдавали эти награды в военкоматы — как добровольно, так и по советам своих партийных организаций и «компетентных органов». Тогда же советские спецслужбы подготовили несколько вариантов покушения на Тито, однако Сталин так и не решился отдать приказ на подобную акцию.

Югославия осталась «белой вороной» «лагеря стран социализма» и после смерти Сталина. Ни Хрущев, ни Брежнев не смогли заставить упряма Тито, ставшего в 1953 году президентом Югославии, отказаться от собственных представлений о социализме применительно к национальной политике и экономике. До конца жизни Тито, как бессменный лидер многонационального югославского народа, последовательно отстаивал идею многоукладной экономики и «третьего пути» во внешней

политике. Не случайно Тито был одним из основателей созданного в 1961 году Движения неприсоединения, первый конгресс которого заседал в том году в Белграде.

Будучи этническим хорватом, Тито жесткой рукой подавлял любые проявления национализма и сепаратизма во всех национальных регионах Югославии, включая нынешнюю Хорватию. Не случайно после кончины 88-летнего Тито в мае 1980 года его памяти была посвящена до сих пор сохраняющаяся экспозиция в бывшей главной резиденции вождя в Тетинье — пригороде нынешней сербской столицы Белграда. В экспозиции, получившей название «Музей 25 мая» (Тито родился 25 мая 1892 года), наряду с личными вещами Тито и подарками, полученными им от многих мировых лидеров (включая подаренную Сталиным в 1945 году саблю с 99 бриллиантами), бережно хранится принадлежавший ему орден Победы.

Аналогичная награда, врученная в июне 1945 года маршалом Г.К. Жуковым четырехзвездному генералу армии США Дуайту Эйзенхауэру, также оказалась замешана в политической истории. В 1947 году Эйзенхауэр по ряду причин, среди которых не последнее место занимало его властолюбие, был отправлен в отставку со скромным пенсионом. Купив на полагавшееся ему выходное пособие лимузин «Крайслер», Эйзенхауэр показал его супруге со словами: «Вот всё, что я заработал за 37 лет службы».

Вероятно, сложное материальное положение тогда же заставило Эйзенхауэра обратиться к ювелирам Нью-Йорка с просьбой оценить рыночную стоимость его ордена Победы на предмет его возможной продажи. По воспоминаниям адъютанта генерала, украшавшие орден бриллианты были оценены в общую сумму в 100 тысяч долларов. Что касается рубинов, то американские профессионалы так и не смогли понять, имели ли они природное либо искусственное происхождение. С одной стороны, эти камни отличало отменное качество, с дру-

гой — ювелиры Нью-Йорка никогда не видели натуральных рубинов подобных размеров... Во всяком случае, одну работу московских ювелиров, изготовивших орден, без учета его коллекционной ценности, западные коллеги оценили в 18 тысяч долларов по курсу 1946 года, когда «бакс» стоил в 10 раз дороже, чем сейчас.

Оценив свой орден, Эйзенхауэр не стал продавать его — тем более что в июне 1948 он стал почетным президентом Колумбийского университета с окладом 25 тысяч тогдашних у.е. в год. В том же году он получил 635 тысяч долларов как авансовую часть гонорара за написание военных мемуаров «Поход в Европу». В 1949 году Эйзенхауэр стал главнокомандующим объединенных вооруженных сил созданного в том же году военно-политического блока НАТО, а в 1951 году объявил о своем намерении баллотироваться на пост президента США.

В тот момент США и их союзники по НАТО увязли в долгой и кровопролитной для всех участников войне в Корее, где Запад поддерживал подконтрольные ему власти на юге Корейского полуострова, а на стороне коммунистического правительства Ким Ир Сена на севере Кореи сражались «добровольцы» из Китая и СССР. В той ситуации Эйзенхауэр как кандидат в президенты США считал для себя политически неудобным иметь в распоряжении орден, врученный руководством тогдашнего «главного противника», т.е. СССР.

В том же 1951 году Эйзенхауэр передал принадлежавший ему орден Победы (и еще несколько своих личных вещей) на хранение в краеведческий музей своего родного города Абилин в штате Канзас. Вскоре Эйзенхауэр выиграл президентские выборы и оставался президентом США два срока подряд, т.е. с 1952 по 1960 год. Уйдя в окончательную отставку, Эйзенхауэр, как экс-президент, получил официальное право создать за счет федерального бюджета библиотеку своего имени и передать туда свои архивы. Эта библиотека была развер-

нута на базе все того же музея в Абилине, Канзас, в экспозиции которого за бронированными стеклами по сей день выставлены все 60 боевых наград Эйзенхауэра из 30 стран мира. А в запасниках этой же библиотеки хранится офицерский кортик в ножнах из слоновой кости — личный подарок генералу Эйзенхауэру от маршала Жукова.

Что касается ордена Победы, принадлежавшего маршалу Монтгомери, то после его кончины в 1976 году все боевые награды маршала были переданы в «Имперский военный музей» в Лондоне, где выставлены до сих пор. Примечательно, что орден Монтгомери имеет одну уникальную особенность — в отличие от всех остальных орденов, изготовленных московскими ювелирами в 1943—1944 годах, он крепится не на штифте, а на булавке. По мнению нынешней хранительницы отдела наград музея г-жи Дианы Конделл, эта особенность была изначально внесена в конструкцию ордена, предназначавшегося для Монтгомери. Вероятно, сведущие люди подсказали российским мастерам-ювелирам, что британские правила ношения наград на воинском обмундировании допускают крепление знаков отличия лишь на булавках, но отнюдь не сквозные дырки в форменной одежде для ношения наград на винте.

Мало кому известно, что еще одно награждение орденом Победы едва не состоялось в эпоху Хрущева, не жалевшего наград для высоких зарубежных друзей. Так, в июле 1956 года во время первого визита в СССР тогдашнего короля Камбоджи Сурамарита и его сына Сианука волевым решением Хрущева обе особы королевской крови были награждены полководческими орденами Суворова I степени. Формальным поводом такого награждения было участие короля в сопротивлении японским оккупантам в годы Второй мировой войны.

Три года спустя, в июле 1959 года, СССР с официальным визитом посетил тогдашний император африканского государства Эфиопия 67-летний Хайле Селас-

сие I. Уже в то время Эфиопия имела серьезные проблемы с соседним государством Сомали, получавшим поддержку от США. Чтобы сбалансировать давление сомалийцев, Селассие обратился за содействием к руководству СССР и даже наградил Н.С. Хрущева и тогдашнего председателя Президиума Верховного Совета СССР маршала К.Е. Ворошилова высшими эфиопскими орденами. Довольный такой наградой, а еще больше — возможностью показать очередную «кузькину мать» американцам при содействии эфиопских друзей, Хрущев поначалу захотел наградить императора Хайле Селассие орденом Победы за героизм, проявленный при отражении агрессии итальянских колониальных войск в 1936—1941 годах. Однако в итоге императору, следуя уже устоявшейся традиции, дали опять-таки орден Суворова I степени. А в довесок подарили самолет «Ил-14» с императорским гербом и флагом Эфиопии на фюзеляже.

Особую щедрость на высшие государственные награды СССР, предназначавшиеся главам дружественных государств, «дорогой Никита Сергеевич» проявил в последние годы своего правления. В мае 1963 года он распорядился присвоить звание Героя Советского Союза кубинскому лидеру Фиделю Кастро, а ровно год спустя санкционировал награждение Золотыми Звездами Героев президента Алжирской народно-демократической республики (АНДР) Ахмада Бен Беллы, президента тогдашней Объединенной Арабской Республики (ОАР) египтянина Гамалы Абдель Насера и первого вице-президента ОАР маршала Абделя Хакима Амера. В мае 1964 года Хрущев лично вручил Звезды Героев и ордена Ленина Насеру и Амеру во время своей поездки на Ближний Восток, где Хрущев и Насер вместе открыли построенную советскими специалистами гигантскую Асуанскую плотину на реке Нил.

Присвоение звания Героя Советского Союза президенту ОАР Насеру, который в годы Второй мировой войны поддерживал контакты с дипломатами и спецслуж-

бами гитлеровской Германии, надеясь с ее помощью изгнать из Египта британцев и обеспечить полную независимость родной стране, было крайне негативно воспринято общественным мнением СССР. Зато сам Хрущев тогда не остался внакладе.

В качестве ответной любезности президент ОАР Гамаль Абдель Насер наградил Н.С. Хрущева высшей наградой Египта — орденом «Ожерелье Нила». Эта награда, учрежденная королем Египта еще в 1915 году и сохранившаяся после свержения монархии в 1952 году, представляет собой образец ювелирного искусства — украшенную россыпью драгоценных камней (дымчатые топазы, бриллианты, изумруды и немного всякой мелочи) золотую цепь с медальоном, где изображены символы Египта — папирус и цветок лотоса. Будучи в Каире в мае 1963 года, Н.С. Хрущев получил орден «Ожерелье Нила» II степени. После смерти Хрущева орден был передан в коллекцию Алмазного фонда СССР, эксперты которого оценили рыночную стоимость этого орденского знака в 3 млн долларов. Что касается I степени ордена, которой тогда же, в начале 1960-х годов, были награждены Юрий Гагарин и Валентина Терешкова, то ее стоимость оценивалась в 20 млн долларов.

После отрешения Н.С. Хрущева сменивший его на посту Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнев поначалу не проявлял особой тяги к награждениям, а также почетным чинам и званиям. В годы Великой Отечественной войны Л.И. Брежнев получил пять боевых орденов. После войны Сталин наградил тогдашнего первого секретаря Компартии Молдавии Брежнева орденом Ленина. Первую звезду Героя Социалистического Труда Брежнев получил в 1961 году за заслуги в области развития ракетной техники и обеспечение (в качестве куратора от ЦК КПСС) первого успешного полета в космос советского человека Ю.А. Гагарина. В 1966 году, т.е. в год своего 60-летия, Брежнев, сыгравший главную роль в проведенной за два года перед этим отставке

Хрущева, получил звание Героя Советского Союза. Следующие 10 лет правления Брежнева не были отмечены ни одной государственной наградой. Правда, в марте 1974 года он, как Верховный Главнокомандующий, был повышен в воинском звании до генерала армии. А 1 ноября того же 1974 года специально «под Брежнева» Президиум Верховного Совета СССР принял указ, разрешавший не только Маршалам Советского Союза и родов войск, но и генералам армии носить особый знак различия «Маршальская звезда», введенный еще совместным постановлением СНК и ЦИК СССР от 2 сентября 1940 года.

Знак «Маршальская звезда» представлял собой пятиконечную золотую звезду с гладкими двухгранными лучами на лицевой стороне, диаметр описанной окружности которой составлял 44,5 мм. В середине золотой звезды была вмонтирована платиновая пятиконечная звезда диаметром 23 мм с бриллиантами; в центре — бриллиант весом 2,62 карата, в лучах 25 бриллиантов общим весом 1,25 карата. Между гранями лучей золотой звезды были вмонтированы еще 5 бриллиантов общим весом 3,06 карата. «Маршальская звезда» при помощи треугольного ушка в верхнем луче соединялась с полуовальным креплением, через которое была проделана муаровая лента. Таким образом, не являясь государственной наградой СССР, «Маршальская звезда» тем не менее была самой ценной в ювелирном отношении (после ордена Победы) реликвией, которую после кончины владельца полагалось сдавать в Алмазный фонд СССР.

Получив «Маршальскую звезду», Брежнев вскоре стал полноправным Маршалом Советского Союза — это звание было присвоено ему по ходатайству Министерства обороны, направленному в ЦК КПСС 7 мая 1976 года. А всего через год и восемь месяцев, 16 февраля 1978 года, все 10 членов тогдашнего высшего партийного органа руководства страной — Политбюро ЦК КПСС — на

своем заседании единогласно проголосовали за награждение Л.И. Брежнева высшим полководческим орденом Победы.

Четыре дня спустя, 20 февраля 1978 года, В.В. Кузнецов — тогдашний первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР (занимавший эту должность Л.И. Брежнев формально не был вправе сам визировать собственные награждения) — подписал Указ о награждении орденом Победы Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Маршала Советского Союза Леонида Ильича Брежнева «за большой вклад в победу советского народа и его Вооруженных сил в Великой Отечественной войне, выдающиеся заслуги в укреплении обороноспособности страны, за разработку и последовательное осуществление внешней политики Советского государства, надежно обеспечивающей развитие страны в мирных условиях...».

В то время уже никого из кремлевских вождей не смущало, что ни одно из положений Указа не соответствовало четко сформулированному в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 ноября 1943 года статуту ордена Победы. Напомню, что по этому статуту «орденом Победы, как высшим военным орденом, награждаются лица высшего командного состава Красной Армии за успешное проведение таких боевых операций в масштабе нескольких или одного фронта, в результате которых в корне меняется обстановка в пользу Красной Армии...».

Утром 22 февраля 1978 года, в канун очередного Дня Советской Армии, тогдашний главный партийный идеолог М.А. Суслов вручил Брежневу орденский знак и грамоту ордена Победы в Кремле в присутствии большой группы высших партийных деятелей и военачальников СССР. Правда, в группе сверкавших шитьем золотых погон и маршальских звезд тогдашних военных руководителей Союза в тот день уже не было ни одного

из тех кавалеров ордена Победы, которые были удостоены этой высочайшей полководческой награды в полном соответствии со своими заслугами. Последний из них, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, кавалер двух орденов Победы Александр Михайлович Василевский скончался 5 декабря 1977 года — за три месяца до награждения орденом Победы Леонида Ильича Брежнева.

Возможно, то обстоятельство, что два ордена Победы А.М. Василевского после его кончины были сданы в Гохран СССР примерно в то же время, когда таким же орденом был награжден Брежнев, породили слухи о том, что якобы Леонид Ильич получил и стал носить один из орденов, оставшихся от Василевского. Однако эти слухи убедительно опровергают следующие факты: во-первых, орден, врученный Брежневу, как и орден Победы британского маршала Монтгомери, крепился не на штифте, а на булавке. К тому же орден Брежнева по своим размерам был чуть меньше, чем ордена из первой серии, изготовленные в 1943—1944 годах.

Так или иначе, Брежнев с гордостью надевал орден Победы наряду с полученными им к концу жизни четырьмя звездами Героя Советского Союза и звездой Героя Социалистического Труда на свои парадные пиджаки и маршальские мундиры до самой кончины, последовавшей в ноябре 1982 года. Сразу после его похорон орден Победы и «Маршальская звезда» Леонида Ильича были сданы в орденскую кладовую Президиума Верховного Совета СССР, откуда затем по установленному порядку переданы в Гохран. В ноябре 1986 года родные Брежнева сдали в ту же орденскую кладовую все остальные награды покойного вождя. А 21 сентября 1989 года тогдашний Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.С. Горбачев отменил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1978 года о награ-

ждении Л.И. Брежнева орденом Победы «как противоречивший статусу этого ордена».

Последний акт официальной власти, связанный с орденом Победы, состоялся 9 мая 2000 года. В день 55-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне президент России В.В. Путин торжественно открыл в Кремле бронзовую мемориальную доску, на которой золотыми буквами выбиты имена 16 кавалеров ордена Победы. Установка такой доски была предусмотрена еще Указом Президиума Верховного Совета СССР об учреждении ордена Победы от 8 ноября 1943 года, но так и не была реализована в советскую эпоху из политических соображений тогдашнего руководства СССР.

На мемориальной доске размером два на три метра и весом 2,5 тонны, изготовленной в мастерской нынешнего президента Российской Академии художеств Зураба Церетели, указаны все имена кавалеров ордена Победы в строгой иерархии. На левой стороне доски в алфавитном порядке указаны имена дважды кавалеров этого ордена — А.М. Василевского, Г.К. Жукова и И.В. Сталина. На правой — также в алфавитном порядке — приведены еще восемь имен выдающихся советских военачальников: А.И. Антонова, Л.А. Говорова, И.С. Конева, Р.Я. Малиновского, К.А. Мерецкова, К.К. Рокоссовского, С.К. Тимошенко, Ф.И. Толбухина.

В нижнем секторе доски значатся пять имен иностранных кавалеров ордена Победы, приведенные не в алфавитном порядке и не в хронологической последовательности их награждения, а, по всей видимости, в соответствии с политическими соображениями. Открывает список генерал армии США Д. Эйзенхауэр, далее следуют британский фельдмаршал Б. Монтгомери, югославский маршал И. Броз Тито, маршал Польши М. Роля-Жимерский. Замыкает список румынский король Михай I¹⁸.

И еще несколько слов о судьбах орденских знаков ордена Победы. Как было указано выше, в 1943—1944 годах мастера Московской ювелирно-часовой фабрики изготовили 30 экземпляров ордена Победы, из которых 14 экземпляров было вручено советским награжденным и еще 5 — иностранцам. Судьбы всех орденов Победы, оказавшихся за рубежом, точно известны, за исключением истории с орденом Победы румынского короля Михая, допускающей различные толкования. Все ордена Победы, врученные соотечественникам, после кончины их кавалеров были возвращены в Президиум Верховного Совета СССР. Оттуда на хранение в Центральный Музей Вооруженных Сил СССР были переданы орден Победы маршала Р.Я. Малиновского (в 1967 году) и оба ордена Победы маршала Г.К. Жукова (в 1980 году). Остальные ордена Победы советских полководцев ныне хранятся в засекреченных и строго охраняемых кладовых Алмазного фонда России. Единственное исключение — орден Победы, некогда принадлежавший маршалу С.К. Тимошенко, который выставлен в постоянной экспозиции Алмазного фонда по соседству с Оружейной палатой Кремля.

По имеющейся информации, в том же Алмазном фонде хранятся и все неврученные экземпляры ордена Победы — за исключением одного, который еще в 1948 году был передан на хранение в орденскую коллекцию ленинградского Государственного Эрмитажа.

В заключение нужно подчеркнуть, что орден Победы был, безусловно, самой дорогостоящей, но не самой редкой из наград СССР. Уже при Брежневе в октябре 1974 года в советской наградной системе был учрежден новый орден «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» трех степеней, награждение которым, в соответствии со статутом, производилось последовательно. За всю историю существования этого ордена, последние награждения которым состоялись

19 декабря 1991 года, его полными кавалерами, последовательно получившими орденские знаки всех трех степеней, стали всего 13 человек: Агапов Б.Н. (полковник), Ачалов В.А. (генерал-полковник), Байдуков Г.Ф. (генерал-полковник авиации), Боровский А.И. (генерал-лейтенант авиации), Веревкин А.С. (генерал-майор внутренних войск), Завьялов И.Г. (генерал-полковник), Казаков А.К. (капитан 1 ранга), Колодяжный И.К. (генерал-лейтенант), Лошкарев Г.К. (полковник), Орлов Ю.М. (полковник), Порошин В.А. (вице-адмирал), Сергеев В.Н. (вице-адмирал), Щербаков В.П. (генерал-майор).

Примечательно, что двумя первыми награжденными 11 февраля 1982 года этим орденом, имевшим вид восьмиконечной звезды из серебра и прозванным советскими остряками «Звезда шерифа», были два устроителя «царских охот» для Брежнева и его коллег из Политбюро: тогдашний начальник Завидовского госзаповедника Министерства обороны СССР генерал-лейтенант Колодяжный и его заместитель генерал-майор Щербаков. А следующими после ордена Победы по редкости являются орден Ушакова I степени (47 награждений) и орден Нахимова I степени (82 награждения)...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *И.В. Сталин*. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1946. С. 11.

² Там же. С. 32—33.

³ См.: *Г.А. Колесников, А.М. Рожков*. Ордена и медали СССР. М.: Воениздат, 1978. С. 156—158.

⁴ См.: например: *И.В. Всеволодов (Можейко)*. Беседы о фалеристике. М.: Наука, 1990. С. 232; *Л.Е. Шепелев*. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. М.: Наука, 1991. С. 215—219.

⁵ Цит. по: Декреты Советской власти. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1957. Т. I. С. 72.

⁶ См.: История Капитула российских императорских и царских орденов. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2004.

⁷ См.: Советская Военная Энциклопедия, М.: Изд. БСЭ, 1983, т. 3.

⁸ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 года — 1942 год. М.: ТЕРРА, 1997. Т. 13 (2—2).

⁹ См.: А.С. Доманк. Знаки воинской доблести. М.: ДОСА-АФ, 1982. С. 52.

¹⁰ Цит. по: *Смыслов О.С.* Во славу Отечества. История советских наград. 1918—1991. М.: Вече, 2007. С. 287.

¹¹ Цит. по: *Валерий Дуров.* За подвиг на поле боя // Журнал «Родина», 2001, № 6.

¹² Интернет-версия: http://www.spbpravo.ru/docs_ccsr.php?id=7051.

¹³ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1978. С. 372.

¹⁴ Цит. по: Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М.: Воениздат, 1947. С. 213.

¹⁵ Цит. по: Ведомости Верховного Совета СССР, 1944 г., № 46.

¹⁶ См.: *Карпов В.В.* Маршал Жуков. Опала. М.: Вече, 1994. С. 58—59.

¹⁷ Цит. по: *Владимир Силкин.* Румынский король наградами не торгует // Газета «Трибуна», 6 мая 2005 года.

¹⁸ См.: *Алла Тучкова.* В Кремле установят мемориальную доску весом в 2,5 тонны // «Независимая газета», 7 мая 2000 года.

Александр Юсуповский

**«ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА»
В РОЛИ ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ЛЖИ:
ДЕОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА С РОССИЕЙ**

История будет добра ко мне, —
ведь я сам буду ее писать.

Уинстон Черчилль

**Между морализаторством
и аморализмом**

История не знает сослагательного наклонения.

Этот афоризм, произносимый обычно назидательным тоном, используют как последний убойный аргумент — *ultima ratio*, для того чтобы лишний раз подчеркнуть бессмысленность размышлений на тему альтернативной истории. История действительно такова, какая она есть. Нередко желание подправить историю, отретушировать ее, выигрышнее подать светлые ее стороны, преуменьшить значимость темных сторон, мотивировано моральными соображениями.

Вот только какой была история в действительности?

Борьба за ее интерпретации стала важным направлением сегодняшних информационных войн, в том числе на том пространстве, где ранее шли сражения Второй мировой. Апелляция к нравственному чувству стала расхожим и эффективным приемом пропаганды.

Впору вводить новое понятие: «деонтологические войны» как разновидность информационных войн, психологических спецопераций, как новое оружие массовой деморализации. Хотя, судя по незначительному вниманию к данному вопросу, это еще не осознано в полной мере теми, кто осваивает государственные ас-

сигнования на «формирование позитивного образа страны» или занимается вопросами внешнеполитической пропаганды.

Течение истории никогда не бывает целиком и полностью фатально predetermined. Оно всегда многовариантно. Всегда многовариантно принятие политических, военных, стратегических решений — этого строительного материала политической истории. И фраза, часто встречающаяся в мемуарах: «я принял единственно возможное верное решение» есть лишь дань риторике и отражение уровня понимания ситуации и системы ценностей данного конкретного мемуариста. Естественно, что какие-то решения оказываются более гуманными и человечными, какие-то менее. И тогда и (ретроспективно) теперь.

И у каждого возможного, вероятного, но не сбывшегося варианта свои плюсы и свои минусы (и это касается этики) в сравнении с реализовавшимся вариантом. Ретроспективный политический анализ, не будучи историей *per se* (лат. — само по себе), обязан принимать во внимание вариативность истории, учитывать варианты, которые реализовывали политики, принимая как верные, так и ошибочные исторические решения, как соотносимые с нормами морали, так и противоречащие им. И «эффективные» решения часто оказывались не самыми морально неуязвимыми.

Сегодня мы все чаще сталкиваемся с историческим ревизионизмом, попытками пересмотреть устоявшиеся исторические оценки ключевых событий прошлого, подвергать их под сегодняшние задачи текущей политики.

Особенно перегружена якобы нравственными оценками популярная, мифологизированная история, которая обычно является достоянием школьных учебников, популярных фильмов и массового сознания широкой публики. Тут история вообще предстает как борьба сил добра против апологетов империи зла, как борьба «хоро-

ших» и «плохих» парней. Причем «хорошие парни» одной страны часто оказываются «плохими парнями» в другой стране. Наши «защитники» бьются насмерть против их «агрессоров», наши благородные «разведчики» противостоят их коварным «шпионам»...

Я смутно помню собственное эмоциональное потрясение (лет в пять), когда я совершил удивительное открытие (кажется, во время игр «в войнуху»), что мы, оказывается (какой ужас!), можем быть чьими-то «врагами». Ранее мне казалось, что «мы», по определению, ничьими «врагами» быть не можем нигде и никогда. Мне-то было простительно. Возраст.

Изгнать моральные оценки из оценки исторических событий нельзя. Более того, я уверен, что за такой дисциплиной, как «деонтология политики», большое будущее, если есть вообще будущее у вида *Homo Sapiens*. **Но подмена исторического анализа морализаторством фактически граничит с попытками манипулирования историческими оценками.**

Именно войны обнажают стыковые проблемы политики и этики намного лучше, чем иные исторические события. Тут легче всего политические и профессиональные оценки подменяются нравственными, нередко поверхностными и наивными оценками.

Эта военная история представлена в современной инфосфере как борьба благородных американских солдат, которые жертвуют жизнью, чтобы спасти рядового Райяна. В ней коварные японцы бомбят симпатичных парней, романтически влюбленных в очаровательных героинь в Перл-Харборе; жестокие советские русские делят с нацистами многострадальную Польшу; расстреливают невинных польских офицеров в Катюни, оставляя вдовами и сиротами их жен и детей. Впрочем, на месте поляков могут оказываться столь же невинные прибалты или шведские дипломаты, замученные в подвалах Лубянки... И т.д. и т.п.

Апология этически неприглядных сторон и эпизодов отечественной истории вряд ли красит ее апологетов. Но история вообще не нуждается в апологии. В большей мере она нуждается в объективном и беспристрастном понимании.

Все черно-белые эмоциональные и высокоморальные интерпретации истории являются лишь инструментом работы с массовым сознанием, средством его мифологизации, орудием пропаганды, информационных войн, психологических операций.

Реальная история до неприличия неполиткорректна и внеэтична. И если на четных ее страницах отъявленными подлецами предстают одни действующие лица, то... стоит лишь перелистнуть страницу... Что мы и попытаемся проделать.

История как «политика, опрокинутая в прошлое»

Рискну утверждать, что мифологизация истории создается современными индустриальными методами, вполне современными технологиями. Смысловая трактовка ключевых событий актуализирует и формирует эмоциональные реперные точки для массового сознания, рационализирует и легитимизирует нужные политические и идеологические установки.

Исторические мифы — это информационное обеспечение, оптимально заточенное под определенную политику. В данном случае нас интересует политика в отношении России и русских.

Я понимаю всю циничность такой постановки вопроса: рассматривать, например, кинематографический шедевр крупного польского мастера кинематографии Анджея Вайды всего лишь... в контексте информационного обеспечения и сопровождения стратегического по-

ворота польской политики в фарватер американских и натовских глобальных планов.

Будет, конечно же, вульгарным упрощением считать фильм «Катынь» всего лишь «мероприятием по обеспечению благоприятных морально-психологических условий для размещения в Польше американских ПРО».

Как было бы упрощением трактовать фильмы «Чапаев» или «Броненосец «Потемкин» революционной пропагандой в художественной форме или «воспитательным мероприятием по легитимации советской власти». А в романе, например, Алексея Толстого «Петр I» видеть лишь пропагандистское оправдание историей чисток и политических репрессий 30-х годов XX века.

Но...

1. Упрощение далеко не всегда является искажением. Иногда упрощение позволяет увидеть суть, отбросив второстепенность деталей.

2. «Из всех видов искусства для нас самым важным является кино!» — говаривал Владимир Ленин еще в начале XX века, который был не киноведем, но крупнейшим политиком XX века.

3. Чем талантливей мастер и чем весомей художественные достоинства произведения, тем выше его кпд и как инструмента воспитания, станка, производящего нужные смыслы или орудия пропаганды каких-либо идей.

Обратим внимание, что политику России на Западе в странах нового «санитарного кордона» вокруг России, т.е., извините, в новых демократиях, образовавшихся на месте СССР и Варшавского договора, все чаще и чаще пытаются интерпретировать в терминах, вызывающих ассоциации с советской и довоенной историей.

Но таков «мейнстрим» западных, многих восточно-европейских публикаций, касающихся предвоенной, военной, послевоенной политики СССР—России и вообще международной политики.

Катынь — Мерс-эль-Кебир: непростительные злодеяния или расчетливая политика?

Начнем с «Катыни». Не с реальных событий, потому что историки сломают еще немало копий на эту тему, но современных интерпретаций событий массовым сознанием.

Я все жду, когда какой-нибудь не менее известный, нежели Вайда, французский кинорежиссер рискнет снять блокбастер «Мерс-эль-Кебир». Подберет очаровательнейших французских актрис, пылко влюбленных в юных симпатичных лейтенантов французского флота, и выжмет из зрителей слезы чистейших эмоций, изрядно сдобрив ретромузыкой начала 40-х годов. Создатели «Перл Харбора» будут завистливо стоять в сторонке и молча кусать локти и ногти от зависти.

«А что такое «Мерс-эль-Кебир»?» — спросят 95%, а может, 99% читателей этого текста.

Я не настаиваю на этом названии фильма, фильм может называться «Операция «Катапульта».

Тоже совершенно ничего не говорят эти слова?

(Эрудитов и любителей военной истории попрошу помолчать и не подсказывать).

Сэр Уинстон Черчилль описывал это событие 1940 года так:

«Правительство Виши... может найти предлог передать державам Оси весьма значительные неповрежденные военно-морские силы, еще имеющиеся в его распоряжении. Если французский флот присоединится к державам Оси, то контроль над Западной Африкой немедленно перейдет в их руки, а это будет иметь самые прискорбные последствия для наших коммуникаций между северной и южной частями Атлантики, а также отразится на Дакаре и затем, конечно, на Южной Америке».

Обратите внимание на формулировку: не передало, а

«может найти предлог передать». «Присоединение французского флота к германскому и итальянскому флотам, учитывая страшнейшую угрозу со стороны Японии, вырисовывавшуюся на горизонте, грозило Англии смертельной опасностью и серьезно затрагивало безопасность Соединенных Штатов».

3 июля 1940 года английский средиземноморский флот осуществил операцию «Катапульта» по «нейтрализации» стоявшей в Мерс-эль-Кебуре французской эскадры.

Опять обратите внимание: «нейтрализовать», а не потопить. Вот у кого учиться политкорректному новоязу.

Находившиеся в портах Англии французские корабли были внезапно захвачены английскими моряками. В Александрии британским властям удалось без силовых акций и потерь в результате переговоров нейтрализовать французскую эскадру — благодаря личной дружбе между британским адмиралом и его французским коллегой. Столь же мирно обошлось дело в Вест-Индии. Базировавшиеся в тамошних базах два французских крейсера и авианосец «Беарн» были нейтрализованы благодаря вмешательству президента США Франклина Делано Рузвельта.

В Мерс-эль-Кебуре адмиралу Марселю Жансулю английский адмирал Джеймс Соммервил предъявил ультиматум. Ему предлагалось:

- 1) присоединиться к британскому флоту для продолжения совместных действий против Германии и Италии;
- 2) перейти в британские порты и интернироваться;
- 3) перейти в порты французской Вест-Индии или Соединенных Штатов;
- 4) затопить свои корабли в течение 6 часов.

Заканчивался ультиматум словами: «Я имею приказ правительства Его Величества использовать все необхо-

димые средства для предотвращения попадания Ваших кораблей в руки немцев или итальянцев».

Жансульт уверял, что его корабли никогда не попадут целыми в руки врага, но будут сопротивляться применению силы. Франция вообще тогда не находилась в состоянии войны с Англией. Правда, это не спасло французский флот.

Теснота гавани не позволяла начать движение одновременно и мешала ответной стрельбе, поэтому бой превратился в бойню. В своеобразную «Катынь на воде». Или средиземноморский Перл-Харбор. Потери французских моряков: порядка 1300—1600 человек убитых, несколько сот раненых.

8 июля отряд английских кораблей (авианосец «Гермес», линкоры «Резолюшн» и «Бархэм», не считая мелочи) атаковал линкор «Ришелье», находившийся в Дакаре, и потопил его. Потери французских вчерашних союзников «коварного Альбиона» превысили 2000 человек. Всего в ходе операции «Катапульта» англичанами было потоплено, повреждено и захвачено 7 линкоров, 4 крейсера, 14 эсминцев, 8 подлодок ВМФ Франции. А эскадра адмирала Сомервилла вернулась на базу, как сказал очевидец, «с болью в сердце».

«В результате принятых нами мер немцы в своих планах уже не могли более рассчитывать на французский флот», — цинично пишет в своих мемуарах Уинстон Черчилль. Это политическая оценка операции.

Но он же делает попытку и этически оправдать это вероломство: «Это было ужасное решение, самое противоестественное и мучительное, которое мне когда-либо приходилось применять».

Существуют разные трактовки военной и стратегической оправданности операции «Катапульта». Ряд военных историков ссылается на секретный приказ главнокомандующего ВМФ Франции адмирала Жана Дарлана. В нем предусматривалась «скрытная подготовка диверсий, чтобы в случае захвата кораблей противником или

иностранным государством они не могли быть ими использованы, в случае чрезвычайных обстоятельств «военные корабли без дополнительных приказов должны перейти в Соединенные Штаты. При невозможности... они должны быть затоплены... Корабли, которые будут добиваться убежища за границей, следует использовать в военных действиях против Германии и Италии без соответствующего приказа главнокомандующего флота».

Иными словами, риск перехода французского флота на сторону Германии и Италии существовал, но это не было фатально predetermined, как пытается убедить нас Черчилль.

Последующие события доказали, что инструкции Дарлана не были благими намерениями. Когда германские войска в ноябре 1942 года приступили к оккупации Южной Франции, «Прованс» был затоплен собственным экипажем, как и ускользнувший от англичан в Мерс-эль-Кебуре «Страсбург». «Дюнкерк» также был взорван в сухом доке... И эти последующие события заставляют иначе, нежели Черчилль, взглянуть на операцию «Катапульта». Не как на жестокое, но единственно вынужденное и верное решение, но как на возможно не обязательную перестраховку. Соответственно, могут быть иначе расставлены и этические акценты в оценке бессмысленно принесенных в жертву жизней французских моряков.

Я не собираюсь морализировать по поводу потопления французского флота. Скорее, пытаюсь осмыслить тесную зависимость возможных этических оценок от степени вероятности риска той или иной угрозы. Когда политик или военачальник вынужден «брать грех на душу» и оценивать приемлемость или неприемлемость моральных издержек своих действий. И потом подвергаться суду истории и историков. В том числе и суду совести. Своей и чужой совести. Совести современников и потомков.

Обратим внимание на избирательность исторической

памяти потомков. Обращает на себя внимание и то, что эта, казалось бы, «блестящая операция» английского военно-морского флота практически не известна широкой общественности. По крайней мере, ее известность и символическое значение совершенно не сравнимы, например, с иным примером вероломства и коварства — Перл-Харбором. И не потому, что это была незначительная военная операция.

В Перл-Харборе японской военно-морской авиацией в результате внезапного коварного нападения было потоплено 4 линкора, 2 эсминца, 1 минный заградитель. Еще 4 линейных корабля, 3 легких крейсера и 1 эсминец получили серьезные повреждения. Потери американской авиации составили 188 самолетов уничтоженными, еще 159 были тяжело повреждены. Американцы потеряли 2403 человека убитыми и 1178 ранеными.

Как видим, масштабы катастроф Перл-Харбора и «Катапульты» вполне соотносимы и сопоставимы.

Остается только задуматься: почему сегодня даже далекие от военной истории обыватели в курсе трагедий Перл-Харбора или Катюни, но мало кто знает о «Катапulte» и Мерс-эль-Кебуре. Почему символическое значение, например, Перл-Харбора намного выше?

Несколько лет спустя, вспоминал американский генерал Джордж Патон, когда он высадился во французском Марокко, его встретили не как освободителя, а залпами. Впрочем, потеряв более 3000 человек, французы сдались, предпочтя воевать с бошами, нежели с американцами и англичанами.

С сегодняшней точки зрения история (особенно новейшая история) вообще представляется коллекцией «скелетов в шкафу», доставая которые можно эффективно манипулировать массами, подменяя историческую память историческим мифами и массовыми галлюцинациями. Чаще всего высокоморальное «возвращение к исторической правде», осуществляемое с применением современных информационных технологий, оказывает-

ся не способом оздоровления нравственно-психологического состояния общества, но заменой «вредных мифов» «полезными мифами».

Покаяние за пакт Молотова—Риббентропа, раздел Польши

Еще к одним «полезным мифам» относится морализаторство по поводу предвоенной политики СССР в отношении Польши и Прибалтики.

«Аннексию Советским Союзом прибалтийских государств в 1940 году нельзя считать просто «мерами по укреплению обороны» или «переустройству границ». Это был настоящий акт международного разбоя, в результате которого три суверенных государства потеряли не только независимость, но и четверть населения. Все-му этому способствовало заключение нацистско-советского пакта, который дал Сталину и Гитлеру право на бандитизм в собственных «сферах влияния». Это вполне типичная оценка событий современной английской газеты.

Заключение нацистско-«демократического» сговора в Мюнхене не удостоивается такого осуждения. Он расценивается не как ошибка, а как мудрый стратегический маневр. Читая, например, военные мемуары или книги британских авторов по военной истории, часто натыкаешься на подкупающие своей откровенностью и чисто английской бесстрастностью суждения. «Мюнхенский кризис завершился, Англия и Франция выиграли время ценой независимости Чехословакии», — пишет, например, современный английский военный историк Брайан Шофилд.

А вот пакт Риббентропа—Молотова — однозначно преступление перед Польшей, Прибалтикой, Западом, Востоком, Севером, Югом, человечеством и человечностью.

А давайте все ж таки применим сослагательное наклонение. Если б война с Францией пошла, как и планировали союзники, по сценарию Первой мировой войны и Германия завязла в позиционной войне на месяцы, если не годы?

Сталин и советское руководство просчитались, заключая пакт.

Как просчитались, надеясь на «линию Мажино», французские и британские политики, принимая решение о начале войны против Германии в сентябре 1939 года в связи с нападением на Польшу. Кто ж тогда знал, что Франция вслед за Польшей будет раздавлена в считанные недели?

А то бы писали сегодня, вслед за англичанами, российские мемуаристы и историки, оценивая мудрость заключенного пакта Молотова—Риббентропа: «Советская Россия (и антигитлеровская коалиция) выиграли время (и пространство) ценой независимости Польши...»

Если думаете, что я буду осуждать Мюнхен с высокоморальных позиций, то ошибаетесь. Зачем быть большим чехом, нежели сами чехи, включая премьера?

«Россия не подвергается никакой военной угрозе, но чувствует угрозу своей вновь обретенной силовой политике и видит возможность через жесткую риторику вызвать замешательство среди союзников», чтобы в конечном итоге «ослабить евроатлантический альянс», заявил премьер-министр Чехии Мирек Тополанек, выступая в американском «Фонде Наследия» в феврале 2008 года.

«Подчеркнув, что Чехия готова вести диалог с Россией, чешский премьер отметил, что по такому важному вопросу, как ПРО, Прага будет принимать решение самостоятельно». Чехия стала «по-настоящему независимой 30 июня 1991 года, когда ушел последний советский оккупант». «Для чешской нации исторически важно, чтобы мы никогда больше не были марионеткой в руках иностранных военных интересов».

По Мюнхену Прага также принимала решения самостоятельно. И отказалась от помощи СССР.

Но мы должны помнить, что пакт Чемберлена—Гитлера—Муссолини—Даладьё в Мюнхене предшествовал пакту Риббентропа—Молотова. А это очень важно, если мы всерьез пытаемся оценить этическую составляющую политики. Потому что сознательное принесение в жертву союзника и вынужденный шаг, когда тебя загнали в угол противники и недоброжелатели, — далеко не равноценны. Предвоенная Польша ни при каком раскладе не была для СССР и Сталина союзником, но, скорее, одним из самых агрессивных вероятных противников. Это только в фильме «Катынь» да в массовом польском сознании поляки и Польша того времени воспринимаются в качестве невинной жертвы. Ею еще в 20-е годы были захвачены и украинский Львов, и Вильно, и даже, за считанные месяцы до краха, Тешинская область Чехословакии... Обьедки с мюнхенского стола. А в политике воспользоваться конфликтом двух вероятных противников и получить за счет этого новые ресурсы и приобретения — это скорее правило, нежели исключение.

Тем, кто внимательно и скрупулезно изучал историю 30-х годов, взаимоотношения СССР, Германии, Англии, Франции, трудно не согласиться с тем, что пакт был подготовлен крахом политики коллективной безопасности. Эту политику персонифицировал с советской стороны и пытался осуществлять наркоминдел Максим Литвинов. Но крах Лиги Наций, попустительство Запада в лице Англии и Франции германскому реваншизму, предательство Эфиопии, Испании поставило на этой политике крест.

Великие державы все время отказывались учитывать интересы СССР, в разных формах намекая Гитлеру, что СССР в глобальных раскладах уготована роль объекта и жертвы.

Пакт Молотова—Риббентропа, ознаменовавший переход к эгоистическим вариантам внешней политики

СССР, был результатом и итогом отказа от политики коллективной безопасности. Понятно, что если не можешь решить проблему безопасности вкладчину по причине ненадежности партнеров, то логично вспомнить, что своя рубашка ближе к телу.

Когда Польша стала рассматриваться как потенциальный союзник, позиция советского руководства резко изменилась: из полонофобов, приветствовавших «крах уродливого детища Версальского договора», как именовалась Польша Вячеславом Молотовым, они стали ярыми полонофилами, отстаивая компенсации Польши за счет Германии.

«Польша, сказал я, — пишет Уинстон Черчилль, — заслуживает компенсации за земли восточнее «линии Керзона», которые она отдаст России, но сейчас она требует больше того, что она отдала. Если восточнее «линии Керзона» насчитывается три или четыре миллиона поляков, то для них нужно найти место на Западе. Даже такое массовое переселение потрясет народ Великобритании, но переселение восьми с четвертью миллионов людей я уже не смогу отстаивать. Компенсация должна быть соразмерна потере. Польша не получит никакой выгоды, приобретая так много дополнительной территории. Если немцы бежали оттуда, то им следует разрешить вернуться обратно. Поляки не имеют права ставить под угрозу снабжение немцев продовольствием.

Но я возражаю против того, что с Силезией сейчас обращаются так, как будто она уже стала частью Польши».

История до сих пор вредит, но не должна вредить нашим отношениям — следует из опроса газеты «Жечь Посполита». Прощение тесно связано с принятием правды о преступлении и причиненном зле. «И с признанием вины», — пишут о «русской вине» польские публицисты Петр Косцинский и Татьяна Серветнык.

По логике, Германия должна осудить пакт Сталин—Черчилль—Рузвельт и приращение Польши за счет гер-

манских земель не менее яростно, чем Польша осуждает пакт Риббентропа—Молотова. А полякам есть в чем «каяться» перед литовцами, чехами, украинцами, немцами — перед всеми, с кем граничит Польша.

Политика Англии и Франции показывала, что их элиты воспринимали свои интересы как вполне сопрягаемые с интересами нацистской Германии, но несовместимые с интересами СССР—России. Надеяться, что они поставят нормы международного права выше своих интересов, не было никаких оснований. Война в Испании и «политика невмешательства» еще раз показали, что строить в Европе систему коллективной безопасности против стран Оси — безнадежное занятие из-за саботажа демократических держав.

Не знаю, как Вы, читатель, но в той исторической ситуации я, наверное, тоже заключил бы пакт Риббентропа—Молотова, насущный для СССР—России политически, даже понимая при этом всю противоестественность данной сделки и его этическую ущербность.

И еще — на тему «иностранной оккупации» и «расчленения независимой страны».

В 1941 году иранский шах попытался отказать Великобритании и СССР в размещении их войск на территории Ирана. Ограниченный контингент английских и советских войск был введен на территорию Ирана, и шах был принужден к отречению. Войска союзников контролировали железные дороги, нефтяные месторождения. Мохаммед Реза Пехлеви (сын шаха) занял трон только с разрешения оккупационных держав. Как оценивать этот исторический факт? Глазами высокоморальных правозащитников и блюстителей норм морали и международного права? Или глазами историков, оценивающих эту оккупацию как военно-политическую необходимость?

Осталось дожидаться, когда иранский Меджлис предъявит претензии к РФ и Великобритании. И потребует (как коллаборационист Валдас Адамкус — давайте уж

называть своими именами тех, кто этого заслуживает) компенсаций за «оккупацию независимого государства». Раздел суверенного Ирана державами антигитлеровской коалиции на зоны влияния неплохо задокументирован: Сталин писал Черчиллю в сентябре 1941 года: «Дело с Ираном действительно вышло неплохо. Совместные действия британских и советских войск предрешили дело. Так будет и впредь, поскольку наши войска будут выступать совместно. Но Иран только эпизод. Судьба войны будет решаться, конечно, не в Иране».

Даже интересно, какую позицию заняли бы в этом случае прибалтийские или польские парламентарии? Вероятно, искренне поддержали бы претензии Ирана к РФ. Но столь же искренне возмутились бы необоснованностью претензий Ирана к Великобритании, поскольку оккупация с ее стороны была вызвана военно-политической необходимостью того сурового времени.

Тезис об оккупации Прибалтики в зеркале политической деонтологии

Россия — это «общество, насквозь пропитанное духом шовинизма и милитаризма». «Выбранная западными политическими кругами стратегия «приручения» России к демократии обусловила ошибки, которые на данный момент являются уже трудноисправимыми. В международном масштабе так и не были подняты два фундаментальных вопроса — осуждения преступлений коммунизма и вины русских. Если попытки поднимать и обсуждать первый из них хотя бы предпринимаются, то о втором никто не смеет даже заикнуться». «Речь идет не о юридической, а о моральной ответственности русского народа за темные страницы своей истории».

«Неудавшиеся возвращатели демократии в России слишком долго не хотели видеть, что в хорошо подготовленную почву здесь падают зерна милитаризма и ре-

ваншизма. Побоявшись принципиально ставить вопрос о вине русских...»

Эти вполне типичные инвективы в адрес России принадлежат Витаутасу Радживиласу — философу, политологу, одному из учредителей партии Литовских либералов, доктору гуманитарных наук, члену Совета Литвы по высшему образованию, члену Совета Института политики и международных отношений при Вильнюсском университете, президенту Института демократической политики, члену правления Института наблюдения прав человека.

Давайте посмотрим, что конкретно означает «вина русских», «моральная ответственность русского народа за темные страницы своей истории» применительно к Литовскому государству, литовцам, прибалтам в целом. А ведь именно в Прибалтике пакт Риббентропа—Молотова осуждают больше всех и чаще всех.

Чтобы склонить симпатии населения Литвы к СССР и минимизировать противодействие инкорпорации со стороны населения, 10 октября 1939 года Литве был возвращен отобранный у нее ранее Вильнюсский край с исторической столицей Литвы Вильнюсом. Этот регион был захвачен Польшей в 20-е годы, а 15 марта 1923 г. на конференции представителей ведущих держав Антанты (Англии, Франции, Италии и Японии) права Польши на него были «международно признаны». В процессе определения новых границ между республиками СССР 3 августа 1940 года Литве был передан также ряд белорусских земель. Важно отметить, что район Мемеля—Клайпеды с 60-тысячным этническим немецким населением в 1920 году перешел под управление Антанты, в 1923 году по решению Лиги Наций был передан Литве, но вновь оккупирован Германией в марте 1939 года. В процессе делимитации советско-германской границы за юго-западную часть Литвы (Вилкавишский район) для сохранения целостности Литвы Советское правительство в 1941 году заплатило Германии 7,5 млн долларов.

Клайпеда и Клайпедский край были возвращены в состав Советской Литвы Красной Армией в 1945 году.

Публицистика и пресса современной Литвы, как правило, обходят молчанием эти приобретения Литвы, «дарованные» ей в связи с вхождением в СССР и не укладывающиеся в националистическую пропагандистскую схему «советской оккупации».

Советская власть не намерена была оставлять в пограничном районе потенциальную пятую колонну, по данным исследователей, перед войной было арестовано более 5 тыс. человек и выслано более 10 тыс. человек из Литвы. Арестовывали и виновных, и невинных: социальное происхождение, послужной список, близость к авторитарному режиму А. Сметоны и т.п. были достаточным основанием для ареста или высылки. И эти репрессии отчасти способствовали широкому коллаборационизму литовцев с Германией.

По свидетельству историков, на 1 марта 1944 года в рядах литовской полиции порядка и полицейских батальонах служило 8 тысяч литовцев. Общая численность военнослужащих этих формирований достигала 13 тысяч. Спротивление было и пассивным: по данным военного комиссариата Литовской ССР, по состоянию на 1 декабря 1944 года от призыва в Красную Армию уклонились 45 648 человек.

Формирования зарекомендовали себя как каратели и в Литве, и в других оккупированных регионах, уничтожали тысячи мирных жителей. Весной 1945 года общая численность антисоветских повстанцев достигла 30 тыс. человек, а в целом в рядах литовских лесных братьев насчитывалось около 70—80 тыс. человек. Многие из отрядов имели связь и поддерживались абвером.

Масштабными были и «контрмероприятия», осуществляемые советской властью, репрессии в отношении пособников гитлеровцев и «классово враждебных элементов». Так, к концу 1949 года число «выселенных и спецпереселенцев» составило 148 079 человек. меро-

приятия по выселению осуществлялись семь раз (в 1944, 1945, 1946, 1947, 1948 годах и дважды в 1949 году). Массовый характер носила и борьба против антисоветского подполья, вооруженных отрядов «лесных братьев» со стороны местных просоветски настроенных граждан, организованных в отряды местной самообороны («истребителей»). В октябре 1945 года по постановлению ЦК КПЛ и Совета министров ЛССР они были переименованы в отряды «народных защитников», которые формировались из числа активистов. Численность «Истребителей» составляла около 8—10 тыс. человек

Еще в 1942 году в составе Советской Армии было сформировано литовское национальное соединение — 16-я литовская стрелковая дивизия, которая участвовала в боях за освобождение русских, белорусских, литовских земель, пройдя от Орловщины до берегов Балтийского моря. Около 14 тыс. воинов дивизии были награждены боевыми орденами и медалями, 12 из них было присвоено звание Героя Советского Союза. Эти цифры и факты показывают, что линия раскола проходила внутри самого литовского общества, а вооруженное противостояние внутри Литвы оказалось тесно связано с образовавшимися международными геополитическими коалициями, с вооруженной борьбой фашистского и антифашистского блоков государств.

Массовое участие литовцев в сотрудничестве с оккупационными немецкими властями, в том числе и поддержка с оружием в руках в полицейских и иных формированиях, обусловили массовость вооруженного сопротивления на завершающих этапах войны и непосредственно после нее. Учет этого фактора дает дополнительный ключ к пониманию массового характера послевоенных репрессий, в частности такой широко применяемой меры, как высылка.

Литовская «национальная идея», как и в других странах Прибалтики, при проверке историей оказывается слишком часто запятнанной коллаборационизмом. По-

пытки ее безоговорочно возродить, использовать для легитимизации новых государственных институтов, идеологии и политики дистанцирования от России, нередко ставят лидеров государства в двусмысленное положение. Начиная с апологетики антисоветской и антикоммунистической борьбы, они вынужденно соскальзывают на апологетику коллаборационизма и литовских младших партнеров и союзников нацизма.

Все попытки найти «третий путь» между нацизмом и коммунизмом оканчивались, как правило, неудачей в конкретных исторических условиях. Миф о преемственности литовской национальной демократии нуждался и нуждается в подпитке убедительными историческими аргументами. Но в реальных условиях политической поляризации, вооруженного противоборства середины XX века история просто не оставила пространства для его существования.

На референдуме 14.6.1992 г. граждане независимой Литвы проголосовали за возмещение ущерба от «советской оккупации», а принятый в 2000 году закон обязал правительство инициировать переговоры с РФ по этому вопросу. Правительственная комиссия подсчитала ущерб в 80 млрд литов (1 евро = 3,4528 лита). Такая вот «моральная ответственность», выраженная в круглых цифрах.

Не спешите смеяться. Правительство В.Черномырдина в 90-е годы выплатило несколько сот миллионов у.е. в качестве царских долгов в пользу рантье Франции, например. И оснований требовать выплату «долгов» у французов было на порядок меньше, чем у литовцев.

Впрочем, рядовые литовцы — реалисты. Опросы, проведенные в Литве, показывают, что 83,7% жителей Литвы не верят в то, что Россия будет возмещать т.н. ущерб от т.н. «оккупации». Верят 13,4%; 2,9% не имеют определенного мнения.

Но идея «вины русских» жива в литовском массовом

сознании, интенсивно обрабатываемом последние 17—20 лет. 47% опрошенных считают важнее моральную компенсацию, 46,8% считают важнее финансовую компенсацию. 49,4% респондентов уверены, что диалог с Россией следует начинать с моральной компенсации «ущерба от оккупации СССР». 69,9% считают, что РФ несет ответственность за преступления, совершенные СССР. Противоположного мнения придерживаются 25,6% опрошенных.

Поясню, что для меня лично этически означает позиция г-на Раджвиласа и литовских парламентариев о «вине русских». Я, русский, должен извиняться перед литовцем Витаутасом Раджвиласом за то, что в 1943 году, в том числе и литовские, полицаи-каратели расстреляли моих деда с бабкой — мирных крестьян Себежского района Псковской области во время операции «Зимнее волшебство», и выплачивать их потомкам репарации за эти убийства. Уж не знаю, принимал ли кто-нибудь из предков литовского либерала и «защитника прав человека» личное участие в этой «правозащитной операции», осуществляемой под эгидой вермахта...

«Литва будет настаивать на признании Россией факта советской оккупации и на возмещении нанесенного этой оккупацией ущерба», — заявил президент страны Валдас Адамкус, выступая на заседании коллегии МИДа Литвы.

О да, г-ну Адамкусу «оккупация», вероятно, нанесла еще и моральный ущерб, когда он с оружием в руках воевал на стороне гитлеровской Германии и даже участвовал в боях с Красной Армией. Больше таким послужным списком не может похвастаться ни один из действующих президентов европейских стран. Да и мира, наверное. Только хорошая физическая подготовка и навыки стайера сохранили драгоценную жизнь нынешнего президента независимой Литвы, о чем он сам написал в мемуарах, впрочем, предпочитая особо не распространяться на данную тему.

Может, ущерб — это возвращение Литве оккупированного Польшей Вильнюса, захваченного Мемеля—Клайпеды, которые добрососедская Польша и не менее добрая Германия отобрали у независимой Литвы? Да, за такие преступления нужно строго взыскать с России — правопреемницы СССР и злодеяний его руководителей.

«Кстати, о Вильно. На каком основании Сталин эту белорусскую столицу, население которой на 80% состояло из белорусов, отдал Летуве?» — пишет некий «национально ориентированный» белорусский историк.

Не будем влезать в семейные споры независимых национальных демократов-европейцев о том, кто именно является законным наследником Великого Княжества Литовского. Или основным претендентом на подаренный Литве политикой Сталина — Молотова — Риббентропа Вильнюс, современные белорусы или жемайты с аукштайтами, «незаконно присвоившими и историю, и бренд».

Ибо история часто доказывала, что когда независимые и самостоятельные европейцы дерутся — у русских чубы трещат! Пора сделать выводы?

С монотонной частотой приходится наткнуться в западных СМИ на такие трактовки истории взаимоотношений Прибалтийских государств и СССР: «Полувековая советская оккупация, во время которой Кремль расстрелял тысячи прибалтов, сотни тысяч сослал в сибирские лагеря».

Журналисту, автору этой цитаты, если он честный человек, я бы посоветовал просто поинтересоваться количеством прибалтов, участвовавших в вооруженной борьбе с войсками антигитлеровской коалиции на стороне стран Оси.

Газета *Latvijas avoze* недавно опубликовала рассказ одного из латышских легионеров Леопольда Рубиса, сначала отправленного в Германию обучаться обращению с пушками и зенитными установками. Леопольд попал в легион, в первой же битве был ранен, однако

воевать продолжил — в тот день легионеры подбили пять русских танков. «Если бы мы тогда не воевали у латвийской границы, то те 200 000 латышей, которые успели спастись в Швеции, Германии, Америке, были бы схвачены в Курземе и отправлены в Сибирь», — считает бывший легионер. Во времена советской власти Леопольд Рубис был сослан в Комсомольск-на-Амуре — строить железную дорогу.

Изучая подобную статистику и читая подобные убийственные самопризнания, мне иногда кажется, что в СССР даже во времена Сталина чрезмерно миндальничали с коллаборационистами, фашистами и прочими, с оружием в руках совершавшими преступления против прав человека и человечности. И тем более я бы не рискнул изображать всех репрессированных невинными мирными жертвами сталинского произвола и НКВД—МГБ, как это весьма часто делается в прибалтийской и западной печати и публицистике.

На 1 октября 1942 года только полицейские силы Эстонии составляли 10,4 тысячи человек, к которым был прикомандирован 591 немец. В различных формированиях на стороне Германии во Второй мировой войне сражалось порядка 90 тысяч эстонцев (около 30 тысяч в подразделениях СС). В частях немецкой армии и других подразделениях служило порядка 50 тысяч литовцев и 150 тысяч латышей. Только на территории Эстонии было порядка 140 концлагерей. В Тартуском лагере уничтожено 12 тысяч человек. В концлагере в Клоога было убито около 8 тысяч. С 1941 по 1944 год было убито от 120 до 140 тысяч евреев, русских, украинцев, белорусов и людей других национальностей. Уже в феврале 1942 года Эстония была объявлена свободной от евреев. По разным оценкам, из пятитысячной еврейской общины Эстонии в живых осталось не более 500 человек. Эстонские отряды «Омакайтсе» и «полицаи» славились своей жестокостью. На территории Эстонии погибло от 60 до 70 тысяч советских солдат в боях за освобождение

от нацистской Германии. Каков процент потерь приходится на долю эстонских коллаборационистов из различных военных и полувоенных формирований?

Количественно участие представителей Прибалтики вполне соотносимо с «вкладом» в войну на стороне стран Оси, например, Финляндии. А ведь Финляндия была принуждена к выплате репараций в пользу СССР. Мне кажется, что вопрос о том, кто и кому обязан выплачивать репарации, является не столь однозначным, как кажется некоторым прибалтийским парламентариям и президентам. И ссылки на отсутствие независимости в то время не являются универсальной индульгенцией на все преступления, совершенные коллаборационистами.

Пока что мои призывы и записки российским политикам о необходимости создать комиссию при Федеральном собрании по подсчету ущерба, понесенного Советским Союзом от военной, карательной, охранной, мародерской и иной деятельности коллаборационистов Прибалтики во время войны и после войны, не осознаются как серьезная политическая и экономическая проблема.

Пока.

Но она может внезапно встать перед российскими парламентариями. И нужно быть готовыми к тому, что вопрос о том, кто и кому нанес больший ущерб, вдруг окажется на повестке дня каких-нибудь переговоров.

Недавно в Европейский суд по правам человека направлен иск против Хорватии от граждан Боснии и Герцеговины. Они требуют выплатить им компенсацию за содержание в концлагерях на территории Хорватии в годы Второй мировой войны. По словам главы ассоциации узников войны Гойко Кнезевича, иск подан от имени около 7300 этнических сербов, а также мусульман, евреев и хорватов. Кнезевич отметил, что около 90 процентов истцов составляют бывшие узники концлагерей, а остальные являются их близкими родственника-

ми. Кнезевич заявил, что истцы требуют выплатить им от 10 до 15 тысяч евро на каждого за геноцид и военные преступления, совершенные Независимым Государством Хорватия. В Загребе утверждают, что нынешняя Хорватия является правопреемницей республики, существовавшей в составе Социалистической Федеративной Югославии, а не государства, созданного нацистами после немецкой оккупации Югославии. Так что литовцы могут очень серьезно просчитаться со своими исками.

По оценкам историков, в концлагерях на территории Независимого Государства Хорватия в годы войны были уничтожены сотни тысяч сербов, евреев, цыган и антифашистски настроенных хорватов. Думаю, понятно, что в рамках единой Югославии подобная проблема просто не могла возникнуть.

Ну и еще детали, чтобы поставить точки над «i» на вопросе об «оккупации» Прибалтики: из секретного меморандума министра иностранных дел Великобритании Антони Идена от 28 января 1942 года, разосланного для ознакомления членам английского правительства: «б) с чисто стратегической точки зрения как раз в наших интересах, чтобы Россия снова обосновалась в Прибалтике с тем, чтобы иметь возможность лучше оспаривать у Германии господство в Балтийском море, чем она могла это делать с 1918 года, когда для доступа к Балтийскому морю имелся только Кронштадт». «Из отчета начальника русского отдела английского Министерства информации о его беседе с президентом Чехословакии Эдуардом Бенешем, состоявшейся 29 января 1942 года: «Сегодня я был у г-на Бенеша, чтобы познакомиться с его взглядами на отношения с Россией и на послевоенные намерения России. Сообщаю кратко все сказанное Бенешем в течение этой беседы: 5. «Что касается прибалтийских государств, то я, как представитель малой нации, естественно, сочувствую их стремлению к независимости. Одновременно, будучи реалистом, я считаю, что нельзя надеяться на то, чтобы такая крупная держа-

ва, как Россия, отказалась сама от доступа к Прибалтике и контроля над нею. Поскольку русские не проводят политику национального угнетения, я полагаю, что нам нужно согласиться на то, чтобы Прибалтийские государства перешли под советский суверенитет».

То, что казалось очевидным политикам военных лет, подвергается сегодня ревизии с применением этической аргументации.

Разрушенная Варшава и освобожденный Париж

Рассмотрим еще одно часто встречающееся обвинение в адрес Советской Армии — о том, что они не пришли на помощь восставшей 1 августа 1944 года Варшаве во главе с генералом Тадеушем Бур-Комаровским. Восстание было потоплено в крови, город уничтожен, 2 октября восставшие капитулировали. Нередко, для усиления контраста, используется пример «освобождения восставшего Парижа дивизией генерала Филиппа Леклерка». Вновь сделаю оговорку: я не отнимаю хлеб у военных историков и профессионалов, чья задача взвешивать все плюсы и минусы, реальные и мнимые возможности освобождения Варшавы с ходу в 1944 году. Оценивать потенциальную цену такой операции в десятках, а может, сотнях тысяч солдатских жизней наших отцов и дедов. Я коснусь лишь этических вопросов пропагандистских интерпретаций, связанных с уничтожением Варшавы и освобождением Парижа.

«А войска Красной Армии спокойно ждали в варшавском предместье Праге», — пишет в своих мемуарах американский генерал Омар Брэдли.

Но даже в мемуарах самого Брэдли просачивается правда, показывающая, что нередко война на Западе вообще не была похожа на войну на Востоке.

Вот, например, пассажи о причинах остановок в наступлении американских и английских войск:

«Нехватка в живой силе вынудила нас замедлить темп продвижения, и наши войска... завязли в грязи», «прошла неделя, но уровень воды в Руре не понижался, и мы решили подождать еще неделю». Бернард Монгомери настаивал на том, чтобы его обеспечили солидными запасами, перед тем как начать преодоление этой водной преграды. И вообще приказы «удерживать занятые позиции, пока не будут созданы запасы, позволяющие возобновить наступление», — это, судя по мемуарам, было нормой в армии союзников.

Войскам Белорусского фронта, измотанным непрерывным 40-дневным наступлением, понесшим тяжелые потери, оторвавшимся от баз, не имевшим адекватной авиаподдержки, союзные генералы почему-то отказывают в наличии веских причин для невозможности взятия Варшавы «с ходу».

Хотя тут же пишут, что любая задержка наступления на Западе приводила к тому, что «немцы получили бы возможность нанести удар Красной Армии, сосредоточивавшей свои войска на Висле». Впрочем, даже после «успешного контрудара» в Арденнах немцы отошли на линию Зигфрида. И «еще девять немецких дивизий было переброшены на русский фронт».

А что произошло в Париже?

Еще недавно в советской официальной истории освобождение Парижа трактовалось так: «Дуайт Эйзенхауэр приказал 2-й французской танковой дивизии генерала Филиппа Леклерка двинуться на Париж. Передовые части этого соединения вступили в столицу лишь 24 августа вечером, когда победа восставших уже стала очевидной».

Понятно, что роль «восставшего народа» для идеологизированной истории не грех было и преувеличивать. «Правильно восставшего народа». В Варшаве восстал «неправильный народ», под командованием «непра-

вильных генералов», ориентированных на «неправильное правительство». Поэтому данное восстание с легкой руки Иосифа Сталина было охарактеризовано как «варшавская авантюра», затеянная «группой преступников» «ради захвата власти».

Но вот генеральный консул Швеции и генерал Омар Брэдли уверяют, что комендант Парижа Дитрих фон Хольтиц и руководители Сопротивления просто заключили взаимовыгодную сделку, устраивавшую обе стороны. «Немецкий комендант Парижа признавал правительство, выдвинутое восставшими, а французы брали на себя только одно обязательство — прекратить стрельбу по немецким войскам», впрочем, и та и другая стороны не были в состоянии сдерживать многочисленных стычек. Разозленный генерал заявил, что «я никогда не сдамся нерегулярной армии». Шведский консул решил, что «если немецкий комендант не хочет иметь дела с нерегулярной армией, то, может быть, он войдет в переговоры с армией союзников... что дало бы фон Хольтицу возможность с честью сдать столицу Франции. Фон Хольтиц принял предложение шведа, он даже выразил готовность в целях безопасности послать офицера, который бы провел делегатов через немецкие линии».

Омар Брэдли не без иронии пишет: «Мне гораздо легче было послать на Париж любое количество американских дивизий, но я намеренно избрал французские части», впрочем, бронетанковая дивизия Леклерка «медленно пробиралась сквозь толпы французов, на всем пути население встречало ее вином и бурными приветствиями. Я не мог осудить французских солдат за то, что они отвечали на приветствия своих соотечественников, но я также не мог ждать, пока они продефилируют до Парижа. Мы должны были выполнить условия соглашения с Хольтицем».

«К черту престиж, сказал я наконец... отдайте приказ 4-й (американской. — *А.Ю.*) дивизии выступить и осво-

бодить город... Узнав об этом приказе и испугавшись за честь Франции, танкисты Леклерка сели в свои машины и быстро двинулись вперед».

Собственно, поэтому освободителем Парижа считается французский генерал Филипп Леклерк, пришедший на помощь восставшим парижанам...

Может, кто-то усмотрит в такой интерпретации, отличной от советских трактовок, попытку принизить подвиг и героизм французского Сопротивления. Но подвиг несводим к чиновничье-крючкотворскому вопросу: кому персонально сдался комендант Парижа, столь щепетильный в вопросах офицерской чести, как он ее понимал.

В конце концов, если цена сохранения Парижа и нескольких тысяч жизней его граждан была таковой, то я ловлю себя на том, что я поступил бы так же, как генералы Омар Брэдли, Джозеф Паттон, Филипп Леклерк, пойдя на символические уступки столь щепетильному в вопросах воинской чести немецкому генералу.

Какую историю мы должны преподавать своим детям?

Я не встречал в западной прессе предложений общественной о том, чтоб красочное и драматическое описание операции «Катапульта» внести во все французские и английские школьные учебники и сделать частью исторической памяти французов и англичан.

Она, общественность, в основном озабочена поддержкой претензий к России. Польских претензий, английских, американских, литовских, эстонских и всех прочих претензий. Либеральная отечественная общественность им, по мере сил, в этом помогает. И возмущается школьными учебниками, в которых наши отцы и деды не изображены «плохими парнями», только и ду-

мавшими, как бы учинить соседям и согражданам какое-нибудь злодеяние.

Общественность жаждет «исторической правды», как она ее понимает.

Вернемся к фильму о расстреле польских офицеров в Катыни.

«Замысел режиссера блистательно передают актеры... На протяжении всей картины звучит музыка Кшиштофа Пендерецкого».

«На первом плане обычные люди, терзаемые болью. Персонально Анджей Вайда никого не осуждает, и тем более в картине нет антироссийского настроения. Только правда, какая она есть». «Он был готов к вооруженной борьбе. За правду. В том-то и актуальность картины. Ни один народ не может быть истинно свободным, если живет под гнетом неприкрытой и откровенной лжи. И эта мысль актуальна для всех времен». Это цитаты из рецензий. Из российских рецензий.

Если принять на веру тезис об «исторической правде», можно, пожалуй, лишь умилиться культуртрегерской миссии польских посольств и консульств. Например, в Белоруссии, готовых «на халяву» угощать белорусскую интеллигенцию (на языке специалистов по пропаганде эта целевая аудитория, правда, называется более прозаично — «лидеры мнения», и их задача — формировать взгляды и отношение рядовых граждан) шедеврами кинематографа.

«В эту субботу Польское консульство в Бресте провело классную пиар-акцию с идеологическим подтекстом, пригласив на просмотр фильма Анджея Вайды «Катынь» в Бяло-Подляску культурных брестчан. Ехало четыре «Неоплана» и два бусика. Разумеется, многие из ехавших не скрывали, что желание их скорее посетить торговые центры, нежели проникнуться творчеством польского режиссера. Но... Тем не менее фильм пришлось отсмотреть».

Это цитата из Живого Журнала белорусского демократа.

Еще одна цитата: «Солдат польской армии добровольно-принудительно повели строем в кино — смотреть фильм «Катень» в рамках политической подготовки бойцов».

Чтобы понять, для чего это делается, добавим еще шепотку правды? Голый нецензурируемой правды с польских сайтов и интернет-форумов об отношении современных поляков к России и современным русским:

Krusnik 02: И что делает ЕС? Вместо того чтобы политически сгноить Россию, поджигает хвост, потому что у Владимира есть ядерные бомбы и газовый вентиль.

Eguk.wiking: Во имя чего Польша теперь разговаривает с Россией, как с нормальной страной? Во имя золотого тельца, презрев принципы. Тьфу.

Krakus 24a: Москали — это дикая страна, а самые смешные — те, кто хочет с ними разговаривать. Только ядерная бомба или снайпер вылечат Россию.

Mackdaddy: Методы времен чисток и показательных процессов времен Сталина, когда его любимчики Ежов, Берия и Абакумов приказывали давать гнусные показания против всех, даже против собственных детей. В России все еще царит чекистский менталитет, у этой страны нет никаких шансов.

Superbenek: За это и другие многочисленные случаи нарушения прав человека Россия должна быть удалена с международной арены. Но это не выгодно, поэтому ее продолжают принимать в приличном обществе...

Bartezuma: История эта показывает, какая дистанция отделяет Россию от Европы. Россия — это страна, приспособливающая законы и нормы к собственной выгоде, к своим «прихотям». Страна, которая по уровню цивилизованности может быть поставлена в один ряд с Ираном, Афганистаном и Северной Кореей.

Flamengista: Дикая страна. Современная Россия немногим отличается от царской России — то же «уваже-

ние» прав человека, та же элита, которая при любой попытке стать самостоятельной может быть ликвидирована. К сожалению, русским это вполне подходит. Страна более-менее развивается, но они живут под диктатурой. Хуже всего то, что им это совсем не мешает. Для русских естественно быть нацией рабов, лишь бы это была могущественная нация и подавляла другие.

Gekon 1979: Кацапобольшевия должна быть изолирована от мира, тогда там сдохнет 50% кацапства, а вторая половина, может быть, станет людьми (но я в этом сомневаюсь). Я согласен с предыдущими ораторами, что на эту заразу, какой является кацапство, есть только одно средство — ядерные бомбы, о диалоге не может быть и речи. Следует закрыть границу и изолировать их. Может быть, с помощью Великобритании это удастся.

Kinskyart: Страшное место, страшные люди.

Sabaku.no.gaaga: В этом народе столько же демократии, сколько воды в сите. Ну и, к сожалению, москали настолько сумасшедшие, что если бы, например, заблокировать границу кацапам, то главный кацап запустит ядерную бомбу куда-нибудь в Европу. Но после литра водки на завтрак это не удивительно. ЕС и даже США действительно боятся конфликтовать с Россией, но только потому, что заботятся о своем народе.

«Политически сгноить», «дикая ненормальная сумасшедшая страна», «нация рабов», «ядерная бомба или снайпер», «изолирована от мира», «нелюди»...

Культурные высокоморальные люди, не правда ли? И наверняка все посмотрели уже фильм Вайды, в котором, как уверяют российские рецензенты, нет ни грамма русофобии и выведен даже один русский офицер в качестве положительного героя. Какая уж тут русофобия?

Обратите внимание, что речь уже не идет о Советах, а именно о «кацапах-русских». Это очень важно для избавления нас с вами от иллюзий, что ненависть Запада к стране объяснялась, как нас уверяют отечественные

либералы, неприятием советской власти, Сталина, КГБ, КПСС...

Теперь понятно, зачем актуализируются и расчесываются до крови реальные и мнимые конфликты и споры? Ведь современные русские не причинили никакого зла этому поколению поляков. Да разве в современной политике это имеет значение? Разве современные сербы угрожали как-либо интересам США и стран НАТО, уничтожавших Сербию?

Учимся ли мы у истории? Трудно не согласиться с мыслью Элеоноры Рузвельт, которая вынесена в эпиграф статьи. Особенно когда видишь трогательную надежду польской интернет-публики на британских кровителей.

«Надежды юношей питают...»

Точно так же, вероятно, в 1939—1940 годах их деды надеялись на Англию и на Францию. Тем более горьким было разочарование.

В мемуарах польского офицера, пробиравшегося после оккупации Польши по Франции в Англию, немало интересных деталей о том, как воспринимали в 1940 году французы своих польских «союзников».

«При нашем появлении трое мужчин, находившихся в магазине, подняли руки. Один тут же ответил:

— Jawohl.

— На улице стоит ваш грузовик?

— Jawohl.

— Мы можем его взять?

— Jawohl.

— Но в нем корзины, вы можете их выгрузить?

— Jawohl.

Мужчины тут же вышли на улицу и стали поспешно разгружать грузовик.

Я обратил внимание, что один из них пристально изучает нас. Неожиданно он бросил корзины на землю и закричал:

— Это не Bouches! Это Polonaise!

Теперь и остальные поставили корзины и с удивле-

нием уставились на нас. Они обрушили на нас страшный поток ругательств. Тут же откуда ни возьмись появились еще французы и тоже стали всячески оскорблять нас... Я... увидел, что один из французов достал нож и собирается проткнуть шины. Сташек выстрелил в воздух. Все разбежались».

Далее мемуарист заходит в магазин:

«— Etes-vous Polonaise?

— Да.

— Вы хоть понимаете, что навлекли на нас? Мы ведем войну за ваш Данциг и «польский коридор». И к чему это привело? Les Bouches в Париже! Никогда не надо воевать за другие народы».

Русофобия автора процитированных мемуаров хотя бы понятна. «Я был воспитан в понимании, что немцы и русские мои враги, а моя священная обязанность как поляка — не щадить ни тех ни других», — честно пишет польский офицер Стефан Газел. Но вот на чем основана русофобия части современного поколения поляков? Думается, именно формирование «исторической памяти», заточенной под актуальные задачи сегодняшней польской элиты, как она их понимает, играет далеко не последнюю скрипку в формировании отношения к России и русским.

Нет, не снимут французские киношники такого фильма, да и не получить ему Оскара вовек! Как не снимут немецкие режиссеры «Дрезден», а японские «Хиросиму», а чешские «Мюнхен». Ибо «историческая правда» нужна сегодня далеко не всякая, а лишь строго дозированная и верно ориентированная. Это только в России модно снимать наполовину самооплевательские ленты вроде «Сволочей» или «9-й роты», не имеющие к реальной истории никакого отношения, способные вдохновить разве что дезертиров.

«Историческая правда» в качестве сырья для сегодняшней пропагандистской лжи. Вот правда из интернетного «Живого Журнала», например, не нужная ни Вайде, ни белорусским демократам: «Двоюродный пра-

дед с семьей жил на хуторе в белорусском Понеманье. Хутор был довольно глухой. Настолько глухой, что о том, что сменилась власть, пришла Красная Армия в 1939 году, прадед узнал только к Рождеству, когда случилось ему попасть в Лиду за покупками, которые он пытался сделать на польские злотые. Все взаимоотношения с новой властью свелись к тому, что старшего сына призвали в армию. Впрочем, он сам этого хотел. Ну, очень глухим был хутор. О приходе немцев узнали быстрее, потому как вблизи хутора шли бои. Оккупацию пережили относительно благополучно. В 1944 году Красная Армия вернулась. Уже в сентябре младшая из троих дочерей была отправлена в райцентр в школу. В ноябре хутор был сожжен, скот угнан, все жители (около 20 человек) убиты. Фронт был уже не близко, но расследованием занимались смершевцы. Хутор был уничтожен и ограблен одичавшим отрядом Армии Крайовой, состоявшим из кадровых польских офицеров. Помимо таких «подвигов» за ними числились еще и диверсии в тылу армии, которая примерно в это время вела бои в Западной Польше.

По слухам, когда отряд был блокирован, выживших в бою смершевцы расстреливали. Из уважения к благородному происхождению и офицерским званиям... Несмотря на то что полагалось вешать. Выжившая дочь моего прадеда уже много лет живет в Питере. Очень бодрая старушка.

Недавно польский премьер Ярослав Качиньский, поддержанный братом — президентом Лехом, предложил учитывать военные потери Польши при выработке системы голосования в ЕС, поскольку, по его мнению, если бы не война, население Польши составляло бы не 38, а 66 миллионов. Это привело участников саммита ЕС в Брюсселе в состояние ступора. Премьер-министр Люксембурга Жан-Клод Юнкер выразил мнение многих западноевропейцев, заметив по этому поводу: «Поражить настоящим. Когда все время смотришь в зеркало

заднего вида, это в конечном счете ничего хорошего не принесет».

Польско-российские отношения больше всего отягощает история, считают 56 процентов опрошенных в исследовании, проведенном польским пиарагентством Polonia. 52% поляков считают, что Россия должна разобраться с вопросами прошлого, особенно с темой Катыни, иначе хороших отношений с Польшей у нее не будет. 69% из них убеждены, что нужно простить россиянам Катынь. В этом вопросе согласны и молодые, и люди старшего поколения, разница между их ответами очень невелика.

Святейший синод Элладской православной церкви, многие общественные организации страны резко выступили против учебников по новой истории, введенных с этого учебного года в греческих гимназиях. Авторы учебника, по мнению экспертов, переборщили с толерантностью, аккуратно обойдя все вопросы отношений Греции с ее соседями. По сравнению со старыми учебниками, из нового исчез раздел о греческих новомучениках, убитых турками за веру, раздел о роли Церкви в национально-освободительном движении, в формировании новогреческой нации, почти ничего не говорится об антигурецких восстаниях греков, не упомянут геноцид греков и армян во время Первой мировой войны. Вскользь в учебнике говорится и о сопротивлении греков сперва фашистской Италии, а потом нацистской Германии во Второй мировой войне.

Так какую «историческую правду» мы должны преподавать детям?

Цивилизованные армии Запада и коварные варвары с Востока

«Везде, куда ступала нога англо-американских войск, их встречали как освободителей, и везде они обращались с местным населением уважительно и пристойно

(чего нельзя, конечно, сказать о наших советских союзниках)», — пишет в газете «Лос-Анджелес Таймс» американский преподаватель истории Университета имени Вандербильта Майкл Бесс, автор книги «Каленое железо выбора: моральные аспекты Второй мировой войны».

В массовом сознании создается контрастный образ насквозь пропитанных этикой гуманизма западных армий, которые только тем и занимались всю войну, что спасали «рядовых Райанов», и коварных, жестоких, не знающих жалости мародеров и насильников красноармейцев.

Да что там союзники. Даже сателлиты Германии, например Финляндия, якобы являли собой в войне образец рыцарства и благородства. Не раз на сайтах военной истории приходилось слышать, например, мысль о благородном поведении европейцев-финнов, участвовавших в походе Гитлера на СССР якобы «не на всю катушку». Они якобы вели свою, «особую войну». Тем более что командовал ими благородный царский генерал Карл Густав Маннергейм, а не сталинские комиссары.

Но в мемуарах того же Маннергейма мы читаем: «25 сентября 1942 года нам через посла США в Хельсинки была вручена нота, в которой сообщалось, что правительство вышеназванной страны выражает сомнение в том, что Финляндия позволит себе согласиться с нажимом немцев принять участие в операциях наступательного характера. Американский посол Шонефельд заметил, что заявление, в котором бы говорилось, что у финской армии нет намерений переходить за достигнутые к этому времени рубежи, произвело бы в Америке хорошее впечатление».

Уинстон Черчилль в своих мемуарах пишет, что «мы с Иденом сказали ему, что мы со своей стороны готовы дать финнам ясно понять, что мы объявим им войну, если они продвинулись в Россию далее своих границ 1918 года».

Как видим, пресловутая финская «сдержанность»

имела к морали, если вообще имела, намного меньшее отношение, нежели к политике и трезвому расчету.

Насчет гуманизма ВВС союзников автор мог бы ознакомиться с английскими парламентскими дебатами от 6 марта 1945 года по вопросам стратегических бомбардировок немецких городов. Там обсуждалась целесообразность уже проведенных бомбовых ударов по мирному населению, по жилым кварталам немецких городов. Военные историки считают, что в феврале 1945 года в Дрездене погибло не менее 135 тыс. человек (впрочем, официальной в ФРГ считается заниженная в разы цифра 35 тыс. человек). 23.2.1945, Пфорцхайм — около 20 тыс. погибших в огненной буре. До этого были аналогичные бомбардировки Гамбурга, Эльберфельда и других городов. 9—10 марта 1945 года в налете на Токио было уничтожено около 84 тыс. человек, в Хиросиме спустя 5 месяцев от атомной бомбардировки погибло 71 379 японцев. Бомбардировки других мирных городов, ставших символом варварства и безжалостности военных действий войн нового поколения, известны (по понятным причинам) намного больше.

Историки подсчитали для сравнения: аналогичный счет Люфтваффе был во всемирно известной Гернике — 90 человек, в не менее известных Ковентри — 380, в Роттердаме — 980 погибших.

Еще одно сопоставление. Перенесемся из Прибалтики и Польши в Грецию.

К осени 1944 года Греция почти на 90% была освобождена от оккупантов силами Сопротивления. Спустя две недели после выхода советских войск к болгаро-греческой границе 100-тысячный британский экспедиционный корпус по приказу Уинстона Черчилля высадился вблизи Афин. А через неделю англичане устроили кровавую бойню левым партизанам-антифашистам, объединенным в Демократическую Армию Освобождения Греции (ЭЛАС) численностью около 77 тыс. человек. Ее бойцы освободили Афины и примыкающий к ним

крупнейший порт Греции Пирей и не ждали удара со стороны англичан, которых считали союзниками. В ходе этих событий погибло свыше 30 тысяч греков. Но операция британских войск удалась: в Афины уже в октябре 1944-го вернули прозападное эмигрантское правительство.

Черчилль при этом признается, что «капитуляция Италии в сентябре 1943 года отразилась на всей расстановке сил в Греции. ЭЛАС сумела захватить основную часть итальянского снаряжения, включая вооружение целой дивизии, и добиться таким образом военного превосходства. Опасность коммунистического переворота в случае ухода немцев, который теперь стал вполне возможен, требовала неослабного внимания. Как в самой Греции, так и в греческих кругах за границей царило резко отрицательное отношение к монархии, которая санкционировала диктатуру генерала Иоанниса Метаксаса и тем самым прямо связала себя с режимом, ныне потерпевшим поражение».

Сэр Уинстон был уверен, что «законным выражением воли Греции не могут служить те или иные клики партизан, зачастую ничем не отличающиеся от бандитов, которые маскируются под спасителей родины».

Без этого образчика «уважительного и пристойного» обращения с населением трудно понять причины срыва заключенного Варкизского соглашения и т.н. «второго греческого сопротивления» 1949—1950 годов, потопленного в крови. Более 450 тысяч греков погибли, были вынуждены бежать из страны. Около 180 тысяч эмигрировали в СССР, Албанию, Болгарию...

Я привожу эти факты и цифры не для того, чтоб пристыдить, уязвить современных англичан и призвать их к покаянию перед греками. Или муссировать тему «моральной ответственности английского народа за темные страницы своей истории». Скорее показать, почему Армия Крайова или «лесные братья» в Прибалтике — это хорошие повстанцы, а левые антифашисты в

Греции — бандиты. Но когда в сотый раз натыкаешься в западной прессе на осуждение (с позиций высокой морали) репрессий со стороны Советов в отношении балтийских коллаборационистов и их родственников, от подобных сопоставлений не удержаться.

Памятники в роли преподавателей

Памятник — от слова «память», это символический узелок на памяти, метка истории. И когда люди бьются за восстановление, сооружение или демонтаж конкретного памятника, то идет война не просто памятников, идет борьба ценностей, этик, интерпретаций истории.

Мы наблюдали эту теснейшую взаимосвязь политики и памятниковоборчества в период разрушения СССР. Сегодня эта борьба ведется уже против России: в странах бывшего СССР, в бывших странах народной демократии, да и в самой России.

Предлоги могут быть разными: установленные в памятных местах танки или пушки в честь взятия тем или иным соединениям города сносились в рамках борьбы с «пропагандой милитаристского духа», многочисленных Лениных низвергали по «эстетическим причинам», дескать, не представляет художественной ценности...

Искатели «исторической правды», например, в той же Польше, недавно вдруг озаботились, что памятники павшим солдатам Красной Армии не соответствуют историческим прототипам, идеализируют советских солдат.

«В действительности солдаты Сталина выглядели иначе. Это были голодные оборванцы — американских консервов хватало не всем. Их вовсю косили болезни, потому что антибиотики и перевязочные средства, которые западные союзники слали вместе с этими консервами, Сталин приказал жечь прямо в Мурманске.

Настоящие советские солдаты, которых немилосерд-

но материли и колотили офицеры и расстреливали за любую провинность, шли на Берлин под дулами винтовок «заградотрядов» НКВД. Когда их гнали в атаку, их собственная артиллерия создавала огневую завесу не перед наступающими, а у них за спиной», — пишет в статье «Настоящий памятник солдату» в газете «Жечь Посполита» некий польский автор Рафал Земкевич.

Напомню, что одновременно эти же люди, захлебываясь от морального пафоса, негодуют и обвиняют, вопрошая, например, почему летом 1944 года советские войска, или в нынешней терминологии «голодные оборванцы», не поспешили на помощь восстанию в Варшаве.

Сегодня внукам и детям этих солдат при чтении строк про «голодных оборванцев» очень трудно понять, зачем вообще нужно было класть более 600 тыс. жизней наших солдат, наших отцов и дедов для освобождения Польши.

С тезисом о «голодных оборванцах» даже спорить не хочется. Действительно, форма эсэсовцев, не в пример потным, рваным и грязным гимнастеркам красноармейцев, была намного эстетичнее и гламурнее, являя вершину дизайнерского мастерства от Hugo Boss.

Да и что тут скажешь? Наверное, стоило бы больше тратить времени на приведение в порядок формы: помыться, погладить, дождаться подвоза из тыла новеньких начищенных сапог и ваксы, одеколону опять-таки. А то ведь Европа все ж таки, неудобно. Дресс-код нужно соблюдать и фейс-контроль пройти. Прошло всего несколько десятков лет, а потомки освобожденных от Гитлера поляков именуют освободителей «голодными оборванцами». Тоже, надо думать, в припадке поиска «исторической правды».

«Главной причиной их побед была почти безграничная готовность жертвовать людьми, которых бросали в бой, как пушечное мясо. В 1941—1942 годах Красная Армия зачастую теряла по 15 000 солдат в сутки. Таким образом, всего за неделю она могла понести такие же

потери, как англо-канадские войска в ходе всей кампании 1944—1945 годов на северо-западе Европы. Легенда о Великой Отечественной войне должна была оставаться незапятнанной — собственно, эту линию и сегодня продолжает Путин» — это характеристика советских союзников из «Таймс» в статье журналиста Макса Гастингса.

При чтении таких пассажей невольно возникает мысль о сослагательном наклонении в истории. А может, действительно не стоило «демонстрировать безграничную готовность жертвовать людьми» ради победы? Не жертвовали бы, не торопились бы — может, и не смог бы родиться пан Рафал Земкевич на польской земле и писать гаденькие строки многотысячными тиражами. А дополнительные жертвы несли бы, например, соотечественники гуманиста Макса Гастингса. Но это были бы уже, как принято теперь говорить, не наши проблемы...

Тем более к Германии у нынешних польских руководителей, как они неоднократно заявляли, никаких претензий нет. Все исторические претензии к России.

И как должен воспринимать рядовой россиянин и русский человек эти исторические галлюцинации достойных представителей стран — членов НАТО?

Думаете; что пан Земкевич одинок в странах бывшей народной демократии в своих оценках? Сегодня, в эпоху Интернета, деонтологические информационные войны становятся «народными войнами», и политики НАТО это понимают не хуже американских или польских кинорежиссеров.

«На днях, шарясь по Интернету, наткнулся на чешский форум по Второй мировой войне, — пишет один из русских интернетчиков. — Там, среди прочих тем, увидел страницу, посвященную Сов. Армии. Увидел, и очень удивился. Оказывается, Советская Армия была «монгольской ордой», слово «освободители» пишется там именно так, в кавычках, а каждый второй из высказывающихся авторов пишет о том, как у его бабушки

русские дикари курицу отобрали или забор описали, да и вообще выглядели босотой — ни выправки немецкой, да и рожами не вышли. Жуть, одним словом, хуже фашистов. И никто не вспомнил о том, что вот именно эти российские мужики вернули им их государство!»

И добавить к последней фразе нечего.

В столице независимой Эстонии решили снести Бронзового солдата, воинское захоронение, стоящее (точнее, уже стоявшее) в центральной части города.

«Бронзовый солдат напоминает не победу над фашизмом, а победу одного преступника над другим. При этом оба хотели повелевать миром. Россия цепляется за этот миф с безумием тонущего», — разглагольствует историк Лаури Вахтре в газете «Ээсти Пяэвалехт».

«То, что сделали эстонские власти, было совершенно безвредным: они перенесли советский памятник солдатам Второй мировой войны из центра своей столицы Таллина на военное кладбище на другом конце города... надо понять как совершенно законное действие — перенос суверенным государством памятника в границах своей территории — могло заставить стольких разумных взрослых людей поддаться столь неразумному гневу», — удивлен Бенджамин Герман, юридический советник радио «Свобода» — «Свободная Европа».

Запад раздражает «нескончаемая истерия по поводу «осквернения» советского мемориала в Эстонии (на самом деле памятник был перенесен из центра города на военное кладбище и открыт на новом месте со всеми военными и государственными почестями)», — пишет некий журналист на страницах журнала «Тайм» в статье «Почему Путин так любит Вторую мировую войну?».

Как отмечается в том же заявлении Госдепартамента США, перенос памятников советским солдатам в Таллине является внутренним делом Эстонии.

Решение правительства Латвии о запрете ношения советских военных наград с «тоталитарной символикой» — попытка уничтожить еще одного символическо-

го воспитателя исторической памяти. После принятия такого решения меня стали интересовать два абстрактных вопроса. Если б в нынешнюю Латвию приехал генерал Дуайт Эйзенхауэр — президент США — при полном иконостасе боевых наград, среди которых, как известно, почетное место занимал и орден Победы в виде пятиконечной звезды, усыпанной бриллиантами, его бы арестовали за нарушение закона? А в случае ареста объявил бы Госдеп, что арест нарушителя латвийских законов является внутренним делом Латвии? Или бывший король Румынии Михай Первый Гогенцоллерн, который является единственным оставшимся в живых кавалером советского ордена Победы, посетит Латвию. Почтенный старец будет весьма и весьма удивлен в случае своего ареста, узнав о его причинах.

Советник посольства Эстонии Урве Неу: «В Эстонии ни правительство, ни люди не воевали с памятниками. Просто возникшую проблему хотели разрешить по-человечески».

Кто бы сомневался в цивилизованности и человечности эстонских властей? Они просто благоустроили город. Сначала в 1994 году установили в непосредственной близости от памятника автобусную остановку, а потом заявили, что памятник мешает движению и его нужно перенести в безлюдное место — на кладбище. Вполне «по-человечески» официальные лица стали распускать грязные сплетни о личностях погибших и покоящихся под памятником военнослужащих, об обстоятельствах их гибели. Вполне «по-человечески» убили российского гражданина — паренька, участвовавшего в протестах.

А эти неблагодарные русские стали протестовать против такой «человечности» без всяких на то оснований, обвиняя цивилизованные власти независимой Эстонии в уничтожении памятника. А еще до эпопеи с уничтожением памятника эстонское правительство приняло решение о выделении 375 тысяч эстонских крон Музею

борьбы за свободу в деревне Лагеди. Перед музеем находится памятник, изображающий солдата в нацистской униформе с эмблемой 20-й эстонской добровольческой дивизии СС. Надо думать, что это и есть памятник учителю человечности бывшего функционера КПСС, а ныне премьера Эстонии Адруса Ансипа и его сподвижников.

Обратите внимание, что я пишу об «уничтожении» памятника, не употребляя политкорректный термин «перенос». Далеко не каждое воинское захоронение есть памятник в полном смысле этого слова. Памятник может быть учителем истории, молчаливо формирующим историческое сознание сотням и тысячам людей, идущих мимо него в центре города. А может быть инвалидом, заброшенным на глухом воинском кладбище, которое посещает едва ли десяток людей в день. Мы ведь зажгли Вечный огонь над могилой неизвестного солдата в сердце Москвы у Кремля не просто так. Не захоронили его где-нибудь на одном из тихих московских кладбищ. Впрочем, так делают и во всем мире.

И именно такие памятники вызывают особую ненависть политизированной публики определенного толка. Несколько раз становился объектом нападений венгерских националистов памятник советским воинам в центре Будапешта. Последний раз он был поврежден во время антиправительственных демонстраций.

Но уничтожение памятников может осуществляться и без повреждений, через превращение их из живых и публичных символов истории в обычные воинские захоронения с надгробиями вполне цивилизованно, с воинским караулом, военным оркестром и возложением венков и букетов, с присутствием официальных лиц в форме их переноса «в более подходящее место».

Так что не надо особо тешить себя иллюзиями, когда мы читаем в прессе, что в Риге аналогичный перенос осуществлен с согласия и при участии Российского посольства, что «Россия дала согласие властям города Ка-

товице в Польше на перенос памятника советским воинам с центральной площади на военное кладбище» и т.д. И там и там идет демонтаж памяти о роли Красной Армии в Великой Отечественной войне.

По доступным данным, за пределами России на территории 49 государств находятся более 52 тысяч кладбищ, где покоятся 9 миллионов наших солдат, погибших в войнах XX века. Личности 80% погибших во Второй мировой войне не установлены. Только в Польше, помимо 600 тысяч солдат и офицеров, погибших в годы той войны, похоронены около 150 тысяч жертв Первой мировой, 12 тысяч красноармейцев, погибших в 1920-м. На финансирование проекта по установлению личностей и обеспечению сохранности памятников собираются выделять миллион долларов в год. Власти Германии только на реконструкцию памятника Воину-освободителю в Трептов-парке не пожалели полутора миллиона евро. Вероятно, лучше и глубже коллег из Польши или Прибалтики понимают педагогическую и воспитательную роль памятников в борьбе с идеологией фашизма.

«События в Таллине доводят, что памятники так и остаются старым инструментом чужой пропаганды. И пусть даже это старое оружие, что висит на стене или же стоит на автобусной остановке. Только вот стреляет оно в сердце государственности страны, расшатывая и так непрочный суверенитет страны. А вдруг завтра на очереди Украина? Наличие Лениных или Воинов-освободителей во многих украинских городах делает всех украинских граждан заложниками СССР», — пишет, например, «незалежный» политолог Виталий Мороз в «Украинской правде».

На Украине издан плакат с изображением молотобойца рядом с надписью, вопиющей (естественно, по-украински): «На Украине 20 000 памятников тоталитаризма. Пора освобождаться». Националистической партии «Свобода» направили запрос с требованием демон-

тировать памятник русскому полководцу Михаилу Кутузову, установленный напротив педагогического училища в городе Броды. И так далее.

Ну, кто бы усомнился, что памятник Михаилу Кутузову тоже памятник тоталитаризма. Ведь именно он не дал Украине воссоединиться с демократической Европой во время «освободительного похода на Россию» в 1812 году носителя европейских ценностей и европейского выбора Наполеона I Бонапарта.

Перестает ли смердяковщина быть смердяковщиной лишь оттого, что ее теперь политкорректно именуют «европейским выбором»?

У фашизоидных националистов есть и совершенно аполитичные помощники. Так, СМИ писали об осквернении памятника рижскому докеру, бывшему латышскому стрелку Жанису Липке, на лесном кладбище в Риге. Он спас во время войны 56 человек из еврейского гетто, ежедневно рискуя собственной жизнью. Его имя занесено в энциклопедию «100 выдающихся жителей Латвии». В Израиле его почитают как «праведника народов мира». Преступники признали свою вину. Ранее судимый Роланд Гобиныш (1974 г. р.) приговорен к лишению свободы на три года и один месяц, а Вячеслав Фадеев (1981 г. р.) — на три года. Украденный ими с памятника бронзовый барельеф весом около 60 кг сдали в ближайший пункт приема металлов, получив за него 100 латов.

Не будем в данной ситуации обвинять в потворстве антисемитизму и фашизму власти Латвии.

Почитаем российскую уголовную хронику последних лет. Суд Бурейского района Приамурья приговорил жителя поселка Новобурейский Романа Панченко к лишению свободы сроком на два года и восемь месяцев за осквернение памятника воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, и хищение с него цветного металла. В октябре 2006 года подростки разгромили солдатский мемориал в поселке Ивот Дятьковского

района. Ради цветного металла в марте 2006 года в Брянске от памятника с Покровской горы были похищены гусли с фигуры Бояна. Милиция Тобольска в пятницу установила личность хулигана, повредившего в прошлом году памятник героям сказки Ершова «Конек-горбунок». Вандалом оказался 19-летний житель Тобольска. Вандалам все равно, что Боян, что Конек-горбунок, что воинский мемориал.

Список можно продолжать до бесконечности.

И все же. Уверен, что если расправу над памятниками позволяют себе власти различного уровня некоторых стран, то... это же будут практиковать и рядовые граждане? И разница между политиканом-русофобом и мародером, который ради получения лишних 100 лет в пункте приема цветных металлов готов ограбить памятник, чисто количественная.

«Все, что на свете сделано руками,
Рукам под силу обратить во слом.
Но дело в том, что сам собою камень —
Он не бывает ни добром, ни злом»,

— писал в свое время об уничтожении памятников фронтовик Александр Твардовский.

Что мы хотим увековечить улицей Валленберга

Еще один сюжет на тему памятников и памяти: эпопея с Раулем Валленбергом — шведским дипломатом (по совместительству агентом USS — американской разведки). Его именем уже назван институт в Санкт-Петербурге, улицы в Будапеште, Мукачево.

Широко известно, что дипломат-разведчик спас от лагерей смерти многих евреев в Венгрии, бывшей надежнейшим сателлитом нацистской Германии. Израиль решил не только назвать улицу в Иерусалиме в честь Валленберга, но даже ввести параграф о его судьбе в

программу по истории для средней школы. В 1963 году Валленберг был объявлен «праведником среди народов», а также почетным гражданином Израиля. В 1981-м он стал также почетным гражданином США, когда в палату представителей США от одного из калифорнийских округов был избран Том Лантош, один из тех, кто был спасен Валленбергом.

В конце 2007 года российские правозащитники направили властям Москвы письмо, в котором, мотивируя тем, что «имя «Рауль Валленберг» олицетворяет для мира человека, который, не являясь евреем, героически и успешно защищал представителей этого народа от фашистского геноцида», предложили «назвать именем Рауля Валленберга одну из улиц Москвы». По их мнению, это был бы «акт, которым Мосгордума и правительство Москвы покажут, что наш народ и наша страна готовы и способны на историческую справедливость и что россияне хранят историческую память по отношению к тому замечательному человеку, одному из героев XX века».

«Валленберг совершал свой подвиг наедине с собой и с теми страшными обстоятельствами, в которых находился. Он был в эпицентре схватки двух бандитов, двух тиранических режимов. Его судьбу и предопределило восстание человеческой совести против тирании», — пафосно заявляет, например, правозащитник Сергей Ковалев. «Валленберг не нуждается в реабилитации, все знают, что он и так ни в чем не виноват!» — заявляет, например, в эфире радио «Свобода» другой правозащитник, забыв, что «все знают» не всегда есть аргумент в процессе выяснения истины.

Вопрос о Валленберге стал предметом международной политики. Израильские государственные лица активно вопрошают Россию о Рауле Валленберге. «Президент Израиля Моше Кацав заявил, что «Израиль и Швеция обязаны сделать все возможное для поиска информации о судьбе Рауля Валленберга», и пообещал за-

тронуть эту тему на своей встрече с президентом Владимиром Путиным, которая состоится во время визита израильского президента в Москву», — писала, например, израильская «Джерузалем пост» в 2005 году.

Посол Швеции также поддержал «инициативу» российских правозащитников о присвоении имени Рауля Валленберга московской улице.

Если хотя бы часть энергии общественности и американских сенаторов еврейского происхождения была бы направлена на изменение судьбы живых разведчиков, действующих в интересах еврейского государства. Возьмем для сопоставления судьбу Джонатана Полларда.

Бывший офицер разведки военно-морского флота США Джонатан Поллард работал в США на интересы Израиля. В ноябре 1985-го, опасаясь ареста, он вместе с женой попытался скрыться в посольстве Израиля в Вашингтоне, но не был пропущен охраной и выдан ФБР. Лишь спустя 10 лет, в 1995 году, ему было официально предоставлено израильское гражданство. В 1998-м Израиль впервые официально признал, что Поллард действовал по заданию израильских спецслужб. Официальный Израиль никогда не обращался с просьбой об освобождении Полларда. Единственным премьер-министром, предпринявшим некоторые усилия, был Беньямин Нетанияху, но и тот не довел дело до конца. 112 депутатов кнессета подписались под петицией в защиту Полларда, но глава правительства Ариэль Шарон отказался передавать ее американской администрации. Который уже год Поллард, немало сделавший для Израиля, находится в заключении в американской тюрьме как иностранный шпион...

Это пишут израильские же публицисты.

В свое время Франклин Делано Рузвельт заметил делегации американских евреев: вам следует определить, чьи интересы для вас важнее — американские или еврейские.

Попытаемся прояснить вопрос: почему же был аре-

стован Рауль Валленберг? И именно СМЕРШем, организацией, осуществляющей контрразведку? Из мемуаров руководителей разведки СССР (это могли легко узнать и инициаторы обращения в Мосдуму): «В 1945 году фронтовые органы СМЕРШ получили из Москвы ориентировку на Валленберга, в которой указывалось, что он подозревается в сотрудничестве с германской, американской и английской разведками, и предписывалось установить постоянное наблюдение за ним, отслеживать и изучать его контакты, прежде всего с немецкими спецслужбами».

Согласно сообщениям агента Кутузова, Рауль Валленберг активно сотрудничал с немецкой разведкой. Кутузов интерпретировал его поведение как двойную или даже тройную игру. Конечно, в таком рискованном деле — спасение евреев — необходимо было поддерживать тесные контакты с официальными лицами и немецкими спецслужбами в феврале 1945 года. «Белкин говорил мне о нескольких зафиксированных встречах Валленберга с начальником немецкой разведки Вальтером Шелленбергом», — пишет покойный генерал КГБ Павел Судоплатов.

Не менее важно другое. Сотрудник USS Рауль Валленберг проходил по оперативным материалам разведки и как доверенное лицо в ходе начавшихся в 1945 году тайных сепаратных переговоров о перемирии между представителями Германии, Англии и США за спиной Советского Союза, активной стороной которых был резидент УСС и будущий директор ЦРУ Ален Даллес. Рауль Валленберг рассматривался как важный свидетель закулисных связей деловых кругов Америки и фашистской Германии, а также спецслужб этих стран в годы войны. Когда союзники достигли тайной договоренности о круге обвинений, которые будут предъявлены руководителям Третьего рейха на Нюрнбергском процессе, надобность в Валленберге и его освобождении отпала.

«Генрих Гиммлер готовился вступить в переговоры с

союзниками, используя в качестве заложников 600 тыс. евреев, находящихся в Германии... нацисты искали посредников», — отмечают военные историки.

«Выяснение истины о деле Рауля Валленберга зависит в немалой степени и от шведской стороны, которая упорно отказывается предать гласности данные его отчетов о контактах с немецкими и американскими спецслужбами в 1941—1945 годах, — пишет Павел Судоплатов. — Как сказал мне финский историк Сеппо Изотало, в настоящее время в распоряжении шведских властей имеются скрываемые ими документы о выполнении Валленбергом задания американской разведки, а также о его участии по поручению своего дяди, финансового магната Маркуса Валленберга, в «отмывании» гитлеровцами захваченных ими богатств еврейского населения».

Что скрывать шведским властям относительно «рыцаря без страха и упрека»?

Или все же «рыцаря плаща и кинжала»?

Предок погибшего шведа Маркус Валленберг при посвящении в рыцари ордена Св. Серафима выбрал девиз: «Существовать, но невидимо».

Разведчик, журналист, писатель Лев Безыменский также в процессе личных встреч со многими активными участниками той самой секретной дипломатии упоминает Валленберга, «на которого ссылался Канарис» «на допросе в гестапо», среди тех звеньев, посредством которых пытались сформировать «совместное восстановление Европы, экономическое объединение европейских государств без России». (По протоколам следствия.)

Специалисты-историки хорошо знают о роли Уильяма Донована и Алена Даллеса, руководителей USS — начальников Р.Валленберга в этих не реализованных до 1945 года, но реализованных в ходе «холодной войны» попытках трансформировать противоестественную и «неправильную войну» в правильную — против СССР.

Впрочем, у Швеции были и другие скелеты в шкафу

военных лет. И они, кстати, тоже упоминаются в официальных биографиях Валленберга, отчаянно торговавшего за жизни евреев, «обещая крупные поставки в обмен на жизнь евреев» нацистам.

В книге Чарльза Хайема «Торговля с врагом» приводится немало интересных подробностей на этот счет, например о деятельности шведского концерна СКФ — крупнейшего производителя качественных шарикоподшипников (в каждом Фокке-Вульффе, например, было 4 тыс. шарикоподшипников). Президентом СКФ был Свен Уингквест, приятель Геринга и герцога Уиндзорского (правившего в 1936 году в Англии под именем Эдуарда VIII), а крупнейшим держателем акций — принадлежащий Якобу Валленбергу — двоюродному дяде Рауля Валленберга «Стокгольмс эншильда банк», который фактически контролировал значительную часть промышленности Швеции. Директорами американского филиала треста СКФ всю войну были троюродный брат жены Геринга Гуго фон Розен и Уильям Бэт.

«14 октября 1943 года, когда командующий армейской авиацией США генерал Генри Арнольд отдал приказ совершить воздушный налет на гигантский завод СКФ в Швайнфурте, его ждал удар: противник каким-то образом узнал о предстоящей бомбардировке. И в результате этот рейд стоил Америке шестидесяти самолетов. 19 октября Арнольд без обиняков заявил лондонской газете «Ньюс кроникл»: «Они бы не смогли организовать оборону, если бы не были предупреждены заранее». «Командующий стратегическими ВВС США в Европе генерал Карл Спаатс не находил себе места от ярости: после налета на Швайнфурт шведы — с официального согласия британских и американских властей — утроили свои поставки Германии». «В последние месяцы наша авиация предприняла шестнадцать массированных налетов с единственной целью — разрушить производственные мощности по выпуску шарикоподшипников в Германии. Однако в то время, как мы це-

ной огромных потерь в самолетах и пилотах уничтожаем германское производство, враг продолжает получать необходимую продукцию из Швеции. Шведские поставки Германии в 1943 году побили все рекорды».

В апреле 1944 года министерству финансов США наконец удалось вырвать у Дина Ачесона согласие послать кого-нибудь в Швецию и попытаться выторговать у «Эншильда банк» отказ от поставок Германии.

Участники переговоров «в угрюмом правлении «Эншильда банк», увешанном фамильными портретами Валленбергов», оставили некоторые подробности. «Гарольд Хамберг (один из управляющих концерна СКФ) сделал вид, что не знает, о чем идет речь: «С чего вы взяли, что наши шарикоподшипники помогают убивать американских юношей?» Тогда вице-президент Красного Креста Дуглас Поутит и член делегации, вытащив пригоршню подшипников и высыпав их на стол, спросил: «Где они изготовлены?» Хамберг тщательно рассматривал лежавшую перед ним россыпь железок. «В Швеции», — ответил он наконец. Глядя Хамбергу прямо в глаза, Поутит отчеканил: «Все они извлечены из обломков немецкого самолета, сбитого над Лондоном».

Американские военные эксперты, изучив деятельность корпорации СКФ, сделали вывод, что СКФ «способствовал снабжению латиноамериканских стран в ущерб текущим военным заказам США и вел торговлю в Соединенных Штатах, руководствуясь долгосрочными деловыми интересами компании, а не потребностями военного производства страны». Впрочем, ради справедливости отметим, что в разных количествах СКФ снабжал шарикоподшипниками и Германию, и союзников, включая СССР. Бизнес есть бизнес.

Пятая часть снарядов, выпущенных по американцам, была изготовлена из шведской железной руды. Количество железной руды, завозившейся в Германию из Швеции и Норвегии в первые месяцы войны, составляло две трети от общего количества, необходимого для Гер-

мании; по данным экспертов, в 1943 году из добытых в Швеции 10,8 млн тонн железной руды в Германию было отправлено 10,3 млн тонн. Поставлялись еще чугуны, сталь, целлюлоза, шарикоподшипники.

Не будем давать однозначного ответа на вопрос, который еще ждет своего беспристрастного исследователя: достаточны ли заслуги американского разведчика-дипломата шведского происхождения для наименования улиц в столице России. Сам вопрос жесток, циничен и некорректен. Но сколькими жизнями солдат антигитлеровской коалиции, включая наших отцов и дедов, оплачена спасенная Раулем Валленбергом (увеличением поставок из Швеции) жизнь каждого еврея будапештского гетто?

И если для выживших евреев Венгрии и Израиля или США Р. Валленберг — безусловный герой, является ли он безусловным и однозначным героем для граждан России любой национальности? Ведь снаряды из шведской стали или истребитель Люфтваффе со шведскими подшипниками Валленбергов не разбирали: еврей ты, грузин или русский...

Не поспешили ли авторы обращения с формулировками, предлагающими властям Москвы в 2007 году доказывать наименованием улиц, что «наш народ и наша страна готовы и способны на историческую справедливость»?

Я не уверен, что лично у меня и у многих российских граждан, включая еще живущих ветеранов, такие же понятия об исторической справедливости, как у правозащитников-подписантов. Кстати, одной из версий, по которой семейство Валленбергов не спешило содействовать его активному освобождению, был тот факт, что, по словам его сводного брата Ги фон Дарделя (в интервью Шведскому телеграфному агентству): «Причина состояла в том, что империя Валленбергов осуществляла в конце Второй мировой войны крупные дела в

Венгрии и Германии, о которых Рауль знал, возможно, слишком много».

13 января 2001 года в Москве во дворе Библиотеки иностранной литературы был открыт памятник Раулю Валленбергу, на месте даты смерти которого стоит возпросительный знак.

Жизнь и нашего, и иностранного разведчика всегда полна риска. Смертельного риска. Знать бы еще точно: чью память мы собираемся увековечивать? Погибшего гуманиста (вроде Альберта Швейцера или Януша Корчака) или разведчика из USS, игравшего в очень опасные для СССР и единства антигитлеровской коалиции игры. Одного из звеньев налаживания через контакты спецслужб закулисных связей между стремившимся избежать гибели Третьим рейхом и мюнхенским крылом экономической и политической элиты США и стран Европы? Разведчика, в конце концов угодившего в объятия советских спецслужб, работавших над разрушением таких планов.

Или сформулируем проблему еще циничней и проще? На реальный характер деятельности Валленберга наплевать, но в центре столицы кому-то очень нужен памятник-воспитатель — фактор формирования «вины русских» за «совершенные злодеяния»? Схема весьма удобная: человек, понимаете, евреев спасал, а его за это (?) в тюрьме уничтожили... Покаяться нужно.

Чтобы четко определиться в этом вопросе, нужно понять: чьи интересы мы ставим во главу угла — интересы России, ее граждан, упрочения нашей исторической памяти или что-то иное?

Запад и Россия. Опять противостояние?

«Пятнадцать лет назад граждане России свергли тиранию коммунизма и, казалось, выбрали путь построения демократии, свободного рынка и присоединения к

Западу, — считает кандидат в американские президенты Джон Маккейн. — Однако сегодня мы видим меньше политических свобод, захват власти кликой бывших разведчиков, агрессивность по отношению к демократическим соседям, например к Грузии, попытки манипулировать зависимостью Европы от нефти и газа. Западу необходимо выработать новый ответ реваншизму России. Для начала мы должны вернуться к тому, чтобы «большая восьмерка» вновь стала клубом рыночных демократий: необходимо включить в нее Бразилию и Индию, но исключить Россию». Позиция тем более показательная, что среди советников Маккейна — четыре бывших госсекретаря, которые имеют репутацию прагматиков. Это Генри Киссинджер, Джордж Шульц, Лоуренс Иглбергер и Колин Пауэлл.

«То, что Путин публично участвует в торжествах, посвященных основателю советской тайной полиции, официально возражает против признания на Украине актом геноцида массового голода, вызванного сталинской коллективизацией, и негативно относится к тому, что в Прибалтике и Польше чтят память жертв массовых убийств, совершенных советскими властями, говорит о его весьма «избирательном» подходе к советскому прошлому», — замечает советник другого кандидата в американские президенты Збигнев Бжезинский.

Сравнительный анализ позиций этих разных советников вызывает ассоциации со сравнением вкусовых качеств редьки и хрена.

«Степень неприличия, которой при этом может достигнуть поведение России, будет зависеть от того, насколько жесткой реакции новый президент будет ожидать от других европейских лидеров, в том числе и от Брауна. Если Великобритания начнет колебаться в своем отношении к действиям России, то Москва, вероятнее всего, превратится для нас в еще более напористого и агрессивного партнера», — подсказывают доброхоты из «доброй старой Англии» линию поведения в отноше-

нии России. Точно такую же линию поведения, как в конце 30-х годов.

И отбросив всяческую дипломатию, современный польский автор, некто Вальдемар Лысяк, уверяет читателей в «Газете Польской», что «по одну сторону культура (латинская цивилизация), по другую — варварская деспотия, дикарство. Ныне эта граница проходит по Бугу».

Можно продолжать аналогичные цитаты недовольных самим фактом существования России авторов...

Нам эти цитаты важны для понимания причин интерпретации истории «неправильной» войны, которыми я иллюстрировал весь текст. «Неправильной» конфигурация Второй мировой войны получилась в силу ряда причин, включая личности Уинстона Черчилля и Франклина Делано Рузвельта, не пошедших тогда на секретный сговор с Гитлером или его преемниками. Но вероятность такого поворота событий была в некоторые моменты весьма высока. Были мощные силы, заинтересованные в изменении характера войны: в превращении ее в войну цивилизованного Запада против варварской коммунистической «жидобольшевистской» России-СССР. История, конечно же, не знает сослагательного наклонения. Но если б у власти оказался не Черчилль, а кто-нибудь вроде Невилля Чемберлена или Сэмюэля Хора? Не имели бы мы в 1940-х годах совместного похода против СССР европейской коалиции, в которой эсэсовцы маршировали бок о бок с английскими «томми» и польскими «жолнежами»?

На протяжении всей войны, особенно в конце ее, эти силы прилагали массу усилий, чтобы изменить характер войны, переориентировать ее. «Фашистские заправилы предпринимают отчаянные попытки внести разлад в лагерь антигитлеровской коалиции и тем самым затянуть войну, — отмечал в феврале 1944 года Иосиф Сталин. — Гитлеровские дипломаты носятся из одной нейтральной страны в другую, стремятся завязать связи с прогитлеровскими элементами, намекая на воз-

можность сепаратного мира то с нашим государством, то с нашими союзниками. Все эти уловки гитлеровцев обречены на провал...»

Есть немало оснований рассматривать поход Гитлера на Восток как общеевропейский поход покоренной Гитлером Европы на Россию, как это с полным на то основанием сделал в своих работах Вадим Кожинов.

«Из существовавших к июню 1941 года двух десятков (если не считать «карликовых») европейских стран почти половина, девять стран — Испания, Италия, Дания, Норвегия, Венгрия, Румыния, Словакия (отделившаяся и в то время от Чехии), Финляндия, Хорватия (выделенная и тогда из Югославии) — совместно с Германией вступили в войну с СССР—Россией, послав на Восточный фронт свои вооруженные силы (правда, Дания и Испания в отличие от других перечисленных стран сделали это без официального объявления войны). Национальную принадлежность всех тех, кто погибал в сражениях на русском фронте, установить трудно или даже невозможно. Но вот состав военнослужащих, взятых в плен нашей армией в ходе войны: из общего количества 3 770 290 военнопленных основную массу составляли, конечно, германцы (немцы и австрийцы) — 2 546 242 человека; 766 901 человек принадлежали к другим объявившим нам войну нациям (венгры, румыны, итальянцы, финны и т. д.), но еще 464 147 военнопленных — то есть почти полмиллиона! — это французы, бельгийцы, чехи, поляки и представители других вроде бы не воевавших с нами европейских наций!

Во Франции, например, которую традиционно считают жертвой нацизма, воевало на стороне Германии 500 тыс. человек, а в Сопротивлении 200 тысяч. О роли коллаборационистов, которых сегодня пытаются записать в национальные герои, которым воздвигают памятники, уже было сказано.

«Не позднее марта 1945 года Черчилль отдал приказ собирать трофейное немецкое оружие и складировать

его для возможного использования против СССР. Тогда же им был отдан приказ о разработке операции «Немыслимое» — плана войны против Советского Союза, которая должна была начаться 1 июля 1945 года силами 112—113 дивизий, включая дюжину дивизий вермахта, что сдались англичанам и нерасформированными были переведены в лагеря в земле Шлезвиг-Гольштейн и Южной Дании. Там их держали в готовности до весны 1946 года. Группа военных во главе с Эйзенхауэром корпела над планом «Тотэлити» — ведения всеохватывающей войны с Советским Союзом, рассчитанной на уничтожение российского государства. Тогда же, в конце 1945 года, стартовало систематическое разведывание советской территории авиацией США», — пишет Валентин Фалин, компетентный и весьма информированный автор.

Дальше были фултонская речь Уинстона Черчилля и начало «холодной войны».

Одно время на Западе было модным поветрием сравнивать постсоветскую Россию с Веймарской Германией. Не знаю, насколько обоснована метафора «Веймарской России», но есть резон подумать, не является ли сегодняшняя Европа «Мюнхенской Европой»?

История не повторяется?

Поход на Россию Гитлера совсем не являлся повторением похода Наполеона.

Или являлся?

Та же логика. То же самомнение. И та же судьба.

Косовары совсем не похожи на судетских немцев, чьи лозунги национального самоопределения стали мотивом к расчленению независимой Чехословакии и послужили «оправданием» линии поведения Невилля Чемберлена и Эдуарда Даладьё в Мюнхене.

НАТО совсем не является повторением Оси.

Но риторика о мировом лидерстве вовсе не обязана повторять риторику о мировом господстве избранной расы. Другие времена — другие песни.

Настораживает реанимация мифа о «восточной угрозе». Уже не коммунистической, но русско-имперской, которая, как «докажут» тамошние политологи и журналисты, органически связана с угрозой советских времен.

В центре Стокгольма, в городской Ратуше, открылась выставка «Война после войны: антисоветское вооруженное сопротивление литовцев в 1944—1953 годах». Ее открыл в ноябре 2007 года президент Литвы, находившийся там с официальным визитом в Швеции. Он отметил, что «после краха коммунизма некоторые стереотипы, созданные советской пропагандой, остались».

Министр образования Швеции Ян Бьорклунд заверил Валдаса Адамкуса, что с нового учебного года в шведских учебниках по истории будет глава, посвященная не только Холокосту, но и «преступлениям коммунизма».

Коллаборационистов, боровшихся с оружием в руках с армией антигитлеровской коалиции, по всей Европе уже привечают как борцов за свободу и национальную независимость. Впору делать вывод, что «после краха нацизма некоторые стереотипы, созданные нацистской пропагандой, остались».

И эти стереотипы нередко становятся путеводной нитью формирования отношения к России и русским на Западе.

Конечно, и в Европе, и в США есть немало трезвых политиков и государственных деятелей, аналитиков и экспертов, способных объективно и беспристрастно оценить ситуацию, действительный вектор своих национальных интересов, принимать во внимание законные национальные интересы России.

«Россия видит, как США и НАТО разворачивают свои базы в половине бывших советских республик, но при этом мы лишаем Россию права иметь любые законные интересы за пределами ее собственной территории». «На уровне рефлексов мы занимаем антироссий-

скую позицию. Большинство представителей нашего внешнеполитического истеблишмента выросли в советскую эру, занимаясь выработкой стратегии того, как окружить, ослабить и унижить Россию. Мы сделали все возможное, чтобы породить враждебность в отношениях с российским государством», — цитирует РИА Новости главу подкомитета по борьбе с терроризмом палаты представителей США Брэда Шермана.

С этими словами американского государственного деятеля трудно не согласиться.

Но разве в предвоенной Европе не было множества искренних сторонников сдерживания и нейтрализации нацистской угрозы агрессии в рамках системы коллективной безопасности?

История не знает сослагательного наклонения.

Но политика всегда многовариантна.

Несколько слов в заключение

Несколько лет назад мне пришлось играть в компьютерную игру, которая, кажется, называлась «Перестройка». Я был «у руля» на месте президента СССР и принимал решения, отвечая на реальные вызовы стране: экономические, политические, моральные... Признаюсь, я сыграл даже немного лучше Михаила Горбачева. Виртуальный ГКЧП сверг меня только в 1993 году, а не в 1991-м, как произошло в действительности. А я-то был уверен, что мое знание реальной истории позволит не делать ошибок, подправить и улучшить ход событий. На этом игра закончилась.

Кто-то сочтет весь этот текст без малого апологией Сталина и его политики.

Решайте сами.

Мне безразлично, когда воюют с покойниками, кем бы они ни были. Когда вешают на них даже те преступления, которых они не совершали. Легко свысока, ковы-

ря пальцем в носу, из XXI века раздавать оценки предкам: генералам, политикам — не так воевали, не то делали. Они платили своими судьбами и жизнями. И за победы, и за ошибки.

Нам нет смысла идеализировать их, рисовать их святыми, лишенными недостатков, слабостей, никогда не ошибавшимися. То, что они реально совершили, без всякой идеализации служит их защитой и апологией.

Нам бы, дай бог, оказаться на их уровне, быть достойными их памяти.

Может, это не они ужасные «совки», все делавшие «не так», как мы сегодня считаем нужным?

Может, это не они, а мы — наивные, инфантильные, не дотягивающие даже до плеча наших отцов и дедов, не имеющие никакого морального права их оценивать, не то что судить? Мы просто не способны понять всей сложности той трагической эпохи. Поставить себя на место людей, вынужденных принимать неоднозначные решения в конкретных условиях конкретной трагичной эпохи.

Не умеем даже учиться у истории?

Перечитаем еще раз слова супруги американского президента Элеоноры Рузвельт, вынесенные в эпиграф статьи.

Но история ли в этом виновата?

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Павел Сутулин.</i> 1941. Финляндия: жертва или агрессор?	5
<i>Владимир Куваев.</i> Загадки «начального периода»	54
<i>Александр Музафаров.</i> Двойная тайна 1941 года — паника в РККА — причины, следствия, загадки	73
<i>Александр Дюков.</i> Главная тайна армии Андерса	162
<i>Андрей Резяпкин.</i> Коричневые политруки вермахта	201
<i>Дмитрий Лысков.</i> «Капуста» на службе ревизионизма	234
<i>Максим Токарев.</i> Тайны ордена Победы	256
<i>Александр Юсуповский.</i> «Историческая правда» в роли пропагандистской лжи: деонтологическая война с Россией	319

ЗАГАДОЧНАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Военно-исторический сборник

Редактор-составитель *Г. Пернавский*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Г. Павлова*
Корректор *Л. Зубченко*

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.:(495)745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 28.07.2008.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бумага газетная. Усл. печ. л. 20,16. Тираж 5000 экз.
Заказ № 0817280.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:
International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**
E-mail: vlpzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «Н КП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 501-91-19.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Хотя о Великой Отечественной опубликованы целые библиотеки, эта величайшая трагедия XX века до сих пор остается во многом неизвестной, загадочной войной. До сих пор в ее истории хватает «белых пятен» и спорных моментов.

В новой книге проекта «Легенды и мифы Второй мировой» собраны статьи по самым острым, самым дискуссионным темам:

Готовился ли Советский Союз нанести превентивный удар по Германии?

В чем причины паники, поразившей Красную Армию в первые дни войны?

Следует ли считать Финляндию «жертвой агрессии»?

Зачем Вермахту нужны были собственные «коричневые» комиссары?

А также:

Тайная история ордена Победы;

Антисоветский миф об «изнасилованной Германии»;

Что такое «диверсантобязнь»?

В данной книге вы найдете ответы на все эти вопросы.

